

В. С. С.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ VIII.

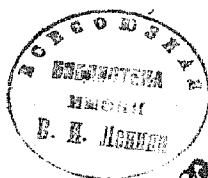
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Военной Типографіи Главнаго Штаба
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

1817 года.

Печашано

по ВЪСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

9-1861-26

И С Т О Р І Я

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

Т О М Ъ VIII:

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

Т О М Ъ VIII.

ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ И ЦАРЬ ІОАННЪ ІV ВАСИЛІЕВИЧЪ II.

Безпокойство Россіянъ о малолѣтствѣ Іоанна. Сосзванъ Государшвенной Думы. Главные Вельможи, Глинскій и Телешневъ. Присяга Іоанну. Заключение Князя Юрія Іоанновича. Общій спрахъ. Измѣна К. Симеона Вѣльскаго и Ляшцакаго. Заключение и смерть Мих. Глинскаго. Смерть Князя Юрія. Вѣгство, умысль и заключение К. Андрея Іоанновича. Казнь Бояръ и Дѣтей Боярскихъ. Смерть К. Андрея. Дѣла виѣшнія. Перемиріе съ Швеціею и съ Ливоніею. Молдавія. Посланникъ Турецкій. Астрахань. Дѣла Ногайскія. Посольство къ Карлу V. Присяга Казанцевъ. Гордый опяѣтъ Сигизмундовъ. Нападеніе Крымцевъ. Война съ Липвою. Исламъ господствуетъ въ Тавридѣ. Спроеніе крѣпостей въ Липовѣ. Набѣгъ Крымцевъ. Липовцы берутъ Гомель и Стародубъ. Мащезъ Казани. Шигъ-Алей въ милости. Война съ Казанью. Побѣда надъ Липвою. Крѣпости на Липов. границѣ. Перемиріе съ Липвою. Дѣла Крымскія. Смерть Ислама. Угрозы Саипъ-Гирея. Спроеніе Кишая-города и новыхъ крѣпостей. Переѣзна въ цѣны монеты. Общая мелюбовь къ Еленѣ. Кончина Правительницы.

Годъ 1533 - 1538.

Г. 1533.
Безпокой-
ство Рос-
сіяномъ
о лѣтѣ
сударя.

Не только искренняя любовь къ Василию производила общее съпованіе о безвременной кончинѣ его; но и страхъ, что будетъ съ Государствомъ? волновалъ души. Никогда Россія не имѣла сподъ малолѣтняго Властителя; никогда—если исключимъ древнюю, почти баснословную Ольгу—не видала своего кормила государственнаго въ рукахъ юной жены и чужеземки, Липовскаго, ненавистнаго рода. На пронѣ не бываетъ преданней: опасались Елениной неопытности, естественныхъ слабостей, приспирасія къ Глинскимъ, кои хъ имя напоминало измѣну. Хотя деснь придворная славилъ добродѣтели Великой Княгини, ея боголюбіе, милосердіе, справедливоснь, мужество сердца, пронцаніе ума и явное сходство съ безмерною супругою Игоря ⁽¹⁾; но благоразумные уже и тогда умѣли оплечать языкъ Двора и деснь опть языка истины: знали, что добродѣтель Царская, прудная и для мужа съ крѣпкими мышцами, еще гораздо пруднѣе для юной, нѣжной, чувствительной жены, болѣе подверженной дѣйствію слѣпыхъ, пылкихъ спрассей. Елена опиралась на Думу Боярскую: тамъ засѣдали опытные Совѣтники Трона; но Совѣтъ безъ Государя еснь какъ пѣло безъ главы: кому управлять его движеніемъ, сравнивать и рѣшать мнѣнія, обуздывать самолюбіе лицъ пользою общемо? Братья Государевы и двадцать Боярь знаменитыхъ соспавляли сію верховную Думу: Князя Бѣль-

скіе, Шуйскіе, Оболенскіе, Одоевскіе, Горбашинь, Пеньковъ, Кубенскій, Барбашинь, Микulinскій, Росповскій, Бушурлинъ, Воронцовъ, Захарьинъ, Морозовы; но нѣкоторые изъ нихъ, будучи обласными Намѣстниками, жили въ другихъ городахъ, и не присуществовали въ оной ⁽²⁾. Два человека казались важнѣе всѣхъ иныхъ по ихъ особенному вліянію на умъ Правительницы: спарецъ Михайлъ Глинскій, ея дядя, чеснотлюбивый, смѣлый, самимъ Василиемъ назначенный бысть ей главнымъ совѣтникомъ ⁽³⁾, и Конюшій Бояринъ, Князь Иванъ Федоровичъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій, юный дѣлами и подозрѣваемый въ сердечной связи съ Еленою ⁽⁴⁾. Полагали, что сіи два Вельможи, въ согласіи между собою, будучь законодателями Думы, которая рѣшила дѣла вѣшнія именемъ Іоанна, а дѣла внутреннія именемъ Великаго Князя и его матери ⁽⁵⁾.

Г. 1535.
Составъ
Государственной
Думы.

Главные
Вельможи
Глинскій
и Телепневъ.

Первымъ дѣйствіемъ новаго Правленія было торжественное собраніе Духовенства, Вельможъ и народа въ храмъ Успенскомъ, гдѣ Митрополитъ благословилъ Державнаго младенца властвовать надъ Россією и давалъ онъ четь единому Богу. Вельможи поднесли Іоанну дары, послали чиновниковъ во всѣ предѣлы Государства извѣстивъ гражданъ о кончинѣ Василія, и кляшвеннымъ обычаемъ утвердивъ ихъ въ вѣрности къ Іоанну ⁽⁶⁾.

Присяга
Іоанну.

Едва минула недѣля въ спрвахъ и надеждѣ, всеяемыхъ въ умы государственныхъ церемь-

Г. 1533.
Заключе-
ние Князя
Ю р і я
Иоанно-
вича.

нами, когда столица была поражена несчастною судьбою Князя Юрія Иоанновича Дмитриевского, старшаго дяди Государева, или оклеветаннаго или дѣйствительно уличеннаго въ тайныхъ ви, ахъ незаконнаго власнолюбія: ибо сказанія Лыпоцисцевъ несогласны. Пишущъ, что Князь Андрей Шуйскій, сидѣвъ прежде въ темницѣ за побѣтъ опть Государя въ Дмитровъ, былъ милоспиво освобожденъ вдовспивующею Великою Княгинею, но вздумалъ измѣнить ей, возвести Юрія на пресполь, и въ семь намѣреніи открылся Князю Борису Горбашому, усердному Вельможѣ, копорый съ гнѣвомъ изобразилъ ему всю гнусность такой измѣны. Шуйскій увидѣлъ свою неоспорожность, и боясь доноса, рѣшился прибѣгнуть къ безспидной лжи: объявилъ Еленѣ, что Юрій тайно подговариваетъ къ себѣ знапныхъ чиновниковъ, его самого и Князя Бориса, гоноваго немедленно уѣхать въ Дмитровъ. Князь Борисъ доказалъ клевету и замысль Шуйскаго возмущилъ спокойствіе Государства: первому изъявили благодарность, а вѣпораго посадили въ башню. Но Бояре, излишно оспорожные, представили Великой Княгинѣ, что если она хочетъ мирно царспивовать съ сыномъ, то должна заключить и Юрія, власподлюбиваго, привѣдливаго, любимаго многими людьми и весьма опаснаго для Государя-младенца. Елена, непресманно оплакивая супруга, сказала имъ: „вы видѣше мою

„горестъ: дѣлайте, что надобно для пользы Г. 1533.
 „Государства.“ Между шѣмъ иконопорые изъ
 вѣрныхъ слугъ Юріевыхъ, свѣдавъ о намѣреніи
 Бояръ Московскихъ, убѣждали Князя
 своего, совершенно невиннаго и спокойнаго,
 удалиться въ Дмитровъ. „Тамъ“ — говорили
 они — „никто не посмѣетъ косо взглянуть
 „на тебя; а здѣсь не минуешь бѣды.“ Юрій
 съ твердосіию отвѣтствовалъ: „Я прѣхалъ
 „въ Москву закрыть глаза Государю брану
 „и клядся въ вѣрности къ моему племян-
 „нику; не преснуцкую цѣлованія крестнаго
 „и гошовъ умереть въ своей правдѣ (7)“.

Но другое преданіе обвиняетъ Юрія,
 оправдывая Боярскую Думу. Увѣряютъ, что
 онъ дѣйствительно чрезъ Дьяка своего, Тиш-
 кова, подговаривалъ Князя Андрея Шуйскаго
 вступить къ нему въ службу. „Гдѣ же со-
 „вѣсть?“ сказалъ Шуйскій: „вчера Князь
 „вашъ цѣловалъ крестъ Государю Иоанну, а
 „нынѣ манитъ къ себѣ его слугъ.“ Дьякъ
 изъяснялъ, что сія клятва была невольная
 и незаконная; что Бояре, взявъ ее съ Юрія,
 сами не дали ему никакой, вопреки уславу
 о присягахъ взаимныхъ. Шуйскій извѣстилъ
 о томъ Князя Бориса Горбанаго, Князь
 Борисъ Думу, а Дума Елену, которая вельва
 Боярамъ дѣйствовашъ согласно съ ихъ обя-
 занностію (8).

Замѣтимъ, что первое сказаніе вѣрояптѣе:
 ибо Князь Андрей Шуйскій во все правленіе
 Елены сидѣлъ въ темницѣ (9). Какъ бы то

Г. 1533. ни было, 11 Декабря взяли Юрія, вмѣстѣ со всѣми его Боярами, подъ спиражу и заключили въ той самой паланкѣ, гдѣ кончила жизнь юный Великій Князь Димитрій. Предзнаменованіе бѣдспвенное! ему надлежало исполниться.

Общій о страшъ, Такое начало Правленія свидѣтельство- вало грозную его рѣшительность. Жалѣли о несчастномъ Юріи; боялись пиранства; а какъ Иоаннъ былъ единспвенно племемъ Государь, и самая Правительница дѣйство- вала по внушеніямъ Совѣта, но Россія ви- дѣла себя подъ жезломъ возникающей Оли- гархіи, которой мучительство есть самое опасное и самое несносное. Легче укрыться отъ одного, нежели отъ двадцати гониме- лей. Самодержецъ гнѣвный угодобляется раздраженному Божеству, предъ Коемъ на- добно только смиряться; но многочисленныя пираны не имѣютъ сей выгоды въ глазахъ на- рода: онъ видѣтъ въ нихъ людей ему подоб- ныхъ, и нѣтъ болѣе ненависти злоупотре- бленіе власти. Говорили, что Бояре хотѣли погубить Юрія, въ надеждѣ своевольство- вать, ко вреду опеченства (10); что другіе родспвенники Государевы должны ожидать такой же участи—и сіи мысли, естесствен- нымъ образомъ представляясь уму, сильно дѣйствовали не только на Юріева меньшаго брата, Андрея, но и на ихъ племянниковъ, Князей Бѣльскихъ, споль ласково поручен- ныхъ Василиемъ Боярамъ въ послѣднія мину-

пы его жизни, Князь Симеонъ Θεодоровичъ Бѣльскій и знаанный Окольникій Иванъ Липецкій, родомъ изъ Пруссіи, мужъ опытный въ дѣлахъ воинскихъ, готовили полки въ Серпуховѣ на случай войны съ Липвою: недовольные Правительствомъ, они сказали себѣ, что Россія не есть ихъ опечеснво (11), тайно снесся съ Королемъ Сигизмундомъ и бѣжали въ Липву. Сія неожиданная измѣна удивила Дворъ, и новыя жестокости были ей слѣдствиемъ. Князь Иванъ Бѣльскій, главный изъ Воеводъ и Членъ Верховнаго Совѣта, находился тогда въ Коломнѣ, учреждая станъ для войска: его и Князя Воропынскаго съ юными сыновьями взяли, окладывали цѣпями, започили какъ едипомышленниковъ Симеоновыхъ и Липецкаго, безъ улики, по крайней мѣрѣ безъ суда порожественнаго; но старшаго изъ Бѣльскихъ, Князя Димитрія, также Думнаго Боярина, оставили въ покоѣ какъ невиннаго. — Дополъ сципали Михаила Глинскаго душою и вождемъ Совѣта: съ изумленіемъ узнали, что онъ не могъ ни губить другихъ, ни спасти самого себя. Сей человекъ имѣлъ великодушіе, и бѣдственнымъ концемъ своимъ оправдалъ довѣренность къ нему Василіеву. Съ прискорбіемъ видя нескромную слабостъ Елены къ Князю Ивану Телешеву-Оболенскому, копорый, владея сердцемъ ея, хотѣлъ управлять и Думою и Государствомъ, Михайль, какъ нишунъ, смѣло и швердо говорилъ племянни-

Измѣна
Князя
Симеона
Бѣльскаго
и Липец-
каго.

Г. 1534.

Заключе-
ніе и
смершь
Михаила
Глинска-
го.

Г. 1534. цв о спыдѣ разврата, всегда гнуснаго, еще гнуснѣйшаго на провъ, гдѣ народъ ищеть добродѣтели, оправдывающей власпъ Самодержавную. Его не слушали, возненавидѣли и погубили. Телешневъ предложилъ: Елена согласилась, и Глинскій, обвиняемый въ мнѣномъ, цѣльномъ замыслѣ овладѣвъ Государствомъ, вмѣстѣ съ ближнимъ Бояриномъ и другомъ Василіевымъ, Михайломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, безъ сомнѣнія также добродѣтельнымъ, былъ лишенъ вольности, а скоро и жизни, въ той самой пемницѣ, гдѣ онъ сидѣлъ прежде⁽¹²⁾: мужъ знаменитый въ Евроцѣ умомъ и пылкими справами, счастливецъ и бѣдспівецъ, Вельможа и предапель двухъ Государствъ, помилованный Василіемъ для Елены и замученный Еленою, доспойный гибели измѣнника, доспойный и славы великодушнаго спрадальца въ одной и той же пемницѣ! Глинскаго схоронили, безъ всякой чести, въ церкви Св. Никиши за Неглинною; но одумались, вынули изъ земли и отвезли въ монастырь Троицкій, изгоповивъ тамъ приспойнѣйшую могилау для Государева дѣда; но Воронцовъ, только удаленный отъ Двора, пережилъ своихъ гонителей, Елену и Князя Ивана Телешнева: бывъ Намѣстникомъ Новгородскимъ, онъ умеръ уже въ 1539 году съ доспойнствомъ Думнаго Боярина⁽¹³⁾.

Еще младшій дядя Государевъ, Князь Андрей Иоанновичъ, будучи слабаго харакше-

ра и не имѣя никакихъ свойствъ блестящихъ, пользовался наружными знаками уваженія при Дворѣ и въ Совѣтѣ Боярѣ, копорые въ сношеніяхъ съ иными Державами давали ему имя перваго попечителя Государственнаго ⁽¹⁴⁾; но въ самомъ дѣлѣ онъ ни мало не участвовалъ въ правленіи; оплакивалъ судьбу брата, пренебрегалъ за себя и колебался въ нерѣшимости: по хотѣлъ милостей отъ Двора, по являлъ себя нескромнымъ его хулителемъ, слѣдуя внушеніямъ своихъ любимцевъ. Черезъ шесть недѣль по кончинѣ Великаго Князя, находясь еще въ Москвѣ, онъ смиренно билъ челомъ Еленѣ о прибавленіи новыхъ областей къ его Удѣлу: ему описали, по, согласно съ древнимъ обычаемъ, дали, въ память усопшаго, множество драгоценныхъ сосудовъ, шубъ, коней съ богатыми сѣдлами. Андрей уѣхалъ въ Спаричу, жалуясь на Правительницу. Вѣсповѣдники и наушники не дремали: одни сказывали сему Князю, что для него уже готовящъ пемницу; другіе доносили Еленѣ, что Андрей злословишь ее. Были разныя объясненія, для коихъ Бояринѣ, Князь Иванъ Шуйскій, ѣздилъ въ Спаричу и самъ Андрей въ Москву: увѣряли другъ друга въ любви, и съ обихъ споронъ не вѣрили словамъ, коня Минирополишь ручался за истину оныхъ. Елена желала знать, кто ссорилъ ее съ деверемъ? онъ не именовалъ никого, ошвѣдчивуя: „миѣ

„самоу такъ казалось!“ Разсудились ласково, но безъ искренняго примиренія.

Г. 1536.

Смерть
Князя
Юрія.

Въ сіе время — 26 Августа, 1536 года — Князь Юрій Иоанновичъ умеръ въ шемницѣ отъ голода, какъ пишунъ ⁽¹⁵⁾. Андрей былъ въ ужасѣ. Правительница звала его въ Москву на совѣтъ о дѣлахъ вышней подлипки: онъ сказался больнымъ и прѣбывалъ врача. Извѣстный лекаръ Теофиль не нашелъ въ немъ никакой важной болѣзни ⁽¹⁶⁾. Елену тайно извѣстили, что Андрей не смѣнетъ ѣхать въ синолицу и думаетъ бѣжать. Между тѣмъ сей несчастный писалъ къ ней: „Въ болѣзни и шокѣ я отбылъ ума и мысли. Согрѣй во мнѣ сердце милосіію. Не уже ли велишь Государь влачить меня ошюда на носилахъ?“ Елена послала Крушицкаго Владыку Досифея, вывести его изъ неосновательнаго страха, плч, въ случаѣ злаго намѣренія, объявить ему клятву церковную. Тогда же Бояринъ Андреевъ, отправленный имъ въ Москву, былъ задержанъ на пути, и Князя Оболенскіе, Никипа Хромый съ Колюшимъ Теленевымъ, предводившеся многочисленною дружиною, вспустили въ Волокъ, чтобы гнаться за бѣглецомъ, если

Г. 1537.

Досифеевы увѣщанія останутся бесполезными. Андрею сказали, что Оболенскіе идутъ схватить его: онъ немедленно выѣхалъ изъ Спарицы съ женою и съ юнымъ сыномъ; остановился въ шестидесяти верстахъ, думалъ, и рѣшился — быть преслушникомъ: со-

Бѣгство,
умысль
и за-
ключеніе
Князя Ан-
дрея Ио-
анновича.

братъ войско, овладѣвъ Новымгородомъ и всею Россією, буде возможно; послалъ грамоты къ обласнымъ Дьякамъ Боярскимъ и писалъ къ нимъ: „Великій Князь младенецъ; „вы служите только Боярамъ. Идите ко „мнѣ: я готовъ васъ жаловать.“ Многіе изъ нихъ дѣйствительно явились къ нему съ усердіемъ; другіе предспавили мятежныя грамоты въ Государственную Думу. Надлежало взять сильныя мѣры: Князь Никиша Оболенскій сѣвшилъ защитишь Новгородъ, а Князь Иванъ Телешневъ шелъ съ дружиною въ слѣдъ за Андреемъ, копорый, оспавивъ большую дорогу, поворочилъ влѣво къ Спарой Русь. Князь Иванъ настигъ его въ Тюхоль: уснроилъ воиновъ, распустилъ знамя и хопилъ начашъ бшнву. Андрей также вывелъ свою дружину, обнаживъ мечъ; но колебался и вспунилъ въ переговоры, пребуд кляпвы опъ Телешева, чшо Государь и Елена не будутъ ему мспшишь. Телешневъ далъ сію кляпву, и вмѣспъ съ нимъ прѣхалъ въ Москву, гдѣ Великая Княгиня, по словамъ Дьянописца, изьявила гнѣвъ своему любимцу, копорый будно бы самъ собою, безъ вѣдома Государева, увѣрилъ мятежника въ безопасности, и велѣла Андрея оковать, заключишь въ пѣсной паланѣ; къ Княгинѣ его и сыну приспавили спражу; Бояръ его, совѣшниковъ, вѣрныхъ слугъ пыпали, не смопряна ихъ знашній Княжескій санъ: нѣкопоре умерли въ мукахъ, иные въ пемницахъ;

Казнь Бояръ и Дѣшей Боярскихъ.

Г. 1537. а Дыпей Боярскихъ, взявшихъ сторону Андрееву, числомъ шрицданъ, повѣсили какъ измѣнниковъ на дорогѣ Новгородской, въ большомъ разстояніи одинъ отъ другаго. — Андрей имѣлъ участь брата: умеръ насильственную смертию чрезъ шесть мѣсяцевъ, и, подобно ему, былъ съ чѣстію погребенъ въ церкви Архангела Михаила. Онъ конечно заслуживалъ наказаніе, ибо дѣйствительно замышлялъ бунтъ; но казни тайныя всегда доказываютъ малодушную злобу, всегда незаконны, и приговорный гнѣвъ Елены на Князя Геленева не могъ оправдать вѣроломства.

Смерть
Князя Ан-
дрея.

Такимъ образомъ въ четиры года Еленина правленія именемъ юнаго Великаго Князя умертвили двухъ единоушробныхъ братьевъ его отца и дядю матери, брата внучащаго ввергнули въ пемницу, обезчестили множество знапныхъ родовъ шорговою казнію Андреевыхъ Боярь, между коими находились Князья Оболенскіе, Пронскій, Хованскій, Палецкій. Опасаясь гибельныхъ дѣйствій слабости въ малолѣтствѣ Государя Самодержавнаго, Елена считала жеспокоситъ швердосптію; но сколь послѣдняя, основанная на числомъ усердіи къ добру, необходима для государспвеннаго блага, столь первая вредна оному, возбуждая ненависть; а нѣтъ Правительсва, кошорое для своихъ успіховъ не имѣло бы нужды въ любви народной. — Елена предавалась одно время и нѣжностямъ незаконной любви и свирѣпству кровожадной злобы!

Въ дѣлахъ вѣншней Политики Правитель-дѣла
ница и Дума не уклонялись отъ системы <sup>полити-
ческія.</sup> Василевой: любили миръ и не спрашивались
войны.

Извѣстивъ сосѣдственныя Державы о вос- Г. 1536
песившіи Иоанновомъ на пресполь, Елена и — 1538.
Бояре утвердили дружественныя связи съ
Швецією, Ливонією, Молдавією, съ Князьями
Ногайскими и съ Царемъ Аспраханскимъ.
Въ 1535 и 1537 году Послы Гуспава Вазы
были въ Москвѣ съ привѣщеніемъ, отпра-
вились въ Новгородъ и заключили тамъ
шестидесяти - лѣтнее перемиріе (17). Гу-
спавъ обязался не помогать Ливоніи, ни <sup>Переми-
ріе съ
Швецією
и съ Ли-
вонією.</sup>
Ливонскому Ордену въ случаѣ ихъ войны съ
нами. Условились: 1) выслать Пословъ на
Оксу рѣку для возстановленія древнихъ гра-
ницъ, бывшихъ между Швецією и Россією
при Король Магнусъ; 2) Россіянамъ въ Шве-
ція, Шведамъ въ Россіи торговать свободно,
подъ охраненіемъ законовъ; 3) возвращать
бѣглецовъ съ обѣихъ сторонъ. Повѣренными
Гуспава были Кнутъ Андерсонъ и Біорнь
Классонъ, а Россійскими Князь Борисъ Гор-
башый и Михайло Семеновичъ Воронцовъ,
Думные Бояре, Намѣстники Новгородскіе,
копорые, въ 1535 году, утвердили миръ и
съ Ливонією на семнадцать лѣтъ (18). Уже
старецъ Шленшенбергъ, знаменитѣйшій изъ
всѣхъ Магистровъ Ордена, скончался: преем-
никъ его, Германъ Фонъ Брюггеней, и Риж-
скій Архіепископъ отъ имени всѣхъ Злато-

Г. 1554 *носцевъ или Рыцарей, Нѣмецкихъ Бояръ и Рат-*
 — 1538. *мановъ* Ливоніи убѣдительно молили Великаго
 Кнзя о дружбѣ и покровительствѣ. Успа-
 вили, чтобы рѣка Нарова, какъ и всегда, слу-
 жила границею между Ливонією и Россією;
 чтобы не прегянешивовашь взаимной торгов-
 ль никакими дѣйствіями насилія, и даже въ
 случаѣ самой войны не прогань куницевъ, ни
 ихъ досиованія; чтобы не казнили Россіянь въ
 Ливоніи, ни Ливонцевъ въ Россіи безъ вѣдома
 ихъ Правительствъ; чтобы Нѣмцы берегли
 церкви и жилища Русскія въ своихъ городахъ,
 и проч. Въ окончаніи договора сказано: „А
 „кпо преспушннть кляннву, на шого Богъ и
 „кляннва, морь, гладь, огнь и мечь.““

Воевода Молдавскій, Пеширь Стефановичь,
 также ревностно искалъ нашего покрови-
 тельства; хотя уже и кланнль дѣткую
 дань Султану, но еще именовался Госпо-
 даремъ вольнымъ: имѣль свою особенную
 политическую систему, воевалъ и мирил-
 ся, съ кѣмъ хотѣль, и правилъ землею
 какъ Самодержецъ. Россія единоврѣная
 могла вспунанься за него въ Констан-
 тинополь, въ Тавриду, и вмѣстѣ съ нимъ
 обуздывать Липву (19). Именитый Бояринь
 Молдавскій, Сунжарь, въ 1535 году былъ въ
 Москвь, а нашъ Посоль Заболоцкій ѣздилъ
 къ Пешру съ уврѣщенемъ, что Великій Кнзя
 не оставилъ его ни въ какомъ случаѣ. Рос-
 сія дѣйствительно имѣла въ немъ весьма
 усерднаго союзника противъ Сигизмунда,

кoмy oнъ не давалъ покоя, гошовый всегда разорялъ Польскія земли; но не могла бытъ ему шиномъ oнъ грознаго Солимана, кошовый (въ 1537 году) огнемъ и мечемъ опуcнoшилъ всю Молдавію, прѣбуя урогной, знатной дани и совершеннаго подданства oнъ жишелей. Они не смѣли прошивишься, однакожь вымолди у Сулимана право избиратьъ собсвенныхъ Владышелей, и еще около сна днѣ пользовались oнѣмъ (20). Турки взяли казну Господарскую, множество золота, нѣсколько Діадимъ, богатыхъ иконъ и кресновъ Стефана Великаго. Въ Москвѣ жалѣли о бѣдствіи сей единовѣрной Державы, не думая о способахъ облегчить ея судьбу. Правительница и Бояре не разсудили за благо возобновить сношенія съ Конспанниннополемъ, и Солиманъ (въ 1538 году) приславъ въ Москву Грека Андреяна для разныхъ покунокъ, въ ласковомъ письмѣ къ юному Іoанну жаловался на сію холодность, хвалясь своею дружбою съ его родышелемъ (21).

Къ Царю Аспраханскому, Абдыль-Рахману, послали Боярскаго Сына съ предложеніемъ союза: опасаясь и Хана Крымскаго и Ногаевъ, Царь съ благодарностію принялъ оное, но чрезъ нѣсколько мѣсцевъ лишился прона: Ногаи взяли Аспрахань, изгнали Абдыль-Рахмана, и на его мѣсто объявили Царемъ какого-то Дервешелея (22). Имѣя съ Россіею выгодный торгъ, Князя сихъ многочудныхъ спешныхъ Ордъ, Шидякъ,

Г. 1534
— 1538.

Поелан-
никъ Ту-
рецкій.

Аспра-
хань

Г. 1534
— 1558.

Дѣла Ногайскія.

Мамай, Кошумь и другіе, хопѣли бытъ въ мирѣ съ нею, но жаловались, что наши Козаки Меццерскіе не даютъ имъ покоя, тысячами опгоняютъ лошадей и берутъ людей въ плѣнь; претовали удовлетворенія, даровъ (собольихъ шубъ, суконь, досѣховъ), уваженія и чести: на примѣрь, чинобы Великій Князь называлъ ихъ въ шесмахъ *братьями* и *Государями*, какъ Хановъ не уснунающихъ въ досноисствѣ Крымскому, и посылалъ къ нимъ не малочинныхъ людей, а Боярь для переговоровъ; грозилъ, въ случаѣ отказа, меснію, напоминая, что опцы ихъ видали Москву, а дѣши также могутъ затянутъ въ ея сѣсны; хвалился, что у нихъ 500 тысячъ воиновъ, и дѣшаютъ какъ вшицы. Бояре обѣщали имъ управу и договаривались съ ними о свободной торговлѣ, которая обогащала Россію лошадьми и скотомъ: на примѣрь, съ Ногайскими Послами въ 1534 году было 5000 кущевъ и 50,000 лошадей, кромѣ другаго скота. Сверхъ того сіи Князья обѣщывались извѣщать Государя о движеніяхъ Крымской Орды и не впускать ея разбойниковъ въ наши предѣлы. Шейдякъ считалъ себя главою всѣхъ Ногаевъ и писалъ къ Иоанну, чинобы опъ давалъ ему, какъ Хану, *урокины поминки*. Бояре опвѣщивовали: „Государь жалуетъ и Хановъ и Князей, „смотря по ихъ *услугамъ*, а не даетъ ни „кому *урока*.“ Мамай, именуясь Кальгою Шейдяковымъ, опличался въ грамотахъ сво-

ихъ краснорѣчїемъ и какою-то Философією. Г. 1534
 Изъявляя Великому Князю сожалѣніе о кон- — 1536.
 чинѣ его родннелѣ, онъ говорилъ: „Любез-
 „ный братъ! не ты и не я произвели
 „смерть, но Адамъ и Ева. Онцы умирають,
 „дѣти наследуютъ ихъ достойаніе. Плачу
 „съ побою; но покоримся необходимости“
 (23)! Сїя Могайскія грамоты, писанныя вы-
 соконарнымъ слогомъ Воспочнымъ, показы-
 ваютъ нѣкоторое образованіе ума, замѣча-
 тельное въ народъ кочующемъ.

Правительница и Бояре хотѣли возобно- Посоль-
 вить дружественную связь и съ Императо- ство къ
 ромъ: въ 1538 году Послы наши, Юрій Карлу V.
 Скобельцынъ и Дмитрій Васильевъ, ѣздили
 къ Карлу V и къ его брату, Фердинанду,
 Королю Венгерскому и Богемскому (24). Мы
 не имѣемъ ихъ наказа и донесеній.

Но главнымъ предметомъ нашей Пол-
 тики были Таврида, Ливва и Казань. Юный
 Иоаннъ предлагалъ союзъ Хану Саишъ-Гирею,
 миръ Сигизмунду и покровительствово Еналею. Присяга
 Царь и народъ Казанскій новыми клятвен- К а з а н -
 ными грамотами обязались совершенно за- цевъ.
 висѣть отъ Россіи. Король Сигизмундъ оп-
 вѣщивовалъ гордо: „Могу согласиться на
 „миръ, если юный Великій Князь уважитъ Гордый
 „мою спароситъ и прищлеть своихъ По- ошвѣтъ
 „словъ ко мнѣ или на границу“ (25). Надѣясь С и г и з -
 воспользоваться малодѣлствомъ Иоанновымъ, мундовъ.
 Король пребывалъ всѣхъ городовъ, опяташихъ
 у него Василіемъ; предвидя опказъ, воору-

Г. 1534
— 1538.

Нападеніе
Крыма
Цевъ.

жался и склонилъ Хана къ союзу съ Лиц-
вою проптивъ Россіи. Еще гонецъ нашъ не
возвратился оиъ Сашиъ-Гирея, когда узнали
въ Москвѣ о впаденіи Татаръ Азовскихъ и
Крымскихъ въ Рязанскія области, гдѣ, на
берегахъ Прони, Воеводы Князя Пунковъ
и Гапевъ побили ихъ на голову ⁽²⁶⁾. За сей
первый воинскій успѣхъ Иоаннова государ-
ствования Воеводамъ порожесивенно изъя-
вили благоволеніе Великаго Князя.

Хотя, увѣренныя въ неминуюю войнѣ съ
Королемъ, Правительница и Бояре сѣвшили
изготовившися къ ней: но Сигизмундъ преду-
предилъ ихъ. Съ особенною милоснію принявъ
нашихъ измѣнниковъ, Князя Симеона Бѣльска-
го и Лицкаго, давъ имъ богатныя помѣстья
⁽²⁷⁾ и слушая ихъ рассказы о слабостяхъ Еле-
ны, о шираниствѣ Вельможъ, о неудоволь-
ствіи народа, Король замыслилъ вдругъ
ошнать у насъ всѣ Иоанновы и Василіевы
пріобрѣшенія въ Липовѣ. Киевскій Воевода,
Г. 1534.
Война съ
Лицвою.
Сентябрь
5.

Андрей Пымировъ, со многочисленною ратию
вспунивъ въ предѣлы Сѣверскіе, осадилъ
Спародубъ и выжегъ его предмѣстіе; но смѣ-
лая вылазка Россіянъ, подъ начальствомъ
храбраго мужа, Андрея Левина, такъ испу-
гала Липовцевъ, что они ушли въ безпорядкѣ,
а Намѣстникъ Спародубскій, Князь Алек-
сандръ Кашинъ, прислалъ въ Москву 40 не-
пріятельскихъ пушкарей со всѣмъ ихъ сна-
рядомъ и съ знашнымъ чиновникомъ Сухо-
дольскимъ, взятымъ въ плѣнъ. Чинобы загла-

дипь первую неудачу, Липовцы сожгли худо-
укрѣщенный Радогощь (гдѣ сгорѣлъ и муже-
ственнѣйшій Воевода Московскій, Мамвѣй Лы-
ковъ), цѣлили многихъ жителей, обесну-
чили Черинговъ и нѣсколько часовъ спрыляли
въ городъ изъ большихъ пушекъ. Тамъ былъ
Воеводою Князь Феодоръ Мезецкій, умный и
бодрый. Онъ не даль неприятелию приближнть-
ся къ спынамъ, искусно дѣйснвуя снарядомъ
огнеспрыльнымъ; и когда пальба ночью за-
тихла, выславъ Черинговцевъ ударнть на
спынь Липовскій, гдѣ сіе неожиданное на-
паденіе произвело страшную превогу: нтом-
ные, сонные Липовцы едва могли оборонять-
ся; во нтьмъ убивали другъ друга; бѣжали во
всѣ стороны; оставили намъ въ добычу обозъ
и пушки. На разсвѣтѣ уже не было ни одного
непріятеля подѣ городомъ: Снгузмупдовъ Вое-
вода съ опчаяніемъ и спыдомъ ушелъ въ Кіевъ.
Такъ Король обманулся въ своей надеждѣ за-
воевать Украину, беззащитную, какъ ему
говорили наши измѣнники, Бѣльскій и Лянц-
кій. Въ поже время другой Воевода его,
Князь Александръ Вишневецкій, явился подѣ
спынами Смоленска: тамошнній Намѣспникъ,^{13 Септя-}
Князь Нкнпа Оболенскій, не даль ему сжечь
посада, опразилъ и гналъ его нѣсколько
верспъ⁽²⁸⁾.

бр.

Узнавъ о сихъ непріятельскихъ дѣйснвіяхъ,
наша Боярская Дума, въ присунствіи юнаго
Великаго Князя и Елены, пребовала благо-
словенія опъ Мнспрополипа на войну съ Ли-

Г. 1534. швою; а Митрополитъ, обратясь къ Державному младенцу, сказала: „Государь! защищи себя и насъ. Дѣйсвуй: мы будемъ молишься. Гибель зачинающему, а въ правдѣ „Богъ помощникъ!“ Полки въ глубокую осень выспутили изъ Москвы, съ двумя главными Воеводами, Князьями Михайломъ Горбашимъ и Никишою Оболенскимъ; любимецъ Елены, Телещевъ, жедая славы мужества, вель передовой полкъ. Опъ гранць Смоленска запыдали села и предмѣстїя городовъ Липовскихъ: Дубровны, Орши, Друцка, Борисова. Не встрѣчая непрїателя въ полѣ, и не занимаясь осадю крѣпостей, Воеводы Московскіе съ орнемъ и мечемъ дошли до Молодечны, гдѣ присоединидся къ нимъ, съ Новгородцами и Псковичьянами, Намѣстникъ Князь Борисъ Горбашій, опуспошивъ всѣ мѣсна вокругъ Полоцка, Выпеска, Бряслава. Не смотря на глубокіе снѣга и жестокіе морозы, они пошли къ Вильнѣ: тамъ находился самъ Король, вспревоженный близоспїю враговъ; заболшлся, приказываль, и не могъ ничего сдѣлать Россїянамъ, копхъ было окодо 150,000 (29) Легкіе опряды ихъ жгли и грабили въ пятнадцати верстахъ опъ Вильны. Но Воеводы наши, довольные его ужасомъ и разоренїемъ Липвы—испробивъ въ ней жилища и жипедей, скопъ и хлѣбъ, до предѣловъ Ливонїи,—не пошерявъ ни одного человека въ бпшвѣ, съ плѣнниками и добычею возвращидся въ Россїю, чрезъ обласнь Псковскую,

28 Октя-
бра.

въ началѣ Марта. — Другіе Воеводы, Князья Г. 1534.
 Федоръ Телешевъ и Гросненскіе, ходили изъ
 Спародуба къ Мозырю, Турову, Могилеву, и
 съ такимъ же успѣхомъ: вездѣ жгли, убивали,
 пѣнили, и нигдѣ не сражались ⁽³⁰⁾. Не лич-
 ная слабосиъ преснарьмаго Сигизмунда, но
 государственная слабосиъ Липвы объяснить
 для насъ возможность такихъ испребишель-
 ныхъ *воинскихъ прогулокъ*. Не было успро-
 еннаго, всегдашняго войска; надлежало со-
 биранъ его долго, и Правительство Липов-
 ское не имѣло способвъ нашего — то есиъ,
 сильнаго, швердаго Самодержавія; а Польша,
 съ своими вельможными Панами сославляя
 еще особенное Королевство, неохотно во-
 оружалась для защиты Липвы. Къ чести Рос-
 сіянъ Лытописецъ сказываеиъ, что они въ
 грабежахъ своихъ не касались церквей право-
 славныхъ, и многихъ единовѣрцевъ великоду-
 шно опускали изъ пѣна.

Слѣствиемъ Липовскаго союза съ Ханомъ
 было то, что Царевичъ Исламъ возспаль
 на Саиъ-Гирея за Россію, какъ шипунъ ⁽³¹⁾,
 вспомиивъ спарую съ нами дружбу; прекло-
 нилъ къ себѣ Вельможъ, свергнувъ Хаца и
 началъ господствовати подь именемъ Царя;
 а Саиъ засѣлъ въ Киркорь, объявивъ Ислама
 мяпежникомъ, и надвѣлся смирить его съ
 помощію Султана. Ся перемѣна казалась для
 насъ счастливою: Исламъ, боясь Турковъ,
 предложилъ тиъсный союзъ Великому Князю,
 и писалъ, что 20,000 Крышцевъ уже вою-

Исламъ
 господ-
 ствуетъ
 въ Таври-
 дѣ.

юшъ Литву. Бояре Московскіе, неперпѣливо желая воспользоваться такимъ добрымъ расположеніемъ новаго Хана, велѣли вхашъ Князю Александру Спиригину Посломъ въ Тавриду: сей чиновникъ своевольно оспался въ Новгородкѣ и написалъ къ Великому Князю, что Исламъ обманываетъ насъ: будучи единствен-но Кальгою, именуется Царемъ, и не давши, въ присущившіи Литовскаго Посла Горноспавича, далъ Сигизмунду клятву быти врагомъ Россіи, исполняя волю Сани-Гирееву. Сіе извѣстіе было несправедливо: Спиригину объявили гнѣвъ Государевъ, и вмѣсто его опсправили Князя Мезецкаго къ Исламу, чтобы какъ можно скорѣе утвердиль съ нимъ важный для насъ союзъ. Ханъ не замедлилъ прислать въ Москву и договорную, *шертную* грамоту; но Бояре, увидѣвъ въ ней слова: „кно недругъ Вели-„кому Князю, а мнѣ другъ, пошъ и ему „другъ,“ не хотѣли взять ея. Наконецъ Исламъ согласился исключиль сѣ оскорбительное для насъ условіе, клялся въ любви къ *младшему* своему брату Юанну, и хвалился великодушнымъ безкорыстїемъ, увѣряя, что онъ презрѣлъ богатые дары Сигизмундовы, 10,000 золотыхъ и 200 поспавовъ сукна; пребовалъ онъ насъ благодарности, пушекъ, пшпидесяти-тысячъ *денегъ*, и жаловался, что Великій Князь не исполнилъ родительскаго духовнаго завѣщанія, коимъ буд-но бы умирающій Василій въ знакъ дружбы онказалъ ему половину казны своей. Ханъ

ручался за безопасность нашихъ предѣловъ, повѣсивъ Государя, что Саинъ-Гиреевъ Вельможа, Князь Булгакъ, вышелъ изъ Черекони съ полками разбойниковъ, но конечно не по смѣлнъ превозмннъ Россіи. Хотя Булгакъ, въ проиивность Исламову увѣренію, вмѣстѣ съ Дашковичемъ, Аппаманомъ Днѣпровскихъ Козаковъ, нечаяннымъ впаденіемъ въ Сѣверскую область сдѣлалъ не мало вреда ея жителямъ; хотя Бояре Московскіе именемъ Великаго Князя жаловались на то Исламу: однакожь соблюдали умѣренность въ упрекахъ, не грозили ему местию, и показывали, что вѣраць его искренней къ намъ дружбѣ (32).

Тогда прибѣжали изъ Вильны въ Москву люди Князя Самеона Бѣльскаго и Ляницкаго: не хотѣвъ служить измѣнникамъ, они пограбили казну господъ своихъ, и донесли нашимъ Боярамъ, что Сигизмундъ идетъ сильную рать къ Смоленску. Надлежало предупредить врага. Полки были готовы: Князь Василій Шуйскій, главный Воевода, съ Еленинымъ любимцемъ, Телешневымъ, который впрочемъ принялъ начальство надъ передовымъ опрядомъ, снѣжили вспрѣмннъ непріятеля; нигдѣ не видали его, вытѣли предметные Мстиславля, взяли оспрогъ, опирали пѣвнннковъ въ Москву и шли безпрепятственно далье. Новгородцы и Псковичи должны были съ другой стороны также вснунннъ въ Лннву, основанъ на берегахъ Себежскаго озера крѣпость и сое-

Г. 1535. динишься съ Шуйскимъ; но Предводитиелъ ихъ, Князь Борисъ Горбашый и Михайло Воронцовъ, пошло опчасни исполнили данное имъ повелѣніе: опрядивъ Воеводу Бушурина съ Дѣтьми Боярскими къ Себежу, снали въ Опочкахъ, и не хотѣли соединишься съ Шуйскимъ ⁽³³⁾. Бушурина заложилъ Иванъгородъ на Себежѣ, въ земль Липовской какъ бы въ нашей собственной; укрѣпилъ его, наполнилъ всякими запасами, работалъ около мѣсяца: никто ему не прошивилъ; не было слуха о непріятелѣ.

Строевіе
крѣпости
въ Лип-
овѣ.
Юни 29.

Однакожь Сигизмундъ не пранилъ времени въ бездѣйствіи: давъ Россіянамъ волю свирѣпствовати въ восточныхъ предѣлахъ Липовы, послалъ 40,000 воиновъ въ наши собственные южныя владѣнія, и между шемъ, какъ Шуйскій жегъ окрестности Кричева, Радомля, Могилева, Воеводы Липовскіе, Пань Юрій Радзивиль, Андрей Цвироль, Генманъ Янь Торновскій, Князь Пля Оспрожскій и нашъ измѣнникъ, Симеонъ Бѣльскій, шли къ Сигародубу. Свѣдавъ о томъ, Московскіе Бояре немедленно выслали новыя полки для зашитины сего края; но вдругъ услышали, что 15,000 Крымцевъ спреянши къ берегамъ Оки; что Рязанскія села въ огнь и кровь жиниелъ льениа рѣкою; что Иславъ обманулъ насъ: прельщенный золотомъ Липовскимъ, услужилъ Королю симъ набѣгомъ, все еще именуясь Иоанновымъ союзникомъ, и безсовѣстно увѣряя, что не онъ, а Сашь-

20 Август-
на. На-
бѣгъ
Кры-
мцевъ.

Гирей воюеть Россію ⁽³⁴⁾. Пословъ Исламовыхъ взяли въ Москвѣ подь спражу; немедленно возвратили шедшее къ Спародубу войско; собрали въ Коломнѣ нѣсколько тысячъ людей. Князя Димитрій Бѣльскій и Мстиславскій опразили хищниковъ оныхъ береговъ Оки, гнались за ними, принудили ихъ бѣжать въ степи ⁽³⁵⁾.

Но Липовцы, пользуясь содѣйствіемъ Крымцевъ и беззащитнымъ состояніемъ Малороссіи, приступили къ Гомелю: путь началствоваль малодушный Князь Оболенскій-Щенинъ: онъ ушелъ со всѣми людьми воинскими и съ огнеспрѣльнымъ снарядомъ въ Мо-
 Липовцы берушь Гомель и Спародубъ.
 Липовцы надѣялись взять и Спародубъ; но тамъ былъ достойный Вождь, Князь Федоръ Телешевъ: мужесивенный оппоръ ежедневно сподилъ имъ крови. Воеводы Сигизмундовы рѣшились продать осаду, ²⁹ Августша.
 сдѣлали тайный подкошъ и взорвали стѣну: ужасный громъ пошрясь городъ; дома запылали; непріятель сквозь дымъ ворвался въ улицы. Князь Телешевъ съ своею дружиною оказалъ геройство; пошпалъ, гналъ Липовцевъ; два раза пробивался до ихъ стана: но сивенный густыми толпами пѣхоты и конницы, въ изнеможеніи силъ, бызь взять въ полошь, вмѣстѣ съ Княземъ Сипцкимъ. Знапный мужъ, Князь Пейръ Ромодановскій, палъ въ битвѣ; Никиша Кодычевъ умеръ оныхъ раны чрезъ два дни ⁽³⁷⁾. 13,000 граж-

Г. 1535. дань обоюго пола изгябло оны пламени или меча; спаслися немногіе, и своими разказами навели ужась на всю землю Сѣверскую. Въ Почепѣ, худо укрьшленномъ, начальствоваль бодрый Москвитянинъ Федоръ Сукинъ: онъ сжегъ городъ, велѣвъ жителѣмъ удалиться и зарыть, чего они не могли взять съ собою. Дитовцы, завоевавъ единственно кучи пещла, ушли во-свои; а Шуйскій, предавъ огню всё мѣста вокругъ Княжичей, Шклова, Коноса, Орши, Дубровны, опспушилъ къ Смоленску.

Сентяб. Число враговъ нашихъ еще умножилось новою измѣною Казани. Недовольные, какъ и всегда, господствомъ Россіи надъ ними; возбуждаемые къ бунту Саинъ-Гиреемъ; презирая юнаго Царя своего, и думая, что Россія съ Государемъ-младенцемъ ослабѣла и въ ея внутреннихъ силахъ, памощніе Вельможи, подъ руководствомъ Царевны Горшадны (38) и Князя Булаша, свергнули, умерщвили Енадея за городомъ на берегу Казанки, и снова призвавъ къ себѣ Сафа-Гирея изъ Тавриды, чинобы возстановить ихъ свободу и независимость, женили его на Еналеевой супругѣ, дочери Князя Ногайскаго, Юсуфа. Желая узнать обспояпельства сей перемѣны, Бояре послали гонца въ Казань съ письмами къ Царевнѣ и къ Уланамъ: онъ еще не возвратился, когда наши служивые Городецкіе Татары привезли вѣсть, что многіе изъ знапыхъ людей Казанскихъ тайно видѣлись съ ними на берегу Волги; что они не довольны

Мятежъ
Казани.

Царевною и Княземъ Булапомъ, имѣють до
 дяни - сошь единомышленниковъ, хощають
 оспаться вѣрными Россіи и надѣются из-
 гнать Сафа-Гирея, ежели Великій Князь осво-
 бодитъ Шигъ-Алея и торжественно объя-
 витъ его ихъ Царемъ ⁽³⁹⁾. Бояре совѣтовали
 Еленѣ немедленно послать за Шигъ-Алеемъ,
 которъй все еще сидѣлъ въ заключеніи на
 Бѣльозерь: ему объявили Государеву милосщъ,
 велѣли ѣхать въ Москву и явиться во двор-
 цѣ ⁽⁴⁰⁾. Опишемъ достопамятныя подроб-
 носии сего представленія.

Ш и гъ-
 Алей въ
 милосщѣ.

Шестнадцатый Великій Князь сидѣлъ на
 пронѣ: Алей, обрадованный счастливою пе-
 ремьною судьбы своей, палъ ницъ, и споя на
 кольнахъ, говорилъ рѣчь о благодареніяхъ къ
 нему оица Іоаннова, вѣнилъ въ тордосии,
 въ лукавеніи, въ злыхъ умыслахъ; славилъ
 великодушіе Іоанна и плакалъ. На него на-
 дѣли боганую шубу ⁽⁴¹⁾. Онъ желалъ пред-
 ставишься и Великой Княгинѣ. Василій Шуй-
 скій и Конюшій Телешевъ воспрѣтили Алея
 у саней. Государь находился у манери, въ
 палатѣ Св. Лазаря. Подлѣ Елены сидѣли знат-
 ныя Боярыни ⁽⁴²⁾; далѣ, съ обѣихъ споронъ,
 Бояре. Самъ Іоаннъ принялъ Царя въ сѣняхъ
 и ввелъ къ Государынѣ. Ударивъ ей челомъ въ
 землю, Алей снова клялъ свою неблагодар-
 носщъ, назывался холопомъ, завидовалъ бра-
 ту Еналею, умершему за Великаго Князя, и
 желалъ себѣ такойже участи, чпобы загла-
 дить пресуупленіе ⁽⁴³⁾. Въмѣсто Елены оишь-

Г. 1556,
 Генв. 9.

Г. 1536. чаль ему сановникъ Карновъ, гордо и мило-спиво. „Царь Шигъ-Алей!“ сказалъ онъ: „Ва-„спилій Иоанновичъ возложилъ на шебя опалу: „Иоаннъ и Елена просили вину пивую. Ты „удоснолся видѣть лице ихъ! Дозволяемъ „шебъ забыть минувшее; но помни новыи „обитъ вѣрности!“ Алей опшуспили съ че-спію и съ дарами. Жена его, Фаньма-Салпанъ, вспрѣченна у саней Боярынями (44), а въ св-няхъ самую Еленю, обѣдала у нее въ палатѣ. Иоаннъ привѣщивоваль госпню на языкѣ Татарскомъ и сидѣть за особеннымъ сноломъ съ Вельможами: Царица же съ Великою Княгинею и съ Боярынями. Служили Снольники и Чашники. Князь Рѣшнинъ былъ Кравчимъ Фаньмы. Елена въ концѣ обѣда подала ей чашу — и никогда, по сказанію Лынописцевъ, не бывало великолѣннѣйшей пранезы при Дворѣ Московскомъ. Правительница любляла пышность и не упустила случая показыванъ, чпо въ ея рукъ Держава Россіи (45).

Война съ
Казанью.

Между тѣмъ война съ Казанью началась: ибо заговоръ нѣкопныхъ Вельможъ ея пропивъ Сафа-Гирея не имѣлъ дѣйсвія, и сей Царь опвѣщивоваль грубо на письмо Иоанново (46). Московскіе Полководцы, Князь Гундоровъ и Замыцкій, должны были итти изъ Мещеры на Казанскую землю; но вспрѣшивъ Татаръ близъ Волги, ушли назадъ и даже не извѣстили Государя о неприятели, конпорый, печаянно вснунивъ въ Нижегородскую обласнъ, злодѣйствоваль въ ней свободно. Жк-

шелл Балахны, имѣя болѣе храбрости, нежели Г. 1536.
искусства, выжили въ поле, и были разбиты. Воеводы Нижегородскіе сошлись съ Татарами подь Лысковымъ: ни нѣ, ни другіе не хотѣли битвы; пользуясь темною ночью, Казанцы и Россіане бѣжали въ разныя стороны. Сіе малодушіе Московскихъ Военачальниковъ требовало примѣра спрососни: Князя Гундорова и Замыцкаго посадили въ темницу, а на ихъ мѣсто отправили Сабурова и Карпова, которые одержали наконецъ побѣду надъ многочисленными Казанскими и Черемисскими полками въ Коряковѣ. Шлыниковъ отправляли въ Москву, гдѣ ихъ, какъ вѣроломныхъ мятежниковъ, всѣхъ безъ исключенія осудили на смерть (47).

Война Линовская продолжалась для насъ съ усильемъ, и существованіе новой Себежской крѣпости утвердилось знаменитою побѣдою. Сигизмундъ не могъ равнодушно видѣть сію крѣпость въ своихъ предѣлахъ: онъ велѣлъ Кіевскому Намѣстнику Шмирову взять ее, чего бы то ни стоило. Войско его, сослѣвленное изъ 20,000 Линовцевъ и Поляковъ, обступило городъ. Началась ужасная пальба; земля дрожала, но стѣны были невредимы: худые пушкаріи Линовскіе, вмѣсто непріятелей, били своихъ; ядра летѣли вправо и влево: ни одно не упало въ крѣпость. Россіане же спрѣвляли мѣтко и сдѣлали удачную вылазку. Осаждающіе цѣпились къ озеру, коего ледъ съ шрескомъ обломился

П о б ѣ д а
надъ Ли-
нвою.

27 Февра-
ля.

Г. 1536. подъ ними. Тушь Воеводы Себежскіе, Князь За-
 стѣкинъ и Тушинъ, не дали имъ опомниться:
 ударили, смяли, пощили несчастныхъ Липов-
 цевъ; взяли ихъ знамена, пушки, и едва не всехъ
 испребили. Нѣмировъ на борзомъ конѣ уска-
 калъ онъ цѣвна, чѣобы донесши спарну
 Сигизмунду о гибели его войска — и какъ
 съшovali въ Кіевъ, въ Вильнъ, въ Краковъ,
 такъ веселились въ Москвѣ; показывали на-
 роду трофеи — чешуши, славилн мужески-
 венныхъ Воеводъ. Елена, въ память сего
 бласниааго усѣха, велѣла соорудити цер-
 ковь Живоначальной Троицы въ Себежѣ (48).
 Мы не давали покоя Липовъ: возобновили
 Почеть, Спародубъ, — основавъ на ея землѣ,
 Крѣпости въ Ржевскомъ Уездѣ, городъ Заволочье и
 валинов- Великъ въ Торонецкомъ, Князья Горенскій
 ской гра- и Барбаневъ выгнали посады Любеча, Впшеб-
 ницѣ. и Ска, взяли множесиво цѣвниковъ и всякой
 добычи (49).

Слѣдуя правнцашъ Иоанна и Василія, Дума
 Боярская не хотѣла дѣйствовашъ наснуща-
 шельно прошивъ Хапа. Толпы его разбой-
 никовъ являлись на берегахъ Быспрой Сосны
 и немедленно уходили, когда показывалось
 наше войско (50). Онѣ дерзнули (въ Апрѣль
 1536 года) приступити къ Бѣлеву; по
 тамошній Воевода разбилъ ихъ на голову (51).
 Хотя Исламъ, осыпаннй Королевскими
 дарами, примирился-было съ Саинъ-Гиреемъ,
 чѣобы вмѣстѣ перевозити Россію нападѣні-
 ями: однакожь, уснущая ему имя Царя, не

уступала власти; началась новая ссора г. 1536. между ими, и вѣроломный Исламъ оппиралъ въ Москву гонца за гонцемъ съ дружескими письмами, изъявляя ненависть къ Саицу и къ Царю Казанскому Сафа-Гирею ⁽⁵²⁾.

Уже Сигизмундъ — види, что Россія и съ Государемъ - младенцемъ сильнѣе Липвы — думалъ о мирѣ; изъявлялъ негодованіе нашимъ измѣнникамъ: держалъ Липцакаго подъ стражею ⁽⁵³⁾, и споль немилосриво обходился съ Княземъ Симеономъ Вельскимъ, что онъ, пылая ненавистію къ Россіи, съ досады увхалъ въ Коншантиннополь, искалъ защиты и покровительства Султанова. Еще въ Февраль 1536 года Королевскій Вельможъ, Панъ Юрій Радзивиль, писалъ къ любимцу Елены, Князю Телешеву (чрезъ его брата, бывшаго Липовскимъ пльникомъ) о пользѣ мира для обвѣхъ Державъ: Телешевъ оппиралъ, что Иоаннъ не врагъ пищины ⁽⁵⁴⁾. Но долго спорили о мѣсцѣ переговоровъ. Сигизмундъ, приславъ знашнаго чиновника поздравить Иоанна съ восшествіемъ на пронь, желалъ, чтобы онъ, будучи юнѣйшимъ, изъ уваженія къ его лѣтамъ оппиралъ своихъ Вельможъ въ Липву для заключенія мира; а Бояре Московскіе считали по несогласнымъ съ нашимъ государспвеннымъ достоинствомъ. Сигизмундъ долженъ былъ уступить, и въ началѣ 1537 года прѣхалъ въ Москву Янъ Глѣбовичъ, Полоцкій Воевода, съ чепырма силами знашнихъ Дворянъ и

Перемирие съ Липвою.

г. 1537.

Г. 1537. слугъ. Слѣдую обыкновецію, обѣ стороны
требовали невозможнаго: Литовцы Новаго-
рода и Смоленска, мы Кіева и всей Бело-
руссіи; не только спорили, но и бранились;
успали, и рѣшились заключить единствен-
но перемиріе на пять лѣтъ, съ условіемъ,
чтобы мы владѣли новыми крѣпостями,
Себежемъ и Заволочьемъ, а Литва Гомелемъ
(55). Слѣдственно война кончилась успѣшкою
и приобритеніемъ съ обѣихъ сторонъ, хотя
и неважнымъ. Бояринъ Морозовъ и Князь
Палецкій отвезли перемирную грамоту къ
Сигизмунду. Они не могли склонить его къ
освобожденію пленныхъ Россіянъ. Дозволивъ
Великокняжескимъ Посламъ свободно ѣздить
черезъ Литву къ Императору и Королю
Венгерскому, Сигизмундъ не согласился про-
пустить Молдавскаго чиновника къ намъ,
сказавъ, что Воевода Петръ есть мятеж-
никъ и злодѣй Польши (56).

Дѣла
Крымскія.

Если Поддѣлика Великихъ Князей не тер-
пѣла согласія Литвы съ Ханами Крымскими,
всячески питая вражду между ими: но и
Крымцы не любили видѣть насъ въ мирѣ съ
Литвою, ибо война представляла имъ удоб-
ность къ грабежу въ нашихъ и Королевскихъ
областяхъ. Исламъ, съ неудовольствіемъ свѣ-
давъ о мирныхъ переговорахъ, увѣрялъ Иоан-
на въ своей голповности насущности на Ко-
роля всеми силами, и, въ доказательство
ревностной къ намъ дружбы, увѣдомлялъ, что
Князь Симеонъ Бѣльскій, прѣхавъ изъ Кон-

спантинополя въ Тавриду, хвалился съ помощью Султана завоеванъ Россію. ⁽⁵⁷⁾ „Осше-
 „регись,“ писалъ Исламъ: „власполюбіе и
 „коварство Солimana мнѣ извѣстны: ему
 „хоченся поработорити и Сверхныя земли
 „Христіанскія, швою и Ланшовскую. Олъ
 „велѣлъ Пашамъ и Сайнъ - Гирею собирать
 „многочисленное войско, чпобы измѣнникъ
 „швой, Вѣльскій, шель съ шимъ на Россію.
 „Одинъ я спною въ дружбѣ къ шевѣ и шьнаю
 „ихъ замыслу.“ Вѣльскій дѣйствительно
 искалъ гибели опечеснва, и чпобы зло-
 дѣйствовашъ швъ безопасно, хоншъ
 усмишъ Правительницу увѣреніями въ его
 раскаяніи. писалъ въ ней и шребовалъ себѣ
опасной грамоты, обшцаясь немедленно бышъ
 въ Москвѣ, чпобы заглашиъ вину своего
 бѣгства усердною службою. Могъ ли шакой
 прешуникъ ждши милосердія ошъ Елены?
 Сѣ шимое раскаяніе было новымъ ковар-
 ствомъ, и Правительство наше не усомни-
 лось шакже прибѣгнуть къ обману, чпобы
 наказашъ злодѣя. Именемъ Іоанновымъ Бояре
 ошвъшсшвовали ему, чпю прешупленіе его,
 извиняемое юностию лѣшъ, забываенся на-
 вѣки; чпю и въ древнія времена многіе зна-
 менитные люди уходили въ чужія земли, воз-
 вращались и снова пользовались милосшнію
 Великихъ Князей; чпю Іоаннъ съ любовію
 вспрѣшшшъ родственника, исправленнаго
 лѣшми и ошвъшносштію ⁽⁵⁸⁾. Въ то же время
 послали изъ Москвы гонца и дары къ Исла-

Г. 1537. му, съ убѣдительною прѣбываніемъ, чтобы
 Смерть онъ выдалъ намъ или умеривилъ сего плѣнни-
 Исламова. ника. Но Ислама не спало: одинъ изъ Кня-
 зей Ногайскихъ, Багый, другъ Саипъ-Гиреевъ, въ нечаянномъ нападеніи убилъ его, и плѣ-
 нивъ многихъ Крымцевъ, захватилъ между
 ими и Бѣльскаго, спасеннаго Судбою для
 новыхъ пресупленій: ибо Елена и Болре-
 пщично хотѣли выкупить его, посылаи-
 деньги въ Ногайскіе Улусы будио бы онъ
 махери и братьевъ Симеоновыхъ: Князь Ба-
 гый, въ угожденіе Хану, отослалъ къ не-
 му сего важнаго плѣнника какъ его друга⁽⁶⁰⁾.

Смерть Исламова и возстановленное имъ
 единовластіе Саипъ-Гирея въ Тавриду были
 для насъ весьма непріятны. Исламъ ввролом-
 ствовалъ, но будучи врагомъ сверженнаго
 имъ Хана и Казанскаго Царя, находилъ соб-
 ственныя выгоды въ союзѣ съ Россією; а
 Саипъ-Гирей, покровительствуемый Султаномъ,
 имѣлъ тѣсную связь съ мятежною Ка-
 занью, и не безъ досады видѣлъ нашу друж-
 бу къ Исламу, хотя мы, болѣе уважая по-
 слѣдняго какъ сильнѣйшаго, отъ времени до
 времени писали ласковыя грамоты и къ Са-
 ипу⁽⁶⁰⁾. Ханъ не замедлилъ оскорбить Ве-
 ликаго Князя: ограбилъ Посла Московскаго
 въ Тавриду; однакожь, какъ бы удовольство-
 ванный сею местию, извѣстивъ насъ о ги-
 беи своего злодѣя и предлагалъ Іоанну браш-
 сиво, желая даровъ и запрещая ему прѣво-
 жить Казань. „Я тошовъ живъ съ тобою

Угрозы
 Саипъ-Ги-
 рея.

„въ любви“ — велѣлъ онъ сказать Великому Князю — „и прислать въ Москву одного изъ „знавшійшихъ Вельможъ своихъ, если ты „приидешь ко мнѣ или Князя Василія Шуйскаго, или Кононаго Телетнева, примирись-ся съ моею Казанью и не будешь пребывать „дани съ ея народа; но если дерзнешь воевать, „но не хощимъ видѣть ни Пословъ, ни го-„девъ твоихъ: мы непріятели; вслушимъ въ „землю Русскую, и все будешь въ ней пра-„хоть“ (61)!

Въ сіе время полки наши готовились идти на Казань. Ея хищники, разсыянные близъ Волги вѣрными Мещерскими Козаками, одержали верхъ надъ двумя Воеводами Московскими, Сабуровыми и Княземъ Засѣкинымъ. Песпримъ, убитымъ въ сраженіи между Галичемъ и Коспирою; а въ Генварь 1537 года самъ Царь Казанскій нечаянно подошелъ къ Мурому, сжегъ предместье, не взявъ города и бѣжалъ, увидѣвъ вдали наши знамена (62). Елена и Бояре, уже не опасаясь Липвы, хощали сильно дѣйствовать противъ Казани, отвергнувъ все мирныя предложенія Сафа-Гирей; но угрозы Хана казались споль важными, что Государственный нашъ Совѣтъ рѣшился оплощить войну, извѣстивъ Сафъ-Гирей и Казанскаго Царя о согласіи Великаго Князя на миръ, съ условіемъ, чинобы Сафа-Гирей оснался присяжникомъ Россіи. Бояре ошвѣщивовали Хану именемъ Юанна: „Ты называешь Ка-

Г. 1538, „зань *свою*; но загляни въ *старья лютости*,
 „си: не тому ли всегда принадлежишь Царь-
 „ство, киню завоевалъ его? Можно ондань
 „оное другому; но сей будешь уже поддан-
 „нымъ перваго, какъ верховнаго Владыки.
 „Говоря о своихъ многихъ правахъ, мол-
 „чишь о существенныхъ правахъ Россіи. Ка-
 „зань наша, пбо дѣдъ мой покорилъ ее; а вы
 „только обманомъ и коварствомъ присвои-
 „вали себѣ временное господство надъ нею.
 „Да будешь все по старому, и мы оспанемъ-
 „ся въ бранствѣ съ тобою, забывая вѣны
 „Сафа-Гиреевы. Отправимъ къ тебѣ знаи-
 „наго Посла, но не Шуйскаго и не Телен-
 „пева, копорые по моей юности необходи-
 „мы въ Государственной Думѣ (63).

Симъ заключились дѣла вѣншей Польши-
 ки Еленина правленія, ознаменованнаго и
 нѣкопорыми внутренними полезными учре-
 жденіями, въ особенностіи строеніемъ но-
 выхъ крѣпостей, нужныхъ для безопасности
 Россіи.

Строеніе
 К и ш а я -
 города и
 новы хъ
 к рѣ по-
 с ш е й.

Еще Великій Князь Василій, находя Кремль
 нѣснымъ для многочисла Московскаго и
 недоспашочнымъ для защиты онаго въ слу-
 чаѣ непріятельскаго нашествія, хотѣлъ огра-
 дить столицу новою, обширѣйшею стѣною.
 Елена исполнила его намѣреніе, и въ 1534
 году, Маія 20, начали копань глубокой ровъ
 опъ Неглинной вокругъ посада, (гдѣ были
 всѣ купеческія лавки и порги) къ Москвѣ-
 рѣкъ черезъ площадь Троицкую. (мѣсно, суд-

ныхъ поединковъ) и Васильевскій дугъ. Работали слуги Придворные, Минирополинновы, Боярские и всѣ жили безъ исключенія, кромѣ чиновниковъ или знатныхъ гражданъ, и въ Юнѣ кончили; а въ сѣдующемъ году, Маія 16, послѣ крестнаго хода и молебна, ошнѣнаго Минирополинномъ, Ценпрокъ Малой, *новокрещеный* Шпаллянецъ; заложилъ около рва каменную стѣну и ченыре башни съ ворапями Срѣшенскими (Никольскими), Троицкими (Шльнскими), Всевяшскими (Варварскими) и Козмодемьянскими на Великой улицѣ ⁽⁶⁴⁾. Сей городъ былъ названъ по-Татарски *Китаель* или *среднелъ*, какъ изъясняютъ ⁽⁶⁵⁾. — Кромѣ двухъ крѣпостей на Липовской границѣ, Елена основала: 1) въ Мещерѣ городъ Мокшапъ, на мѣстѣ издревле именуемомъ *Мурунзи*; 2) Буйгородъ въ Коснромскомъ Узвѣ; 3) крѣпость Балахну у *Солн*, гдѣ прежде находился посадъ; 4) Пронскъ на спаромъ городищѣ. Владиміръ, Ярославль, Тверь, пожаромъ обращенные въ пепель, были снова выстроены; Темниковъ перенесенъ на удобнѣйшее мѣсто; Усплюгъ и Софійскую сторону въ Новгородѣ окружили стѣнами; Вологду укрѣпили и распространили. Правительница, зная главную потребность Государства споль обширнаго и споль мало населеннаго, вызывала жителей изъ Липвы, давала имъ земли, преимущественна, льготу, и не жадла казны для искупленія многихъ Россіянъ, увлекаемыхъ Ташарами въ плѣнъ, *одна* чего претовала

Г. 1538. вспоможенія отъ Духовенства и богатыхъ монастырей. На пригврь, Архидиаконъ Макарій (въ 1554 году) послалъ ей съ своей Епархіи 700 рублей, говоря: „душа чело-
,,вчская дороже золота.“ Сей умный Владыка Новгородскій, пользовясь уваженіемъ Двора, ѣздилъ въ Москву не только молиться съ Митрополитомъ о благоденствіи Россіи, но и способствовать оному мудрыми совѣтами въ Государственной Думѣ ⁽⁶⁶⁾.

Перемѣна
въ цѣнѣ
монеты.

Къ чести Еленина правленія Диптихисиды относились еще перемѣну въ цѣнѣ Государственной монеты, вынужденную обеспопашельствами. Изъ фунта серебра двами прежде обыкновенно пять рублей и девъ гривны; но корыстолюбіе изобрѣло обманъ: спали обрѣзывать и передивать деньги для подмѣсы, такъ, что изъ фунта серебра выходило ужедесять рублей. Многіе люди богатыли симъ ремесломъ и произвели безпорядокъ въ шортовлѣ: цѣны измѣнились, возвысились; продавецъ боялся обмана, всилъ, испытывалъ монету, или претовалъ клянвы, или кунца, что она не поддѣльная. Елена запретила ходъ обрѣзныхъ, нечиспныхъ и всѣхъ спарыхъ денегъ; указала передилъ ихъ и чеканилъ изъ фунта *шесть рублей* безъ всякаго примѣса; а *поддѣльщиковъ* и *обрѣзчиковъ* велѣла казнить (имъ дали распощенное олово въ ротъ и опсѣкали руки).—Изображеніе на монетахъ оспалось древнее: Св. Георгій или, по сло-

вамъ Лынописца, Великій Князь на конѣ, но Г. 1538.
 шолько нѣ съ мечемъ въ рукѣ, какъ прежде,
 а съ *копьемъ*: оны чого спали онѣ именованься
ковенками (67).

Но Елена ни благородіемъ своей вѣнчаной
 и Полншкы, ни многими доснохвальными Общая
 нелюбовь
 къ Еленѣ.
 дѣлами внутри Государства не могла угодить
 народу: ширанство и беззаконная, уже всѣмъ
 явная любовь ея къ Князю Ивану Телешеву-
 Оболенскому возбуждали къ ней ненависть
 и даже презрѣніе, оны коего ни власны,
 ни строгости не спасають Венценосца, ес-
 ли свящая добродѣтель ошвращаетъ оны
 него лице свое. Народъ безмолвствоваль на
 спогнахъ: шѣмъ болѣе говорили въ шѣсномъ,
 для шираповъ непроницаемомъ кругу се-
 мействъ и дружества о несчастіи видѣны
 соблазны на шронѣ (68). Правительница, же-
 лая обмануть людей и совѣсть, часно ѣзди-
 ла съ Великимъ Княземъ на богомолье въ мо-
 настыри (69); но лицемеріе, хитрости слабо-
 душныхъ, заслуживаетъ единственно хвалу
 лицемерную и бываетъ предъ неумолимымъ
 судищемъ нравственности цовымъ обвине-
 ніемъ.— Ко гласу оскорбленной добродѣ-
 тели присоединился и гласъ зависши: оный
 Телешевъ былъ истиннымъ Вельможею въ
 Думѣ и въ Государствѣ; другіе, шарѣйшіе, на-
 зывались шолько именовъ Бояръ: никшо не
 имѣлъ заслугъ, если не могъ угодить любим-
 цу Двора. Желали перемѣны— и Великая
 Княгиня, юная лынами, цѣвнующая здравіемъ

Г. 1538, вдруть скончалась. Современникъ, Баронъ Герберштейнъ, въ запискахъ своихъ говоритъ
 Апрель 5. Кончина **Прави- ш е л ь- н и ц ы.** утвердившись, что Елену оправили ядомъ (70). Онъ видитъ въ семъ случаѣ одну *справедливую мсть*; но ее нѣтъ ни для сына проливъ оица, ни для подданнаго проливъ Государя: а Елена, по малолѣтству Иоанна, законно властвовала въ Россіи. Худыхъ Царей наказываетъ только Богъ, совѣсть, Исторія: ихъ ненавидитъ въ жизни, клануть и по смерти. Сего довольно для блага гражданскихъ обществъ, безъ яда и желѣза; или мы должны опвергнуть необходимый успавъ Монархіи, что особа Виденосцевъ *неприкосновенна*. Тайна злодѣянъ не уменьшаетъ его. Гнушаясь онымъ, согласимся, что извѣстіе Герберштейна вѣроятно. Лѣтописцы не говорятъ ни слова о болѣзни Елены. Она преснавидась во впоромъ часу дни, и въ ночь же день погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ (71). Не сказано даже, что бы Минрополинь оптѣвалъ ея пѣло. Бояре и народъ не изъявили, кажется, ни самой припворной горести. Юный Великій Князь плакалъ, и бросился въ объятія къ Теленеву, который одинъ былъ въ опчаяніи, ибо только одинъ могъ всего лишиться и не могъ уже ничего пріобрѣсти кончиною Елены. Народъ спрашивалъ съ любопытствомъ: кто будетъ править Государствомъ?

Г Л А В А П.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННА ІV.

Паденіе и смерть К. Теленева. Господство К. Василія Шуйскаго. Освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и Андрея Шуйскаго. Смута Боярская. К. Иванъ Бѣльскій снова заключенъ. Смерть К. Василія Шуйскаго. Господство его брата, Сверженіе Мишуролина: избраніе Іоасафа. Характеръ К. Ивана Шуйскаго и грабежи внутри Государства. Набѣги вѣнскихъ непріятелей, Посольства въ Царьградъ, въ Шпекгольмъ. Договоръ съ Ганзою. Союзъ съ Аспраханью. Посольства Ногайскія. Заговоръ противъ Шуйскаго. Освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и власть его. Прощеніе К. Владиміра Андреевича и его матери. Облегчашь судьбу К. Димитрія Углицкаго. Прощеніе К. Симеона Бѣльскаго. Впаденіе Царя Казанскаго. Нашествіе Хана Крымскаго. Великодушіе народа и войска. Бѣснво непріятеля. Смута Бояръ: паденіе К. Ивана Бѣльскаго. Ссылка Мишуролина. Новое господство К. Ивана Шуйскаго. Посвященіе Макарія. Перемиріе съ Липвою. Набѣги Крымцевъ, Ногаевъ, Дѣла Казанскія. Сношенія съ Аспраханью, съ Молдавіею. Перемирна въ Правленіи. Наглосшь Шуйскихъ. Худое воспитаніе Іоанна. Заговоръ противъ главныхъ Вельможъ. Паденіе Шуйскихъ. Власть Глинскихъ. Жестокость Правленія. Доброе согласіе съ Липвою. Рать на Казань. Шигъ-Алей Царемъ въ Казани и бѣжитъ отсюда. Походъ къ устью Свіяги. Пушешествія Великаго Князя и неудовольствія народа.

Г. 1538 — 1547.

Нѣсколько дней прошло въ неизвѣст- Г. 1538.
носии и въ тишинѣ для народа, въ тайныхъ Паденіе
совѣщаніяхъ и въ козняхъ для Вельможъ К. Телен
ева.

Г. 1538. **честнолюбивыхъ.** Досель Правительница за-
 мѣняла Государя: настало время совершен-
 ной Аристократіи или Державства Боярь
 при семилѣтнемъ Государѣ. Не многіе изъ
 нихъ смѣли желать Верховнаго владычества
 надъ Россією: прочіе гововились единствен-
 но взявъ сторону того или другаго на
 выгоднѣйшихъ для своей личной пользы усло-
 війхъ. Любимецъ Еленинь, Князь Иваць
 Телепневъ, не дремалъ въ бездѣйствіи: будучи
 другомъ и брашомъ Іоанновой надзираель-
 ницы, Боярыни Агрицины Чедядиной, онъ
 думалъ овладѣвъ юнымъ Монархомъ, не
 опшодилъ онъ него, ласкался къ нему, и
 надѣялся на усердіе своихъ бывшихъ друзей;
 но число ихъ, съ перемѣною обшюительствъ,
 уменьшилось и ревность охладѣла. Внезап-
 ная кончина Еленина — и не естественная,
 какъ мнѣя — предвѣщала явленіе новыхъ,
 сильнѣйшихъ Власитиелей: чшобы узнать,
 кто могъ бытъ ея тайнымъ виновникомъ,
 любопытныя ждали, кто воспользуется
 оною? Сіе справедливое, или, не смотря на
 вѣроятносіи (какъ часно бывають), ложное
 подозрѣніе обратилось на старѣйшаго Боя-
 рина, Василія Васильевича Шуйскаго, по-
 томка Князей Суздальскихъ, изгнанныхъ еще
 сыномъ Донскаго изъ ихъ наслѣдственнаго
 владѣнія: злобствуя на Московскихъ Госу-
 дарей, они служили Новугороду, и въ по-
 слѣдній день его свободы Князь Шуйскій-
 Гребенка былъ главнѣйшимъ Воеводою

(72). Видя рѣшительное торжество Само- державія въ Россіи, сіи изгнанники, одинъ за другимъ, вступили въ службу Московскую и были значеннѣйшими Вельможами. Князь Василій Васильевичъ, занимавъ первое мѣсто въ Совѣтѣ при опцѣ Иоанновомъ (73), занималъ оное и при Еленѣ, и шель болѣе ненавидѣлъ ея временника, котораго, уступая ему наружную честь, исключительно господствовала надъ Думою. Изгонивъ средству усѣха, преклонивъ къ себѣ многихъ Бояръ и чиновниковъ, сей власнолюбивый Князь жестокимъ дѣйствіемъ самовольства и насилія объявилъ себя Главою Правленія: въ седьмой день по кончинѣ Елениной велѣлъ схватить любезнѣйшихъ юному Иоанну особъ: его надзирательницу, Боярыню Агришину, и брата ея, Князя Телепнева, — окованъ цѣпями, заключить въ темницу, не смотря на слезы, на вопль Державнаго, беззащитаго опрока. Не судъ и не праведная, но незаконная, лютая казнь была жребіемъ несчастнаго Вельможи, коему за недѣлю предъ шель рабодѣлствоваши всѣ Князья и Бояре. Телепнев уморилъ голодомъ, какъ Правительница или самъ онъ уморилъ Глинскаго и дядей Иоанновыхъ; но злодѣйство не оправдываетъ злодѣйства, и Лыцисцы осуждаютъ сію личную месть, внушенную завистію къ бывшему любимцу Елены, котораго хотѣлъ бытъ и любимцемъ сына ея (74). Телепневъ имѣлъ умъ, дѣятель-

Г. 1538. ность, благородное честолюбіе; не боялся оставяишь Двора для войны, и еще не довольный власнію, хотѣлъ славы, конюрю даюишь дела, а не милость Государей. Сеснру его, Боярыню Агришину, сослала въ Каргополь и носпригла въ Монахиш. Дума, Государство и самъ Государь сдѣлались подвластны Василію Шуйскому и брану его, Князю Ивану, также знаменитому Члену Совѣша, гдѣ шолько одинъ Бояринъ могъ споришь съ ними о спарвѣишисшвъ, Князь Димитрій Бѣльскій, родсшвенникъ Иоанновъ: они искали его дружбы. Бранъ Димитріевъ, Князь Иванъ Оедоровичъ, и Шуйскій, Андрей Михайловичъ, сидѣли въ шемнищъ: ихъ бѣсшгъ освободили съ чеснію какъ невинныхъ; первый занялъ въ Думѣ свое прежнее мѣсто; шпорого пожаловали въ Бояре (75). Ослѣленный гордоснію, Князь Василій Шуйскій хотѣлъ ушвердишь себя на вышней шпешени Трона свойсшвомъ съ Государемъ, и будучи шдовцемъ лѣтъ пятидесяти или болѣе, женился на юной сеснрѣ Иоанновой, Анаспасіи, дочери Пешра, Казанскаго Царевича (76). Но безирекословное владычесшво сего Вельможи продолжалось шолько мѣсящвъ шесшъ: Князь Иванъ Бѣльскій, имъ освобожденный, сдѣлался его непріишелемъ, будучи въ согласіи съ Мишрополшномъ Даніиломъ, съ Дворецкимъ Михайломъ Тучковымъ и съ иными важными сановниками. Началось шшвъ, что Бѣльскій просилъ юнаго Иоанна

Господство К. Василія Шуйскаго.

Освобождение К. Ивана Бѣльскаго и Андрея Шуйскаго.

дань Князю Юрію Булгакову - Голицыну Г. 1538. Боярство, а сыну знамениаго Хабаря Симскаго (77) санъ Околыничаго, не сказавъ ни слова Шуйскимъ, конпоры воспылали гнѣвомъ. Вражда усилилась бранью: съ одной стороны говорили о подлой неблагодарности, о гнусныхъ козняхъ; съ другой о самовластїи, о пиранствѣ. Наконецъ Шуйскіе доказали свое могущество: снова заключили Князя Ивана Бѣльскаго въ шемницу, совѣтниковъ его разослали по деревнямъ, а главному изъ нихъ, Дьяку Федору Мишуруину, измученному воинами, раздѣльному, обнаженному, опсѣкли голову на плахѣ предъ городскою стѣною (78). Все сіе дѣлалось именемъ Шуйскихъ и Боярь, имъ преданныхъ, а не именемъ Государя: по еспь, беззаконно и нагло. Доспойно замѣчанїя, что спаршїи Князь Бѣльскїй, Димитрій, ояпть не имѣлъ учаспїя въ бѣдспвенной судьбѣ браня, спасаемый, какъ върояпно, своимъ осторожнымъ, спокойнымъ характеромъ.

Смута Боярская: К. И в а н ъ Бѣльскїй снова заключень.

Уже самовластный Вельможа, Князь Василїй, считалъ себя какъ бы Царемъ Россїи: вдругъ узнали объ его болѣзни и смерти, конпора могла бытъ еспеспвенною, но безъ сомнѣнїя служила поводомъ къ разнымъ догадкамъ и заключенїямъ (79). Явивъ суепноснѣ власполюбія, она не исправила Боярь Московскихъ, и бранѣ Василювъ, Князь Иванъ Шуйскїй, спавъ ихъ Главою, мыслилъ единспвенно о поомъ, чпобы довершилнъ меснѣ надъ врагами и

Смерть К. Василїя Шуйскаго.

сдѣланы, чего не успѣлъ или не дерзнулъ исполнить умершій братъ его Ни святыи Сана, ни хитроси ума не спасли Мишпрополиша Давида: замышлявъ съ Княземъ Ивановъ Бѣльскимъ свергнуть Шуйскихъ, онъ самъ былъ сверженъ съ Мишпрополиа указомъ

Г. 1559.

Сверженіе Мишпрополиша

Боярскимъ и сосланъ въ монастырь Іосифовъ (80), гдѣ строгаю, постыною жизнью имѣлъ способъ загадникъ грѣхи своего придворнаго честолюбія и рабодѣшства. На его мѣсто Епископы посвящали — судьбами Божественными и Великокняжескимъ (то есть, Боярскимъ) *изволеніемъ*, какъ сказано въ лѣтописи — Іоасафа Скрышницяна, Мгумена Троицкаго.

Избраніе Іоасафа.

Среди такихъ волненій и безпокойствъ, производимыхъ личнымъ властолюбіемъ Бояръ, Правительство могло ли имѣть надлежащую твердость, единство, неусыпность для внуш-

Характеръ К. Ивана Шуйскаго и грабежи внуш. при Государствѣ.

реннаго благоуспроисвѣна и вышней безопа-
сности? Главный Вельможа, Князь Иванъ Шуйскій, не оказывалъ въ дѣлахъ ни ума государственнаго, ни любви къ добру; былъ единственно грубымъ самолюбцемъ; хотѣлъ только помощниковъ, но не шертель совѣтчиковъ; повелѣвалъ въ Думѣ какъ Деспотъ, а во дворцѣ какъ хозяинъ, и велнчался до нахальства; на примѣръ, никогда не стоялъ предъ юнымъ Іоанномъ, садился у него въ спальнѣ, опираясь локтемъ о постелю, клалъ ноги на кресла Государевы (81); однимъ словомъ, *изъявлялъ всю низкую, ма-*

лодушную снедь раба-господина. Упрекали Г: 153г. Шуйскаго и въ тиуномъ корысполюбїи; писали, что онъ расхишилъ казну и наковаль себѣ изъ ея золота множесиво сосудовъ, велѣвъ вырѣзать на нихъ имена своихъ предковъ. Но крайней мѣрь его ближніе, клеветны, угодники грабили безъ милосердія во всѣхъ областяхъ, гдѣ давались имъ нажишочныя мѣста или должности государственныя. Такъ Бояринъ Андрей Михайловичъ Шуйскій и Князь Василій Рыннинъ-Оболенскій, будучи Намѣстниками во Псковѣ, *свирьпствова-ли какъ львы*, по выраженію современника: не только угнетали земледѣльцевъ, гражданъ беззаконными налогами, вымышляли пресупленія, ободряли живыхъ доносителей, возобновляли дѣла старыя, претовали даровъ оныхъ богатыхъ, безденежной работы оны бѣдныхъ: но и въ самыхъ священныхъ Обищельяхъ искали добычи съ люпостию Могольскихъ хищниковъ; жилища пригородовъ не смѣли здѣлать во Псковѣ какъ въ вертепъ разбойниковъ; многіе люди бѣжали въ иныя страны; поржища и монастыри опустѣли.— Къ се- На бѣги вѣншихъ неприяте-лей. му ужасному бѣдствію неправосудія и насилія присоединялись частыя, опустошительныя набѣги вѣншихъ разбойниковъ. Мы были— говорятъ Лышописцы— жертвою и пошвыищемъ невѣрныхъ: Ханъ Крымскій давалъ намъ законы, Царь Казанскій насъ обманывалъ и грабилъ. Первый, задержавъ Великокняжескаго чиновника, посланнаго къ

Г. 1539. Господарю Молдавскому, писалъ къ Иоанну:
 „Я сдѣлалъ то, что вы нѣсколько разъ дѣ-
 „лали. Онець и мать швоя, не разумѣя го-
 „сударственныхъ уставовъ, довели, злодей-
 „ски убивали моихъ Пословъ на души въ Ка-
 „зань: я также имѣю право мѣшкать швое-
 „му сообщенію съ моимъ недругомъ Молдав-
 „скимъ. Ты хочешь опъ меня приязни: для
 „чего же изъясняешься грубо? Знаешь ли, что
 „у меня болѣе сна тысячь воиновъ? Если
 „каждый изъ нихъ плѣнитъ коня одного
 „Русскаго, сколько тебѣ убытка, а мнѣ при-
 „были? Не шаюсь, ибо чудесную силу свою;
 „все объявляю напередъ, ибо сдѣлаю, что
 „говорю. Гдѣ желаешь видѣться со мною? въ
 „Москвѣ, или на берегахъ Оки? Знай, что
 „буду къ тебѣ не одинъ, но съ великимъ
 „Султаномъ, который покорилъ вселенную
 „опъ Воспока до Запада. Укажу ему цушь
 „къ швоей столицѣ. Ты же что мнѣ сдѣла-
 „ешь? Злобствуй какъ хочешь, а въ моей
 „земль не будешь“⁽⁸²⁾. Не только Иоаннъ III
 и Василій, но и Правительница, опъ вре-
 мени до времени удовлетворяя корысполо-
 бію Хановъ, изъясляли по крайней мѣрѣ
 благородную гордоснь въ перепискѣ съ ними
 и не дозволяли имъ забываться. Владыче-
 ство Шуйскихъ ознаменовалось слабоснію
 и робкимъ малодушіемъ въ Подлиникѣ Мо-
 сковской: Бояре даже не смѣли опвѣстиво-
 вать Саниъ-Гирею на его угрозы; снѣвшили
 опираяишь въ Тавриду знашнаго Посла и

купишь вѣроломный союзъ варвара обязательствомъ не воевать Казани ⁽⁸³⁾; а Царь Казанскій, увѣряя насъ въ своемъ миролюбіи, хоньдъ, чіюбы мы ежегодно присылали ему дары въ знакъ уваженія. Напрасно ждали его уполномоченныхъ въ Москву: они не ѣхали, а Казанцы два года непрерывно злодѣйствовали въ обласняхъ Нияняго, Блахны, Мурома, Мещеры, Гороховца, Владиміра, Шуи, Юрьевца, Коспромы, Кивенцы, Галича, Тоньмы, Усипога, Вологды, Вянки, Церми ⁽⁸⁴⁾; являлись единственно полнами, жгли, убивали, пльняли, шпакъ, чію одинъ изъ Лытописцевъ сравниваетъ бѣдствія сего времени съ Башыевымъ нашествіемъ, говоря: „Башый прошекъ молнією „Русскую землю: Казанцы же не выходили „изъ ея предѣловъ, и лили кровь Христіанъ какъ воду. Беззащитные укрывались „въ лѣсахъ и въ пещерахъ; швспта бывшихъ „седеній заросли дикимъ куспарникомъ. „Обранивъ монастыри въ пещель, невѣрные „жили и спали въ церквахъ, пили изъ свя- „ныхъ сосудовъ, обдирали иконы для укра- „шенія женъ своихъ усерзями и мониспами; „сыщали горячіе уголья въ саюги Ино- „камъ и засипавляли ихъ шлсапъ; осквер- „няли юныхъ Монахинъ; кого не брали въ „пльнь, пгьмъ выкальвали глаза, обрѣзывали „уши, носъ; опсѣкали руки, ноги и — чію „всего ужаснѣе — многихъ приводили въ „Вѣру свою, и сіи несчастные сами гнали

Г. 1539.

„Христіанъ какъ лютые враги ихъ. Пишу, не по слуху, но видѣнное мною, и чего, никогда забыть не могу“ (85). Чѣмъ дѣлали Правители Государства, Бояре? Хвалились своимъ широкимъ предъ Ханомъ Саишь-Гиреемъ, изъясняясь, что Казанцы перзаютъ Россію, а мы, въ угодность ему, *не двигаемъ ни волоса* для защиты своей земли (86)! Бояре хотѣли единственно мира, и не имѣли его; заключили союзъ съ Ханомъ Саишь-Гиреемъ (87), и видѣли бесполезность онаго. Послы Ханскіе были въ Москвѣ, а сынъ его, Иминь, съ шайками своихъ разбойниковъ грабилъ въ Коширскомъ Уездѣ (88). Мы удовольствовались извиненіемъ, что Иминь не слушается отца и поступаетъ самовольно.

Другія внѣшнія дѣйствія Россіи болѣе соопредѣлялись ея государственному достоинству. Чиновникъ Адашевъ ѣздилъ изъ Москвы съ дружественными письмами къ Султану и къ Патриарху, Замыцкій изъ Новгорода къ Королю Шведскому: въ Константинополь и въ Штокгольмъ оказали великую честь нашимъ Посланникамъ. Бояре подтвердили купеческій договоръ съ Ганзою и возобновили союзъ съ Аспираханью, гдѣ оная царствовала Абдыль-Рахманъ. Послы Ногайскіе одни за другими являлись въ Москвѣ, предлагая намъ свои услуги и требуя единственно свободной торговли какъ милосердіе. Ливва, соблюдая перемиріе, не пре-

Посольства въ Царьградъ, въ Штокгольмъ. Договоръ съ Ганзою, союзъ съ Астраханью. Посольства Ногайскія.

вожила Россія: спаредць Сигизмундъ въ покоѣ доживалъ вѣкъ свой (89).

Въ сіе время сдѣлалась перемѣна въ нашей Г. 1540. Аристократіи. Свергнувъ Мипрополипа Заговоръ прошивъ Шуйскаго; освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и власнѣ его. Данила, Князь Иванъ Шуйскій считалъ но- ваго Первосвященнаго другомъ своимъ, но обманулся. Руководствуясь, можетъ бытъ, любовію къ добродѣтели, усердіемъ къ ошечеству, и видя неспособность Шуйскаго и власнѣ его. управляя Державою, или по инымъ, менѣе доспыхвальнымъ причинамъ, Мипрополипъ Тоасафъ осмѣлился ходатайствовать у юнаго Государя и въ Думѣ за Князя Ивана Бѣльскаго. Многіе Бояре прислали къ нему: одни говоряи только о милосердіи, другіе о справедливости, и вдругъ, именемъ Иоанновымъ, съ шоржесствомъ вывели Бѣльскаго изъ немницы, посадили въ Думу; а Шуйскій, изумленный дерзостію Мипрополипа и Боярь, не успѣвъ оповрацишь удара: пренецалъ въ злѣбъ, клаяся ошменшии имъ за измѣну, и съ того дня не хотѣлъ участвовати въ дѣлахъ, ни присушествовати въ Думѣ (90), гдѣ спорона Бѣльскихъ, одержавъ верхъ, начала господствовати съ умѣренностію и благоразуміемъ. Не было ни оцалъ, ни гоненія. Правительство стало понечипельцѣе, усердѣе къ общему благу. Зауопребленія власни уменьшились. Смѣнили вѣкшорныхъ худыхъ Намѣстниковъ, и Исковяпяне освободились ошъ насилій Князя Андрея Шуйскаго, ошозваннаго въ Москву.

Г. 1540. Дума сдѣлала для нихъ по же, что Василій сдѣлалъ для Новгородцевъ: возвратила имъ судное право. *Цѣловальники* или Присяжные, избираемые гражданами, начали судить всѣ уголовныя дѣла независимо отъ Намѣстниковъ, къ великой досадѣ сихъ послѣднихъ, лишенныхъ шѣмъ способа беззаконствовати и наживаться. Народъ опдохнулъ во Псковѣ; славилъ милость Великаго Князя и добродѣтель Боярь (91). — Правительство заслужило еще хвалу освобожденіемъ двоюроднаго брата Іоаннова, юнаго Князя Владиміра Андреевича, и матери его, заключенныхъ Еленою: они переехали въ свой домъ и жили уединенно; а чрезъ годъ, въ день Рождества Христова, мать и сынъ были предсавлены Іоанну. Имъ возвратили богатыя помѣстья Андреевы и дозволили имѣти Дворъ, Боярь и слугъ Княжескихъ (92). — Назовемъ ли милостию скудное, жалосное благодѣаніе, оказанное тогда же другому родственнику Іоаннову? Внуку Василія Темнаго, сынъ Андрея Углицкаго, именемъ Димитрій, еще находился въ числѣ живыхъ (93), забвенный всѣми, и сорокъ-девять ужасныхъ лѣтъ, отъ нѣжной юности до глубокой старости, сидѣлъ въ пемницѣ, въ узахъ, одинъ съ Богомъ и мирною совѣстію, не оскорбивъ никого въ жизни, не нарушивъ никакаго уснава человеческого, только за вѣны отца своего, имѣвъ несчастіе родиться племянникомъ Самодержца, коему надлежало

Прощеніе
К н а з я
Владими-
ра Андре-
евича и
матери
е го.

Облегча-
ющъ судъ-
бу К. Ди-
митрія
Углицка-
го.

испробить въ Россіи вредную Систему Удѣловъ, и которъй любилъ Единовласіе болѣе, нежели единокровныхъ Правителей, желая быти милосердыи, не рѣшился возвращати Димитрія, какъ бы изъ могилы, чуждому для него міру⁽⁹⁴⁾: велли только освободити его отъ пягоснихъ цѣней, впусити къ нему въ темницу болѣе свѣта и воздуха! Ожесточенный бвдснвемъ, Димитрій, можетъ быти, въ первый разъ смягчился тогда душою и пролилъ слезы благодарности, уже не гнѣпомый, не язвимый оковами, видя солнце и дыша свободнѣе. Онъ содержался въ Вологдѣ: тамъ и кончилъ жизнь. Братъ его, Князь Иванъ, умеръ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Монашесствѣ. Оба лежатъ вмѣстѣ въ Вологдской церкви Спаса на Прилукѣ⁽⁹⁵⁾.

Милуя или облегчая судьбу гонимыхъ, первый Вельможа, Князь Иванъ Бѣльскій, хотѣлъ и виновнаго брата своего, Симеона, возвращити опечесиву и добродѣтели. Милупрополнитъ Іоасафъ взялся быти ходатаемъ. Извиняли преслупника, чѣмъ только могли: юностию его лѣтъ, несноснымъ пиранснвомъ и самовласіемъ Еленина любимца. Государь простилъ: одно дѣйснвіе, коимъ Исторія утрекаетъ Князя Ивана Бѣльскаго! Измѣнникъ, предатель, наводивъ враговъ на опечеснво, явился бы снова при Дворѣ и въ Думѣ съ почеснвими опредѣленными для вѣрныхъ, знаменитыхъ слугъ Государснва! Но Симеонъ не воспользовался милосердіемъ, прощивнымъ уснаву справедливости и блага.

Г. 1540
— 1541.

Прощеніе
К. Симео-
на Бѣль-
скаго.

Г. 1540 гражданскихъ обществъ. Гонецъ Московскій
 — 1541. уже не нашелъ Бельскаго въ Тавриду⁽⁹⁶⁾: сей
 измѣнникъ былъ въ полѣ съ Ханомъ, замы-
 шляя гибель Россіи: ибо Сафъ-Гирей клялся
 въ дружбѣ къ Великому Князю единственно
 для того, чѣобы произвеси въ насъ оплош-
 ность и нечаянною впаденію открыши
 себѣ путь въ сердце Московскихъ владѣній.
 Но Дума, подѣ начальствомъ Князя Ивана
 Бельскаго, радѣя о внутреннемъ благоустрой-
 ствѣ, не выпускала изъ виду и внешней без-
 опасности.

Тайно готовясь къ войнѣ, Ханъ пригла-
 шалъ и Царя Казанскаго ипши на Россію:
 къ счастью нашему, имъ неудобно было
 дѣйствовать въ одно время: первый ждалъ
 весны и подножнаго корма въ степяхъ; а
 впорый, не имѣя сильной рани судовой, бо-
 ялся льпомъ оставиши за сиюною Волгу,
 гдѣ, въ случаѣ его бѣгства, Россіане могли
 бы ушопиши Казанцевъ. Ободряемый нашимъ
 долговременнымъ шертвннємъ и бездѣйстви-
 емъ, Сафа-Гирей, въ Декабрѣ 1540 года ми-
 новавъ Нижній Новгородъ, успѣлъ безпрепят-
 ственно достигнути Муромъ, но далѣе не
 могъ спушши ни шага: войны и граждане
 бились мужественно на стѣнахъ и въ вылаз-
 кахъ; Князь Димитрій Бельскій шелъ изъ
 Владиміра, а Царь Алсй съ своими вѣрными
 Тапарами изъ Касимова, испребляя разсѣян-
 ныя шодны непріятелей въ Мещерской зем-
 лѣ и въ селахъ Муромскихъ. Сафа-Гирей бѣ-

Впаденіе
 Казанска-
 го Царя.

жалъ назадъ, и шакъ скоро, что Воеводи Московскіе не догнали его ⁽⁹⁷⁾. — Сей не весьма удачный походъ умножилъ число недовольныхъ въ Казани: шамошніе Князя и знаннѣйшій изъ нихъ, Буланъ, тайно писали въ Москву, чѣобы Государь послалъ къ нимъ войско; что они готовы убитъ или выдасть намъ Сафа-Гирея, который, опнимая собственность у Вельможъ и народа, шлеть казну въ Тавриду. Бояре велели немедленно соединиться полкамъ изъ семнадцати городовъ въ Владимиръ, подъ начальствомъ Князя Ивана Васильевича Шуйскаго; онѣвъспроводили Булану ласково, обѣщая ему милость и забвеніе прошедшаго; но ждали дальнѣйшихъ вѣстей изъ Казани, чѣобы посланъ шуда войско ⁽⁹⁸⁾.

Еще Ханъ Самъ-Гирей скрывалъ свои замыслы: Посоль Іоанновъ, Князь Александръ Кашинъ, жилъ въ Тавридѣ, а Ханскій, именовъ Тагалдый, въ Москвѣ; но Бояре угадывали, что Царь Казанскій дѣйствовалъ по согласію съ Крымомъ, и для того, на всякій случай, собрали войско въ Коломнѣ, гдѣ самъ юный Іоаннъ осматривалъ его спань. Весною узнали въ Москвѣ (чрезъ пѣвниковъ, ушедшихъ изъ Тавриды) что Ханъ двинулся къ предѣламъ Россіи со всею Ордою, не оснавивъ дома никого, кромъ женъ, дѣтей и старцевъ; что у него дружина Сулпанова съ огнеспрыльнымъ снарядомъ; что къ нему присоединилась еще шлодомъ изъ Ногайскихъ

Г. 154г.

Нашествіе Хана на Крымскаго.

Г. 1541. Улусовъ, изъ Аспрахани, Кафы, Азова; что Князь Симеонъ Бельскій взялся бысть его пушеводителемъ ⁽⁹⁹⁾. Намъспнику Пунивльскому, Оедору Плещееву, вельно было удосноврившися въ испинѣ сего извѣстія: люди, посланные имъ въ степи, видѣли тамъ слѣды прошедшаго войска, тысячъ ста или больше. Тогда Князь Димитрій Бельскій, въ санъ главнаго Воеводы, прибылъ въ Коломну и вывелъ рапъ въ поле. Князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій осмался въ Владимірѣ съ Царемъ Шигъ-Алеемъ; многочисленныя дружины шли оповсюду къ Серпухову, Калугѣ, Туль, Рязани. Наши смѣлые лазунчики вспрыпили Хана близъ Дона: они смопрѣли на полки его и не видали имъ конца въ степяхъ опкрыпныхъ. Уже Саипъ-Гирей былъ на сей споронѣ Дона; приспупалъ къ Зарайску и не могъ взять крѣпости, опраженнѣй славнымъ мужеснвомъ ея Воеводы, Назара Гльбова ⁽¹⁰⁰⁾.

Юля 28.

Между пѣмъ, какъ наши полки располагались спаномъ близъ Оки, Москва умилялась зрѣлищемъ, дѣйствительнѣй прогапельнымъ; десятильпннѣй Государь съ брапомъ своимъ, Юріемъ, молился Всевышнему въ Успенскомъ храмѣ, предъ Владимірскою иконою Богоматери и гробомъ Св. Петра Мипрополипа о спасеніи опечеснва; плакалъ и въ слухъ народа говорилъ ⁽¹⁰¹⁾: „Боже! Ты защипилъ моего прадыда въ нашеспвіе люппаго Темирь-Аксака: защипи и насъ, юныхъ, сирыхъ! Не имвемъ ни ошца, ни мапери, ни силы въ

„разумъ, ни крѣпости въ десницѣ; а Государство пребудеть оны насъ спасенія!“ Онъ повелъ Миширополиша въ Думу, гдѣ сидѣли Бояре, и сказалъ имъ: „Врагъ идетъ: рѣшишь, здѣсь ли мнѣ бысть, или удалишься?“ Бояре разсуждали тихо и спокойно. Одни говорили, что Великіе Князья въ случаѣ непріятельскихъ нашествій никогда не заключались въ Москвѣ. Другіе такъ ошвыщесивовали: „Когда Едигей шель къ синолицѣ⁽¹⁰²⁾, „Василій Димитріевичъ удалился, чтобы со- „бирать войско въ обласпяхъ Россійскихъ, „но въ Москвѣ оставилъ Князя Владиміра Андреевича и своихъ братьевъ. Нынѣ Государь „у насъ опрокъ, а братья его еще малолѣтнѣе: „двѣмя ли скакаемъ изъ мѣсна въ мѣсно и „соспавляемъ полки? Не скорѣ ли впадутъ „они въ руки невѣрныхъ, которые безъ сомнѣнія разсыются и по инымъ обласпямъ, „ежели доспигнутъ Москвы?“ Миширополишъ соглашался съ послѣдними и говорилъ: „Гдѣ „искамъ безопасности Великому Князю? „Новгородъ и Псковъ смежны съ Литвою и „съ Нѣмцами; Коспрома, Ярославль, Галичь, „подвержены набѣгамъ Казанцевъ; и на кого „оставимъ Москву, гдѣ лежатъ Свящые „Угодники? Димитрій Іоанновичъ оставилъ „ее безъ Воеводы сильнаго: что же случилось? „Господь да сохранишь насъ оны такого „бѣдствія! Нынѣ нужды собираемъ войско: „одно сповишь на берегахъ Оки, другое въ „Владимірѣ съ Царемъ Шигъ-Адеемъ, и за-

Г. 1541. „щипяшь Москву. Имѣемъ силу, имѣемъ Бога
 „и Святыхъ, коимъ онець Иоанновъ пору-
 „чидь возлюбленнаго сына: не унывайше!“
 Всѣ Бояре единодушно сказали: „Государь!
 „оспанься въ Москвѣ!“ и Великій Князь

Великodu-
 шіе наро-
 да и вой-
 ска.

изуснино даль повелѣніе Градскимъ Прика-
 щикамъ готовишья къ осады. Рвнноснъ,
 усердіе оживляли воинновъ и народъ. Всѣ кля-
 лись умереть за Иоанна, спояли ивердо за
 святныя церкви и дома свои. Людей распи-
 сали на дружины для защиты стѣнъ, воронъ
 и башенъ; вездѣ разставили пушки; укрѣпили
 посады надолбами (103). Никто не мыслить о
 бѣгствѣ, и Лыпоисцы удивляюшя сему
 общему вдохновенію мужества какъ бы дѣй-
 ствію сверхъестественному.

То же было и въ войскѣ. Полководцы обы-
 кновенно считались тогда въ старѣйшин-
 ствѣ или въ знатности родовъ между собою
 и не хотѣли зависѣть отъ младшихъ, ни
 отъ равныхъ, вопреки Государеву назначенію.
 Василій и онець его умѣли обуздывать ихъ
льстнигество; но юность Иоаннова, вселяя
 беспрашіе и дерзоснъ въ главныхъ чиновни-
 ковъ, довела сіе зло до крайности. Прѣнія и
 вражда господствовали въ спанахъ (104). Ве-
 ликій Князь послалъ Дьяка своего, Ивана
 Курицына, съ письмомъ къ Димитрію Бѣль-
 скому и къ его знаменимымъ сподвижникамъ;
 убѣждалъ ихъ спавишь всѣ личности, всѣ
 несогласія и свары, — соединишья духомъ и
 сердцемъ за опечество, за Вѣру и Государя

юнаго, которъи уповаешь единственно на Г. 15/1.
 Бога и на ихъ оружіе. „Ока да будешь не-
 „одолимою преградою для Хана!“ писалъ
 Іоаннъ: „а если не удержишь врага, по за-
 „градите ему пушъ къ Москвѣ своею грудью“
 „⁽¹⁰⁵⁾. Сразишься крѣпко во имя Бога всемогу-
 „щаго! Общѣю любовь и милоспѣ не пошь-
 „ко вамъ, но и дѣлимъ вашимъ. Кпо падень
 „въ битвѣ, шого имя велю вписанъ въ Кни-
 „ги Животныя ⁽¹⁰⁶⁾; шого жена и дѣти бу-
 „душъ моими ближними.“ Воеводы слушали
 грамоту съ умилениемъ. „Такъ!“ говорили
 они: „забудемъ вражду и самихъ себя; вспом-
 „нимъ милоспѣ Великаго Князя Василія;
 „послужимъ Іоанну, коего слабая рука еще
 „не владѣеть оружіемъ; послужимъ малому,
 „да опть великаго чести приимемъ! Если испол-
 „нимся наше ревностное желаніе; если по-
 „бѣдимъ, шно не въ одной Русской, но и въ
 „чуждыхъ, опдаленныхъ земляхъ прославимся.
 „Мы не безсмертны: урремъ же за опече-
 „сшво! Богъ и Государь не забудушъ насъ.“
 Сіи, дополь сварливые, упрямые Воеводы
 плакали, обнимали другъ друга въ восторгѣ
 великодушія; назывались браньями; клялися
 вмѣстѣ побѣднш или оставиш кости свои
 на берегу Оки. Они вышли изъ шанпра, чи-
 тали войску письмо Іоанново, говорили рѣчи
 сильныя глубокимъ, добродѣтельнымъ чув-
 ствомъ. Дѣйсшвіе было неопшсанное. Войны
 кричали: „Хопимъ, хопимъ шшш смершную
 „чашу съ Ташарами за Государя юнаго! Когда

Г. 1541. „вы, опцы наши, согласны между собою, „идемъ съ радоспю на враговъ невѣрныхъ.“ И съ полки двинулись впередъ, многочисленныя, спройныя и бодрые.

Июля 30. Уже Ханъ пришелъ къ Окѣ и спалъ на высокогахъ. Другой берегъ ея былъ занятъ Московскою передовою дружиною, подъ начальствомъ Князей Ивана Туруншай-Пронскаго и Василія Охлябина - Ярославскаго. Татары — думая, что у насъ нѣтъ болѣе войска — спустили планы на рѣку и хотѣли переправиться; а Турки спрѣляли изъ пушекъ, изъ пищалей, чтобы опбить Россіянъ, которые, дѣйствуя однѣми спрѣлами, сперва было-дрогнули и замѣшались . . . Но присѣли Князя Пунковъ-Микудинскій и Серебряный - Оболенскій съ подками: Россіане спали твердо. Скоро явились новыя, гусныя полки ихъ и ряды необозримые: Князя Михайло Кубенскій, Иванъ Михайловичъ Шуйскій и самъ Димитрій Бѣльскій водрузили на берегу свои знамена. Съ правой и лѣвой стороны еще шло войско; вдали показалась многочисленная Запасная Спража. Ханъ видѣлъ, изумлялся, и съ гнѣвомъ сказалъ измѣннику нашему, Симеону Бѣльскому, и Вельможамъ: „Вы обманули меня, увѣривъ, „что Россія не въ силахъ бороться въ одно „время съ Казанью и со мною. Какое войско! Ни я, ни опытные старцы мои не „видывали подобнаго“ (107). Объятый ужасомъ, онъ хотѣлъ бѣжать: Мурзы удержали

его. Съ обѣихъ сторонъ летали ядра, пули и снѣрлы; ввечеру Таптары опустушили къ высопамъ, а Россіяне, одушевленные мужеснвомъ, кричали имъ: „идише сюда; мы „вась ожидаемъ!“

Наспунила ночь: Воеводы Иоанновы, по словамъ Лынописцевъ, *пировали духомъ*, готовясь къ рвшипельной бшпвѣ слѣдующаго дня. Не было ни спраха, ни сомнѣнйя; не хонѣли опдыха; спгукъ оружйя и шумъ людей не умолкали въ спанѣ; приходили новыя дружины одна за другою съ тяжелымъ огнеснрѣльнымъ снарядомъ. Ханъ неспреспанно слышалъ издали радоснпные клики въ нашемъ войскѣ; видѣлъ при свѣтѣ огней, какъ мы спавили пушкы на холмахъ берега — и не дождался унра: птерзаемый спра- хомъ, злобою, спыдомъ, ускакалъ въ ипелегъ; за нимъ побѣжало и войско, испребивъ часпѣ обоза, другую же и нѣсколько пушекъ Судпановыхъ оспавивъ намъ въ добычу. Тогда въ первый разъ мы увидѣли въ рукахъ своихъ Опшпманскіе Трофеи! — Съ сею спаспливою вѣспію Димипрій Бѣльскій послалъ въ Москву Князя Ивана Кашина, а Князей Микулинскаго и Серебрянаго въ слѣдъ за Ханомъ. Они били и плѣняли опспалыхъ, копорые извѣспили ихъ, что Сапш-Гирей идепѣ къ Пронску. Хвалившись спанѣ на Воробьевыхъ горахъ и разоривъ всѣ обласпи Московскія, онъ думалъ уменьшпѣ спыдѣ свой взяпдемъ сей маловажно

Бѣгство
непріа-
тели.

Г. 1541. крепости, подобно Тамерлану, не завоевавшему в России ничего, кроме Ельца. Тогда главный наш Воевода оприядилъ впередь новые полки, чѣтобы скорѣе выгнать Хана изъ предѣловъ Россіи.

3 Августа Саинъ - Гирей обступилъ Пронскъ, гдѣ начальствовалъ Василий Жулебинъ ⁽¹⁰⁸⁾, у коего было не много людей, но много смѣлосни: онъ пушками, кольями и каменьями отбилъ непріятеля. Мурзы хотѣли говорить съ нимъ: Жулебинъ явился на стѣнѣ. „Сдайся“, сказали они; „Царь объѣщаетъ тебѣ милость, или будешь споянъ здѣсь, пока возмешь городъ.“ Выпавъ оповѣщивалъ: „Божіею волею спавнися градъ, и никто не возмешь его безъ воли Божіей. Пусиъ Царь споянъ: увидиши скоро Воеводу Московскихъ.“ Саинъ-Гирей велѣлъ готовить шуры для новаго, сильнѣйшаго приспуна; а Жулебинъ вооружилъ не только всѣхъ гражданъ, но и самыхъ женъ. Груды камней и колевь лежали на стѣнѣ; кошлы кишели съ водою; надъ заряженными пушками горѣли фитили. Тогда осажденные получили вѣсть, что Князя Микулинскій и Серебряный уже близко ⁽¹⁰⁹⁾; клики веселія раздались въ городъ. Ханъ узналъ о томъ: съегъ шуры, и 6 Августа удалился отъ Пронска, гонимый нашими Воеводами до самаго Дона; а Князь Вороншинскій разбилъ Царевича Имина, кошорый

было - остановился для грабежа въ Одоевскомъ Уездѣ (110).

Вся Россія поржеспвовала сіе счастливое изгнаніе сильнаго врага изъ нѣдръ ея; славила Государя и Полководцевъ. Юносінь Іоаннова, умилительная для сердець во дни спраха, была особенною предеснію и поржеспва народнаго, когда Державный опрокъ въ храмъ Всевышняго благодарилъ Небо за спасеніе Россіи; когда именовемъ опечеспва изъвляяль признапельносінь Воеводамъ, и когда они, пронунные его милоспію, съ радоспнными слезами опввчали ему: „Государь! мы побѣдили швоими Ангельскими, молишвами и швоимъ счастіемъ“ (111)! Народъ всего болѣе вѣришь сшистію, и младыя дѣла Іоанновы опкрывали неизмѣримое поле для надежды. — Такъ чувспвовали современники, кошорые видѣли въ Саипъ-Гирѣѣ новаго Мамаю или Тамерлана, и хвалились его бѣгспвомъ какъ славнымъ для Россіи просшеспвиемъ. Они не думали о будущемъ. Чшо случилось, могло и впредь случишья. Россія, уже дѣйсшвипельно сильная, оспавалась еще жершвою *внезапныхъ* нападений: мы хотѣли, чшобы нешріяпель давалъ намъ время изгшовишья къ оборонѣ; выгоняли его, но села наши пущшли, и Государсшво лишалось главной своей драгоцѣнносш: людей! Только опыты вѣковъ приводяшъ истинныя мѣры государственной безопасности въ швердую сшспему.

Г. 1541. Князь Иванъ Бѣльскій, будучи душею Плавншельства, спояль на вышней степенѣ счастія, опираясь на личную милость Государнаго опрока, уже зрющаго душею, — на ближнее съ нимъ родство, на усѣхн оружія, на дѣла челоувѣколюбія и справедливости. Совѣсть его была спокойна, народъ доволенъ . . . и визѣишь кипѣла злоба, коварствовада зависть, неумынная въ свѣишь, особенно дванельная при Дворѣ. Здѣсь Исторія наша представляеть опасность великодушія, какъ бы въ оправданіе жестокихъ, мстительныхъ власшлюбцевъ, дающихъ миръ врагамъ шолько въ могиль. Князь Иванъ Бѣльскій, освобожденный Митрополиомъ и Боярами, могъ бы помѣняшья шемницею съ Шуйскимъ; могъ бы ошннншь у него и свободу и жизнь: но презрѣль безсильную злобу, и сдѣлалъ еще болѣе: оказалъ уваженіе къ его раннимъ способностямъ и далъ ему Воєводство: что назвала бы мы ошибкою великодушія, если бы оно имѣло цѣлю не внущреннее удовольствіе сердца, не добродѣтель, а выгоды спрасшей. Шуйскій, съ гнѣвомъ уснуишь власнъ своему неоспорожному прошивнику, думалъ единственно о мести, в знаменитые Бояре, Князя Михайло, Иванъ Кубенскіе, Димитрій Палецкій, Казначей Трешьяковъ, вошли съ нимъ въ заговоръ, чинобы погубить Бѣльскаго и Митрополита, связанныхъ дружбою и, какъ въроипно, усердною любовію къ ошечесшву. Не было, ка-

жестя, и предлога благовиднаго: заговорщи-
ки хоньби просно, низвергнувъ власпели-
на, занянь его мѣсно, и доказанъ не пра-
воснъ, а силу свою. Они преклонили къ се-
бѣ многихъ Дворянъ, Дѣпей Боярскихъ, не
шодько въ Москвѣ, но и въ разныхъ обла-
стяхъ, особенно въ Новгородѣ ⁽¹¹²⁾. Шуй-
скій, находясь съ подками въ Владимірь, чпо-
бы ипшти на Казань, обещаніями и ласками
умножилъ число своихъ единомышленниковъ
въ войскѣ; взявъ съ нихъ тайную присягу,
даль знанъ Московскимъ клеветамъ, чпо
время прислушинъ къ дѣлу, и послалъ къ
нимъ изъ Владиміра съ сыномъ, Княземъ Пе-
промъ, присна надежныхъ всадниковъ ⁽¹¹³⁾.
Ночью, 3 Генваря, сдѣлалась ужасная пре-
вога въ Кремль: заговорщики схватили Кня-
зя Ивана Бѣльскаго въ его домъ и посадили
въ шеницу; также вѣрныхъ ему друзей,
Князя Петра Щеняшова и знашнаго санов-
ника Хабарова: перваго извлекли задними
дверьми изъ самой комнаты Государевой;
окружили Минрополиновы келліи, бросали
каменьями въ окна, и едва не умертвили Го-
сафа, конорый бѣжалъ отъ нихъ на Троиц-
кое подворье: Игумень Лавры и Князь Ди-
мипрій Палецкій шолько именовъ Св. Сер-
гтя могли удержанъ неисповыхъ Дѣпей Бо-
ярскихъ ⁽¹¹⁴⁾, поднявшихъ руку на Архипас-
шыря. Минрополипъ искалъ безопаснши
во дворецъ, въ присутствіи юнаго Иоанна;
но Государь, пробужденный свирѣпыми вол-

г. 1542.
Смута Бо-
ль. Пале-
ніе К.
Ивана
Бѣль-
скаго.

Г. 1542. дѣмь мяштежниковъ, самъ пренепталь какъ несчастная жернова. Бояре съ шумомъ вошли за Юасафомъ въ комнату Великаго Князя; взяли, отправили Мипроподина въ ссылку, въ монастырь Кирилловъ на Бѣлѣозерѣ; велѣли придворнымъ Священникамъ, за полчаса до свѣта, пѣшь заупрѣню ⁽¹¹⁵⁾; кричали, господствовали, какъ бы завоевавъ Пресполь и Церковь; не думали о соблюденіи ни малѣйшей приспойности; дѣйствовали въ видѣ бунтовщиковъ; усмирили сподлицу. Никпо въ сію ужасную ночь не смыкалъ глазъ въ Москвѣ. На разсвѣтъ прискакалъ Шуйскій изъ Владиміра и сдѣлся впорично Главою Боярь. Князя Ивана Бѣльскаго послали въ заключеніе на Бѣлоозеро, Шеняпева въ Ярославль, Хабарова въ Тверь. Тишина и спокойствіе возстановились. Но Шуйскій еще не былъ доволенъ: опасаясь перемѣны, добродѣтели Князя Ивана Бѣльскаго и общей къ нему любви, онъ велѣлъ убить его, по согласію съ Боярами, безъ вѣдома Государева ⁽¹¹⁶⁾. Три злодѣя умертвили сего несчастнаго Князя въ пемницѣ: Вельможу благодушнаго, воина мужественнаго, Христианина просвѣщеннаго, какъ пишутъ современники ⁽¹¹⁷⁾. Нѣкогда подозрѣваемый въ тайномъ лихоимствѣ, за излишнее миролюбіе, оказанное имъ въ двухъ войнахъ Казанскихъ ⁽¹¹⁸⁾, онъ славою послѣднихъ лѣтъ своей жизни оправдался въ народномъ мнѣніи.

Ссылка
Мипро-
подина.

Новое го-
сподство
К. Ивана
Шуйска-
го.

Россія уже знала Шуйскаго и не могла ожидать оных его правленія ни мудрости, ни чистаго усердія къ государственному благу; могла единственно надѣяться, что власнѣ сего челоуѣка, снисканная явнымъ беззаконіемъ, не продолжится. Дума оспалась, какъ была: только нѣкоторые Члены ея, смотря по ихъ отношеніямъ къ главному Вельможѣ, украсили сяду свою или приобрѣли новую. Князь Димитрій Бѣльскій оладкивалъ бранта и сядѣлъ на первомъ мѣстѣ въ Совѣтъ, какъ старшій именемъ Бояринъ. Надлежало избрать Михрополюпа: малолѣтство Іоанново давало Архипаскырю Церкви еще болѣе важности; онъ имѣлъ свободный доступъ къ юному Государю, могъ совѣтовать ему, смѣло прощиворѣчь Боярамъ и дѣйствовать на умы гражданъ Христіанскими увѣщаніями. Шуйскій и друзья его не хотѣли вѣпорочно ошибиться въ семь выборовъ, медлили около двухъ мѣсяцевъ, и призвали Архипископа Макарія, славнаго умомъ, дѣятельностію, благочестіемъ: любя и мірскую честь, онъ, можетъ быть, оказалъ имъ услуги въ Новгородѣ и склонилъ жителей онаго на ихъ сторону ⁽¹¹⁹⁾, въ надеждѣ заслужить мѣсто Іоасафа. Черезъ семь дней нарекли Макарія Первосвященіелемъ и возвели на Дворъ Михрополючій, а черезъ десять дней посвятили ⁽¹²⁰⁾. Такимъ образомъ Князь Иванъ Шуйскій самовластно свергнулъ двухъ Михрополюповъ единственно по личной къ

Посвященіе Макарія.

Г. 1542. нимъ ненависши, безъ всякаго суда и законнаго предлога. Духовенство молчало и повиновалось. — Всѣ прежнія насилія и несправедливости возобновились. Льгота и права, данныя обласными жителямъ въ благословенное господствованіе Князя Бѣльскаго, уничтожились происками Намѣстниковъ ⁽¹²¹⁾. Россія сдѣлалась опять добычею клеверповъ, ближнихъ и слугъ Шуйскаго. Но Іоаннъ возраспалъ!

Перемирие съ Липовою.

Важнѣйшимъ дѣломъ внешней Полнники сего времени было новое перемирие съ Липовою на семь лѣтъ, заключенное въ Москвѣ Королевскими Панами, Яномъ Глѣбовичемъ и Никодимомъ ⁽¹²²⁾. Хопѣли и вѣчнаго мира съ обѣихъ сторонъ, но не согласились, какъ и прежде, въ условіяхъ. Бояре домогались раздѣла пѣнныхъ: Король претовалъ за то Чернигова и пещи другихъ городовъ, боясь, кажется, чтобы Липовскіе пѣнники не возвратились къ нему съ измѣною въ сердцѣ, и чтобы Россійскіе не открыли намъ новыхъ способовъ побѣды. Наконецъ положили единственно не воевать другъ друга и кушцамъ торговать свободно. Сигизмундъ уже слабѣлъ: Паны договаривались именемъ его сына и наследника, Августа. Въ присупсипвіи юнаго Іоанна чинали грамоны: Великій Князь цѣловалъ крестъ и далъ руку Посламъ ⁽¹²³⁾; а Бояринъ Морозовъ ѣздилъ въ Липву для раздѣла грамоны. Ему вѣдно было предсипапельствованъ за нашихъ пѣнниковъ, чтобы ихъ

не держали въ узахъ и дозволяли имъ ходити въ церковь: послѣднее упышеніе для несчастныхъ, осужденныхъ умереть въ спранцъ непріятельской! — Между тѣмъ спорили о земляхъ Себежскихъ и другихъ; хопѣли и не могли размежеваться. Чиновникъ Сукинъ, посланный для того въ Ливву, долженъ былъ въ тайной бесѣдѣ съ ея Вельможами сказать имъ, что Іоаннъ уже ищетъ себя невѣсны, и что Бояре Московскіе желаютъ знать ихъ мысли о пользѣ родственнаго союза между Государями обѣихъ Державъ. Въ доносеніи Сукина не находимъ оповѣща на сіе предложеніе ⁽¹²⁴⁾.

Испытавъ неудачу, Ханъ Сапъ-Гирей согласился быти въ дружбѣ съ нами, оппустилъ Іоаннова Посла, Князя Александра Кашина, въ Москву, и далъ ему новую *шерстную грамоту*; но сынъ Ханскій, Иминъ, и хищные Мурзы превозжили набѣгами Сѣверскую областьъ и Рязань ⁽¹²⁵⁾. Воеводы Московскіе встрѣтили ихъ; побили Крымцевъ на славномъ полѣ Куликовѣ и гнали до рѣки Мечи ⁽¹²⁶⁾. — Казанцы претовали мира; но Князь Булапъ уже не хопѣлъ свергнуть Сафа-Гирея, и писалъ о томъ къ Боярину, Димитрію Бѣльскому, а Царевна Горшадна къ самому Іоанну. Сія Царевна славилась ученостію и вохвованіемъ. Лытолицы увѣряють, что она шоржеспвенно предсказывала скорую гибель Казани и величіе Россіи. Дума Боярская не опвергала мира; но Сафа-Гирей ме-

Набѣги
Кры-
мцевъ, Но-
гаевъ. Дѣ-
ла Казан-
скія. Сно-
шенія съ
Асир-
ханью, съ
Молдаві-
ею.

Г. 1542. дѣлѣ и не заключалъ онаго ⁽¹²⁷⁾.— Дружественныя сношенія продолжались съ Аспраханью и съ Молдавіею. Царевичъ Аспраханскій, Едитеръ, пріѣхалъ служить въ Россію ⁽¹²⁸⁾. Воевода Молдавскій, Иванъ Пенровичъ, внукъ Снефановъ, писалъ къ Великому Князю, что Салиманъ, изгнавъ его, умилосердился и возвратилъ ему Молдавію, но пребуешь, сверхъ ежегодной дани, около шрехъсотъ тысячъ золотыхъ, коихъ не лзя собрать въ землѣ опустошенной ⁽¹²⁹⁾. Государь молилъ Іоанна о денежномъ вспоможеніи, которое и было послано.

Но смуты и козни придворныя занимали Думу болѣе, нежели внутреннія и вѣшнія дѣла государственныя. Не долго Князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій пользовался власнію: болѣзнь, какъ надобно думашъ, заслѣдила его опказавъ опъ Двора. Онъ жилъ еще года два или три ⁽¹³⁰⁾, не участвуя въ правленіи, но давъ оное своимъ ближнимъ родственникамъ, прѣмъ Шуйскимъ: Князьямъ Ивану и Андрею Михайловичамъ и Федору Ивановичу Скопину, которые, не имѣя ни великодушія, ни ума выпреннаго, любили только господствовать и не думали заслуживать любви согражданъ, ни признавательности онаго Выщеносца истиннымъ усердіемъ къ опечесиву. Искусство сихъ Олигарховъ состояло въ томъ, чтобы не шерить противорѣчія въ Думѣ и допускать до Государя единственно преданныхъ имъ людей, удаляя

Перемѣна
въ Прав-
леніи.

всѣхъ, кто могъ бытъ для нихъ опасенъ или смѣлоспѣю, или разумомъ, или благородными качествами сердца. Но Иоаннъ, приходя въ смыслъ, уже чувствовалъ тягостнъ беззаконной опеки, ненавидѣлъ Шуйскихъ, особенно Князя Андрея, наглаго, свирѣпаго, и склонялся душею къ ихъ явнымъ или тайнымъ недоброхотамъ, въ числѣ коихъ былъ Совѣтникъ Думы, Федоръ Семеновичъ Воронцовъ ⁽¹³¹⁾. Олигархи желали приспѣшнымъ образомъ удалитъ его, и не могли; злобствовали, и видя возрастающую къ нему любовь Иоаннову, рѣшились прибѣгнуть къ насилію: во дворецъ, въ торжественномъ засѣданіи Думы, въ присутствіи Государя и Мипрополина, Шуйскіе съ своими единомышленниками, Князьями Кубенскими, Палецкими, Шкураяптевыми, Пронскими и Алексѣемъ Басмановымъ, послѣ шумнаго прѣвнія о мнимыхъ винахъ сего любимца Иоаннова, вскочили какъ неистовые, извлекли Воронцова силою въ другую комнату, мучили, хотѣли умертвить. Юный Государь въ ужасѣ молилъ Мипрополина спасти несчастнаго: Первосвященпедь и Бояре Морозовы говорили именемъ Великаго Князя, и Шуйскіе, какъ бы изъ милоспнн къ нему, дали слово освободитъ Воронцова живаго, но били, толкали его, вывели на площадь и заключили въ пемницу. Иоаннъ впорочно отправилъ къ нимъ Мипрополина и Бояръ съ убѣжденіемъ, чпобы они послали Воронцова на службу въ Коломну, если не лъзя ему бытъ при Дворѣ и въ Мо-

Г. 1543.

Нагласно
Шуйскихъ.

Г. 1545. сквъ. Шуйскіе не согласились: Государь долженъ былъ утвердить ихъ приговоръ, и Воронцова съ сыномъ ошвели въ Коспрому ⁽¹⁵²⁾. Изображая тогдашнюю наглость Вельможъ, Лынонисець сказываесть, что одинъ изъ ихъ клеветниковъ, Оома Головинъ, въ споръ съ Минирополиномъ насмущивъ на его маншію, изорвалъ оную въ знакъ презрѣнія.

Сн крайности беззаконнаго, грубаго самовласія и необузданныхъ спраспей въ Правдпеляхъ Государства ускорили перемѣну, жедаемую народомъ и непріятелями Шуйскихъ. Иоанну исполнилось тридцать лѣтъ. Рожденный съ пылкою душою, рѣдкимъ умомъ, особенною силою воли, онъ имѣлъ бы всѣ главныя качества великаго Монарха, если бы воспитаніе образовало или усовершенствовало въ немъ дары Природы; но рано лишенный отца, маперя, и преданный въ волю буйныхъ Вельможъ, ослѣвленныхъ безразсуднымъ, личнымъ властолюбіемъ, былъ на пресподѣ несчастнѣйшимъ сиротою Державы Россійской: ибо не только для себя, но и для милліоновъ топовилъ несчастье своими пороками, легко возникающими при самыхъ лучшихъ еспешивенныхъ свойствахъ, когда еще умъ, исправитель спраспей, пѣмъ въ юной душѣ, и если, вмѣсто его, мудрый пѣспунъ не изъясняетъ ей законовъ нравственности. Одинъ Князь Иванъ Бѣльскій могъ бытъ наспавникомъ и примѣромъ добродѣтели для опрока Державнаго; но

Худое во-
спитаніе
Иоанна.

Шуйскіе, отнявъ достойнаго Вельможу у Г. 1543. Государя и Государевца, спарались привязать къ себѣ Іоанна исполненіемъ всѣхъ его дѣшскихъ желаній: непрестанно забавляли, пѣвши во дворцѣ шумными играми, въ полѣ звѣриною ловлею; пишали въ немъ склонность къ срасполобію и даже къ жестокости, не предвидя слѣдствій. На примѣръ, любя охоту, онъ любилъ не только убивать дикихъ животныхъ, но и мучить домашнихъ, бросая ихъ съ высокаго крыльца на землю; а Бояре говорили: „дуешь Дер-жавный веселился!“ Окруживъ Іоанна полною молодыхъ людей, смѣались, когда онъ безчинно рѣзвился съ ними или скакалъ по улицамъ, давилъ женъ и спарцевъ, веселился ихъ крикомъ. Тогда Бояре хвалили въ немъ смѣлость, мужество, проворство (138)! Они не думали шолковать ему священныхъ обязанностей Вѣщности, ибо не исполняли своихъ; не пеклись о просвѣщеніи юнаго ума, ибо считали его невѣжество благопріятнымъ для ихъ власполобія; ожесточали сердце, презирали слезы Іоанна о Князь Теленевъ, Бѣльскомъ, Воронцовъ, въ надеждѣ загладить свою дерзость угожденіемъ его вреднымъ прихотямъ, въ надеждѣ на вѣтреность опрока, развлекаемаго ежеминутными упѣхами. Сія безумная система обрушилась надъ главою ея виновниковъ. Шуйскіе хощли, чшобы Великій Князь помнилъ ихъ угожденія и забывалъ досады: онъ пом-

Г. 1543. ниль только досады и забываль угожденія, ибо уже зналь, что власнѣ принадлежитъ ему, а не имъ. Каждый день, приближая его къ совершенному возрасту, умножалъ козни въ Кремлевскомъ дворцѣ, запрудненія господствующиыхъ Боярь и число ихъ враговъ, между коими сильнѣйшіе были Глинскіе, Государевы дяди, Князья Юрій и Михайло Васильевичи, мстительные, честолюбивые, завистливые (134): первый засѣдалъ въ Дуль;

Заговоръ вѣнорый имѣль знатный санъ Конюшаго. пропиръ Они, не смотря на бдишельность Шуйскихъ, главныыхъ внушали принадлежаннѣшнему племяннику, В е л ь о ж ь оскорбленному ссылкой Воронцова, что ему время объявилъ себя дѣйсвишельнымъ Самодержцемъ и свергнуль хищниковъ власни, копорые, угнетая народъ, пираняли Боярь и ругающа надъ самимъ Государемъ, угрожая смернню всякому, кого онъ любилъ; что ему надобно только вооружилъсь мужесивомъ и поведѣль; что Россія ожидаетъ его слова. Вѣроянно, что и благо-разумный Мипрополнитъ, недовольный дерзкимъ насиліемъ Шуйскихъ, оспавилъ ихъ спорону и по же совѣповаль Іоанну. Умѣли скрыль важный замысль: Дворъ казался совершенно спокойнымъ. Государь, слѣдуя обыкновенію, ѣздилъ осенью моилпсья въ Лавру Сергіеву и на охоту въ Волокъ Ламскій съ знатнѣйшими сановниками, весело праздноваль Рождештво въ Москвѣ, и вдругъ, создавъ Боярь, въ первый разъ явилася пове-

липельнымъ, грознымъ; объявилъ съ твердо- Г. 1534.
 стію, что они, уничижая во зло юность Декабря
 его, незаконствуютъ, самовольно убиваютъ 29.
 людей, грабятъ землю; что многіе изъ нихъ
 виновны, но что онъ казнить только
 виновнѣйшаго: Князя Андрея Шуйскаго, Паденіе
 главнаго содѣльника иранскаго. Его взяли Ш у и
 и предали въ жертву царямъ, которые на с к и х ъ.
 улицѣ исперзали, умертвили сего знаменнѣй-
 шаго Вельможу (135). Шуйскіе и друзья ихъ
 безмолвствовали: народъ изъявилъ удоволь-
 ствіе. Огласили злодѣянія убившаго. Пи-
 шутъ, что онъ, ненасытимый въ корыспо-
 любіи, подъ видомъ купли опинималъ Дворян-
 скія земли, угнетая крестьянъ; что даже
 и слуги его господствовали и ирансиро-
 вали въ Россіи, не боясь ни судей, ни зако-
 повъ (136). Но сія варварская казнь, хотя
 и заслуженная недостоиннымъ Вельможею,
 была ли достойна истиннаго Правитель-
 ства и Государя? Она явила, что бѣдствіе
 Шуйскихъ не умудрило ихъ преемниковъ;
 что не законъ и не справедливость, а
 только одна спорона надъ другою одержала
 верхъ, и насиліе усугубило насилію: ибо
 юный Іоаннъ безъ сомнѣнія еще не могъ
 властвовать самъ собою: Князья Глинскіе съ Власть
 друзьями повелѣвали его именемъ, хотя Г л и н -
 и сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, что с к и х ъ.
 „съ того времени Бояре начали имѣть
 „спрахъ отъ Государя“ (137).

Оналы и жестокость новаго Правленія

Жесто-дѣйствительно уснрашили сердца. Сослалъ
к о с н ѣ
п р а в л е -
н і я .
Г. 1544
— 1546.

Оедора Шуйскаго-Скошца, Князя Юрія Тем-
кпна, Оому Головица и многих иныхъ чи-

новнпковъ въ опдаленныя мѣсна; а знашна-
го Боярина, Ивана Кубенскаго, сына двою-
родной шепки Государевой, Княжны Углиц-
кой, посадили въ пленницу ⁽¹³⁸⁾: онъ нахо-
дился въ плѣсной связи съ Шуйскими, но оп-
личался досноппснствами, умомъ, ппхпмъ пра-
вомъ ⁽¹³⁹⁾. Его заключили въ Переславль влѣ-
спнѣ съ женою, тамъ, гдѣ сидѣлъ нѣкогда
злосчастпый Князь Андрей Углицкій съ дѣвч-
ми своими ⁽¹⁴⁰⁾. Казнь, изобрѣшенная варвар-
спвомъ, была учаспю сановника придворна-
го, Аванасья Бушурдина, обвиненнаго въ
дерзкихъ словахъ: ему опрѣзали языкъ предъ
пленницею въ глазахъ народа ⁽¹⁴¹⁾. Чрезъ пять
мѣсяцевъ освободивъ Кубенскаго, Государь
снова возложилъ на него оналу, также на
Князей Петра Шуйскаго ⁽¹⁴²⁾, Горбанаго,
Димитрія Палецкаго и на своего любимца,
Боярина Оедора Воронцова; просили ихъ
изъ уваженія къ ходатайспву Минпроколи-
па, но не надолго. Разнесся слухъ, что
Ханъ Крымскій голповишся иппи къ на-
шимъ предѣламъ: сынъ его, Иминь, за нѣ-
сколько мѣсяцевъ предъ плѣмъ ⁽¹⁴³⁾ свободно
грабилъ въ Узздахъ Одоевскомъ и Бѣлевскомъ
(гдѣ наши Воеводы только спорили о спарѣй-
шпспвѣ, не двигаясь съ мѣсна для опраже-
нія непріятеля). Самъ Юаннь, уже вснуцпвъ

въ лѣта юности, предводившествовала мно-
гочисленную ратью, вздиль водою на бого-
молье въ Угрюшскій монастырь Св. Николая,
прибыль къ войску и жилъ въ Коломнѣ око-
ло прехъ мѣсяцевъ ⁽¹⁴⁴⁾. Ханъ не явился. Воен-
скій спанъ сдѣлался Дворомъ, и злые чеспо-
любцы занимались кознями. Однажды Госу-
дарь, по своему обыкновенію выѣхавъ на звѣ-
риную ловлю, былъ ошановленъ шайпиде-
сянью Новогородскими пищальниками, ко-
торые хопѣли принести ему какія-по жа-
лобы: Іоаннъ не слушалъ, и велѣлъ своимъ
Дворянамъ разогнать ихъ. Новогородцы про-
пивились: началась бивва; спрѣляли изъ
ружей, свклись мечами, умерпвили съ обѣ-
ихъ споронъ человекъ десянь. Государь воз-
вратился въ спанъ ⁽¹⁴⁵⁾, и велѣлъ ближнему
Дьяку, Василию Захарову, узнать, кто под-
училъ Новогородцевъ къ дерзости и мяпе-
жу? Захаровъ, можетъ быть по согласію съ
Глинскими, донесъ ему, что Бояре, Князь
Иванъ Кубенскій и Воронцовы, Федоръ и
Василій, супъ шайные виновники мяпежа.
Сего было довольно: безъ всякаго дальнѣй-
шаго изслѣдованія, гнѣвный Іоаннъ велѣлъ
опрубить имъ головы, объявивъ, что они
заслужили казнь и прежними своими беззаконі-
ями во время Боярскаго правленія ⁽¹⁴⁶⁾! Ль-
пописцы свидѣтельствуютъ ихъ невин-
ность, укоряя Федора Воронцова единствен-
но шѣмъ, что онъ желалъ исключительна-
го первенства между Боярами, и досадовалъ,

Г. 1544
— 1546. когда Государь безъ его вѣдома оказывалъ другимъ милости. Способствовалъ паденію Шуйскихъ, и бывъ врагомъ Кубенскаго, сей несчастный любимецъ положилъ голову на одной съ нимъ плахѣ! . . . Такъ новые Вельможи, пѣспуны или совѣтники Иоанновы, приучали юношу - Монарха къ ужасному легкомыслію въ дѣлахъ правосудія, къ жестокости и широкости! Подобно Шуйскимъ, они готовили себѣ гибель; подобно имъ, не удерживали, но стремили Иоанна на пупи къ разврату, и пеклись не о томъ, чіюбы сдѣлать верховную власть благошворною, но чіюбы утвердить ее въ рукахъ соблазненныхъ.

Доброе
соглашеніе
съ Лип-
вою.

Въ отношеніи къ инымъ державамъ мы дѣйствовали съ успѣхомъ и съ честью. Король Польскій сдалъ правленіе сыну, Сигизмунду-Августу, который, извѣстивъ ономъ Великаго Князя, увѣрялъ Россію въ своемъ миролюбіи и въ твердомъ намѣреніи исполнить заключенный съ нею договоръ ⁽¹⁴⁷⁾. — Обманъ Царя и Вельможъ Казанскихъ вывели Иоанна изъ пертыніи. Двѣ рани, одна изъ Москвы, другая изъ Вятки, въ одинъ день и часъ сошлись подъ стѣнами Казани, обратили въ пепель окрестности и кабакъ Царскіе, убили множество людей близъ города и на берегахъ Свіаги, взяли знатныхъ плѣнниковъ и благополучно возвратились ⁽¹⁴⁸⁾. Сіе внезапное нашествіе Россіянъ заставило думать Царя, что Казанскіе Вель-

Гать на
Казань.

МОЖИ тайно подвели ихъ: онь хоптъль
 испишь; умерщвила нѣкопорыхъ Князей,
 иныхъ выгналь ⁽¹⁴⁹⁾, и произвелъ всеобщее о-
 злобленіе, коего свидѣніемъ было то, что
 Казанцы, требуя войска онь Іоанна, жела-
 ли выдасть ему Сафа-Гирей съ приданью
 Крымскими сановниками. Государь обещалъ Г. 1546.
 посласть войско, но хоптъль, чпобы они
 прежде свергнули и заключили Царя. Бунтъ
 дѣйствительно открылся: Сафа-Гирей бѣ-
 жаль, и многіе изъ Крымцевъ были испер-
 заны народомъ. Семь, Уланы, Князья, всѣ
 чиновники Казанскіе, давъ кляпву бытъ Ш и г ъ -
 вѣрными Россіи, слова приняли къ себѣ Ца- Алей Ца-
 ря Шигъ-Алея, шоржесивенно возведеннаго ремъ въ
 на пресполь Князьями Димшириемъ Бѣль- Казани, и
 скимъ и Палецкимъ; веселились, празнова- бѣжитъ
 ли, и слова измѣнили. Какъ бы въ предчув- опшуда.
 ствїи неминуемаго, скорого конца Державы
 ихъ, они сами не знали, чего хоптъли, волну-
 емые спрашиваи, и въ запмѣнїи ума; взяли
 Царя не для того, чпобы повиноваться, но
 чпобы его именемъ управлять землею; дер-
 жали какъ пѣвника, не дозволяли ему выѣз-
 жать изъ города, ни показываться народу;
 шировали во дворцѣ и гремѣли оружіемъ; пи-
 ли изъ золотыхъ сосудовъ Царскихъ и брали
 оные себѣ; вѣрныхъ слугъ Алеевыхъ заклю-
 чили въ шемницу, даже умерщвили нѣкопо-
 рыхъ и претовали, чпобы Царь въ письмахъ
 къ Іоанну хвалился ихъ усердіемъ! Лѣтопи-
 сець сказываесть, чпю Шигъ-Алей предви-

Г. 1546. дѣль свою учаспъ, и шолько изъ повинове-
 нія къ Великому Князю согласился ѣхать въ
 Казань ⁽¹⁵⁰⁾. Онъ шеригълъ мѣсяць въ безмол-
 віи, имѣя довѣренноспъ къ одному изъ знап-
 нѣйшихъ Князей, именовъ Чуръ, преданному
 Россіи. Сей добрый Вельможа не могъ ус-
 овѣспити Власнипелей Казанскихъ, шщеп-
 но грозивъ имъ пагубными слѣдспвіями без-
 умнаго непоспояспива: раздраживъ Шигъ-
 Алея и боясь месипи Юанншвой, они вздумали
 оняпъ призвать Сафа-Гирея, который съ
 шолнами Ногайскими уже былъ на Камъ.
 Князь Чура извѣспилъ Алея о семъ загово-
 рѣ, совѣшпвалъ ему бѣжашъ, и пригшшвилъ
 суда. Наспшалъ какой-шо праздинокъ: Вельмо-
 жи и народъ шили до ночи, заснули глубо-
 кимъ сномъ и не видали, какъ Царъ выпшелъ
 изъ дворца, и благополучно увхалъ Волгою
 въ Россію ⁽¹⁵¹⁾; а Сафа-Гирей, въ шрешій разъ
 съвъ на прешшлъ Казанскомъ, началъ цар-
 шповашъ ужасомъ: убилъ Князя Чуру и мно-
 гихъ знапныхъ людей, окружилъ себя Крым-
 цами, Ногаями, и ненавидя своихъ подданныхъ,
 хопѣлъ шолько держашъ ихъ въ спрахъ. Сем-
 десяпъ-шесилъ Князей и Мурзь, бранья Чури-
 ны, вѣрныя Алею, и самыя нешшшвыя злодѣи
 его, обманушыя Сафа-Гирею, искали убѣжи-
 ща въ Москвъ. Въ слѣдъ за ними явились и
 Послы Горной Черемисы, съ увѣреніемъ, что
 ихъ народъ весь гошовъ присодинишъ къ на-
 шему войску, если оно вспшпшъ въ Казанскіе
 предѣлы. Тогда была зима: опшоживъ полную

местъ до дѣла, но желая удоспѣриться Г. 1546. въ благопріятномъ для насъ расколоженіи дикарей Черемисскихъ, Іоаннъ опрядилъ нѣсколько полковъ къ устью Свіаги. Князь Александръ Горбаный предводительствовалъ ими, и сражался единственно съ зимними вьюгами, нигдѣ не находя сопротивленія. Ему не вѣрно было осаждать Казани: онъ удовольствовался добычею, и привелъ съ собою въ Москву спс воиновъ Черемисскихъ, которые служили намъ залогомъ въ вѣрности ихъ народа (152).

Походъ къ
устью
Свіаги.

Между тѣмъ Великій Князь ѣздивъ по разнымъ обласнямъ своей Державы, но единственно для того, чтобы видѣть славные ихъ монастыри и забавляться звѣриною ловлею въ дикихъ лѣсахъ: не для наблюденій государственныхъ, не для защиты людей отъ припѣсенія корыслолюбивыхъ Намѣстниковъ. Такъ онъ былъ съ братьями Юріемъ Василевичемъ и Владиміромъ Андреевичемъ въ Владиміръ, Можайскъ, Волокъ, Ржевъ, Тверь, Новгородъ, Псковъ, гдѣ, окруженный сонмомъ Бояръ и чиновниковъ, не видалъ печалей народа, и въ шумъ забавъ не слышалъ стenanій бѣдности; скакалъ на борзыхъ ишакахъ, и оспаивалъ за собою слезы, жалобы, новую бѣдность: ибо сіи путешествія Государевы, не принося ни малѣйшей пользы Государству, стоили денегъ народу: Дворъ претовалъ угощенія и даровъ (153). — Однимъ словомъ, Россія еще не видала отца-Монарха

Путешествія
Великаго
К. и неудовольствія
народа.

на пресподь, упѣшаясь полько надеждою, что льна и зрѣльїи умъ опкроуютъ Іоанну свяпое искусство царшвовань для блага людей.

Г Л А В А Ш.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАР-
СТВОВАНІЯ ІОАННА ІV.

Царское вѣнчаніе Іоанна. Бракъ Государевъ. Добродѣтели Анастасіи. Пороки Іоанновы и худое Правленіе. Пожары въ Москвѣ. Бунтъ черни. Чудное исправленіе Іоанна. Сильвестръ и Адашевъ. Рѣчь Государева на лобномъ мѣстѣ. Перемена Двора и власней. Крошосць Правленія. Судебникъ. Обузданіе Мѣспничества. Стоглавъ. Уставныя грамошы. Избраніе Присажныхъ. Учрежденія Церковныя. Намѣреніе просвѣтити Россію. Военскія дѣланія. Походъ на Казань. Перемиріе съ Липвою. Дѣла Крымскія. Смерть Царя Казанскаго. Походъ на Казань. Избраніе мѣста для новой крѣпости. Владеніе Ногаевъ. Основаніе Свіажска. Покореніе Горной Стороны. Ужась Казанцевъ. Мирныя условія съ ними. Сююнбека. Новое воцареніе Шигъ-Алея. Освобожденіе плѣнниковъ. Невѣрность Казанцевъ и жестокость ихъ Царя. Переговоры съ Алеемъ. Царь ошавляеть Казань. Послѣдняя измѣна Казанцевъ.

Г. 1546—1552.

Г. 1546.
Царское
вѣнчаніе
Іоанна.

Великому Князю исполнилось 17 лѣтъ отъ рожденія. Онъ призвалъ Минпрополища и долго говорилъ съ нимъ на-единь. Минпрополищъ

вышелъ опъ него съ лицомъ веселымъ, опъ Г. 1546.
пѣлъ молебень въ храмъ Успенія, послалъ за
Боярами—даже и за пѣвми, копорые нахо-
дились въ опаль, — и вмѣстѣ съ ними былъ
у Государя. Еще народъ ничего не вѣдалъ;
но Бояре, подобно Мипрополипу, изъвляли
радоснѣ. Любопытныя угадывали причину,
и съ неперывнѣемъ ждали опкрышя счас-
ливой шайны.

Прошло при дни ⁽¹⁵⁴⁾. Велѣли собраться
Двору: Первосвященшель, Бояре, всѣ знашныя
сановники окружали Иоанна, копорый, по
Декабря 17.
молчавъ, сказалъ Мипрополипу: „Уповая на
„милоснѣ Божію и на свяшыхъ заслужниковъ
„земли Русской, имѣю намѣреніе жениться:
„ты, опче, благословиль меня. Первою мо-
„ею мыслію было искашь невѣсны въ иныхъ
„Царснвахъ; но, разсудивъ основательнѣе,
„оплагаю сію мысль. Во младенчеснвѣ ли-
„шеннѣй родителей и воспитаннѣй въ си-
„ропснвѣ, могу не сойшися правомъ съ ино-
„земкою: буденъ ли шогда сунужеснво счас-
„спнѣмъ? Желая найши невѣсншу въ Россіи,
„по вошь Божіей и швоему благословенію.“
Мипрополипъ съ умиленіемъ опвѣщснво-
валъ: „Самъ Богъ внушилъ тебѣ намѣреніе
„споль вождельнное для швоихъ подданныхъ!
„Благословляю оное шменемъ Опца небесна-
„го.“ Бояре плакали опъ радоснѣ, какъ
говоритъ Лыпонисецъ, и съ новымъ востор-
гомъ прославили мудроснѣ Державнаго, когда
Иоаннъ объявилъ имъ другое намѣреніе: „еще

„до своей женишбы исполнишь древній
 „обрядъ предковъ его и *вънгатся на Цар-*
ство“ (155). Онъ велѣлъ Мипрополину и
 Боярамъ гошовишся къ сему великому пор-
 жесшву, какъ бы упверждающему печашю
 Вѣры свяшнѣй союзъ между Государемъ и на-
 родомъ. Оно было не новое для Московской
 Державы: Иоаннь III *вънгалъ* своего внука на
 Царство; но совѣшники Великаго Князя—
 желая или дашь болѣе важности сему обряду,
 или удалишь онъ мыслей горесшное воспо-
 мнаніе о судьбѣ Димитрія Иоанновича—го-
 ворили единственнo о древнѣйшемъ примѣрѣ
 Владиміра Мономаха, на коего Мипрополишь
 Ефесскій возложилъ вѣнецъ, злапую цѣпь и
 Бармы Конспашпиновы (156). Писали и раз-
 сказывали, что Мономахъ, умирая, опдалъ
 Царскую упварь шестому сыну своему, Ге-
 оргію; велѣлъ только хранишь ее какъ звѣ-
 ницу ока и передавашъ изъ рода въ родъ безъ
 употребленія, доколѣ Богъ не умилосшвиши-
 ся надъ бѣдною Россіею и не воздвигнешъ въ
 ней испиннаго Самодержца, dospойнаго укра-
 сшися знаками могущесшва (157). Сіе пре-
 даніе вошло въ лѣтописи XVI вѣка, когда
 Россія дѣйсшвишельно увидѣла Самодержца
 на пронѣ, и Греція, издыхая въ бѣдсшвѣмъ,
 опказала намъ величіе своихъ Царей.

Г. 1547.

Генваря 16, упромъ, Иоаннь вышелъ въ
 споловую комнашу, гдѣ находились всѣ Бо-
 яре; а Воеводы, Князья и чиновники, бога-
 то одѣшные, спояли въ сѣняхъ. Духовникъ

Государевъ, Благовѣщенскій Протоіерей, Г. 1547.
 взявъ изъ рукъ Іоанновыхъ, на златомъ блюдѣ, Животворящій Крестъ, вѣнецъ и Бармы ⁽¹⁵⁸⁾,
 опнесъ ихъ (провождаемый Конюшимъ, Княземъ Михайломъ Глинскимъ, Казначейми и Дьяками) въ храмъ Успенія. Скоро пошелъ шуда и Великій Князь: передъ нимъ Духовникъ съ крестомъ и Святою водою, кропя людей на обихъ споронахъ; за нимъ Князь Юрій Василіевичъ, Бояре, Князья и весь Дворъ. Вснувивъ въ церковь, Государь приложился къ иконамъ: священные лики возгласили ему многолѣтіе; Мипрополитъ благословилъ его ⁽¹⁵⁹⁾. Служили молебень. Посреди храма, на амвоѣ съ двѣнадцатію ступенями, были изгоповлены два мѣспа, одѣшныя златыми паволоками; въ ногахъ лежали бархаты и камки: тамъ сѣли Государь и Мипрополитъ. Предъ амвономъ стоялъ богато-украшенный напой съ Царскою упварію: Архимандриты взяли и подали ее Макарію: онъ вспаль вмѣстѣ съ Іоанномъ, и возлагая на него крестъ, Бармы, вѣнецъ, громогласно молился, чпобы Всевышній оградилъ сего Хрисціанскаго Давида силою Св. Духа, посадилъ на пресполь добродѣтели, дароваль ему ужась для спрошпивыхъ и милостивое око для послушныхъ. Обрядъ заключилъся возглащеніемъ новаго многолѣтія Государю. Принявъ поздравленіе опъ Духовенства, Вельможъ, гражданъ, Іоантъ слушаль Липсургію, возвратилъся во дворець, спущая съ бархата на камку, съ камки на

1547. бархашь. Князь Юрій Василіевич осыпаль его въ церковныхъ дверяхъ и на лѣспницѣ золошыми деньгами, изъ мисы, которую несъ за нимъ Михайло Глинскій ⁽¹⁶⁰⁾. Какъ скоро Государь вышелъ изъ церкви, народъ, дополь неподвижный, безмолвный, съ шумомъ клиудся обдирашъ *Царское мѣсто*; всякой хопль имѣшъ лоскутъ паволоки, на памянь великаго дня для Россіи.

Однимъ словомъ, сіе поржешвенное вѣнчаніе было повпореніемъ Димитріева, съ нѣкоторою перемѣною въ словахъ моливъ, и съ шюю разноспію, чшо Іоаннь III самъ (а не Митрополишъ) надѣль вѣнецъ на главу юнаго Монарха. *Современные* Лѣтописцы не упоминають о *скипетръ*, ни о *мвропомазаніи*, ни о *пригащеніи* ⁽¹⁶¹⁾; не сказывають такъже, чшобы Макарій говорилъ Царю поученіе: самое умное, краснорѣчивое не могло бытъ сіполь дѣйсивипельно и сильно, какъ искреннее, умилпельное воззваніе къ Богу Вседержипелю, дающему и Власпипелей народамъ и добродѣпель Власпипелямъ! Съ сего времени Россійскіе Монархи начали уже не полько въ сношеніяхъ съ иными Державами, но и внуіри Государства, во всѣхъ дѣлахъ и бумагахъ, именовашься *Царями*, сохраняя и пишудъ *Великихъ Князей*, освященный древностію; а книжники Московскіе объявили народу, чшо симъ исполнилось пророчество Апокалипсиса о *шестомъ Царствѣ*, которое

есль Россійское (162). Хотя ипипло не Г. 1547.
 придаеть еспешственнаго могущесипва, по
 двйствуееть на воображеніе людей, и Биб-
 лейское имя Царя, напоминая Ассирійскихъ,
 Египетскихъ, Іудейскихъ, наконецъ право-
 славныхъ Греческихъ Вьщеносцевъ, возвы-
 сило въ глазахъ Россіянъ достоинство ихъ
 Государей. „Смирились“ — говорятъ Лѣпо-
 писцы — „враги наши, Цари невѣрные и
 „Короли нечестивые: Іоаннь спалъ на
 „первой сценени Державина между ими!“
 Доспойно примѣчанія, что Константино-
 польскій Папріархъ Іоасафъ, въ знакъ сво-
 его усердія къ Вьщеносцу Россіи, въ 1561
 году Соборною грамопою утвердилъ его въ
 санъ Царскомъ, говоря въ ней: „Не полько
 „преданіе людей досповѣрныхъ, но и самыя
 „лѣпописи свидѣшельснвуютъ, что нынѣш-
 „ній Власписель Московскій происходипъ
 „опъ незабвенной Царицы Анны, сесипры
 „Императора Багрянороднаго, и что Ми-
 „прополинь Ефесскій, уполномоченный для
 „шого Соборомъ Духовенсипва Византій-
 „скаго, вьнчалъ Россійскаго Великаго Князя,
 „Владиміра, на Царство.“ Сія грамопа
 подписана шридцашю-шестью Мипропо-
 липами и Епископами Греческими (163).

Между шѣмъ знаншыя сановники, Околь-
 ничіе, Дьяки, объвзжали Россію, чтобы Бракъ Го-
 видѣшь *всѣхъ* двѣцѣ благородныхъ, и пред-сударевъ.
 спавипъ лучшихъ невѣспъ Государю: онъ
 избралъ изъ нихъ юную Анаспасію, дочь вдовы

Г. 1547. Захарьиной ⁽¹⁶⁴⁾, которой мужъ, Романъ Юрьевичъ, былъ Околыничимъ, а свекоръ Бояриномъ Юанна III. Родъ ихъ происходилъ отъ Андрея Кобылы, выхавшаго къ намъ изъ Пруссiи въ XIV вѣкѣ. Но не знаишоси, а личныя достоишсва невѣсты оправдывали сей выборъ, и современники, изображая свойсва ея, приписываютъ ей все женскiя добродѣтели, для коихъ только находили они имя въ языкѣ Русскомъ ⁽¹⁶⁵⁾: дѣломудрiе, смиренiе, набожностъ, чувствительностъ, благоси, соединенныя съ умомъ основательнымъ; не говорятъ о красотѣ: ибо она считалась уже необходимою принадлежностiю счастливой Царской невѣсты.

Февраля 13. Совершивъ обрядъ вѣнчанiя въ храмъ Богоматери, Митрополитъ сказалъ новобрачнымъ: „Днесъ таишсвомъ Церкви соединишны вы навѣки, да вмѣстѣ покланяешесь „Всевышнему и живете въ добродѣтели; а „добродѣтель ваша есть правда и милоси. „Государь! люби и чпи супругу; а ты, „хрисполюбивая Царица, повинуйся ему. „Какъ святый крестъ глава церкви, такъ „мужъ глава жены. Исполняя усердно все за „повѣди Божесвєнныя, узрите благая Иеру- „салима и миръ во Израиль.“ Юные супруги явились глазамъ народа: благословенiя гремѣли на спогнахъ Кремля. Дворъ и Москва праздновали нѣсколько дней. Царь сыпалъ милоси на богатыхъ: Царица шила нищихъ. Воспитанная безъ ошца въ

Добродѣ-
тели Ана-
сшаси.

пишннѣ уединенія, Анастасія увидѣла себя Г. 1547. какъ бы дѣйствиельнымъ сверхъестественнымъ пренесенную на оеашрь мѣрскаго величія и славы; но не забылась, не измѣнилась въ душѣ съ обспояшельствами, и все опнося къ Богу, поклонялась Ему и въ Царскихъ чернотахъ пакъ же усердно, какъ въ смиренномъ, печальномъ домѣ своей вдовы-матери. Прервавъ веселые пиры Двора, Иоаннь и супруга его ходили пѣшкомъ, зимою, въ Троицкую Сергіеву Лавру и провели тамъ первую недѣлю Великаго поста, ежедневно моляся надъ гробомъ Св. Сергія.

Сія набожность Иоаннова, ни искренняя По роки любовь къ добродѣтельной супругѣ, не могли Иоанновы и худое управленіе. укропишь его пылкой, безпокойной души, спремилельной въ движеніяхъ гнѣва, пріученной къ шумной праздности, къ забавамъ грубымъ, неблагочиннымъ. Онъ любилъ показывать себя Царемъ, но не въ дѣлахъ мудраго правленія, а въ наказаніяхъ, въ необузданности прихотей; игралъ, такъ сказать, милостіями и опалами; умножая число любимцевъ, еще болѣе умножалъ число опверженныхъ; своевольствовалъ, чпобы доказывать свою независимость, и еще зависѣлъ опъ Вельможъ, ибо не спрудился въ успроеніи Царства, и не зналъ, чпо Государь истинно-независимый еспъ только Государь добродѣтельный. Никогда Россія не управлялась хуже: Глинскіе, подобно Шуйскимъ, дѣлали, чпо хощали именовъ юноши-

Г. 1547. Государя; наслаждались почестями, богачством, и равнодушно видѣли невѣрность чашныхъ власнищелей; пребывали они нхъ раболѣпства, а не справедливости. Кнѣзь уклонялся предъ Глинскими, пощѣ могъ смѣло давить пьяною народъ, и бытъ ихъ слугою значило бытъ господиномъ въ Россіи ⁽¹⁶⁶⁾. Намѣстники не знали страха — и горе угнетеннымъ, копорые мимо Вельможъ шли ко Трону съ жалобами! Такъ граждане Псковскіе, послѣдніе изъ присоединенныхъ къ Самодержавію и смѣльшіе другихъ, (весною въ 1547 году) жаловались новому Царю на своего Намѣстника, Князя Турунша-Пронскаго, угодника Глинскихъ. Иоаннъ былъ тогда въ селѣ Оспровкѣ: семьдесятъ челобитчиковъ спояло передъ нимъ съ обвиненіями и съ удиками. Государь не выслушалъ: закипѣлъ гнѣвомъ; кричалъ, поилъ; лилъ на нихъ горящее вино; палилъ имъ бороды и волосы; велѣлъ ихъ раздѣть и положить на землю. Они ждали смерти. Въ сію минуу донесли Иоанну о паденіи большого колокола въ Москвѣ; онъ ускакалъ въ сподлицу, и бѣдные Псковичи оспались живы ⁽¹⁶⁷⁾. — Честные Бояре съ пошупленнымъ взоромъ безмолвствовали во дворцѣ: шуты, екоморохи забавляли Царя, а льстивыя славли его мудрость ⁽¹⁶⁸⁾. Добродѣтельная Анастасія молилась, вмѣстѣ съ Россією, и Богъ услышалъ ихъ. Характеры сильныя пребують сильнаго попра-

сенія, чтобы свергнуть съ себя нго злыхъ Г. 1547. спрасней и съ живою ревностію успремнись на нушь добродѣтели. Для исправленія Иоаннова надлежало сгорѣть Москвь!

Сія столица ежегодно возраспала своишгь Пожары
въ Мо-
сквѣ. просиранспвомъ и числомъ живелей. Дворы болве и болве спѣснялись въ Кремль, въ Кишаѣ; новыя улицы примыкали къ спарымъ въ посадахъ; дома спройлись лучше для глазъ, но не безопаснѣе прежняго: пѣлнныя громады зданій, гдѣ-гдѣ раздѣленныя садами, ждали шолько искры огня, чтобы сдѣлаться пепломъ. Лыпоииси Москвы часшо говоряшъ о пожарахъ, называя пные великими ⁽¹⁶⁹⁾; но никогда огонь не свирѣствовалъ въ ней шакъ ужасно, какъ въ 1547 году. 12 Апрѣля сгорѣли лавки въ Кишаѣ съ богатыми товарами ⁽¹⁷⁰⁾, госпнише казенные дворы, Обишель Богоявленская и множесиво домовъ ошъ Ильинскихъ воронъ до Кремля и Москвы-рѣки. Высокая башня, гдѣ лежалъ порохъ, взлетѣла на воздухъ съ часпшо городской спѣны, пала въ рѣку и зашрудила оную кирпичами. 20 Апрѣля обранились въ щепель за Лузою всѣ улицы, гдѣ жили гончары и кожевники ⁽¹⁷¹⁾; а 21 Юня, около полудня, въ спрашную бурю, начался пожаръ за Неглинною, на Арбашекой улицѣ, съ церкви Воздвиженія; огонь лиася рѣкою, и скоро всныхнулъ Кремль, Кишаѣ, Большой посадъ. Вся Москва предшавила зрѣлище огромнаго пылающаго косшра подъ шучами гусишаго ды-

Г. 1547. ма. Деревянныя зданія исчезали, каменные распадались, желѣзо рдѣло какъ въ горниль, мѣдь стекла. Ровъ бури, прескъ огня и вошь людей онь времени до времени былъ заглушаемъ взрывами пороха, хранившася въ Кремль и въ другихъ частяхъ города. Спасали единственно жизнь: богачество, праведное и неправедное, гибло. Царскія палаты, казна, сокровища, оружіе, иконы, древнія харшія, книги, даже мощи Святыхъ исплѣли (172). Мипрополишь молился въ храмъ Успенія, уже задыхаясь ошь дыма: силою вывели его ошпуда и хопѣли спустишь на веревкѣ съ шайника къ Москвѣ-рѣкѣ: онь ушалъ, расшибся и едва живый былъ опвезенъ въ Новоспасскій монастырь. Изъ Собора вынесли только образъ Маріи, писанный Св. Пешромъ Мипрополишомъ, и *Правила Церковныя*, привезенныя Кипріаномъ изъ Конспантинополя. Славная Владимірская икона Богоматери оснавадась на своемъ мѣсцѣ: къ счастью, огонь, разрушивъ кровлю и пацерши, не проникъ во внутренность церкви. — Къ вечеру зашпхла буря, и въ шри часа ночи угасло пламя; но развалины курились нѣсколько дней, ошь Арбана и Неглинной до Яузы и до конца Великой улицы, Варварской, Покровской, Мясницкой, Дмишровской, Тверской (173). Ни огороды, ни сады не уцѣвли: деревья обрашплись въ уголь, трава въ золу. Сгорѣло 1700 человекъ, кромѣ младенцевъ. Не лзя, по сказанію современниковъ, ни ош-

самъ, ни вообразить еего бѣдспвія. Люди съ оналенными волосами, съ черными лицами, бродили какъ нѣни среди ужасовъ обширнаго пенелнца: искали дыпей, родителей, осшатковъ ивнїя; не находили, и были какъ дикіе звѣри. „Счастливи“ — говорили Дыпошсець — „кто, умилаясь душею, могъ плакань и сморъить на небо!“ Улыщипелей не было: Царь съ Вельможами удалился въ село Воробьево, какъ бы для шого, чшобы не слыхань и не видань народнаго опчаянїя. Онъ велель немедленно возобновишь Кремлевскїй дворець; боганые штакже спѣшили спроишься; о бѣдныхъ не думали. Симв воспользовались неприятели Глинскихъ: Духовникъ Иоанновъ, Пропоіерей Феодоръ, Князь Скопннь-Шуйскїй, Бояринъ Иванъ Цепровичъ Феодоровъ, Князь Юрїй Темкинъ, Нагой и Григорїй Юрьевичъ Захарьинъ, дядя Царицы: они сосшавили заговоръ; а народъ, несчастїемъ расположенный къ изступленїю злобы и къ мяшежу, охотно сдѣлался ихъ орудіемъ.

Въ слѣдующїй день Государь повхаль съ Боярами навѣспнншь Мшпрополища въ Ново-Буиннъ-сшасской Обшпели. Тамъ Духовникъ его, Чернкъ Скопннь-Шуйскїй и знаннные ихъ единомышленники объявили Иоанну, что Москва сгорѣла опъ волшебспва нѣкопорыхъ злодѣевъ. Государь удивился, и велель изслѣдовашь сїе дѣло Боярамъ, которые, чрезъ два дни прїѣхавъ въ Кремль, собрали гражданъ на площади и спрашивали, кто жегъ сполщцу? Въ

Г. 1547. нѣсколько голосовъ опивчали имъ: „Глин-
 „скіе! Глинскіе! Мать ихъ, Княгиня Анна,
 „вынимала сердца изъ мерзвыхъ, клала въ
 „воду, и крошила ея въ улицы, вѣдя по
 „Москвѣ. Вошь, отъ чего мы сторбли!“ Сію
 басню выдумали и разгласили заговорщики.
 Умные люди не вѣрили ей, однакожь молча-
 ли: ибо Глинскіе заслужили общую нена-
 виспъ. Многие поджигали народъ, и самые
 Бояре. Княгиня Анна, бабка Государева, съ
 сыномъ Михайломъ находилась тогда во Ржев-
 скомъ своемъ помѣстьѣ. Другой сынъ ея,
 Князь Юрій, споялъ на Кремлевской пло-
 щади въ кругу Бояръ: изумленный нелѣпымъ
 обвиненіемъ, и видя яроспъ черни, онъ искалъ
 безопасности въ церкви Успенія, куда вло-
 мился за нимъ и народъ. Совершилось до-
 шоль неслыханное въ Москвѣ злодѣйство:
 мятежники въ святомъ храмѣ убили родна-
 го дядю Государева ⁽¹⁷⁴⁾, извлекли его шѣло
 изъ Кремля и положили на лобномъ мѣстѣ;
 разграбили имѣніе Глинскихъ, умертвили
 множество ихъ слугъ и дѣшей Боярскихъ
⁽¹⁷⁵⁾. Никто не унималъ беззаконія: Прави-
 тельства какъ бы не было

Чудное исправленіе Иоанна . Сильвеспръ и Адашевъ. Въ сіе ужасное время, когда юный Царь
 пренешалъ въ Воробьевскомъ дворцѣ своемъ,
 а добродѣтельная Анастасія молилась, явил-
 ся шамъ какой-то удивительный мужъ, име-
 немъ Сильвеспръ, саномъ Іерей, родомъ изъ
 Новагорода ⁽¹⁷⁶⁾; приблизился къ Иоанну съ
 подьяшымъ, угрожающимъ перспомъ, съ ви-

домъ Пророка, и гласомъ убѣдительнымъ возвѣстили ему, что судъ Божій гремитъ надъ главою Царя легкомысленнаго и злоспраснаго; что огонь Небесный испепелилъ Москву; что сила Вышняя волнуесть народъ и дѣлеть Фіаль гнѣва въ сердца людей. Раскрывъ Святое Писаніе, сей мужъ указалъ Іоанну правила, данныя Вседержителемъ сонму Царей земныхъ; заклиналъ его бысть ревностнымъ исполнителемъ сихъ уставовъ; предсказывалъ ему даже какія-то спрашныя видѣнія ⁽¹⁷⁷⁾, поирясь душу и сердце, овладѣль воображеніемъ, умомъ юности, и произвелъ чудо: Іоаннъ сдѣдался инымъ человѣкомъ; обливался слезами раскаянія, просперъ десницу къ наславнику вдохновенному; преобладавъ оныя него силы бысть добродѣтельнымъ — и пріялъ оную ⁽¹⁷⁸⁾. Смирный Іерей, не пребуя ни высокаго имени, ни чести, ни богатства, спалъ у прона, чтобы утверждать, ободрять юнаго Вьценосца на пути исправленія, заключивъ пѣсный союзъ съ однимъ изъ любимцевъ Іоанновыхъ, Алексѣемъ Федоровичемъ Адашевымъ, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, коего описываютъ земнымъ Ангеломъ ⁽¹⁷⁹⁾: имѣя нѣжную, чистую душу, нравы благіе, разумъ пріятный, основательный и безкорыстную любовь къ добру, онъ искалъ Іоанновой милости не для своихъ личныхъ выгодъ, а для пользы опечаленнаго, и Царь нашель въ немъ рѣдкое сокровище, друга, необходимо нужнаго Само-

Г. 1547. держцу, чшобы лучше знанъ людей, состояніе Государства, истинныя потребности онаго: ибо Самодержецъ съ высоты престола видить лица и вещи въ обманчивомъ свѣтѣ опдаленія; а другъ его какъ подданный снотитъ на ряду со всеми, смотритъ прямо въ сердца и вблизи на предметы. Спавесирь возбудилъ въ Царѣ желаніе блага: Адашевъ облегчилъ Царю способы благошворенія. — Такъ повѣспвуетъ умный современникъ, Князь Андрей Курбскій, бывший тогда уже знанымъ сановникомъ Двора. По крайней мѣрѣ здѣсь начинается эпоха Иоанновой славы, новая, ревностная дѣятельность въ Правленіи, ознаменованная счастливыми для Государства успѣхами и великими намѣреніями.

Во первыхъ, обуздали мятежную чернь, которая, на прерпій день по убіеніи Глинскаго, явилась шумною толпою въ Воробьевъ, окружила дворець и кричала, чшобы Государь выдалъ ей свою бабку, Княгиню Анну, и сына ея, Михайла ⁽¹⁸⁰⁾. Иоаннъ велѣлъ спрѣдять въ буншовщиковъ: толпу разсѣяли; схватили и казнили нѣкоторыхъ; многіе ушли; другіе падали на колѣна и винились. Порядокъ возстановился. Тогда Государь изъявилъ починительность опца о бѣдныхъ: взяли мѣры, чшобы никно изъ нихъ не оспался безъ крова и хлѣба.

Во впорыхъ, истинные виновники буниа, подспрекапели черни, Князь Скопинь-Шуйскій съ клеветами обманулись, если итѣли

надежду, свергнувъ Глинскихъ, овладѣть Царемъ. Хопя Іоаннь пощадилъ ихъ, изъ уваженія ли къ своему Духовнику и къ дядѣ Царшцы, или за недоспаиномъ ясныхъ уликъ, или предавъ одному суду Божию такое дѣло, которое, не смотря на беззаконіе способовъ, удовлетворяло общей, справедливой ненависти къ Глинскимъ: но мятежное господство Бояръ рушилось совершенно, уступивъ мѣсто единовластію Царскому, чуждому иирансва и прихотей. Чинобы торжественнымъ дѣиствіемъ Вѣры утвердишь благословенную перемену въ Правленіи и въ своемъ сердцѣ, Государь на нѣсколько дней уединился для поста и молитвы; созвалъ Священителей, умиленно каяся въ грѣхахъ, и разрѣшенный, успокоенный ими въ совѣсти, причастился Святыхъ Таинъ ⁽¹⁸¹⁾. Юное, пылкое сердце его хотѣло открышь себя предъ лицомъ Россіи: онъ велѣлъ, чинобы изъ всѣхъ городовъ прислали въ Москву людей избраныхъ, всякаго чина или сосноянія, для важнаго дѣла государственнаго. Они собралися — и въ день Воскресный, послѣ Обѣдни, Царь вышелъ изъ Кремля съ Духовенствомъ, съ Крестами, съ Боярами, съ дружиною воинскою, на добное мѣсто, гдѣ народъ стоялъ въ глубокомъ молчаніи. Опслужили молебенъ. Іоаннь обратился къ Митрополиту и сказалъ ⁽¹⁸²⁾: „Священный Владыко! знаю усердіе твое ко благу и любовь къ опечесиву: будь же мнѣ побор-

Рѣчь Го-
сударева
на доб-
номъ мѣ-
стѣ.
Г. 1547
— 1550.

Г. 1547
— 1550.

„никомъ въ моихъ благихъ намѣреніяхъ. Рано
 „Богъ лишилъ меня ошца и манери; а Вель-
 „можи не радѣли о мнѣ: хотѣли бытъ
 „самовласными; моимъ именемъ похищали
 „саны и чесны, богатѣли неправдою, и въ-
 „снiali народъ — и никто не препиалъ имъ.
 „Въ жадкомъ дѣисствѣ своемъ я казался
 „глухимъ и нѣмымъ: не внималъ спенанію
 „бѣдныхъ, и не было обличенія въ уснахъ
 „моихъ! Вы, вы дѣлали, чшо хотѣли, злые
 „крамольники, судіи несправедные! Какой
 „ошвъшь дадите намъ нынѣ? Сколько слезъ,
 „сколько крови ошъ васъ промлося? Я
 „числъ ошъ сея крови! А вы ждите суда
 „Небеснаго!“ . . . Тушъ Государь покло-
 „нился на всѣ спороны, и продолжалъ: „Люди
 „Божіи и намъ Богомъ дарованные! молю
 „вашу вѣру къ Нему и любовь ко мнѣ: будьте
 „великодушны! Не лзя исправитъ *мину-*
 „*шаго* зла: могу только *спредь* спасанъ
 „васъ ошъ подобныхъ припѣсней и гра-
 „бительствъ. Забудите, чего уже нѣтъ и
 „не будетъ! Оснавьте ненависть, вражду;
 „соединимся всѣ любовью Хрисніанскою.
 „Ошнынѣ я судія вашъ и защитникъ.“ Въ
 сей великій день, когда Россія въ лицѣ сво-
 ихъ повѣренныхъ присупствовала на лоб-
 номъ мѣстѣ, съ благоговѣнемъ внима-
 я искреннему обшну юнаго Вѣнценосца живъ
 для ея счастья, Іоаннъ въ воспоргѣ вели-
 кодушія объявилъ искреннее прощенье ви-
 новнымъ Боярамъ; хотѣлъ, чшобы Мшпро-

подишь и Свяшциеди также их просилиз Г. 1549
 именемъ Судии Небеснаго; хотѣль, чтобы все — 1550.
 Россіане брапски обиялися между собою;
 чтобы все жалобы и няжбы прекрапчились
 шпромъ до назначеннаго имъ срока (183).—Въ
 шпотъ же день онъ поручилъ Адашеву при-
 нимашь челобитныя оныхъ бѣдныхъ, сиротъ,
 обиженныхъ, и сказала ему шоржесшвенно:
 „Алексій! шы не знашень ш не боганшь, но
 „добродѣшелень. Сшавлю шебя на шѣспо
 „высокое, не по швоему желанію, но въ по-
 „моць душъ моей, которая шпреминися къ
 „шакимъ людянь, да ушолшше ея скорбь о
 „несчастныхъ, конхъ судьба мнѣ ввѣрена Бо-
 „гомъ! Не бойся ни сильныхъ, ни славныхъ,
 „когда они, похшшшвъ чеснь, беззаконшсшву-
 „юшъ. Да не обманушь шебя и ложныя сле-
 „зы бѣднаго, когда онъ въ зависели клеветень
 „на боганаго! Все рачшштельно шспышшвай,
 „и доноси мнѣ шешшну, шпрашася едшсшвен-
 „но суда Божіа“ (184). Народъ плакаль онъ
 умиденія вшвсшъ съ юнымъ своимъ Царемъ.

Царь говориль и дѣйсшвоваль, опираясь
 на чепу избраныхъ, Сильвештра и Адашева,
 которые принили въ священнѣй союзъ свой
 не шолько благоразумнаго Мшпрошопшпа, но
 и всѣхъ мужей добродѣшельныхъ, ошшшныхъ, Перемѣна
Двора и
власшей.
 въ машшшной шпаросши еще усердныхъ къ
 опечесшву (185) и прежде опшгоняемыхъ опъ
 шрона, гдѣ вшщреная шносшь не шпершшла
 ихъ угрюмага вида. Ласкашели и шуны онѣ-
 шляли при Дворѣ; въ Думѣ заграждались усша

Г. 1547
— 1550.

навѣшникамъ и кознодѣямъ, а правда могла быль ошкременною. Не смотря на довѣренность, копорую Иоаннъ имѣль къ Совѣшу, онъ самъ входиль и въ государспвенныя и въ важнѣйшія судныя дѣла, чшобы исполнить объпть, данный имъ Богу и Россіи. Вездѣ народъ благословиль усердіе Правительспва къ добру общему; вездѣ смѣняли недоснойныхъ власпипелей: наказывали презрѣнїемъ или шемницею ⁽¹⁸⁸⁾, но безъ излишней спрогоспни; хотѣли ознаменованъ счастливую государспвенную перемѣну не жестокою казнїю худыхъ спарыхъ чиновниковъ, а лучшимъ избранїемъ новыхъ, какъ бы объявляя нѣмъ народу, чшо злоупотребленїя часптной власпни бываюпть обыкновеннымъ, неминуемымъ слѣдспвіемъ усиленїя или разврата въ главномъ Начальспвѣ: гдѣ оно шершипть грабежъ, шамъ грабшпели почли невинны, пользуясь дозволяемьшъ. Только въ однихъ Самодержавныхъ Государспвахъ видимъ сіи легкіе, быспрые переходы отъ зла къ добру: ибо все зависпть отъ воли Самодержца, копорый, подобно искусному Механику, движенїемъ перста даешъ ходъ громадамъ, врацаешъ махину неизмѣримую, и влечешъ ею милліоны ко благу или бѣдспвію.

Вообще мудрая умѣренность, челошкшлюбіе, духъ кротоспни и мира сдѣлались правдомъ для Царской власпни. Весьма не многіе

Кротоспть изъ прежнихъ Царедворцевъ—и самыя злѣйшпє—были удалены; другихъ обуздали или

исправили, какъ пишутъ (187). Духовникъ Иоанновъ, Протоіерей Феодоръ, одинъ изъ главныхъ вѣновниковъ бывшаго мятежа, шерзаемый совѣстію, заключился въ монастырь (188). Въ Думу послали новые Бояре: дядя Царицы, Захарынь, Хабаровъ (вѣрный другъ несчастнаго Ивана Бѣльскаго) Князя Куракинъ-Булгаковъ, Данило Пронскій и Дмирій Палецкій, коего дочь, Княжна Іуліанія; удосноплась шогда чески бынь супругою шеснанадцати - лѣтняго брата Государева, Князя Юрія Василіевича (189). Опнявъ у ненависнаго Михайла Глинскаго знанній санъ Конюшаго (190), оспавили ему Боярство, помѣстья и свободу жишь, гдѣ хочеть; но сей Вельможа, успрашенный судьбою брата, вмѣстѣ съ другомъ своимъ, Княземъ Туруншаемъ-Пронскимъ, бѣжалъ въ Липву. За ними гнался Князь Петръ Шуйскій: видя, что имъ нельзя уйти, они возвратились въ Москву, и взяные подъ спражу, клялися, что ѣхали не въ Липву, а на богомолье въ Оковецъ. Несчастливыхъ улчили во лжи, но милосивно проспили, извинивъ бѣгство ихъ спрахомъ (191).— Въ самомъ семействѣ Государскомъ, гдѣ прежде обипали холоднось, недоувѣреніе, зависть, вражда (192), Россія увидѣла миръ и пишину искренней любви. Узнавъ счастлие добродѣтели, Иоаннь еще болѣе узналъ цѣну супруги добродѣтельной: ушверждаемый прелесною Анаспасією во всѣхъ благихъ мысляхъ и чувствахъ, онъ былъ и добрымъ Ца-

Г. 1547
— 1550. ремень и добрымъ родспивенникомъ: женивъ Князя Юрія Василіевича, избрала супругу и для Князя Владиміра Андреевича, дѣвицу Евдокію, изъ рода Натихъ (193); жила съ первымъ въ одномъ дворцѣ; ласкала, чинила обоихъ; присоединяла имена ихъ къ своему въ государспвенныхъ указахъ, писала: „Мы уложили съ братьсями и съ Боярами“ (194).

Желая угодобиться во всемъ Великому Іоанну III—желая, по его собспвенному слову, быти *Царель правды* (195)—онъ не только

Судеб-
никъ. оспридал мечъ на враговъ иноплемениныхъ, но, въ цѣвшащей юности дѣлать, занялся и нѣмъ важнымъ дѣломъ государспвеннымъ, для коего въ самыя просвѣщенныя времена перебуенія необыкновенныхъ усилій разума, и коимъ многіе Выщеносцы приобряли яспинную, безсмертную славу: *законодательство*. Окруженный сонмомъ Бояръ и другихъ мужей свѣдущихъ въ искусство гражданскомъ, Царь предложилъ имъ разсмотрѣть, дополниши Уложение Іоанна III согласно съ новыми опытами, съ новыми потребностями Россіи въ ея гражданской и государспвенной дѣятельности. Вышелъ *Судебникъ* (въ 1550 году) или *вторая Русская Правда*, вторая полная система нашихъ древнихъ законовъ, достойная подробнаго изложенія въ спань особенной, гдѣ будемъ говорить вообще о шогдашнемъ соснояніи Россіи. Здѣсь скажемъ единспвенно, что Іоаннъ и добрые его совѣшники искали въ шрудѣ своемъ не бле-

ска, не суетной славы, а вѣрной, явной пользы, съ ревностною любовію къ справедливости, къ благоустройству; не дѣйствовали воображеніемъ, умомъ не обгоняли насмѣявшагося порядка вещей, не перялись мыслями въ возможностяхъ будущаго, но смотрѣли вокругъ себя, исправляли злоупотребленія, не измѣняя главной, древней основы законодательства; все оставили, какъ было и чѣмъ народъ казался довольнымъ: устраняли только причину извѣстныхъ жалобъ; хотѣли лучшаго, не думая о совершенствѣ—и безъ учености, безъ Оеріи, не зная ничего, кромѣ Россіи, но зная хорошо Россію, написали книгу, которая будетъ всегда любопытною, доколь спонимъ наше отечество: ибо она есть вѣрное зеркало нравовъ и понятийъ вѣка. — Въ прибавленіяхъ къ Судебнику находимся и важный по тогдашнему времени указъ о *мьстнигествѣ*: Государь еще не могъ совершенно искоренить сего великаго зла, а хотѣлъ единственно умѣрить оное, запретивъ Дѣтямъ Боярскимъ и Княжатамъ считаться родомъ съ Воеводами; уснавилъ также, что Воевода Большаго Полку долженъ быть всѣхъ знатнѣе; что начальники Передоваго и Спорожеваго Полку ему одному уснуають въ старѣйшинствѣ и не считающа съ Воеводами Правой и Левой Руки; что Государю принадлежить судить о ро-

Г. 1542
— 1550.

Обузданіе
мѣстни-
чества.

Г. 1547 дахъ и доспой испвахъ; что кто съ кѣмъ
— 1550. посланъ, пошъ пому и повинуется (198).

С п о -
г л а в ъ .

Одобривъ Судебникъ, Иоаннь назначилъ
бысть въ Москвѣ Собору слугъ Божихъ, и
въ 1551 году, 23 Февраля, дворець Крем-
левскій наполнился знаменитѣйшими мужами
Русскаго Царства, духовными и мирскими.
Митрополитъ, девять Священелей, всѣ
Архимандриты, Игумены, Бояре, сановники
первоспешенные сидѣли въ молчаніи (197),
уснаремивъ взоръ на Царя-юношу, которъ
съ силою ума и краснорѣчія говорилъ имъ о
возвышеніи и паденіи Царства опъ мудро-
сти или буйства власней, опъ благихъ или
злыхъ обычаевъ народныхъ; описалъ все пре-
терпѣнное *вдовствующею* Россіею во дни
его сиротства и юности, сперва невинной,
а послѣ развратной; упомянулъ о слезной
кончинѣ дядей своихъ, о безпорядкахъ Вель-
можъ, коихъ худые примѣры испорчили въ
немъ сердце (198); но повнорилъ, что все
минувшее предадо имъ забвенію. Тупъ Ио-
аннь изобразилъ бѣдствіе Москвы, обращенной
въ пепель, и мятежъ народа. „Тогда“ —
сказалъ онъ — „ужаснулась душа моя и кости
„во мнѣ запрепечали; духъ мой смирился,
„сердце умилилось. Теперь ненавижу зло и
„люблю добродѣтель. Опъ васъ пребую
„ревностнаго наставленія, Писпыри Хри-
„стіанъ, училиши Царей и Вельможъ, до-
„стойные Священели Церкви! Не щадите
„меня въ пресупленіяхъ; смѣло упрекайте

„мою слабость; гремяе словомъ Божиимъ, Г. 1547
 „да жива будеть душа моя“ (199)! Далѣе, — 1551.
 изъяснивъ свое благодѣтельное намѣреніе
 успроишь счастье Россіи всеми данными ему
 оныя Бога способами, и доказавъ необходи-
 мость исправленія законовъ для внутренняго
 порядка, Царь предложилъ Священникамъ Уста-
 вныя гра-
 моты.
 Судебникъ на разсмотрѣніе, и Грамоты Избраніе
 Присяж-
 ныхъ.
 Уставныя, по коимъ во всѣхъ городахъ и
 волостяхъ надлежало избрать Старостъ и
 Цѣловальниковъ или Присяжныхъ, чѣобы
 они судили дѣла вмѣстѣ съ Намѣстниками
 или съ ихъ Тунами, какъ дополъ было въ
 одномъ Новгородѣ и Псковѣ (200); а Сош-
 скіе и Пятидесятники, также избираемые
 общею довѣренностію, должныствовали за-
 ниматься земскою исправою, дабы чинов-
 ники Царскіе не могли дѣйствовать само-
 властно и народъ не былъ безгласнымъ (201).
 — Соборъ утвердилъ всѣ новыя, мудрыя
 поспановленія Іоанновы.

Но симъ не кончилось его дѣйствіе: Го-
 сударь, успроивъ Державу, предложилъ Свя-
 щенникамъ успроишь Церковь: исправивъ
 не только обряды ея, книги, искажаемыя Учрежде-
 нія цер-
 ковныя.
 писцами-невѣждами, но и самыя нравы Духо-
 венства въ примѣръ мірянамъ; ученіемъ
 образовавъ достойныхъ служителей Олшаря;
 уснавивъ правила благочинія, которое дол-
 жно быть соблюдаемо въ храмахъ Божіихъ;
 искоренивъ соблазнь въ монастыряхъ,
 очистишь Христіанство Россійское оныя

Г. 1547
— 1551.

всѣхъ остатковъ древняго язычества, и проч. Самъ Иоаннъ именно означилъ всѣ болѣе или менѣе важныя предметы для вниманія Опцевъ Собора, коиной назвали *Стоглавными* по числу законныхъ списковъ, имъ изданныхъ ⁽²⁰²⁾. Однимъ изъ полезнѣйшихъ дѣйсвий онаго было заведеніе училищъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, чпобы Церк и Діаконы, извѣстные умомъ и добрыми свойствами, наставляли пашь дѣтей въ грамотѣ и справѣ Божіемъ: учрежденіе пѣтъ нужнѣйшее, что многіе Священники въ Россіи едва умѣли тогда разбирашь буквы, выпверживая наизустъ службу церковную ⁽²⁰³⁾. Желая укоренить въ сердцахъ истинную Вѣру, Опцы Собора взяли мѣры для обузданія суевѣрія и ниспосвященства: запретили ищеславнымъ строить безъ всякой нужды новыя церкви, а бродягамъ - пунедцамъ келліи въ лѣсахъ и въ пустыняхъ; запретили также, исполняя волю Государя, Епископамъ и монашьямъ покушашь опчины безъ вѣдома и согласія Царскаго ⁽²⁰⁴⁾: ибо Государь благоразумно предвидѣль, что они могли бы сею куплею присвоить себѣ наконецъ большую часть недвижимыхъ имѣній въ Россіи, ко вреду общесства и совѣстной ихъ нравственности. Однимъ словомъ, сей доспомянутый Соборъ, по важности его предмета, знаменитѣе всѣхъ иныхъ, бывшихъ въ Кіевѣ, Владимірѣ и Москвѣ.

Къ сему, можно сказать, великимъ намѣреніямъ Іоанна принадлежишь и замысль его обогатишь Россію плодами Искусствъ чужеземныхъ. Саксонецъ Шлиппъ въ 1547 году былъ въ Москвѣ, выучился языку нашему, имѣлъ доступъ къ Царю и говорилъ съ нимъ объ успѣхахъ художествъ, Наукъ въ Германіи, неизвѣстныхъ Россіянамъ. Іоаннъ слушалъ, разспрашивалъ его съ любопытствомъ, и предложилъ ему ѣхать оупъ насъ Посланникомъ въ Нѣмецкую землю, чптобы вывезти оупуда въ Москву не только ремесленниковъ, художниковъ, лекарей, Аптекарей, Типографщиковъ, но и людей искусныхъ въ древнихъ и въ новыхъ языкахъ— даже Теологовъ ⁽²⁰⁵⁾! Шлиппъ охотно взялся услужить тѣмъ Государю и Россіи; нашель Императора, Карла V, въ Аугсбургѣ, на Сеймѣ, и вручилъ ему Іоанновы письма о своемъ дѣлѣ. Императоръ хотѣлъ знать мнѣніе Сейма: долго разсуждали, и согласились исполнить желаніе Царя, но съ условіемъ, чптобы Шлиппъ именемъ Іоанновымъ обязадся кляпвенно не выпускашь Ученыхъ и художниковъ изъ Россіи въ Турцію, и вообще не употребляшь ихъ способностей ко вреду Нѣмецкой Имперіи. Карлъ V далъ нашему Посланнику грамоту, съ дозволеніемъ искашь въ Германіи людей годныхъ для службы Царя; а Шлиппъ набралъ болѣе сиадцати человекъ ⁽²⁰⁶⁾, и готовился ѣхать съ ними изъ Любека въ Ливонію. Но все раз-

Г. 1547
— 1551.

Намѣреніе прорѣшишь Россію.

Г. 1547
— 1551.

рушилось опть низкой, зависпаввой Полн-
ники Ганзы и Ливонскаго Ордена. Они боя-
лись нашего просвещенія; думали, что Рос-
сія сдѣлается опть того еще сильнѣе, опас-
нѣе для сосѣдственныхъ Державъ; и своими
коварными предспавленіями заставили Им-
ператора думать такъ же: въ слѣдствіе че-
го Сенаторы Любекскіе незаконно посади-
ли Шлиппа въ темницу; многочисленныя
сопутники его разсыпались, и долго Іоаннъ
не зналъ о несчастной судьбѣ своего По-
сланника, котораго, бѣжавъ наконецъ изъ за-
ключенія, уже въ 1557 году возвратился въ
Москву, одинъ, безъ денегъ, съ долгами и
съ разными легкомысленными предложені-
ями: на примѣръ, чтобы Царь помогаль Им-
ператору людьми и деньгами въ войнѣ Ту-
рецкой, далъ ему аманатовъ (двадцать-цять
Князей и Дворянъ) въ залогъ вѣрности, объ-
щался соединить Церковь нашу съ Лати-
нскою, имѣлъ всегдашняго Посла при Дворѣ
Карловаго, основаль Орденъ для Россіянъ и
чужестранцевъ, нанялъ 6000 Нѣмецкихъ во-
иновъ, учредилъ почину опть Москвы до Аугс-
бурга, и проч. ⁽²⁰⁷⁾. — Хотя благое намѣре-
ніе Царя не исполнилось совершенно, опть
недоброжелательства Любчанъ и Правитель-
ства Ливонскаго, послѣ имъ жестоко на-
казаннаго: однакожь многіе изъ Нѣмецкихъ
художниковъ, оспановленныхъ въ Любекѣ,
вопреки запрещенію Императора и Мар-
шала Ливонскаго умѣли тайно проѣхать въ

Россію и были ей полезными въ важномъ дѣ- Г. 1547
лѣ гражданскаго образованія (208). — 1550.

Сіе испинно Царское дѣло совершалось Воинскія
4 Бѣянія. подъ звукомъ оружія и побѣдъ, тогда необ-
ходимыхъ для благоденствія Россіи. Надле-
жало унять варваровъ, кошорые, пользуясь
юношнію Внценосца и смутами Боярѣ,
споль долго свирѣпствовали въ нашихъ пре-
дѣлахъ, шакъ, чшо за 200 верстѣ опъ Мос-
квы, къ Югу и Сѣверо-Востоку, земля бы-
ла усѣяна цепломъ и коснями Россіанъ (209).
Не оставалось ни селенія, ни семейства цѣ-
лаго! Чшобы начать съ ближайшаго, зло-
вреднѣйшаго непріятели, семнадцати-лѣт-
ній Іоаннь, пылая ревностію славы, хотѣлъ Походъ на
Казань. самъ вести рать къ Казани, и выѣхалъ изъ
Москвы въ Декабрѣ мѣсяцѣ; но судьба иску-
сила его твердосінь неудачею. Презирая нѣ-
гу, онъ готовился перѣйти въ походѣ хо-
лодъ и мятели, обыкновенныя въ сіе время
года: вмѣсто снѣга шель непреспанно дождь;
обозы и пушки понули въ грязи. 2 Февра-
ля, когда Царь, ночевавъ въ Ельнѣ, въ 15
верспахъ опъ Нижняго, прибылъ на ос-
провъ Робошку, вся Волга покрылась водою:
ледь преснулъ; снарядъ огнеспрѣльный про-
валился, и множесіво людей погибло. Три
дни Государь жилъ на оспровѣ и шщепно
ждалъ пушки: наконецъ, какъ бы успрашен-
ный худымъ предзнаменованіемъ, возвратился
съ печалію въ Москву (210); однакожь вельвъ
Князю Димитрію Бѣльскому мшии съ пол-

Г. 1547
— 1550.

ками къ Казани, не для ея завоеванія, но чѣлобы навесни ей чувспивительный ударь. Царь Шигъ-Алей и другіе Воеводы шли изъ Мещеры къ успью Цивили и соединилсь шамь съ Бьльскимъ ⁽²¹¹⁾: Сафа-Гирей ждалъ ихъ на Арскомъ полѣ, гдѣ одинъ Князь Симеонъ Микудинскій съ передовою дружиною разбиль его на голову и *стопталъ* въ городъ, плавиль богатыря Азика и многихъ знашныхъ людей. Танары опмснили намъ разореніемъ Галицкихъ сель; но Коспромскій Воевода, Яковлевъ, испребиль всю полцу сехъ хищниковъ на берегахъ рѣчки Еговки, на Гусевъ полѣ, убиль ихъ предводителя, богатыря Арака ⁽²¹²⁾.

Переми-
ріе съ
Литвою.

Не довольный сими легкими дѣйствіями нашей силы, Иоаннь гошовилсъ къ предпріятію рышительному: для того ждалъ мира съ Литвою, гдѣ венхій Сигизмундъ кончилъ дни свои, а юный его наслѣдикъ, Августъ, занялся болѣе любовными, нежели государспвенными дѣлами, и не имѣлъ въ печеніе пипти дѣль никакого сношенія съ Москвою. Сигизмундъ умеръ въ 1548 году. Уже срокъ перемирія исходилъ, а новый Король молчалъ, и даже не извѣспилъ Иоанна о смерти опца. Бояре наши, Князь Димитрій Бьльскій и Морозовъ, писали о шомъ къ Литовскимъ Вельможамъ и дали имъ знашь, чшо мы ждемъ ихъ Пословъ для мирнаго дѣла. Въ Генварь 1549 года Воевода Вишебскій, Спаниславъ Кишка, и Маршалокъ Комаевскій

пріѣхали въ Москву; вступили въ переговоры о вѣчномъ мирѣ; требовали, какъ обыкновенно, Новгорода, Пскова, Смоленска, городовъ Сѣверскихъ, и въ извиненіе сихъ нелѣпныхъ предложеній пвердили Боярамъ: „Посоль какъ мѣхъ: что въ него вложишь, то и несетъ. Исполняемъ данное намъ отъ Короля и Думы повелѣніе.“ Бояре опивыпсывовали: „И шакъ будемъ говорить един-„спвенно о перемиріи.“ Заключили его на сшарыхъ условіяхъ. Но Папы Липовскіе не согласились внѣсши новаго Царскаго шипула въ грамошу. Съ обихъ споронъ упрямились, шакъ, что Послы было-увхали изъ Москвы⁽²¹³⁾: ихъ воронили— и, соблюдая перемиріе, спорили о шипуль. Августъ признавалъ Юаня шолько Великимъ Княземъ, а мы съ досады уже не называли Августа Королемъ. Были и другія неудовольствія. Государь, предлагая 2000 рублей выкуна за нашихъ знаиныхъ илѣнниковъ, Князей Оедора Оболенскаго и Михайла Голицу, получалъ ошказъ, и самъ ошказалъ Королю въ его шребованіи, чтообы Еврен Липовскіе могли свободно шорговать въ Россіи, согласно съ прежними договорами. „Ныпъ,“ опивчаль Юань: „сш люди привозили къ намъ ошра-„лу шѣлесную и душевную: продавали у насъ „смерпоносныя зеля и злословили Христа „Спасишеля; не хочу обь нихъ слышать“⁽²¹⁴⁾. — Но ни Россія, ни Липва не желала войны.

Г. 1547
— 1550.
Дѣла
Крымскія

Одинъ Ханъ Саишъ-Гирей грозилъ мечемъ Иоанну, и былъ шемъ надменнѣе чюо ему удалось тогда завоевати Аспраханъ, богатую купечесивомъ, но скудную войскомъ и беззащитную, не смотря на пышное имя Царсина, ею носимое. Взявъ сей городъ, Ханъ разорилъ его до основанія, вывелъ многихъ жителей въ Крымъ и считалъ себя законнымъ власнелиномъ единоплеменныхъ съ нимъ Ногаевъ⁽²¹⁵⁾. Онъ самъ писалъ о томъ къ Иоанну; сказывалъ, чюо Кабардинцы и горные Кайшаки платяшть ему дань; хвалился своимъ могущесивомъ, и говорилъ: „Ты былъ „молодъ, а нынѣ уже въ разумѣ: объяви, чюо „хочешь? любви или крови? Ежели хочешь „любви, то присылай не бездѣлицы, а дары „знапные, подобно Королю, дающему намъ „15,000 золотыхъ ежегодно. Когда же угодъ „но тебѣ воевань, то я гошовъ итти къ „Москвѣ, и земля твоя будетъ подъ ногами „коней моихъ“⁽²¹⁶⁾. Зная, чюо Саишъ-Гирей возьмешъ дары, но не ошеспунился онъ Казани, и чюо война съ нею должна бышь и войною съ Крымомъ, Государь уже презиралъ гнѣвъ Хана, и засадилъ его Пословъ въ шемницу, свѣдавъ, чюо онъ беретъ къ себѣ Московскихъ купцевъ въ домашнюю услугу какъ невольниковъ, и чюо въ Тавридѣ обезчестили нашего гонца⁽²¹⁷⁾. — Однимъ словомъ, мы чувсивовали силу свою и надѣялись управишься со всѣмъ Бапшевымъ попомсивомъ.

Въ сіе время (въ Мартѣ 1549 года) Казань Г. 1547
 лишилась Царя: Сафа-Гирей пьяный убился — 1550.
 во дворцѣ и кончалъ жизнь внезапно, осна- Смерть
 вивъ двулвнннго сына, именовъ Ушемишь- Царя Ка-
 Гирея, коего мать, прекрасная Сююмбека, занскаго.
 дочь Князя Ногайскаго Юсуфа, была ему
 любезнѣе всѣхъ иныхъ женъ ⁽²¹⁸⁾. Вельможи воз-
 вели младенца Ушемишь-Гирея на преснополь,
 но искали лучшаго Власшингеля, и хоньши,
 чинобы Ханъ Крымскій далъ имъ своего сына
 заццццццншь ихъ опть Россіянъ; а въ Москву
 прислали гонца съ письмомъ опть юнаго Ца-
 ря, перебуя мира ⁽²¹⁹⁾. Іоаннъ опвъшсццоваль,
 чно о мирѣ говорятъ шолько съ Послами,
 сцвннншь воспользованысь мяшежннмъ безна- Походъ на
 чаліемъ Казани, и велѣлъ собираться полкамъ: Казань.
 Большому въ Суздаль, Передовому въ Шуѣ и
 въ Муромѣ, Спорожевому въ Юрьевѣ, Пра-
 вому въ Коснпромѣ, Львому въ Ярославлѣ ⁽²²⁰⁾.
 24 Ноября самъ Государь выѣхалъ изъ Москвы
 въ Владимірѣ, гдѣ Минпроцолнншь, благосло-
 вивъ его, убѣждалъ Воеводѣ служишь велико-
 душно опечеснву и Царю въ духѣ любви и
 бранснпва, забнншь гордосншь и мѣспннчеснпво,
 шерпимое въ мирные дни, а на войнѣ пре-
 спунное. Начальникомъ въ Москвѣ оспался
 Князь Владимірѣ Андреевичѣ. Іоаннъ взялъ съ
 собою меньшаго бранца, Князя Юрія, Царя
 Шнсъ-Алея и всѣхъ знанннхъ Казанскнхъ
 бѣглецовѣ. Зима была ужасная: люди падали
 мернвые на цупи опть несноснаго холода.
 Государь все шерпшь и всѣхъ ободрялъ, за-

Г. 1547
— 1550.

бывъ нѣгу, роскошь Двора и ласки прелесной супруги ⁽²²¹⁾. Въ Нижнемъ Новгородѣ соединились полки, и 14 Февраля спали подъ Казанью: Иоаннъ съ Дворянами на берегу озера Кабана, Шигъ-Алей и Князь Димитрій Вѣльскій съ главною силою на Арскомъ полѣ, другая часть войска за рѣкою Казанкою, снарядъ огнеспрѣльный на устьѣ Булака и Поганомъ озерѣ. Изгонявали шуры и присупили къ городу. Доложь Государи наши не бывали подъ спѣнами сей мяпежной сполитцы, посылая единственно Воеводѣ для наказанія вѣроломныхъ ея жипелей: шуль юный, бодрый, любимый Монархъ самъ обнажилъ мечъ; все видѣль, распоряжалъ, своимъ голосомъ и мужеспвомъ призывалъ воиновъ ко славы и побѣды легкой. Царь Казани былъ въ пеленахъ; ея знавшіе Вельможи погибли въ крамолахъ или передался къ намъ, окружали Иоанна и чрезъ своихъ шайныхъ друзей склоняли единоеземцевъ покориться его великодушню. 60,000 Россіянъ спремилось къ крѣпости деревянной, сокрушаемой ужаснымъ громомъ спѣвобитныхъ орудій. Но послѣдній часъ для Казани еще не насталъ; сражались цѣлый день. Россіане убили множесиво людей въ городѣ, Князя Крымскаго, Челбака, и сына одной изъ женъ Сафа-Гиревыхъ, но не могли овладѣть крѣпостію. Въ слѣдующіе дни свѣладась опшпепель; шли сильные дожди, пушки не спрѣляли, ледъ на рѣкахъ взломало, дороги испорщились, и войско, не

имѣя подвозовъ, боялось голода. Надлежало Г: 1550.
 усилить необходимость и съ величайшимъ 25 Фев-
 трудомъ идти назадъ. Опиравивъ впередъ рала.
 Большой полкъ и тяжелый снарядъ, Госу-
 дарь самъ шелъ за ними съ легкою конницею,
 чтобы спасти пушки и удерживать напоръ
 цесаря (222); изъясляя твердость, не
 унывалъ, и занимаясь только одною мыслию,
 низложеніемъ сего зловреднаго, ненавистнаго
 для Россіи Царства, внимательно наблюдалъ Избраніе
 мѣста; остановился при уснѣхъ Святи, уви- мѣста
 дѣль высокую гору, называемую Круглою; и для новой
 взявъ съ собою Царя Шигъ-Алея, Князей Ка- крѣсто-
 занскихъ, Бояръ, взѣхалъ на ея вершину. . . сши.
 Открылся видъ неизвѣримый во все стороны:
 къ Казань, къ Ванкъ, къ Нижнему и къ пу-
 сьнымъ нынѣшней Симбирской Губерніи.
 Удивленный красою мѣста, Иоаннъ сказалъ:
 „Здѣсь будетъ городъ Христіанскій; снѣ-
 „снимъ Казань: Богъ вдастъ ее намъ въ руки.“
 Все похвалили его счастливую мысль, а Шигъ-
 Алей и Ведьможи Татарскіе описали ему бо-
 гатство, плодородіе окрестныхъ земель
 —и Государь, въ надеждѣ на будущіе успѣхи, 23 Мар-
 возвратился въ Москву съ лицомъ веселымъ. ша.

Но всякая неудача кажется народу виною:
 извиня юность Царя, упрекали главнаго Во-
 еводу, Князя Димитрія Бѣльскаго; говорили,
 что имя Бѣльскихъ несчастливо въ Казан-
 скихъ походахъ; рассказывали, что буди-
 бы Казанцы въ своихъ набѣгахъ явно щадили
 помѣстья сего Боярина, изъ благодарности

за его малодушіе или самую измѣну (223). Опъ въ июль же годъ умеръ, не бывъ конечно ни предапелемъ, ни искуснымъ Полководцемъ, ни власнолюбивымъ Вельможею: иначе Шуйскіе не дали бы ему спокойно засѣдать въ Думъ на первомъ мѣснѣ, свергнувъ и погубивъ его браня, незабвеннаго Князя Ивана (224).

Ни Государь ни войско не успѣли еще опдохнуть, когда пришла въ Москву вѣсть о замыслѣ Хана Саипъ-Гирея итти на Россію: немедленно полки двинулись къ границамъ, и самъ Іоаннъ осмопрѣлъ ихъ въ Коломнѣ, въ Рязани; но чрезъ мѣсяць возвратился въ Москву, ибо осень наступала, а непріятеля не было (225). — Зимой, въспо Хана, явились другіе разбойники, Ногайскіе Мурзы, въ Мещерѣ и близъ Спирой Рязани. Воеводы Іоанновы били ихъ вездѣ, гдѣ находили; гнали до воронъ Шацкихъ; взяли много плѣнниковъ, и съ ними Мурзу Теляка: холодъ испребилъ оснальныхъ, и едва 50 человекъ спаслося (226). За то Государь милоспиво угоспиль Воеводу въ Кремлевской набережной палатѣ, и жаловаль всѣхъ Дѣшей Боярскихъ великимъ жалованьемъ.

Впаденіе
Ногаевъ.

Г. 1551.

Еще Казанцы надѣялись обмануть Іоанна, и писали къ нему о мирѣ. Ходапаемъ за нихъ былъ Князь Ногайскій Юсуфъ, шестъ Сафа-Гирея, Власшпелъ знамениный умомъ и силою, такъ, что Сулпанъ Турецкій писалъ къ нему ласковыя грамошы, назы-

вая его *Княземъ Князей* (227). Юсуфъ хопъль Г. 1551. выдасть дочь свою, вдову Сююябеку, за Шигъ-Адея, чпобы согласишь волю Иоаннову съ желаніемъ народа Казанскаго; предсказывалъ свену міра и земнаго величія, ссылался на Алкоранъ и на Евангеліе, убъждая Государя не проливатьъ крови и бытъ ему истиннымъ другомъ; винилъ умершаго зптя въ невѣрности, кровопійствѣ; винилъ и Казанскихъ чиновниковъ въ духъ мяшежномъ, но спноятъ за дочь и за внука. Иоаннъ сказалъ, чшо объявишь условія мира, если Казанцы приидють въ Москву цятъ или шестъ знаншійшихъ Вельможъ — и, не шеряя времени, въ самомъ началѣ весны — послѣ многихъ совѣщаній съ Думными Боярами и съ Казанскими изгнанниками, послѣ шоржеспвеннаго молебствія въ церквахъ, принявъ благословеніе оупъ Митрополипа — опшуспиль Шигъ-Адея съ цяпью спами знаншнихъ Казанцевъ и съ сильнымъ войскомъ къ успью Свіаги, гдѣ надлежало имъ *во имя Иоанново* посшавишь городъ, для коего спшны и церкви, срубленныя въ лѣсахъ Углицкихъ, были посланы на судахъ Волгою (228). Князь Юрій Михайловичъ Булгаковъ и Симеонъ Ивановичъ Микулинскій, Дворецкій Данило Романовичъ Юрьевъ (бранш Царицы), Конюшій Иванъ Пенровичъ Федоровъ, Бояре Морозовъ и Хабаровъ, Князья Палецкій и Нагаевъ предводилельспвовали Московскою рашю. Изъ Мещеры вышель Князь Хил-

Основа-
ніе Свіаж-
ска.

Г. 1551. ковъ, изъ Нижняго Новгорода Князь Пешрь Серебряный-Оболенскій, изъ Вятки Вахшеаръ Зюзинъ съ Сшрьльцами и Козаками. Опшляи у непріятеля всь перевозки на Волгъ и Камь, всь сообщенія. Князь Серебряный первый распустилъ знамя на Круглой горь, 16 Мая, при закатъ солнца; опшль шамъ вечернюю молитву, и рано, 18 Мая, нечаянно ударилъ на посадь Казанскій: истребивъ около пысячи сонныхъ людей, болъе сна Князей, Мурзь, знаныхъ гражданъ, освободилъ многихъ плънниковъ Россійскихъ, возвратилъ къ успью Свѣти и ждалъ главнаго войска (²²⁹). Оно прибыло на судахъ 24 Мая, и радоспными кликами привѣнспвуя землю, кошорой надлежало бытъ *новою Россією*, съ поржеспвомъ вышло на берегъ, гдъ полки Князя Серебрянаго - Оболенскаго спояли въ рядахъ и показывали браньямъ свои профей. Гуспный дѣсь освнялъ гору: оставивъ мечи, войны взяли сѣкиры, и въ нѣсколько часовъ ея вершина обнажилась. Назначили, размѣрили мѣсто, обонли во-кругъ онаго со креснами, свянчили воду, основали спѣны, церковь во имя Рождеспва Богоматери и Св. Сергія, и въ чептыре недѣли совершили городъ Свѣяжскъ (²³⁰), къ изумленію окреспныъ жшпелей, кошорые, видя сію грозную швердыню надъ главою вешхаго Казанскаго Царспва, смиренно просили Шигъ - Адея взять ихъ подъ державу Иоаннову (²³¹). Вся Горная Спорона, Чуваши,

Мордва, Черемисы — идолопоклонники Г. 155г. Финскаго племени, некогда завоеванные Та-Покоре- шарами, и не привязанные къ нимъ ни един- ние Гор- ствомъ Вѣры, ни единствомъ языка — по- ной Спо- слади своихъ знашныхъ людей въ Москву, роны. дали клятву въ вѣрности къ Россіи, полу- чили отъ Царя жалованную грамоту съ золоною печатію, были приписаны къ новому городу Свияжскому и на три года освобо- ждены отъ *ясиковъ* или дани. Чѣобы удо- стовѣриться въ ихъ искренности, Иоаннъ велѣлъ имъ воевать Казань; они не смѣли послушаться, собрался, и перевезенные въ Россійскихъ судахъ на Луговую сторону, въ присутствіи нашихъ чиновниковъ имѣли битву съ Казанцами среди поля Арскаго: хопя, разсыянные пушечными выстрѣлами, бѣжали въ безпорядкѣ, однакожь, не дока- завъ храбрости, доказали по крайней мѣрѣ свою вѣрность. ⁽²³²⁾ Ихъ Князья, Мурзы и Сопники въ печеніи сего лыта непрестанно ѣздили въ Москву; обѣдали во дворцѣ, и надѣляемые шубами, шканими, досѣхами, конями, деньгами, славили милость Царя и хвадились новымъ опечесивомъ. Государь сыпалъ тогда серебро и золоно, не жа- дѣя казны для исполненія великихъ намѣре- ній, Довольный успѣхомъ Воеводъ, отъ при- слалъ къ Шигъ-Алею множесиво золоныхъ ме- далей, чѣобы раздасть оныя войску.

Между тѣмъ ужась и смященіе господ-Ужась Ка- ствовали въ Казани, гдѣ не было ни двадцати замцевъ

Г. 1551. тысячь воиновъ. Подданные измѣняли ей, Князья и Мурзы тайно уходили къ Шигъ-Алею ⁽²³³⁾, а Россіяне опустошали ея ближайшія села, и никого не пускали въ городъ: оны устья Суры до Камы и Ваянки спояли наши опряды. На пресполѣ Казанскомъ игралъ невинный, безсловесный младенецъ; вдовствующая Царица Сююнбека, шо плакала надъ нимъ, шо веселилась съ своимъ любовникомъ, Крымскимъ Уланомъ Коцакомъ, ненавистнымъ народу; граждане укоряли Вельможъ, Вельможи другъ друга. Каванскіе чиновники желали покоришься Иоанну: Крымскіе гнушались сямъ малодушнѣемъ; ждали войска изъ Тавриды, изъ Аснрахани, изъ Ногайскихъ Улусовъ — и надменный Коцакъ, гремя саблею, общалъ побѣду Царицѣ: пишущъ, что оны думалъ женишься на ней, умершвишь ея сына и бышь Царемъ. Но сдѣлася бунтъ ⁽²³⁴⁾: Крымцы, видя, что народъ горновъ выдалъ ихъ Московскимъ Воеводамъ, бѣжали, числомъ болѣе прехъ сотъ, Князей и сановниковъ. Они не могли спаснися, вездъ находили Россіянь, и положили свои головы на берегу Ваянки; а гордый Коцакъ и сорокъ-пяць знаннѣйшихъ его единокземцевъ были взяны въ плѣнь и казнены въ Москвѣ ⁽²³⁵⁾.

Тогда Казанцы, немедленно заключивъ **Мирныя** ремиріе съ нашими Воеводами, опиравали **условія съ** Пословъ къ Иоанну ⁽²³⁶⁾: молили, чтобы оны **нами.** снова дали имъ Шигъ-Алея въ Цари; обяза-

вались прислать къ нему младенца Уше-
 мишь-Гирея, Царицу Сююмбеку, женъ и дѣ-
 шей оставленныхъ у нихъ Крымцами; хо-
 щѣли также освободить всѣхъ Россійскихъ
 плѣнниковъ. Иоанн согласился, вспомявъ
 осиротѣвшую Полюшку своего дѣда, кото-
 рая состояла въ томъ, чѣмъ не доводитьъ
 врага до крайности, изнуряя въ немъ си-
 лы, губить его безъ спѣха, но вѣрно; зави-
 сѣвъ опѣ случая какъ можно менѣе, беречь
 людей какъ можно болѣе, и въ неудачахъ
 войны оправдываться ея необходимостію.
 Но дѣдъ Иоанновъ, наблюдая умѣренность,
 наблюдалъ и другое правило: *удерживать
 взятое*. Пославъ Адашева къ Воеводамъ, чѣмъ
 бы исполнилъ условія мира и объявить
 Шигъ-Алея Царемъ Казанскимъ, онъ велѣлъ
 отдать ему единственно Луговую Сторону,
 а Горную, завоеванную мечемъ Россіи, при-
 писать къ Свѣяску. Сія мысль, раздѣливъ
 владѣнія Казани, огорчила и народъ ея и
 самого Шигъ-Алея. „Чѣмъ будетъ мое Цар-
 ство?“ говорилъ онъ: „могу ли требовать
 любви опѣ подданныхъ, успунивъ Россіи
 знатную часть земли ихъ?“ Воеводы опѣ-
 вѣщивали, чѣмъ такъ угодно Иоанну.
 Тщешно Казанцы думали лукавствовать, опѣ-
 ричались опѣ условій, не хотѣли выдать ни
 Царицы, ни плѣнниковъ. Воеводы сказали
 имъ рѣшиительно: „или они будутъ въ ру-
 кахъ нашихъ, или Государь въ началѣ осе-
 нн будетъ здѣсь съ огнемъ и мечемъ для

Г. 155г. „испробленія ввродомныхъ.“ Надлежало по-
виноваться, и Казанцы извѣстили Шигъ-
Алея, что Царица съ сыномъ уже ѣдетъ въ
Свѣяжскъ.

Царица
Сююмба-
ка.

Не только Сююмбака, но и вся Казань
проливала слезы, узнавъ, что сію несчаст-
ную какъ пленницу выдаютъ Государю Мос-
ковскому. Не укоряя ни Вельможъ, ни граж-
данъ, Сююмбака жаловалась только на судь-
бу: въ опчаяніи лобызала гробъ Сафа-Гиреевъ
и завидовала его спокойствію. Народъ не-
чально безмолвствовалъ: Вельможи утѣша-
ли ее и говорили, что Іоаннъ милосливъ;
что многіе Цари Мусульманскіе служатъ
ему; что онъ избереши ей достойнаго меж-
ду ими супруга и даши владѣніе. Весь го-
родъ шель за нею до рѣки Казанки, гдѣ
спояда богато-украшенная ладія. Сююмбака
пихо ѣхала въ колесницѣ; ивснунъ несли
ея сына. Блѣдная, слабая, она едва могла
сойти на приспань, и входя въ ладію, съ
умиленіемъ поклонилась народу, которій
палъ ницъ, горько плакалъ, желалъ счастлиа
бывшей своей Царицѣ ⁽²³⁷⁾. Князь Оболенскій
вспрѣпилъ ее на берегу Волги, привѣнспиво-
валъ именемъ Государя и повезъ на судахъ
въ Москву съ Упемпшъ-Гиреемъ и съ семей-
ствами знашныхъ Крымцевъ.

Такъ исполнилось первое условіе мира:
Воеводы шребовали еще свободы нашихъ
пльнниковъ и присяги всѣхъ Казанцевъ въ вѣр-
ности къ Россіи; назначили день и снали у

Казани, отъ Волги до Царева дуга. Алей Г. 1551.

послалъ своихъ Вельможъ въ городъ, чѣобы
очистишь дворець, и ночеваль въ шапрѣ.
Въ слѣдующее утро всѣ сановники и граж-
дане собралися на дугу: выслушали написан-
ную для нихъ княжвенную грамоту; благо-
дарили Иоанна за даннаго имъ Царя, но дол-
го не хопѣли ушущишь Горной Спороны.
„И вы думаете“ — сказали Бояре — „чѣпо
„Иоаннь подобно вамъ легкомыслень? Взгля-
„ните на устье Свѣяги: тамъ городъ Хри-
„стіанскій! Жиптели окресныхъ земель
„шоржесивенно поддалися намъ и воевали
„Казань: могутъ ли снова принадлежанъ ей?
„Забудьте снарое: оно не возвратишися.“ На-
конецъ *щертныя* грамоты были утверждены
печатію Царскою, и поднесю всѣхъ знаш-
ныхъ людей. Народъ присягалъ при дни, толпа
за полною ⁽²³⁸⁾. Шагъ-Алей вѣвхаль въ спо-
ляцу. Бояре, Князь Юрій Булгаковъ и Хаба-
ровъ, посадили его на шровъ—и дворъ Царскій
наполнился Россійскими пѣвниками, изъ ко-
ихъ многіе дѣшъ двадцать спрадали въ неволѣ.
Алей объявилъ имъ свободу: они едва вѣриди
своему счастию; обливались слезами, воздѣ-
вали руки къ небу, славнали Бога. „Иоаннь
„царшвуенъ въ Россіи!“ говорили имъ Бо-
яре: „идише въ опечесиво, и впредь уже
„не бойшесея пѣвна!“ Въ Свѣяжскъ надѣлили
ихъ всѣмъ нужнымъ, одеждою, събенными
припасами и послали Волгою вверхъ, чи-
словъ 60,000, кромѣ жиптелей Вапскихъ и

Новое во-
цареніе
Шагъ-
Алей.
Освобо-
жденіе
пѣвни-
ковъ.

Г. 1551. Пермскихъ, отправленныхъ инымъ путемъ. „Никогда“ — пишушь современники — „Россия не видала приятнѣйшаго зрѣлища: но „быль новый исходъ Израиля!“ Освобожденіе столь многихъ людей, основаніе Свияжска, взятіе значной части Казанскихъ владѣній и воцареніе Адея не стоило Иоанну ни одного человека: Россіяне вездѣ гнали, были неприятелей въ маловажныхъ встрѣчахъ, на берегахъ Камы, Волги, и только ихъ кровію обогрѣлись. — Князь Булгаковъ побѣхалъ къ Государю съ счастливою вѣстію. Бояринъ Данило Романовичъ и Князь Хилковъ также возвращались. Хабаровъ съ пачкою спами Московскихъ Спрѣльцовъ осмался у Шигъ-Адея, а Князь Симеонъ Микудинскій, мужъ извѣстный умомъ и храбростію, въ Свияжскѣ (239).

Еще Казань пициною и вѣрностію къ Россіи могла бы продлиль бытіе свое въ видѣ особеннаго Мусульманскаго Царства; но Рокъ спремилъ ее къ паденію. Напрасно Иоаннъ изъяслялъ милосердіе и ласку къ ея Царю и Вельможамъ: дарилъ перваго богатными одеждами, сосудами, деньгами — также и Царицу его, одну изъ бывшихъ женъ Сафа-Гиреевыхъ; дарилъ и всѣхъ значныхъ Казанцевъ, предостерегалъ ихъ оиъ гибельныхъ саѣдспвій новой измѣны (240). Шигъ-Адей непрестанно докучалъ ему о Горной Споронѣ, желая, чшобы онъ возвратилъ хоня половину или часть ея, и недовольный рѣшишельными опказами, равнодушно видѣлъ, что Казанцы

Не вѣр-
ностъ Ка-
занцевъ и
же сп о-
косп ихъ
Царя.

укрываютъ еще многихъ плѣнниковъ Россійскихъ, сажаютъ въ ямы, заключаютъ въ цѣли; не хотѣлъ никого наказывать за то, и говорилъ нашимъ сановникамъ: „боюсь мятежа!“ Но свѣдавъ, что нѣкоторые Вельможи, по старому обычаю, впайнѣ крамольствуютъ, пересылаются съ Ногаями, замышляютъ убить его и всѣхъ Россіянъ, Алей не усомнился прибѣгнуть къ жестокимъ мѣрамъ: далъ пиръ во дворецъ и велѣлъ рѣзать гостей, уличенныхъ или только подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ: однихъ умертвили въ его споловой комнатѣ, другихъ на дворѣ Царскомъ, всего семдесятъ человекъ, самыхъ знатнѣйшихъ; на дачахъ служили собиравенные Алеевы Князья и Сирѣльцы Московскіе. Два дни лилася кровь: народъ оцѣнѣлъ; виновные и невинные разбѣжались отъ страха ⁽²⁴¹⁾.

Сіе ужасное происшествіе открыло Иоанну необходимость искать иныхъ способовъ Переговоры съ Алейемъ. для усмиренія Казани. Онъ послалъ шуда Адашева, который объявилъ Алейю, что Государь не можетъ долѣе терпѣть злодѣйствъ Казанскихъ; что время успокоить сіе несчастное Царство и Россію; что Московскіе полки вступаютъ въ его сподицу, защищаютъ Царя и народъ, утверждая ихъ и нашу безопасность. „Вижу самъ“—оповѣщивалъ Алей съ горестію—, „что мнѣ не „льзя здѣсь царствовать: Князья и народъ „ненавидятъ меня; но кпо виною? Пусть „Иоаннь опидаситъ намъ Горную сторону:

„погда поручусь за вѣрность Казани; иначе
 „добровольно схожу со шкана и ѣду къ Госу-
 „дарю, не имѣя другаго убѣжища въ свѣтъ.
 „Но я Мусульманинъ, и не введу сюда Хри-
 „стіанъ; впрочемъ могу оказанъ вамъ услу-
 „гу, если Государь удостоитъ меня въ
 „своей милости: до отъѣзда моего изъ Ка-
 „зани погублю остальныхъ злыхъ Вель-
 „можъ, испорчу весь снарядъ огнесиръный
 „и пригошюваю легкую для васъ победу“

(242). Съ сими оповѣстимъ Адашевъ возвра-
 тился въ Москву, гдѣ находились Послы
 Казанскіе, Муралей Князь, Косиловъ,
 Алимердинъ, личные непріатели Шихъ-Адея.

Г. 1552. Угадывая мысль Государеву, они — или съ
 общаго согласія единоземцевъ своихъ, или
 сами собою — донесли Иоанну, что ихъ Царь
 есть кровожадный убійца и наглый грабитель;
 что Казань желаетъ единственно избавить-
 ся отъ шкана и гонима *повиноваться На-*
льстнику Московскому. „Если не испол-
 „нишь воли народа“ — сказали Послы —
 „по опкроется бунтъ, неминуемо и скоро.
 „Удали бѣдствие; удали ненавистнаго зло-
 „дѣя. Пусть Россіане займутъ нашу сто-
 „лицу: мы выведемъ въ предмѣстія или въ
 „села; хопимъ во всемъ зависѣть отъ воли
 „швоей; будемъ шебъ усердными слугами; а
 „если обманемъ, то наши головы да падуть
 „въ Москвѣ!“ Не теряя времени, Иоаннъ
 снова послалъ Адашева въ Казань, чтобы
 свести Царя съ престола въ угодность на-

роду; общалъ Алею милоспшь и жалованье, Г. 1552.
 пребуя, чпобы онъ безъ сопронивденія
 впусщилъ наше войско въ городъ. Тунъ Алей
 внорично изъявилъ благородную птвердоспшь.
 „Не жалю о пресполь,“ говорилъ онъ
 Адашеву: „я не могъ или не умълъ бытъ
 „на немъ счаспльивъ. Самая жизнь моя здѣсь
 „въ опасноснн. Повинуюсь Государю: да не
 „пребуеть шолько, чпобы я измѣнилъ Шра-
 „вовѣрю. Возьмите Казань, но безъ меня;
 „возьмите силою или договоромъ, по не изъ
 „рукъ моихъ.“ Ни ласкою, ни угрозами Ада-
 шевъ не могъ склонитъ его къ шому, чпобы
 онъ сдалъ Царство Намѣспнику Государеву.
 Тайно заколошпвъ пѣсколько пушекъ, и
 ппщали съ порохомъ оппправивъ въ Свѣяжскъ
 (243), Алей выѣхалъ ловитъ рыбу на озеро со
 многими Уланами и Князьями; велѣлъ Мо-Ц а р ь
 сковскимъ Спрѣльцамъ окружитъ ихъ и о с т а в -
 сказалъ симъ изумленнымъ чповникамъ: „Вы л е ш ь К а -
 „думали убитъ меня, обносили въ Москвъ, з а н ь
 „не хотѣли имѣть Царемъ, и пребовали
 „Намѣспниковъ опъ Юанна: спанемъ же
 „вмѣспъ предъ его судпщцемъ!“ Алей прѣ-
 ѣхалъ съ ними въ Свѣяжскъ.

Тогда Князь Симеонъ Микулинскій, назна-
 ченный управлять Казанью, далъ знать ея жи-
 телемъ, чпо воля ихъ исполнилась; чпо Алей
 сведень съ Царспва, и чпо они должны при-
 сягнутъ Государю Московскому. Казанцы
 соглашались: желали шолько, чпобы Мику-
 линскій оппсущсплъ къ нимъ двухъ Свѣяж-

Г. 1552. скихъ Князей, Чапкуна и Бурнаша, которые, будучи уже подданными Россіи, могли бы успокоить народъ своимъ ручательствомъ въ Іоанновой милости ⁽²⁴⁴⁾. Сии Князья похваляли плуда съ нашими чиновниками. Тинина царствовала въ Казани. Вельможи, граждане и самые сельскіе жители дали кляпву въ вѣрности; очистили дворы для Намѣстника и войска; прислали въ Свияжскъ жену Шигъ-Алееву; звали Князя Микулинскаго: вспрыпили его на берегу Волги и били ему челомъ какъ усердные *холопы* Государевы. Онъ шелъ съ полками. Воеводы уже оправили легкій обозъ въ Казань и готовились съ шоржесвомъ спустить въ ея спѣны. Безъ важныхъ усилій, безъ кровопролитія Іоаннь пріобрѣтала знаменитое Царство; брался, такъ сказать, рукою за вѣнецъ онаго Вдругъ все перемѣнилось.

Послѣдняя измѣна на Казанцевъ.

Трое изъ Вельможъ Казанскихъ ⁽²⁴⁵⁾, опущенные Княземъ Микулинскимъ въ городъ къ ихъ семейству, возмутили народъ ложною вѣстію, что Россіяне идутъ къ нимъ съ намѣреніемъ испребить всѣхъ жителей. Распространился ужасъ, сдѣлалось общее смятеніе; затворили крѣпость; начали вооружаться. Многіе Князья спарались разувѣрить народъ, представляя, что Бояре Іоанновы шоржесвенно клялися не прогнать ни одного человѣка, ни въ городъ, ни въ селахъ: обѣщались власноватъ по законамъ,

безъ насилія; оставивъ все, какъ было. Ихъ не слушали и кричали, что клятва Боярь есть обманъ; что самъ Алей за шайну сказывалъ по своимъ ближнимъ людямъ. Узнавъ о семъ волненіи, Князь Микулинскій, Оболенскій, Адашевъ оставили войско на Булакѣ и съ малочисленною дружиною подѣхали къ городу ⁽²⁴⁶⁾: ворота Царскія были заперты, а стѣны покрыты людьми вооруженными. Вышли нѣкоторые чиновники, извиняли народъ, обѣщались усмирить его, но не сдержали слова: граждане никакъ не хотѣли впускать Россіянъ, захватили нашъ обозъ, многихъ Душей Боярскихъ, и приказывали грубыя рчи къ Московскимъ Воеводамъ, которые узнали, что Князь Чапкунъ, посланный ими въ лицѣ усерднаго слуги Государева изъ Свіяжска въ Казань для успокоенія жителей, обманулъ насъ и сдѣлался шамъ Главою мятежниковъ. Воеводы ночевали въ предмѣстіи: видя, что всѣ убѣжденія безплодны, они могли бы обратиться въ пещель и осадить городъ, но ждали Государева указа; мирно спустились къ Свіяжску, заключили всѣхъ бывшихъ съ ними Казанскихъ сановниковъ въ пемницу, и немедленно отправили въ Москву Боярина Шереметева съ донесеніемъ о сей новой измѣнѣ. Она была послѣднею.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Приготовленія къ походу Казанскому. Отношенія Россіи къ Западнымъ Державамъ. Освобожденіе сарца, К. Булгакова. Спроеіііе новыхъ крѣпостей. Начало Донскихъ Козаковъ. Новый Ханъ въ Тавридѣ. Дѣла Аспираханскія. Волѣзнь въ Свіажскѣ. Едигерь Царь въ Казани. Посланіе Мишрополиша къ Свіажскому войску. Совѣшь о Казани. Выѣздъ Государевъ. Нашествіе Хана Крымскаго. Присупъ къ Тулѣ. Бѣснво Хана. Наши трофеи. Роцопъ въ войскѣ. Походъ. Осада. Первая бншка. Буря. Сшавяшь шуры. Сильная вылазка. Дѣйсствіе бойницъ. Наѣздицъ Князь Япанча. Упомленіе войска. Раздѣленіе полковъ. Истребленіе Япанчина войска. Ожесточеніе Казанцевъ. Взорваніе тайника. Уныніе Казанцевъ. Дѣяшельность Іоаннова. Взятіе оспрога и города Арскаго. Нападенія Луговой Черемисы. Мнимыя чародѣйства. Построеніе высокой башни. Предложенія Казанцамъ. Кровопрولیшное дѣло. Взорваніе шарасъ. Занятіе Арской башни. Послѣднее предложеніе Казанцамъ. Успроеніе войска для присупа. Взорваніе подкоповъ и присупъ. Геройство съ обѣихъ сторонъ. Корыстшлюбіе многихъ воиновъ. Великодушіе Іоанна и Воаръ. Доблестъ К. Курбскаго. Взятіе Казани. Водруженіе креста у воропъ Царскихъ. Выѣздъ Государевъ въ Казань. Освобожденіе Россійскихъ плѣнниковъ. Рѣчь Іоанна къ войску. Пиръ въ сшанѣ. Подданство Арской обласши и Луговой Черемисы. Торжественное всупленіе въ Казань. Зрѣлище Казани. Учрежденіе Правительсства. Совѣшь

Вельможъ. Возвращенный путь Государя въ Москву. Рожденіе Царевича. Всігрѣча Іоанну. Рѣчь Государева къ Духовенству. Огнѣнь Мишрополишовъ. Цирь во дворцѣ и дары Іоанновы.

Г. 1552.

24 Марша узнавъ Государь о происше- г. 1552.
спвіяхъ Казанскихъ: вельдь Шимъ-Алею вхань Пригопо-
въ Касимовъ, а шурину своему, Данглу Ро- вленіе къ
мановичу, ишши съ иѣхонною дружиною въ походуКа-
Свіяжскъ, объявивъ въ пюргеспивенномъ засъ- занскому.
даніи Думы, что наспало время сразити
главу Казани. „Вотъ видѣти мое сердце,“
говорилъ онъ: „хочу не земной славы, а по-
„коя Хрисціанъ. Могу ли нѣкогда безъ ро-
„боспи сказати Всевышнему: се я и люди,
„Тобою мнѣ даны, если не спасу ихъ онъ
„свѣрѣности вѣщныхъ враговъ Россіи, съ ко-
„ими не можетъ быти ни мира, ни ондох-
„повенія?“ Бояре хвалиди рѣшительность
Іоаннову, но совѣтовали ему остаться въ
Москвѣ и послати Воеводу на Казань: „лбо
„Россія имѣетъ не одного врага: если Крымцы,
„Ногаи въ опсуществовѣ Государя нападутъ
„на ея предѣлы, кто защититъ оныя?“ Іо-
аннъ опрѣвѣспивовалъ, что возьметъ мѣры
для безопасности Государства и *пойдетъ на
свое дѣло*. Вельди собираются войску, изъ
дальнихъ мѣстъ въ Коломнѣ и Коширѣ, изъ
ближайшихъ въ Муромѣ. Князья Александръ
Борисовичъ Горбашій и Пелпръ Ивановичъ
Шуйскій должны были веспи Московскіе

Г. 1552. полки въ Нижній Новгородъ, Михайло Глинскій расположились станомъ на берегахъ Камы съ Дъшми Боярскими, Сирьльцами, Козаками, Усплюжанами и Вяпчанами, а Свѣяжскіе Воеводы занявъ легкими отрядами перевозки на Волгъ и жданъ Іоанна (247).

Готовась къ знаменитому подвигу, юный Царь могъ бытъ увѣренъ въ миролюбіи Западныхъ Державъ сосѣдственныхъ. Швеція и Ливонія не претовали ничего, кромъ свободной у насъ торговли. Съ Королемъ Польскимъ мы спорили о пшпудъ и земляхъ Себежскихъ; грубили словами другъ другу, но съ обѣихъ споронъ удалялись отъ войны. Августъ оказалъ даже ласку Іоанну, и не хотѣвъ прежде за деньги освободить Князя Михайла Булгакова-Голицу, освободилъ его даромъ; прислалъ въ Москву вмѣстѣ съ другимъ сановникомъ, Княземъ Селеховскимъ, и писалъ къ Царю: „Думая, что мы обязаны „уважающъ вѣрносщъ не только въ своихъ, но „и въ чужихъ слугахъ, умирающихъ за Госу- „даря, даю свободу Великому Воеводу опца „швоего. Всѣ иные знашныя цѣнники Мо- „сковскіе, взяшыя нами въ славной Оршин- „ской битвѣ, уже во гробѣ.“ Царь изъясилъ Августу искреннюю благодарносщъ, и съ живѣйшею любовію принялъ спарца Булгакова, 38 лѣтъ спрадавшаго въ неволь; выслалъ ему богатую шубу, украсилъ его грудь золопою медалью, обнялся съ нимъ какъ съ другомъ. Изнуренный долговременнымъ несчастіемъ, упо-

Отноше-
нія Россіи
къ Запад-
нымъ Дер-
жавамъ.

Освобо-
женіе
спарца К.
Булгако-
ва.

денный дальнимъ пушемъ, спарець не могъ Г. 1552. обѣдаль съ Государемъ: плакаль и благословляль милоспиваго, Державнаго сына Василіева (248).

Не опасаясь ничего со стороны образованныхъ Державъ Европейскихъ, Юаннь пѣмь болѣе занимался безопасностію нашихъ юговосточныхъ предѣловъ. Двѣ вновь построеныя крепости — Михайловъ на Пронѣ, Шанскъ на Цвѣ — служили оградой для Рязани и Мещеры (249). Но важнѣйшимъ сиранилицемъ для варваровъ и защитною для Россіи, между Азовскимъ и Каспійскимъ моремъ, сдѣлалась новая воинственная Республика, соснавленная изъ людей говорящихъ нашимъ языкомъ, исповѣдующихъ нашу Вѣру, а въ лицѣ своемъ предспавляющихъ смѣсь Европейскихъ съ Азіатскими черпами; людей неупомимыхъ въ рапномъ дѣлѣ, приранныхъ конниковъ и наѣзниковъ, иногда упрямыхъ, своевольныхъ, хищныхъ, но подвигами усердія и доблеспи изгладившихъ винны свои — говоримъ о славныхъ Донскихъ Козакахъ, выступившихъ тогда на оеапръ Испорія. Нѣтъ сомнѣнія, что они же назывались прежде *Азовскими*, копорые въ печеніе XV вѣка ужасали всѣхъ пулешеспивенниковъ въ пущыняхъ Харьковскихъ, Воронежскихъ, въ окресностиахъ Дона; грабили Московскихъ кущевъ на дорогѣ въ Азовъ, въ Кафу; хватали людей, посылаемыхъ нашими Воеводами въ степи для раз-

Строеніе новыхъ крепостей.

Начало Донскихъ Козаковъ.

Г. 1552. въдыванія о Ногаяхъ или Крымцахъ (250), и безпокоили набѣгами Украину. Происхожденіе ихъ не весьма благородно: они считались Россійскими бѣглецами (251); искали дикой вольности и добычи въ опустѣвшихъ Улусахъ Орды Батыевой, въ мѣстностяхъ не населенныхъ, но плодородныхъ, гдѣ Волга сблизается съ Дономъ, и гдѣ издавна былъ торговый путь изъ Азии въ Северную Европу; утвердился въ нынѣшней своей области; взяли городъ Ахасъ (252), назвали его, думаю, *Черкасскимъ*, или *Козачьимъ* (ибо про и другое имя знаменовало одно); доставали себѣ женъ, какъ вѣроятно, изъ земли Черкесской и могли сими браками сообщити дѣтями иично Азіатское въ наружности. Опець Іоанновъ жаловался на нихъ Султану, какъ Государю Азовской земли (253); но Козаки гнушались зависимоścią отъ Магомеданскаго Царства, признали надъ собою верховную власть Россіи — и въ 1549 году вождь ихъ Сармазанъ, именуясь подданнымъ Іоанна, спроилъ крѣпости на Дону; они завладѣли сею рѣкою до самаго устья, преобладали дань съ Азова, воевали Ногаевъ, Аспраханъ, Тавриду; не щадили и Турковъ (254); обязывались служить вдали бдительною спражею для Россіи, своего дрежняго опечества, и водрузивъ знаменіе Креста на предѣлахъ Опшноманской Имперіи, пославши грань Іоанновой Державы въ виду у Султана, которъй досель мало занимался нами, но путь

открылъ глаза, увидѣлъ опасность и хотѣлъ быть дѣйствительнымъ покровителемъ Сверхъ владѣній Магометанскихъ. Въ Тавриду господствовала новыи Ханъ Девлетъ-Гирей, племянникъ умершаго или сверженнаго Саида ⁽²⁵⁵⁾; онъ взялся спасти Казань. Послы Солимановы убѣждали Князей ^{НОВОЙ} Ногайскихъ, Юсуфа и другихъ, соединиться ^{Ханъ въ} съ подь хоругвью Магомета, чинобы обузданы наше власнолюбіе. „Отдаленіе“ — писалъ къ нимъ Султанъ — „мѣшають мнѣ по-
 „могать Азову и Казани. Заключите тѣс-
 „ный союзъ съ Ханомъ Крымскимъ. Я ве-
 „дѣлъ ему опущеніи всѣхъ Аспраханскихъ
 „жителей въ ихъ опечесиво, мною возста-
 „новляемое. Немедленно ирщю туда и Ца-
 „ря; дамъ Главу и Казани изъ рода Гиреевъ;
 „а до того времени будите ея защитниками
 „ ⁽²⁵⁶⁾. Но сіи Князья, находя выгоды въ
 торговлѣ съ Россією, не хотѣли войны. Аспраханъ, важная, необходимая для купе-
 чества Западной Азии, возникала на разва-
 линахъ: въ ней власновладалъ Ягурчей ⁽²⁵⁷⁾; онъ вызвался быть усерднѣе слугою Иоан-
 новымъ, и чиновникъ Московскій повхалъ
 къ нему для договора. Царевичъ Аспрахан-
 скій, Кайбула, сытъ Аккубековъ, женился въ
 Россіи на племянницѣ Шигъ-Алея, дочери
 Еналеевой, получивъ городъ Юрьевъ во вла-
 дѣніе ⁽²⁵⁸⁾. — Опасаясь единственно Хана
 Крымскаго, Иоаннъ ждалъ вѣстей объ его
 движеніяхъ, и собирая войско, готовился

Дѣла Ас-
 прахан-
 скія.

Г. 1552. имѣшь дѣло съ двумя непріятелями: съ Казанью и Тавридою.

Между тѣмъ мятежники Казанскіе, пославъ искапъ себѣ Царя въ Ногайскихъ Улусахъ, взволновали Горную спорону ⁽²⁵⁹⁾; къ несчастію, открылась весною ужасная болѣзнь въ Свіяжскѣ, цынга, опъ коей множеству людей умирало. Воеводы были въ уныніи и въ бездѣйствіи, а Казанцы тѣмъ дѣятельнѣе: опчаспн силою, опчаспн убѣжденіями они заславили всѣхъ своихъ бывшихъ подданныхъ оппложивъ опъ Россіи. Государь велѣлъ Князьямъ Горбатому и Шуйскому сгвѣнптъ плуда съ полками изъ Нижняго Новгорода; но печальныя вѣсти, одна за другою, приходили въ Москву: болѣзнь усиливалась въ Свіяжскѣ; Горные жипели, дѣйствуя какъ непріятели, опгоняли наши штабуны ⁽²⁶⁰⁾; Казанцы побѣждали Россіянъ въ легкихъ сшибкахъ, умершвивъ всѣхъ Дышей Боярскихъ и Козаковъ, захваченныхъ ими въ плѣнъ. Воеводы знали, что Аспраханскій Царевичъ, Едигерь Магмедъ, ѣдетъ изъ Ногайскихъ Улусовъ съ 500 воиновъ: сперегли и не умѣли схвативъ его на пупи; онъ прѣѣхаль въ Казань и сѣлъ на ея престолѣ, давъ кляпву бытъ неумолимымъ врагомъ Россіи.

Едигерь
Царь въ
Казани.

Въ то же время Іоаннь, къ прискорбію своему, узналъ, что не одна тѣлесная, но и душевная зараза господствуетъ въ Свіяжскѣ, наполненномъ людьми военными, которые

думали, что они вне Россіи, следовательно и
 вне Закона, и среди ужасовъ смерти преда-
 вались необузданному, самому гнусному лю-
 бостраснію. Исполняя волю Юаннову, Ми-
 трополитъ послалъ гуда умнаго Архангельскаго
 Протоіеря Тимоѳея съ Святою водою, съ на-
 славленіемъ словеснымъ и письменнымъ, къ
 начальникамъ и ко всемъ воинамъ ^(сбг). „Ми-
 „достію Божіею, мудростію нашего Царя и
 „вашимъ мужествомъ — писалъ онъ — швер-
 „дьяна Христіанская послана въ земль
 „враждебной. Господь далъ намъ и Казань безъ
 „кровопролитія. Мы благодаримъ и сла-
 „вимся. Липва, Германія ищутъ нашего дру-
 „жества. Чѣмъ же можемъ изъяснить призна-
 „тельность Всевышнему? исполненіемъ Его
 „заповѣдей. А вы исполняете ли ихъ? Мол-
 „ва народная превозноситъ сердце Государево
 „и мое. Увѣряютъ, что нѣкоторые изъ васъ,
 „забывъ страхъ Божій, уповаютъ въ грѣхахъ
 „Содома и Гоморра; что многія благообраз-
 „ныя дѣвы и жены, освобожденныя плѣнницы
 „Казанскія, оскверняются развратомъ между
 „вами; что вы, угождая имъ, *кладете бритву*
 „*на браны свои*, и въ поспѣдной нѣгѣ спы-
 „дипесь бытъ мужами. Вѣрю сему, ибо Го-
 „сподь казнилъ васъ, не только болѣзнію,
 „но и срамомъ. Гдѣ ваша слава? Бытъ ужа-
 „сомъ враговъ, нынѣ служите для нихъ по-
 „смѣшищемъ. Оружіе тупо, когда нѣтъ до-
 „бродыни въ сердцѣ; крѣпкіе слабѣютъ отъ
 „пороковъ. Злодѣство возпало; измѣна яви-

Посланіе
 М и про-
 полисъ къ
 Свіяжско-
 му вой-
 ску.

Г. 1552. „дась, и вы уклоняете щипъ предъ ними!
 „Богъ, Иоаннь и Церковь призываютъ васъ
 „къ раскаянію. Исправьшеся, или увидише
 21 Мая. „гнѣвъ Царя; услышите кляпву Церковную.“

Государь шо присупенновалъ въ Думѣ, шо
 смонрьль полки и снарядъ огнеснрѣльный,
 изъывая непрерывнѣе выступити въ поле. Бо-
 яринъ Князь Иванъ Федоровичъ Мениславскій
 и Князь Михайло Ивановичъ Ворошынскій,
 названный тогда, въ знакъ особенной къ нему
 милосни Иоанновой, *Слугою Государевымъ*
 (262), пошли съ главною раницю въ Коломну.
 Передовую дружину велъ Князь Иванъ Прон-
 скій Турушнай и Дмипрій Хилковъ, Правую
 Руку Бояринъ Князь Пепрь Щенашевъ и
 Князь Андрей Михайловичъ Курбскій, Левую
 Князь Дмипрій Микулнскій и Плещеевъ,
 Спражу Князь Васплій Оболенскій - Серебря-
 ный и Сямеонъ Шеремешевъ, а собспвенную
 Царскую Дружину Князь Владиміръ Ворошын-
 скій и Бояринъ Иванъ Шеремешевъ. Уже полки
 снамали онъ Кошпыры до Мурома; Окою, Вол-
 гою плыли суда съ запасами и пушками къ Ни-
 жнему-Новугороду: но въ Царскомъ Совѣнѣ
 Совѣтъ о Казани. было еще несогласіе: многіе думали, что луч-
 ше итти на Казань зимою, нежели лѣтомъ;
 такъ въ особенностіи мыслилъ Шигъ-Алей:
 Иоаннь призвалъ его изъ Касимова въ Москву,
 осыналъ милоснями, далъ ему нѣсколько
 сель въ Мещерь и дозволилъ жениться
 на вдовѣ Сафа-Гиреевой, Царицѣ Сююн-
 бекъ (263). Будучи не способенъ къ рашному

дѣлу, ни духомъ слабымъ, ни пѣвломъ чрез-
мѣрно шумнымъ, Алей славился умомъ осно-
вапелнымъ (264). „Казань“ — говорилъ онъ
— „заграждена лѣсами, озерами и болотами:
„зима будетъ вамъ мосномъ.“ Иоаннъ не
хотѣлъ ждапъ, и сказавъ: „войско гонново,
„запасы опшправлены, и съ Божією помощію
„найдемъ нупь къ доброй цѣли“, рѣшился
ѣхашъ немедленно въ спашъ Коломенскій.

16 Юня Государь проспидся съ супругою. Выѣздъ
Госуда-
ревъ.
Она была беременна: плакала, упала къ нему
въ объашія. Онъ казался пвердымъ; упѣшалъ
ее; говорилъ, что исполняетъ долгъ Царя, и
не боится смерти за опечество; поручилъ
Анаспасію Богу, а ей всѣхъ бѣдныхъ и несча-
стныхъ; сказала: „милуй и благопвори безъ
„меня; даю тебѣ волю Царскую; опворяй те-
„мщицы; снимай оналу съ самыхъ виновныхъ
„по пвоему усмопрѣнію, и Всевышній награ-
„дишь меня за мужество, тебѣ за благоспѣ“
(265). Анаспасія спала на колѣна и въ слухъ
молилась о здравіи, о побѣдѣ, о славѣ су-
пруга; укрѣпилась душею, и въ послѣднемъ
нѣжномъ цѣлованіи явила примѣръ необыкно-
веннаго въ юной женѣ великодушія. Госу-
дарь пошелъ въ церковь Успенія: долго мо-
лился (266); просилъ Митрополита и Епи-
скоповъ быти ревностными ходатаями за
Россію предъ Богомъ, упѣшителями Ана-
спасіи и совѣшниками брата его, Юрія,
который оставался Главою Москвы. Свя-
шители, Бояре, народъ, проливая слезы,

Г. 1552. обнимали Государя. Вышедши изъ церкви, онъ сѣлъ на коня, и съ Дружиною Царскою поѣхалъ въ Коломенское, гдѣ объѣдалъ съ Боярами и Воеводами; былъ весель, ласковъ; хохлѣлъ ночевать въ любимомъ селѣ своемъ Оспровѣ, и на семь пуши вспрѣвнилъ гонца, съ вѣспію изъ Пупивля, что Крымцы густыми толпами идуць отъ Малаго Дона Сѣверскаго къ нашей Украинѣ ⁽²⁶⁷⁾. Не знали, кто предводительствуетъ ими: Ханъ или сынъ его. Государь не оказалъ ни малѣйшаго безпокойства; ободрялъ всѣхъ бывшихъ съ нимъ чиновниковъ, и говорилъ имъ: „Мы не прогали Хана; но если онъ вздумалъ, „поглотить Христіанство, то спланемъ „за опечесство: у насъ есть Богъ!“ Иоаннъ стѣшилъ въ Коломну, взявъ съ собою Князя Владиміра Андреевича, коего онъ хохлѣлъ было опусшить назадъ въ Москву изъ Оспрова.

Н а ш е-
ствіе Ха-
на Крым-
скаго.

Юня 19. Въ Коломнѣ ожидали Государя новыя вѣспи ⁽²⁶⁸⁾: Крымцы шли къ Рязани. Иоаннъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе: велѣлъ спанѣ Большому Полку у Колычева, Передовому у Мспислава, а Львой Рукъ близъ Годушвина; совѣповался съ Шигъ-Алеемъ: опправилъ его въ Касимовъ; вмѣстѣ съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ осмопрѣлъ войско на берегахъ Оки; говорилъ рѣчи сановникамъ и рядовымъ; восхищалъ ихъ своею милоспію, одушевлялъ бодростію, и вездѣ слышалъ восклицанія: „мы гошovy

„умереть за Вьру и за тебя, Царя добродышельнаго!“ Избравъ мѣсто для битвы, онъ возвратился въ Коломну и написалъ въ Москву, къ Царицѣ и къ Митрополиту, что жденъ Хана безъ ужаса, надѣясь на благоспѣе Всевышняго, на ихъ молитву и на мужество войска; что храмы въ Москвѣ должны быти опровержены, а сердца спокойны.

21 Юня получили въ Коломнѣ извѣстїе, что Крымцы явились близъ Тулы. Воеводы, Князя Щеняшевъ, Курбскій, Туруншай, Хилковъ, Воронинскій, сѣвши къ сему городу; но узнали, что неприятель былъ паче въ малыхъ силахъ, ограбилъ нѣсколько деревень и скрылся ⁽²⁶⁹⁾.

23 Юня, когда Иоаннъ сидѣлъ за обѣдомъ, прискакалъ гонецъ отъ Князя Григорья Темкина, Намѣстника Тульскаго, писавшаго къ Царю: „Ханъ здѣсь—
„осаждаенъ городъ— имѣетъ много пушекъ
„и Янычаръ Султанскихъ“ Иоаннъ въ ту же минуту велѣлъ Царской Дружинѣ выпустити изъ Коломны, а главной рати переправляльсѣ за Оку; опслушалъ молебень въ церкви Успенїя, принялъ благословенїе отъ Епископа Феодосїя ⁽²⁷⁰⁾ и выѣхалъ на конѣ въ поле, гдѣ войско въ необозримыхъ рядахъ блистало, гремѣло оружіемъ— двинулось впередъ съ радостнымъ кликомъ и шло на битву какъ на потѣху ⁽²⁷¹⁾. Лыбонисцы не сказываютъ числа, говоря только, что вся Россїя казалась паче ополченною, хоня въ Свїяжскѣ, въ Муромѣ находилось еще другое, силь-

П р и-
ступъ къ
Туль.

Г. 1552. ное войско, а Коломенское состояло единственно изъ Дворянъ, *Жильцовъ* ⁽²⁷²⁾ или опборныхъ Движей Боярскихъ, изъ Новгородцевъ и прочихъ северныхъ жителей. Вечеру уже многіе полки были за Окою, и самъ Іоаннъ приближался къ Коширѣ. Гунь новый гонецъ отъ Князя Темкина донесъ ему, что Тула спасена. 22 Іюня, въ первомъ часу дня, Ханъ приступилъ къ городу, стрѣлая изъ пушекъ огненными ядрами: дома загорѣлись и Янычары кинулись на стѣны. Тула для защиты своей не имѣла воинствъ, отправивъ ихъ всѣхъ на службу Государеву; но имѣла бодрого начальника и великодушныхъ гражданъ: одни пушили огонь, другіе бились мужественно, и Янычары не могли взять крепости. Ханъ опложилъ приступъ до слѣдующаго утра, а ночью удалился, свѣдавъ, что сильныя полки идутъ отъ Коширы. Граждане Тульскіе спояли на стѣнахъ всю ночь: при свѣтѣ зарп увидѣли бѣгство Ташарь; увидѣли съ другой стороны пыль сполбомъ; и воскликнувъ: „Государь, Государь стѣшишь къ намъ!“ успремались въ слѣдъ за неприятелемъ; взяли его снаряжь огнестрѣльный; убили многихъ людей и шурина Ханскаго, Князя Камбирдея ⁽²⁷³⁾; самыя жены и дѣвицы помогали имъ. Тогда пришли Воеводы, Князя Щеняшевъ, Курбскій, и спали на шомъ мѣсѣхъ, гдѣ были шатры Ханскіе ⁽²⁷⁴⁾. — Обрадованный симъ успѣхомъ, Іоаннъ далъ спдохнуть войску и ночевалъ подъ Коширою.

Бѣгство
Хана.

На другой день онъ получилъ еще пріятнѣйшую вѣсть: Шеняшевъ и Курбскій, имѣя только 15,000 воиновъ, разбили 30,000 или больше непріятелей, копорые злодѣйствовали въ окрестностяхъ Тулы, не зная о бѣгствѣ Хана, шли къ нему и вспріятли Россіянь⁽²⁷⁵⁾. Въ сей жестокой битвѣ Князь Андрей Курбскій, Вождь юноша, ознаменовался славными ранами: ему изсѣкли голову и плеча. Воеводы гнали Татарь, и на берегахъ рѣчки Шевороны одержавъ новую побѣду надъ ними, освободили множество Россіянь. Ханъ оставилъ намъ въ добычу обозъ и цѣлые табуны вельблюдовъ; а пльнники объявили, что онъ шель на Москву, считая Государя подъ Казанью: узнавъ же о сильномъ Іоанновомъ ополченіи, хотѣлъ по крайней мѣрѣ взять Тулу, чпобы съ меньшимъ стыдомъ бѣжати во свояси⁽²⁷⁶⁾. — Легкіе опряды наши топтали Крымцевъ до самыхъ степей.

Іоаннь возвратился въ Коломну, извѣстивъ Царицу, брата, Митрополита о славномъ изгнаніи врага, и послалъ въ Москву пророка: пушки непріятельскія, вельблюдовъ, пльнниковъ, чпобы обрадовати столицу свѣдѣтельствомъ нашей побѣды⁽²⁷⁷⁾; а самъ распорядилъ походъ къ Казани двумя пушями, объявивъ, что Дружина Царская, Левая Рука и Запасный Полкъ должны идти съ нимъ на Владиміръ и Муромъ, главные же Воеводы на Рязань и Мещеру, чпобы сойтися съ Государемъ въ полѣ за Алапыремъ⁽²⁷⁸⁾. — Въ

Н а ш и
пророка.

Г. 1552. войскъ сдѣдался ропотъ: Новгородцы, Дѣти Р. и ошнь Боярскіе, жаловались, что Царь не даеиъ въ войскѣ имъ оидохновенія; что они уже нѣсколько мѣсяцевъ на службѣ и въ ирудахъ; что имъ невозможно вынесиъ дальняго похода, для коего не имьютъ ни силъ, ни денегъ. Иоаннъ весьма огорчился; но, скривъ досаду, велѣлъ переписати военновъ усердныхъ, желающихъ служиитъ опечеснву, и шѣхъ, которыя по дѣисности или неспособности опказывающа опъ славы учаснвовати въ великомъ подвигѣ. „Первыя“ — говориъ онъ — „будуиъ мнѣ любезны какъ дѣти; хочу „знаиъ ихъ нужды, и все раздѣлю съ ними. „Другіе же могуиъ оспаниъся: мнѣ ненадобно, но малодушныя!“ Сія слова произвели уди- випельное дѣиснвіе. Всѣ сказали въ одинъ голось: „Идемъ, куда угодно Государю; а по- „слѣ онъ увидишъ нашу службу и не оспани- „вишъ бѣдныхъ.“ Самые безпомѣснныя Дѣ- тли Боярскіе молчали о своихъ недоспан- кахъ въ надеждѣ на будущую милоснъ Госу- дареву.

Походъ. 3 Юля пронудось все войско. Иоаннъ съ опмынныиъ усердіемъ молился предъ иконою Богоматери, которая была съ Димитриемъ Донскимъ въ Мамаевой бишѣ и спюяла въ Коломенскомъ храмѣ Успенія. На пуши онъ съ увиденіемъ лобызаль гробъ древняго Ге- роя Россіи, Александра Невскаго, и благосло- виль памяиъ Свяиныхъ Муромскихъ Угодни- ковъ, Князя Петра и Княгини Февроніи. Въ

Владимиръ донесли ему изъ Свияжска, что
 болѣзнь намъ прекратилась; что войско оду-
 шевлено ревностію; что Князя Микулин-
 ский, Серебряный и Боярянь Данило Рома-
 новичъ ходили на мяшежниковъ Горной Спо-
 роны, смирили многихъ и новою клятвою
 обязали быши верными подданными Россіи (279).
 Въ Муромъ уведомили Государя изъ Москвы,
 что супруга его тверда и спокойна надеж-
 дою на Провидѣніе; что Духовенство и
 народъ непрестанно молятъ Всевышняго о
 здравіи Царя и воинства. Митрополитъ
 писалъ къ Иоанну съ ласкою друга и съ рев-
 ностію Церковнаго учителя. „Будь чистъ
 „и цѣломудренъ душею,“ говорилъ онъ;
 „смирися въ славу и бодрствуй въ нечисти.
 „Добродѣтели Царя спасительны для Цар-
 „ства.“ И Государь и Воеводы читали сію
 грамоту съ любовію. „Благодаримъ тебя“ —
 отвѣщивовалъ Иоаннъ Митрополиту —
 „за Пастырское ученіе, вписанное у меня
 „въ сердце. Помогай намъ всегда наслав-
 „леніемъ и молитвою. Идемъ далѣе. Да
 „сподобитъ насъ Господь возвратиться съ
 „миромъ для Христіанъ (280)“! Онъ не
 терялъ ни часа въ бездѣйствіи: пѣшіи и на
 конѣ смотрѣлъ подки, людей, оружіе; ве-
 дѣлъ расписашъ Дѣшеи Боярскихъ на сошны
 и выбраши начальника для каждой изъ воиновъ
 значнѣйшихъ родомъ; опустилъ Шить-
 Алея въ судахъ къ Казани съ Княземъ Пепи-
 ромъ Булгаковымъ и Сирѣльцами; послалъ

Г. 1552. дружину Яршоульную (²⁸¹) наводилъ мосты, и 20 Июля, въ сѣдъ за войскомъ переехавъ Оку, ночеваль въ Саканскомъ лѣсу, на рѣкѣ Веленемъ, въ 30 верспахъ отъ Муромъ. Впорый спанъ былъ на Шилекшѣ, ирешій подъ Саканскимъ городищемъ. Князья Касимовскіе и Темниковскій присоединилсь къ войску съ своими дружинами, Танарами и Мордовою. Августа 1 Государь сванталъ воду на рѣкѣ Мнѣ. Въ слѣдующій день войско переправилось за Алапырь, и 4 Августа съ радостію увидѣло на берегахъ Суры полки Князей Мстиславскаго, Щеняшева, Курбскаго, Хилкова. Обв многочисленныя рапи шли дремучими лѣсами и пушпынями, пинаясь ловлею, ягодами и плодами. „Мы не имѣли запасовъ съ собою“, пишуть очевидцы: „вездѣ Природа до насъ, спущенія посна готовила для насъ изобильную пранезу. Лоси являлись снадами, рыбы помчились въ рѣкахъ, ипицы сами падали на землю предъ нами“ (²⁸²).

Тунъ, у Борончеева городища, ждали Царя Послы Свияжскіе и Черемисскіе съ донесеніемъ, что весь правый берегъ Волги ему повинуется въ ипшинъ и миръ (²⁸³). Мшапезники раскаялись, и Царь въ знакъ милоснн обѣдалъ съ ихъ спарвйшинами. Они клялись загладитъ вину свою: очиспили шупъ для войска въ мѣспахъ пѣсныхъ; наведл мосты на рѣкахъ; копѣли усердно служилъ намъ мечемъ подъ Казанью.

—6 Августа Іоаннъ на рѣкѣ Киванѣ слушалъ Г. 1552.
 Динбургю и причастился Священныхъ Таинъ.
 11 Августа Воеводы Свіяжскіе вспрѣвнннди
 Государя съ конницею и пѣхотною; они шли
 прѣмъ полками: въ первомъ Князь Алек-
 сандръ Горбачій и Вельможа Данило Романов-
 вичъ; во второмъ Князь Симеонъ Микулинскій
 и Цесрь Серебряный-Оболенскій съ Дѣтьми
 Боярскими; въ прѣшнемъ Козаки и Горные
 динтели, Черемисы съ Чувашиами. Царь при-
 вѣщивовалъ и Воеводу и воиновъ, числомъ
 болѣе двадцати тысячъ (284); звалъ ихъ къ
 рукѣ; говорилъ съ ними; хвалилъ за усрой-
 ство и мужество; угоснилъ всѣхъ на лугу
 Бейскомъ: сановники, рядовые обѣдали подъ
 наметами шашровъ. Время и мѣсна были
 прекрасныя; съ одной стороны являлись
 глазамъ зеленныя равнины, холмы, рощи,
 лѣса шемные; съ другой величественная
 Волга съ дикими утесами, съ карпинными
 островами: за нею необозримые луга и дубра-
 вы. Изрѣдка показывались селенія Чуваш-
 скія, въ крупнзнахъ и въ ущельяхъ. Жинтели
 давали намъ хлѣбъ и медъ: самъ Государь въ
 послѣнее время не имѣлъ иной вкуснѣйшей
 пранезы; шли чистую воду, и никто не
 жаловался: прѣзвостъ и веселіе господство-
 вали въ стани (285).

Августа 13 открылся Свіяжскъ: съ любо-
 пышествомъ и съ живѣйшимъ удовольствіемъ
 Царь увидѣлъ сей юный, его величїемъ со-
 зданный градъ, знаменіе победы и шоржесшва

Г. 1552. Христіанъ въ предѣлахъ зловѣрія. Духовенство съ креслами, Князь Пешрь Шуйскій и Бояринъ Заболоцкій съ воинскою дружиною припали Іоанна въ врапахъ крѣпости. Онъ пошелъ въ Соборную церковь: тамъ Діаконы пѣли ему многолѣніе, а Бояре поздравляли его какъ завоевателя и просвѣщателя земли Свіязской. Осмотрѣвъ крѣпость, богатые запасы ея, красивыя улицы, дома, Государь изъявилъ благодарность Князю Симеону Микулинскому и другимъ начальникамъ; любовался живописными видами, и говорилъ Вельможамъ, что нѣтъ въ Россіи ничего, сподобителнаго мѣстоположенія. Для него изготовили домъ. „Мы, въ походѣ,“ сказалъ Іоаннъ — сѣлъ на коня, выѣхалъ изъ города и сналъ въ шантрахъ на дугу Свіяти.

Войско, упрямое пушемъ, надѣвалось ошдохнуть среди изобилія и пріятности сего новаго мѣста, куда съѣхалось множество купцевъ изъ Москвы, Ярославля, Нижняго, со всякими поварами; суда за судами входили въ пристань; берегъ обрамился въ господный дворъ: на песокъ, въ шалашахъ раскладывались драгоценности Европейской и Азіатской торговли. Люди знатные и богатые нашли тамъ свои запасы, доставленные Волгою. Всѣ были какъ дома ⁽²⁸⁶⁾: могли вкусно ѣсть и пить, угощать друзей и роскошествовать. . . . Но Іоаннъ, призвавъ Шигъ-Алея, Князя Вла-

дими́ра Андреевича и всѣхъ Думныхъ Совѣтниковъ, положили съ ними немедленно идти къ Казани. Алей, будучи родственникомъ ея новаго Царя, Едигера, взялся написать къ нему убедительную грамоту, чинобы онъ не безумствовалъ въ надменности, не считалъ себя равносильнымъ великому Монарху Христіанскому, смирился и пріѣхалъ въ снаны къ Иоанну безъ всякой болѣзни. Написали и къ Вельможамъ Казанскимъ, чино Государь желаетъ не гибели ихъ, а ряскаянія; чино если оны выдадутъ ему вповниковъ мясцаа, што въ иные могутъ бытъ спокойны подъ его счастливою Державою. Сіи грамоты были посланы съ Тапариномъ 15 Августа; а въ слѣдующій день войско уже начало перевозиться за Волгу (287).

Приступая къ описанію достопамятной осады Казанской, замѣнимъ, чино она, вмѣстѣ съ Мамаевою битвою, до самыхъ нашихъ временъ живеть въ памяти народа какъ славнѣйшій подвигъ древности, известный всѣмъ Россіянамъ, и въ черпогахъ и въ хижинахъ. Два обспоянцельснва дали ей сію чрезвычайную знаменитость: она была *первымъ* нашимъ правильнымъ опытомъ въ искусствѣ брать укрѣпленныя мѣста, и защитники ея показали мужество удивительное, рѣдкое. ошчаяніе достойно великодушное, такъ, чино побѣду купили мы весьма дорогою цѣною. Бывъ гошовой мирно поддаться Иоанну, чинобы избавишься онъ люпосни Шигъ-Алеевой,

Г. 1552. Они въ печеніе пяти мѣсяцевъ имѣли время размыслишь о слѣдствіяхъ. Казань съ Намѣстникомъ Іоанновымъ уже существовала бы единственно какъ городъ Московскій. Ея Вельможи и Духовенство предвидѣли конечное паденіе ихъ власпи и Вѣры; народъ ужаснулся рабства. Въ душахъ вспыхнула благородная любовь къ государственной независимости, къ обычаямъ, къ законамъ отцевъ: усиленная воспоминаніями древности — раздраженная ненавистію къ Христіанамъ, прежнимъ данникамъ, погданнымъ угнетателямъ Батыева попомства — она преодолѣла естественную склонность людей къ мирнымъ наслажденіямъ жизни; произвела восноргъ, жажду мести и крови, рвеніе къ опасностямъ и къ великимъ дѣламъ. Въ движеніи, въ пылу геройства Казанцы не чувствовали своей слабости; а какъ въ самой опасной рѣшительности надежда еще таинца въ сердцѣ, по они исчисляли всѣ безуспѣшные приискуны наши къ ихъ столицѣ, и говорили другъ другу: „не въ первый разъ увидимъ Москвитянь подъ стѣнами; не въ первый разъ побѣдутъ назадъ во-своися, и будемъ смѣяться надъ ними!“ Таково было расположеніе Царя и народа въ Казани; но Іоаннь предлагалъ милость, чшобы исполнить миръ долготерпѣнія, согласно съ поличкою его отца и дѣда.

19 Августа Государь съ 150,000 воиновъ (288) былъ уже на Луговой сторонѣ Волги.

Шигъ-Алей отправился на судахъ занявъ Госпитальный островъ, а Бояринъ Михайло Яковлевичъ Морозовъ везъ снарядъ огнеспрѣльный, рубленныя башни и тарасы⁽²⁸⁹⁾, чинобы дѣйсствованъ съ нихъ противъ крѣпости. Нѣсколько дней шли дожди; рѣки выдвигались изъ береговъ; низкіе дуга обрушились въ болота: Казанцы испорчили всѣ мосты и гаши. Надлежало вновь устроити дорогу. 20 Августа, на берегу Казанки, Иоаннъ получилъ опъвышнюю грамоту опъ Едигера. Царь и Вельможи Казанскіе не оставили слова на миръ; поносили Государя, Россію, Христіанство; именовали Алей предапедемъ и злодѣемъ: писали: „все гошпово: ждемъ васъ на миръ.“ — Въ сей день войско увидѣло предъ собою Казань, и спало въ шестни версмахъ опъ нее на гладкихъ, веселыхъ дугахъ, конпорые подобно зеленому сукну разсплались между Волгою и горою, гдѣ спояла крѣпость съ каменными меченями и дворцомъ⁽²⁹⁰⁾, съ высокими баннями и дубовыми, широкими спѣнами (набитыми внушри иломъ и хриштомъ). Два дни выгружали пушки и снаряды изъ судовъ. Тушъ явился изъ Казани бѣглець Мурза Камай⁽²⁹¹⁾, и донесъ Государю, чино онъ вхаль къ намъ съ 200 новарищей, но чино ихъ задержали въ городѣ; чино Царь Едигерь, Кульшерифъ-Молна или Глава Духовенства, Князь Иленешъ Ногайскій, Чапкунъ, Апалыкъ, Исламъ, Аликей Нарыковъ, Кебекъ Тюменскій и Дербышъ умѣли одушевити на-

Г. 1552. родъ злобою на Христіанъ; что никто не мыслить о мирѣ; что крѣпость наполнена запасами хлѣбными и рашными; что въ ней 30,000 воиновъ и 2700 Ногаевъ ⁽²⁹²⁾; что Князь Яманча ⁽²⁹³⁾ со многочисленнымъ отрядомъ конницы посланъ въ Арскую засѣку, вооружить, собрать тамъ сельскихъ жителей и непрестанными нападеніями превозмочь снать Россіянъ. Иоаннъ принялъ Комая милосердиво; совѣдовался съ Боярами; велѣлъ для укрѣпленія изготовить на каждомъ воина бревно, на десятии воиновъ шуръ ⁽²⁹⁴⁾; Большому и Передовому Полку занять поле Арское, Правой Рукъ берегъ Казанки, Спорожевому уснѣ Булака, Левой Рукъ снать выше его, Алею за Булакомъ у кладбища, а Царской Дружинѣ, предводимой имъ и Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, на Царевомъ лугу ⁽²⁹⁵⁾; строго запретилъ чиновникамъ вслушаться въ бшву самовольно, безъ Государева слова—и 23 Августа, въ часъ разсвѣта войско двинулось. Впереди шли Князь Юрій Шемякинъ-Иронскій и Федоръ Троекуровъ съ Козаками пѣшими и Спрѣльцами; за Воеводами Апшаманы,—Головы Спрѣлецкіе, Сопники, всякой по чину и въ своемъ мѣсѣ, наблюдая успройство и пищину. Солнце восходило, освѣщая Казань въ глазахъ Иоанна: онъ далъ знакъ, и полки снали; ударили въ бубны, заиграли на трубахъ,—распустили знамена и Свящую хоругвь, на коей изображался Иисусъ, а вверху водружень былъ живо:

пворящій крестъ, бывшій на Дону съ Великимъ Княземъ Димитріемъ Иоанновичемъ. Царь и всѣ Воеводы сошли съ коней, ошлись молебень подь свѣю знамень, и Государь проицнесь рѣчь къ войску: ободряль его къ великимъ подвигамъ; славиль Героевъ, копорые падушъ за Вѣру; именемъ Россіи клялся, чпо вдовы и сироты ихъ будушь призьрѣны, уснокоены опечесповомъ; наконець самъ обрекаль себя на смерть, если по нужно для побѣды и шоржества Христіанъ. Князь Владимиръ Андреевичъ и Бояре опвыпспововали ему со слезами: „Дерзай, Царю! мы всѣ единою душею за Бога и за тебя.“ Духовникъ Иоанновъ, Пропоіерей Андрей, благословиль его и войско, копорое изъявляло живѣйшее усердіе. Царь съль на аргамака, богапо украшеннаго; взглянулъ на Спасишелевъ образъ Свяшой хоругви, ознаменоваль себя крестомъ, и громко сказавъ: „о Гвоемъ имени движемся!“ повель рапъ прямо къ городу. Тамъ все казалось тихо и пусто ⁽²⁹⁶⁾; не видно было ни движенія, ни людей на спѣнахъ, и многіе изъ нашихъ радовались, думая, чпо Царь Казанскій съ войскомъ опъ спрахъ бѣжалъ въ лѣса; но опышныя Воеводы говорили другъ другу: „будемъ пгьмъ оспорожнѣ!“

Россіяне обспупали Казань. 7000 Спрѣльцовъ и пѣшихъ Козаковъ по наведенному мосту перепли пинный Будаць, шекущій къ городу изъ озера Кабана, и видя предь собою — не болѣе, какъ въ двухъ спяхъ саженихъ

Осада.

Г. 1552. (297) — Царскія палатны, мечети каменныя, лѣзли на вышину, чшобы пройити мимо крѣпости къ Арскому полю . . . Вдругъ раздался шумъ и крикъ: заскрытѣли, опворились вороша. и 15,000 Ташарь, конныхъ и пѣшихъ, устремились изъ города на Спрѣльцовъ: разсгроили, сломили ихъ. Юные Князья, Шемякинъ и Троекуровъ, удержали бѣгущихъ; они сомкнулись. Подоспѣло нѣсколько Дѣшей Боярскихъ (298). Началась жестокая сѣча. Россіяне, не имѣя конницы, спояли грудь; побѣдили и гнали неприятели до самыхъ стѣнъ, не смотря на сильную пальбу изъ города; взяли пѣвниковъ и медленно опснупили, въ виду всѣхъ нашихъ полковъ, кошорые, спокойно идучи къ назначеннымъ для нихъ мѣстамъ, любовались издали симъ первымъ, славнымъ дѣломъ. Приказъ Государевъ въ шочности исполнился: никто безъ его слова не кидался въ бѣгъ, и воинская подчиненность ознаменовалась блестящимъ образомъ.

Подки окружили Казань. Разспавили шатры и при церкви полопняныя: Архиспратига Михаила, Вѣдикомученицы Екашеринны и Св. Сергiя. Ввечеру Государь, собравъ Воеводъ, изуснино далъ имъ всѣ нужныя повѣднiя. Ночь была спокойна. На другой день сдѣлалась необыкновенно сильная буря: сорвала Царскiй и многiе шатры; пошошла суда, нагруженныя запасами, и привела войско въ ужасъ. Думали, что всему конецъ; что осады не будетъ; что мы, не имѣя хлѣба,

Первая
бѣтва.

Б у р я.

должны удалиться съ спыдомъ. Не такъ думалъ Иоаннь: послалъ въ Свяжскъ, въ Москву за съвснними принасами, за шенлою одеждою для воиновъ, за серебромъ, и гошовилса зимованъ подь Казанью⁽²⁹⁹⁾.

25 Августа легкая дружина Князей Шемякина и Троекурова двинулась съ Арскаго поля къ рѣкѣ Казанкѣ, выше города, чпобы опрѣзанъ его опъ Луговой Черемисы, соединилса съ Правою Рукою и спашъ ближе къ спѣвиъ. Тапары сдѣлали вылазку. Мужественный выпязъ, Князь Шемякинъ, былъ ранень; но Князь Дмипрій Хилковъ, Глава всѣхъ передовыхъ опридовъ, помогъ ему съ Дѣпъми Боярскими впопнпашъ непришела въ крѣпоспъ.—Ночью Спорожевый Полкъ и Левая Рука безъ боя и сопротивленія разспавили шуры и пушки. Спрѣльцы оконались рвомъ; а Козаки, подь самую городскою спѣвною, засѣли въ каменной, такъ называемой Дапровой бань.—Въ сѣи два дни Иоаннь не сходилъ съ коня, ѣздилъ вокругъ города и наблюдалъ мѣспа удобнѣйшя для приспуна⁽³⁰⁰⁾.

Ставляшъ шуры.

26 Августа Большой Полкъ выступилъ передь вечеромъ изъ спана: Князь Михайло Воропынскій шелъ съ пѣхоптою и кашилъ шуры; Князь Иванъ Мспиславскій велъ конницу, чпобы помогашъ ему въ случаѣ нападения. Государь далъ имъ опборныхъ Дѣпшей Боярскихъ изъ собспвенной Дружины⁽³⁰¹⁾. Казанцы ударили на нихъ съ вошлемъ;

Г. 1552. а съ бащенъ и спѣнь посыпашись ядра и
 Сильная вылазка. пул. Въ дыму, въ огнѣ нещокколебимые Рос-
 сіяне оправаали конницу, цѣхонту сильнымъ
 дѣйствиемъ своихъ бойницъ, ружейною
 спрѣльбою, кошьями и мечами; хладнокров-
 но шли впередъ, выгнели Ташаръ въ городъ
 и нападцили его мосны неприятелискими
 пѣлами. Паничальники, Козаки снали на
 валу, спрѣляли до самой почы и дали время
 Князю Воропынскому унвердинъ, насыпашъ
 землю шуры въ паничдесяни сажняхъ опо-
 рва, между Арскимъ полемъ и Булакомъ.
 Тогда онъ велѣлъ општуинъ имъ къ шу-
 рамъ и закопанъ подъ оными. Но шем-
 нона не прекратила битвы: Казанцы до
 самага унра выходили и рѣзались съ нашими.
 Не было опдыха; ни вопны, ни Полководцы
 не смыкали глазъ. Иоаннъ молился въ церкви,
 и ежечасно посыпашъ своихъ знапнѣйшихъ
 сановниковъ ободряпъ бѣоущихся. Наконецъ
 неприятель уномился; восходящее солнце
 освѣтило рѣшишельную побѣду Россіанъ, и
 Государь велѣлъ пѣнь въ сшанъ благодарные
 молебны. Казанцы лишились въ семь дѣль
 многихъ храбрыхъ людей, смѣлаго Князя
 Ислама Нарыкова, Сюнчелея богатыря и
 другихъ. Въ числѣ убитыхъ Москвитякъ
 находился добрый вишазь, Леонпій Шуше-
 ринъ (302).

27 Августа Бояринъ Мпхайло Яковлевичъ
 Морозовъ, приканивъ къ шурамъ спѣно-
 битный снарядъ, ошкрылъ сильную палбу

со всѣхъ нашихъ бойницъ; а щипальники Г. 1552. снрѣтали въ городъ изъ окоповъ. — Казанцы ^{Дѣйствіе бойницъ.} скрывались за снвнами; но желая добыть языка, напали на людей разсѣянныхъ въ поле, близъ иного мѣсна, гдѣ споялъ Князь Мсниславскій съ часпнію Большаго Полку. Сей Воевода успѣлъ защитити своихъ, обратилъ непріятеля въ бѣгство, плѣнилъ знашнаго Улана, именовъ Карамыша, и представилъ Государю, оказавъ личное мужество, и въ двухъ мѣснахъ бывъ узвлень снрѣлою (305). Плѣнникъ сказывалъ, что Казанцы, гошвые умерень, не хопящъ слышанъ о мирныхъ переговорахъ.

Въ слѣдующій день Россіане ждали новой вылазки: непріятель явился съ другой снорны: вышелъ гуспыми полками изъ лѣса <sup>На вѣзд-
никъ
Князь
Япанча.</sup> на Арское поле, схватилъ спражу Передоваго Полку и кинулся на его спанъ (304). Воевода, Князь Хилковъ, съ великимъ усиленемъ оборонялся, но имѣлъ нужду въ немедленной помощи. Князя Иванъ Пронскій, Мсниславскій, Юрій Оболенскій (305), одинъ за другимъ снвщили удержашъ спремленіе непріятеля. Самъ Іоаннь, опрядивъ къ нимъ часть Царской Дружины, съѣлъ на коня. Многіе изъ нашихъ чиновниковъ падали мертвые или раненые. Но число Россіанъ умножалось ежеминутно: они прогнали Тапаръ въ лѣсъ и свѣдали ошъ плѣнниковъ, что сіи полпы приходили съ Княземъ Япанчею, изъ укрѣпленія сдѣланнаго Казан-

Г. 1552. цами на пуши въ городъ Арскъ; что имъ ведѣно не давань намъ покоя и дѣлать всевозможный вредъ часными наъздами ⁽³⁰⁶⁾.

29 Августа Воеводы Правой Руки, Князя Щеняшевъ и Курбскій, подвинушесь къ городу и начали укрѣплять шуры вдоль рѣки Казанки подъ защиною Спрѣльцовъ; а дружина Князей Шемякина и Троекурова возвращалась на Арское поле, гдѣ снова показался непріятель изъ лѣса, и гдѣ Мисиславскій, Хилковъ, Оболенскій, спояли въ рядахъ, ожидая Ташарь, между шѣмъ, какъ иные Воеводы, Князь Дмириій Палецкій, Алексій Адашевъ и Головы Царской Дружины снявши шуры съ поля Арскаго до Казанки ⁽³⁰⁷⁾. Съ обѣихъ споронъ спрѣляли изъ пушекъ, ружей и луковъ: вылазки не было. Непрїатель не опходилъ отъ лѣса, видя Россіянъ гошовыхъ къ бишевъ; и ввечеру донесли Иоанну, что весь городъ окружень нашими укрѣпленіями, въ сухихъ мѣстахъ шурами, а въ грязныхъ шѣномъ; что явниъ пуши ни въ Казань, ни изъ Казани. Съ сего времени Бояринъ Морозовъ, вездѣ разспавивъ снарядъ огнеспрѣльный, неушомимо громилъ снѣбны изо сна-цятидесяти шяжелыхъ орудій ⁽³⁰⁸⁾.

Упомле-
ніе вой-
ска.

Но войско наше въ печеніе недѣли ушомилось до крайности: всегда спояло въ ружь, не имѣло времени ондыханъ и за недошпанкомъ въ сѣспныхъ принасахъ циналось шолько сухимъ хлѣбомъ. Кормовники наши не смѣли удаляться отъ шана: Князь

Япанча сперегъ и хваталъ ихъ во всѣхъ на-
 правленіяхъ. Казанцы спосиались съ нимъ по-
 средствомъ знаковь: выспавляя хоругвь на
 высокой башнѣ, махали ею и давали разу-
 мѣнь, что ему должно ударить на осажда-
 ющихъ⁽³⁰⁹⁾. Сей опасный навздыкъ дер-
 жаль Россіянъ въ непреспапномъ спрахѣ.
 Иоаннь собралъ Думу; положилъ раздѣлить
 войско на двѣ части: одной бытъ въ укрѣ-
 пленіяхъ и хранишь особу Царя; другой,
 подъ начальствомъ мужесивеннаго, опыт-
 наго Князя Александра Горбанаго-Шуйскаго,
 сильно дѣйсивовапъ противъ Япанчи, что-
 бы заслонить осаду, очистишь дѣсь, успо-
 коить спанъ нашъ. Имѣя 30,000 конныхъ и
 15,000 пѣшихъ воиновъ, Князь Александръ
 расположился за горами, чтобы упанить
 свои движенія отъ непріятели, и послалъ
 опряды къ Арскому дѣсу. Япанча увидѣлъ
 ихъ, и полны его выспали на поле. Рос-
 сіяне, какъ бы успрапненые, дали пылъ.
 Ташары гнали ихъ, вниспули въ обозъ, на-
 чали *водить круги* передъ нашими укрѣле-
 ніями, и пускали спрѣлы дождемъ; а другія
 полны, конныя и пѣшія, шли медденно въ
 боевомъ порядкѣ прямо, на спанъ главно-
 го войска Московскаго. Тогда Князь Юрій Ше-
 мякинъ съ гоповымъ полкомъ своимъ изъ
 засады успремился на Ташаръ: они изуми-
 лись; но, будучи уже далеко отъ дѣса, дол-
 жны были принять бишву. Скоро явился и
 самъ Князь Александръ съ конными, много-

Раздѣле-
 ніе пол-
 ковъ.

Испребе-
 леніе
 Япанчина
 войска.

Г. 1552. численными дружинами; а пѣхота наша съ правой и лѣвой стороны заходила въ пылъ непріятелю. Татары искали спасенія въ бѣгство: ихъ давили, сѣкли, колоди на проспрансивъ десяти или болѣе верстѣ, до рѣки Килари, гдѣ Князь Александръ османилъ своего упомянугаго коня и прубнымъ звукомъ созвалъ разсѣянныхъ побѣдишелей. На возвращеніи души, въ лѣсу, они убиле еще множество непріятелей, которые прятались въ чащѣ и въ густотѣ вышвей; взяли и нѣсколько солдъ пѣнниковъ ⁽³¹⁰⁾; однимъ словомъ, истребили Яланчу. Государь обнялъ Вождей, покрытыхъ брашною пылью, орошенныхъ потомъ и кровію; хвалилъ ихъ умъ, доблесть съ живѣйшимъ восторгомъ; изъявилъ благодарность и рядовымъ воинамъ. Онъ велѣлъ привязать всѣхъ пѣнниковъ къ кольямъ передъ нашими укрѣпленіями, чшобы они умолили Казанцевъ сдаться. Въ то же время сановники Государевы подѣхали къ спивнамъ и говорили Татарамъ: „Іоаннь обѣщаетъ имъ жизнь и свободу, а вамъ прощенье и милость, если покорилесь ему“ ⁽³¹¹⁾. Казанцы, тихо выслушавъ ихъ слова, пустили множество стрѣлъ въ своихъ несчастныхъ, пѣнныхъ согражданъ, и кричали: „лучше вамъ умереть отъ нашей чистой, нежели отъ злой Христіанской руки!“ Сіе оспервененіе удивило Россіанъ и Государя.

Ожесточеніе Казанцевъ.

Желая употребить всѣ средства, чшобы взять Казань съ меньшимъ кровопролитіемъ,

онъ велѣлъ служащему въ его войскѣ искусному Нѣмецкому Размыслу (то есть, Инженеру) дѣлать подкопъ оный рѣки Булака между Апалаковыми и Тюменскими воропами. Мурза Камай извѣстилъ Государя, что осажденные берутъ воду изъ ключа близъ рѣки Казанки, и ходящъ шуда подземельнымъ пушемъ оный воронть Муралеевыхъ ⁽³¹²⁾. Воеводы наши хотѣли отрыть сей шайникъ, но не могли ⁽³¹³⁾, и Государь велѣлъ подкопанъ его оный каменной Дауровой Бани, занятой нашими Козаками. Для сего Размысль отрядилъ учениковъ своихъ, копорые подъ надзоромъ Князя Василья Серебрянаго и любимца Иоаннова, Алексѣя Адашева, рылись въ земль десятиъ дней; услышали надъ собою голоса людей, ходящихъ шайникомъ за водою; вкапчили въ подкопъ 11 бочекъ пороху и дали знать Государю. 5 Сентября, рано, Иоаннъ выѣхалъ къ укрѣщеніямъ. Вдругъ, въ его глазахъ, съ громомъ, съ прескомъ взорвало землю, шайникъ, часнъ городской спѣны, множество людей; бревна, камни, взлепѣвъ на высоту, падали, давили жинцелей, копорые обмерли оный ужаса, не понимая, что сѣдилось. Въ сію минуцу Россіане, схвативъ знамена, уснремились къ обрушенной спѣнѣ; ворвались-было и въ самый городъ, но не могли въ немъ удержанъся ⁽³¹⁴⁾. Казанцы ономнились, вышѣснили нашихъ—и Государь не велѣлъ возобновлять усилій для присиуна.

Взорваніе
шайника.

Г. 1552. Мы взяли не малое число плѣнныхъ; убили еще гораздо болѣе, и ждали слѣдствій.

Уныніе
Казан-
цевъ.

Не смотря на рѣшительность Казанцевъ, послѣ сего бѣдственнаго для нихъ случая обнаружилось уныніе въ городѣ; нѣкоторые изъ жителей думали, что все погибло, и что они уже не имѣють средствъ защиты. Но смѣльчичи ободрили ихъ: рыли, и нашли ключъ, малый, смраднѣй, конемъ надлежало до-вольствоваться всему городу; шерстьли жажду, пухли они худой воды, молчали и сражались.

Дѣятель-
ность Ю-
аннова.

Юаннъ оказывалъ удивительную дѣятельность; не зная, когда онъ имѣлъ ондохновеніе: всегда, рано и поздно, молился въ церкви или ѣздилъ вокругъ укрѣпленій: осматривался, говорилъ съ воинами, утверждалъ ихъ въ терпѣніи. Если Казанцы перевозили насъ всегдашнею смѣльбою, то и мы не давали имъ покоя: днемъ и ночью тремъли пушки Россійскія, заряжаемыя ядрами и камнями. Арскія воронки были до основанія сбиты: осажденные заградилась въ семь мѣсѣхъ парасами.

6 Сентября Юаннъ поручилъ Князю Александру Горбаному-Шуйскому взять оспрогъ, съданный Казанцами за Арскимъ полемъ, въ пятнадцати верскахъ отъ города, на крупной высонѣ, между двумя болотами: тамъ соединились остатки разбиаго Яманчина вѣска. Князь Симеонъ Микулинскій шелъ впереди; съ ними были Бояре Данило Романовичъ и Захарія Яковлевъ, Князья Булга-

ковъ и Палецкій, Головы Царской Дружины, Г. 1552.
 Дыни Боярскіе, Спрѣльцы, Ашаманы съ Ко-
 заками, Мордва Темняковская и Горные Че-
 ремисы, которые служили пупеводниками.
 Срубленный городищами, насыщенный землею,
 укрытый засѣками, острогъ казался не-
 приступнымъ. Воины сошли съ коней, и въ
 слѣдъ за смѣлыми Вождями, сквозь болото,
 грязную дѣбрь, чащу лѣса, подъ градомъ пу- Взятіе
 скаемыхъ на нихъ стрѣлъ, безъ остановки острога и
 взлѣзли на высоту съ двухъ сторонъ, опи- города Ар-
 биди вороша, взяли укрытіе и 200 пѣх- скаго.
 никомъ. Тѣла непріятелей лежали кучами.
 Воеводы нашли тамъ знашную добычу, по-
 чевали и пошли далье, къ Арскому городу,
 иѣснами пріятными, удивительно плодонос-
 ными, гдѣ Казанскіе Вельможи имѣли свои до-
 мы сельскіе, красивые и богатые (315). Рос-
 сіяне плавали въ изобиліи; брали, что хотѣли:
 хлѣбъ, медь, скотъ; жгли селенія, убивали
 живелей, пѣняли только женъ и дѣтей.
 Граждане Арскіе ушли въ дальнѣйшіе лѣса;
 но въ домахъ и въ лавкахъ оставалось еще
 не мало драгоценностей, особенно всякихъ
 вѣщевъ, кунитъ, бѣлокъ. Освободивъ многихъ
 Христіанъ - соотечественниковъ, бывшихъ
 тамъ въ неволѣ, Князь Александръ чрезъ де-
 сять дней возвратился съ побѣдою, съ из-
 быткомъ и съ дешевизною съѣстныхъ при-
 пасовъ, такъ, что съ сего времени планили
 въ снѣгъ 10 денегъ за корову, а 20 за во-
 ла. Царь и войско были въ радости. (316).

Г. 1552.

Еще опасности и шруды не уменьшились. Дьсь Арскій уже не мепаль спирьль въ Россіань: за шо Луговые Черемисы ошгоняли наши табуны и перевозили спань ошъ Галицкой дороги. Снояціе шунть Воеводы Царвой Руки ходили за ними и побили ихъ на голову; но ошасаясь новыхъ нападений, всегдашнею бдинельною оспорожносною ушомляяли свой Подкъ, копорый сверхъ шого, занимая низкія равнины вдоль Казанки, болѣе всѣхъ шерпль ошъ палбы съ крьпосни ⁽³¹⁷⁾, ошъ ненаспья, ошъ сильныхъ дождей, весьма обыкновенныхъ въ сіе время года, но суевѣриемъ приписываемыхъ чародѣйству Очевидецъ, Князь Андрей Курбскій, равно мужеспвенный и благоразумный, платя дань вѣку, шшшенъ за испину, что Казанскіе волшебники ежедневно, при восходѣ солнца, являлись на спѣнахъ крьпосни, вошпли спрашнымъ голосомъ, крьвлялись, махали одеждами на спань Россійскій, производили вытръ и облака, изъ конхъ дождь лился рѣками; сухія мѣсна сдѣлались болошомъ, шапры всшывали и люди мокли съ ушра до вечера. По совѣшу Боярь Государь велѣль привезши изъ Москвы Царскій Живошворящій креспъ, свяшшнь имъ воду, кроншпъ ею вокругъ спана — и сила волшебства, какъ увѣряюшть, исчезла: наспали красные дни, и войско ободрилось.

Нападенія
Луговой
Черемисы.

Мнимыя
чародѣй-
ства.

Построеніе
высокой
башни.

Желая сильнѣе дѣйствования на внутренность города, Россіане построили шайно, вершахъ въ двухъ за спаномъ, башню, вы-

шиною въ шесть сажень; ночью придвинули ее къ стѣнамъ, къ самымъ Царскимъ вратамъ; поставили на ней десятииь большихъ орудій, пятьдесятъ среднихъ и цѣлую дружину искусныхъ стрѣлковъ; ждали упура, и возвѣсили оное залпомъ съ раската. Стрѣлки спояли выше стѣны, и мѣнили въ людей на улицахъ, въ домахъ: Казанцы укрывались въ ямахъ; копали себѣ землянки подъ парасами; подобно змѣямъ, выподзали онипуда и сражались неослабно; уже не могли употреблять большихъ орудій, сбившихъ нашею пальбою, но безъ уمودку стрѣляли изъ ружей, изъ пицалей *затинныхъ* ⁽³¹⁸⁾, и мы теряли ежедневно не мало добрыхъ воиновъ. — Тщешно Иоаннъ возобновлялъ мирныя предложенія, приказывая къ осажденнымъ, что если они не хонятъ сдатьсь, то пусть идутъ, куда имъ угодно, съ своимъ Царемъ беззаконнымъ, со всемъ имѣниемъ, съ женами и дѣтьми; что мы пребудемъ только города, основаннаго на землѣ Болгарской, въ древнемъ доисполнѣи Россіи ⁽³¹⁹⁾. Казанцы *не слушали ни краемъ уха*, по выраженію Лышонища.

Предложенія Казанцамъ.

Между тѣмъ храбрый Князь Михайло Воротыинскій подвигалъ шуры ближе и ближе къ Арской баннѣ; наконецъ одинъ ровъ, шириною въ три сажени, а глубиною въ семь, отдѣлялъ ихъ отъ стѣны: Стрѣльцы, Козаки, Головы съ людьми Боярскими спояли за оными, бдѣли до изнуренія смѣль, и

Г. 1552. смѣнялись. Иногда же, не смотря на близость разсполюня, бой пресекался оны успалосни: нѣ и другіе войны оныдыхали.

К р о в о- Казанцы воспользовались однажды снмь
 пролип- временемъ: видя, что многіе изъ нашихъ
 мое дѣло. сѣли обѣдать, и что у пушекъ оспалось
 мало людей, они, числомъ до десяти тысячъ,
 шихо выѣзли изъ своихъ норъ, и подъ
 начальствомъ Вельможь, главныхъ Царскихъ
 Совешикожь, именуемыхъ Карачами, уснпре-
 млились къ пурамъ, смяли Россіянъ и схва-
 тили ихъ пушки. Тушъ Князь Ворошынскій
 самъ, а за нимъ и всѣ знатнѣйшіе чинов-
 ники кинулись въ стѣчу. „Не выдадимъ оны-
 , цев!“ кричали Россіане и бѣлись мужеснвен-
 но. Воеводы, Петръ Морозовъ, Князь Юрій
 Кашинъ, пали въ полизъ, опасно уязвлен-
 ные: ихъ оспнесли въ спань. Князь Михайло
 Ворошынскій, раненный въ лице, не оспнав-
 лялъ бинны: крѣпкій доснѣхъ его былъ из-
 счченъ саблями. Многіе Головы Снрмлецкіе
 лежали мернвые у пушекъ, и Казанцы еще
 не успунали намъ взянныхъ ими профеевъ.
 Но явились Муромцы, Дѣши Боярскіе,
стародавнне племенемъ и доблестію (320);
 ударили, сломали непріятеля, вниснули въ
 ровъ. Побѣда рвшилась. Казанцы давили другъ
 друга, шѣснясь въ воропахъ и вползая въ
 свои норы. Сіе дѣло было однимъ изъ крово-
 пролишнѣйшихъ. Въ поже время непріятель
 напалъ и на шуры Передоваго Полку,
 однакожь не весьма усильно (321). Государь

видѣль собственными глазами оба дѣла: изъяснивъ особенную милость Князю Михайлу Воропынскому и вишивязъ Муромскимъ, онъ навѣспилъ раненныхъ Воеводъ, благодарилъ ихъ за усердную службу.

Уже около цѣли недѣль Россіяне спояли подь Казанью, убивъ въ вылазкахъ и въ городѣ не менѣе десятии тысячъ непріятелей, кромѣ женъ и дѣтей⁽³²²⁾. Наспунуающая осень ужасала ихъ болѣе, нежели шруды и бшпвы осады; всѣ хотѣли скорого конца. Чшобы облегчить приспунъ и нанесши осажденнымъ чувствительнѣйшій вредъ, Иоаннъ велѣлъ близъ Арскихъ воропъ подкоманъ парасы и землянки, гдѣ укрывались жшпелы онъ нашей спрѣльбы: 30 Сеншября онъ взленѣли на воздухъ. Сіе спранное дѣйствіе пороха, хоня уже и не новое для Казанцевъ, произвело оцѣненіе и шшшну въ городѣ на нѣсколько минушъ; а Россіяне, не шеряя времени, подканшли шурь къ воропамъ Арскимъ, Апалыковымъ, Тюменскимъ. Думая, что насналъ часъ рѣшишельный, Казанцы выснашли изъ города и схвапидисъ съ шѣми полками, конимъ велѣно было прикрывашъ шурь. Бшшва закицѣла. Иоаннъ спѣшилъ ободрить своихъ — и какъ скоро они увидѣли его, шо, единогласно воскликнувъ: „Царь съ нами!“ бросидисъ къ спѣнамъ; гнали, шѣспили непріятеля на моспахъ, въ воропахъ. Сѣча была ужасна. Громъ пушекъ, прескъ оружія, крикъ воинновъ раз-

Взорваніе
шарасъ.

Г. 1552. давался въ облакахъ густаго дыма, ко-
 торый носился надъ всѣмъ городомъ. Не смѣ-
 пря на мужеспвенное, опчаянное сопроншв-
 леніе, многіе Россіане были уже на снѣнѣ,
 въ башнѣ опъ Арскаго поля, рѣзались въ
 улицахъ съ Тапарами. Князь Михайло Во-
 ронынскій увѣдомилъ о шомъ Государя, и
 шребоваль, чшобы онъ велѣлъ всѣмъ полкамъ
 ипни на присшунъ. У снѣхъ двѣспшпшельно
 казался вѣрояпнымъ; но Юаннъ хонѣлъ вер-
 наго; большая часпъ войска находилась еще
 въ спанѣ и не могла вдругъ ополчпться:
 излпшняя шоронъ произвела бы безпорядокъ
 и, можешъ бынъ, неудачу, копорая имѣла
 бы весьма худыя для насъ слѣдствія. Госу-
 дарь не уважилъ ревности войска: приказаль
 ему опспшунпшь. Оно повпновалось неохонп-
 но: чпновники съ шрудомъ вывели его изъ
 крѣпостп и зажгли мосны. Но чшобы
 кровопролпше сего жаркаго дня не осша-
 лось безплоднымъ, по Князь Воронынскій
 заняль Арскую башню нашими спрѣлками
 башни. (323): они укрѣплплись шурами и рядомъ
 швердыхъ шпшновъ; сказали Воеводамъ: „здѣсь
 „будемъ ждашь васъ“ — и сдержали слово:
 Казанцы не могли оппнпшь у нпхъ сей
 башни. — Во всю ночь пылали мосны, и
 часпъ снѣны обгорѣла; двѣспшпвѣ нашего
 снаряда огнеспрѣльнаго шакже во многпхъ
 мѣснахъ разрушпло оную. Казанцы посша-
 вили шамъ высокіе срубы, осыпавъ ихъ
 землею.

Наконецъ, 1 Октября, Иоаннь объявилъ войску, чинобы оно гошовилось *пить общую чашу крови* — шо еснь, къ приспуну (ибо подконы были уже гошовы), и велель воинамъ *огистить душу* на канунъ дня роковаго. Въ поупъ самый часъ, когда одни изъ нихъ смиренно исповѣдывали грѣхи свои предъ Богомъ и достойные съ умилениемъ вкушали шѣло Хриспиво, другіе, подъ громомъ бойницъ, мешали въ ровъ землю и лѣсь, чинобы проложинъ пушь къ спѣнамъ. Еще Государь хотѣль испыпанъ силу увѣщанія: Мурза Камай и сѣдые старѣйшины Горной Спороны, держа въ рукъ знаменіе мира, приблизились къ крысипи, усыпанной людьми, и сказали имъ, чшо Иоаннь въ послѣдній разъ предлагаешъ милосердіе городу, уже спѣсенному, до половины разрушенному; пребуешъ единспвенно выдачи главныхъ измѣнниковъ и прощаешъ народъ. Казанцы опвѣспивовали въ одинъ годось: „Не хопимъ прощениа! Въ башнѣ Русь, „на спѣнѣ Русь: не боимся; поспавимъ „иную башню, иную спѣну; всѣ умремъ „или опсидимся!“ Тогда Государь началъ успроивашъ войско *къ великому дѣлу*.

Чинобы заслонинъ пыль опъ Луговой Черемисы, опъ Ташаръ бродящихъ по лѣсамъ, опъ Ногайскихъ Удусовъ, и чинобы опрѣзашъ Казанцамъ всѣ пуши для бѣгспива, онъ приказалъ Князю Мспиславскому съ часпнію Большаго Полка, а Шигъ-Алею съ Касимов

Послѣднее предложе-
ніе Каза-
нцамъ.

Успрое-
ніе войска
для при-
спупа.

цами и жителями Горной Стороны зайти по дороге Арскую и Чувашскую, Князю Юрию Оболенскому и Григорию Мещерскому съ Дворянами Царской Дружины Ногайскую, Князю Ивану Ромодановскому Галицкую; другой отрядъ Дворянъ, примыкая къ нему, долженъ былъ спойти вверхъ по Казань, на Спаромъ Городищъ ⁽³²⁴⁾. Опустивъ сихъ Воеводъ, Иоаннъ распорядилъ прислать: вельдь быши впереди Анаманамъ съ Козаками. Головамъ съ Сирьльцами и Дворовымъ людемъ ⁽³²⁵⁾, раздѣленнымъ на сотни, подъ начальствомъ отборныхъ Дѣшей Боярскихъ; за ними пшши полкамъ Воеводскимъ: Князю Михайлу Воропынскому съ Окольнымъ Алексѣемъ Басмановымъ ударитъ на крепость въ проломъ отъ Булака и Поганого озера; Князьямъ Хвалкову въ Кабацкія ворона, Троекурову въ Збойливья, Андрею Курбскому въ Ыльбугины, Семену Шеремешеву въ Мурале-евы, Дмитрію Пенцееву въ Тюменскія. Каждому изъ нихъ помогать особенный Воевода: первому самъ Государь; другимъ же Князья Иванъ Пронскій, Туруншай, Шемякинъ, Щеняшевъ, Василій Серебряный Оболенскій и Дмитрій Микулинскій. Приказавъ имъ изгшовишсь къ двумъ часамъ слѣдующаго утра и ждашъ взорванія подкоповъ, Иоаннъ вечеру уединися съ духовнымъ отцемъ своимъ, провелъ нѣсколько времени въ его душевнасинельной бесѣдѣ и надѣль доснѣхъ ⁽³²⁶⁾. Тогда Князь Воропынскій прислалъ ему ска-

завѣ, что Инженеръ кончить дѣло, и 48 бочекъ зелія уже въ подкопѣ; что Казанцы замѣтили нашу работу, и что не надобно терять ни минуны. Государь велѣлъ высуну-пань полкамъ, слушалъ Заупреню въ церк-кви, оппустили Дружину Царскую, молил-ся изъ глубины сердца . . . Въ сію важ-ную ночь, предпечу рѣшительнаго дня, ни Россіяне, ни Казанцы не думали объ успоко-еніи. Изъ города видѣли необыкновенныя движенія въ нашемъ спанѣ. Съ обѣихъ спо-ропъ ревностно гонувидисъ къ ужасному бою.

Заря освѣтила небо, ясное, чистое. Ка-занцы спояли на спѣнахъ: Россіяне предъ ними, подъ защипною укрѣпленій, подъ сѣ-нію знамень, въ пишинѣ, неподвижно; зву-чали шолько бубны и трубы, непріятель-скія и наши ⁽³²⁷⁾; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Наблюдали другъ друга; все было въ ожиданіи. Спанѣ опустивъ: въ его безмолвіи слышалось пѣніе Пееевъ, ко-порые служили Обѣдню. Государь оспавал-ся въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ чи-талъ Евангеліе, и едва произнесъ слова: *да будетъ едино стадо и единый пастырь!* гря- Взорваніе
нулъ сильный громъ; земля дрогнула, цер- ^{п о а к о .}
ковъ запряслася . . . Государь вышелъ на ^{п о в ъ ,}
панерпъ: увидѣлъ спрашное двѣспвіе под- ^{и п р и -}
коца и гуспную пѣму надъ всею Казанью: ^{с ш у п ѣ .}
глыбы земли, обломки башень, спѣны до-
мовъ, люди неслися вверхъ въ облакахъ ды;

Г. 1552. ма и пали на городъ. Священное служеніе прервалось въ церкви. Иоаннъ спокойно возвратился и хотѣлъ дослушать Лашургію. Когда Діаконъ предъ дверями Царскими громкогласно молился, да утвердитъ Всевышній Державу Иоанна, да повергнетъ всякаго врага и супоспана къ ногамъ его, раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго ⁽³²⁸⁾ — и тогда, воскликнувъ: *съ нами Богъ!* полки Россійскіе быспро двинулись къ крѣпости, а Казанцы, швердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вошли: *Алла! Алла!* призывали Магомена и ждали нашихъ, не спрѣляя ни изъ луковъ, ни изъ пищадей; мѣряли глазами разстояніе, и вдругъ дали ужасный залпъ: пули, каменья, спрѣлы омрачили воздухъ . . . Но Россіане, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли спѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ; уже не береглись, не прятались за щиты: спояди онкрыпно на спѣнахъ и помостахъ, презирал сильный огонь нашихъ бойницъ и спрѣлковъ. Тупѣе малѣйшее замедленіе могло бытъ гибельно для Россіанъ. Число ихъ уменьшилось; многіе пали мертвые или раненные, или ошъ спрахъ. Но смѣлые, геройскимъ забвеніемъ смерни, ободряли и спасли боязливыхъ: одни кинулись въ проломъ; иные взбирались на спѣны по лѣспницамъ, по бревнамъ; несли другъ друга на головахъ, на плечахъ; бились съ непріятелемъ въ онверспіяхъ . . . И въ

Герой-
ство съ
обѣихъ
сторонъ.

шу минушу, какъ Иоаннь, опслушавъ всю Днибургю⁽³²⁹⁾, причасясь Святыхъ Таинъ, взявъ благословеніе онь своего Оица Духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхаль въ поле, знамена Хрисианскія уже развѣвались на крѣпости! Войско Запасное однимъ кликомъ привѣспивовало Государя и побѣду⁽³³⁰⁾.

Но еще сія побѣда не была рѣшена совершенно. Опчаянные Татары, сложенные, низверженные съ верху стѣнъ и башенъ, спояли пивердымъ оцлопомъ въ улицахъ, свѣклись саблями, схващывались за руки съ Россіянами, рѣзались ножами въ ужасной свалкѣ. Дрались на заборахъ, на кровляхъ домовъ; вездѣ пошрали ногами головы и шѣла. Князь Михайло Воропынскій первый извѣстиль Иоанна, что мы уже въ городѣ, но что бишва еще кипишь и нужна помощь. Государь опрядиль къ нему часнь своего полку; велѣль ишши и другимъ Воеводамъ. Наши одолевали во всѣхъ мѣстахъ и шѣскали Татарь къ укрѣпленному Двору Царскому. Самъ Едигерь съ значнѣйшими Вельможами медленно опспуналь онь проломовъ, опстановилъ среди города, у Тезицкаго или Кучеческаго рва, бился упорно, и вдругъ замѣнилъ, что толпы наши рѣдьюшъ: ибо Россіяне, овладѣвъ половиною города, славнаго богапспивами Азі-

Корыстолюбіе многихъ воиновъ.

Г. 1552. инами, чѣобы никого изъ нихъ не допускать до грабежа, кинулись на корысь. Тушь ожили и малодушные шрусы, лежавшіе на полѣ какъ бы мершвые или раненые; а изъ обозовъ прибѣжали слуги, кашевары, даже кушцы: всѣ алкали добычи, хватали серебро, мѣха, шкани; опиносили въ спань, и снова возвращались въ городъ, не думая помогать своимъ въ бишвъ⁽³³¹⁾. Казанцы воспользовались упомлениемъ нашихъ воиновъ, вѣрныхъ чести и доблести: ударили сильно и похѣснили ихъ, къ ужасу грабителей, которые всѣ немедленно обратились въ бѣгство, мешались черезъ снѣгу и воили: *сткуть! сткуть!* Государь увидѣлъ сіе общее смяненіе; измѣнился въ лицѣ, и думалъ, чѣо Казанцы выгнали все наше войско изъ города. „Съ нимъ были“ — пишетъ Курбскій — „великіе Синклиты, „мужи вѣка опцевъ нашихъ, посѣдѣніе въ „добродѣтеляхъ и въ рашномъ искусствѣ:“

они дали совѣтъ Государю, и Государь явидь великодушіе, взялъ Свяную хоругвь и спалъ предъ Царскими воропами, чѣобы удержатъ бѣгущихъ⁽³³²⁾. Половина опборной двадцатипятисыячной дружины его сошла съ коней и ринулась въ городъ; а съ нею и вельможные старцы, рядомъ съ ихъ юными сыновьями. Сіе свѣжее, бодрое войско, въ блестящихъ доспѣхахъ, въ пернатыхъ щлемахъ, какъ буря нагрянула на Татаръ: они не могли долго прошивинься, крѣпко сомкнулись и въ порядкѣ описнували до высокихъ каменныхъ мечетей,

Великоду-
шіе Иоанна
и Боярь.

гдѣ всѣ ихъ Духовные, Абызы, Сенипы, Молны и Первосвященникъ Кульшерифъ вспрѣхнули Россіянъ, не съ дарами, не съ моленіемъ, но съ оружіемъ: въ остервененіи злобы успремались на вѣрную смерть, и всѣ до единого пали подъ нашими мечами. Едигерь съ оспальными Казанцами засѣлъ въ укрѣпленномъ Дворѣ Царскомъ и сражался около часа. Россіяне отбили ворона . . . Туиъ юныя жены и дочери Казанцевъ, въ богатыхъ цѣвныихъ одеждахъ, спояли вмѣстѣ на одной сторонѣ, подъ защиною своихъ прелестней; а въ другой сторонѣ опщы, братья и мужья, окруживъ Царя, еще бились усиленно: наконецъ вышли, числомъ 10,000, въ задній ворона, къ нижней часни города. Князь Андрей Курбскій съ двумя спами воиновъ пресѣкъ имъ дорогу; удерживалъ ихъ въ ивсныхъ улицахъ, на крунизнахъ; запруднялъ каждый шагъ; давалъ время нашимъ разишь имъ неприятели, и спалъ въ Збойливыхъ ворошахъ, гдѣ присоединилось къ нему еще несколько сощъ Россіянъ. Гонимые, ивснимые Казанцы по прупамъ своихъ лѣзди къ ситѣнъ, взвели Едигера на башню и кричали, что хошаниъ вслушати въ переговоры. Ближайшій къ нимъ Воевода, Князь Дмитрій Палецкій, оспановилъ съчу. „Слушайше,“ сказали Казанцы: „докодъ у насъ было Царство, мы умирали за Царя и опечесиво. Теперь Казанъ ваша: опдаемъ вамъ и Царя, живаго, неуязвленнаго: ведите его къ Иоанну; а мы идемъ на ши-

Доблестъ
К. Курб-
скаго.

Въ ятїе
Казанк.

Г. 1552. „рокое поле, испишь съ вами послѣднюю ча-
 ,шу.“ Имѣшь съ Едигеромъ они выдали Палец-
 кому главнаго, престарѣлаго Вельможу или Ка-
 рача, именемъ Заніеша, и двухъ *мимигей* или
 совоспитанниковъ Царскихъ ⁽³³³⁾; начали снова
 спрѣлать, прыгали со спѣны внизъ и хо-
 тѣли итти къ спану нашей Правой Руки;
 но встрѣченные сильною пальбою изъ укрѣ-
 пленій, обратились влѣво: кинули тяжелое
 оружіе, разулись и перешли мелкую шамъ
 рѣку Казанку, въ виду нашего войска, быв-
 шаго въ крѣпости, на спѣнахъ и Дворѣ Цар-
 скомъ, за горами и спремьинами. Одни юные
 Князья Курбскіе, Андрей и Романъ, съ мало-
 численною дружиною усѣли сѣсть на коней,
 обскакали непріятеля, ударили на густую
 шолпу его, врѣзались въ ея средину, шопнали,
 кололи ⁽³³⁴⁾. Но Тамаръ было еще 5000, и
 самыхъ храбрѣйшихъ: они стояли, ибо не
 спрашились смертнц; списнули нашихъ Ге-
 роевъ, повергнули ихъ уязвленныхъ, дымящих-
 ся кровію, за-мертво на землю,—шли без-
 претяпспвенно далѣе гладкимъ лугомъ, до
 вязкаго болоша, гдѣ конница уже не могла
 гнапьяся за ними, и спѣшили къ густому,
 темному лѣсу: ошанокъ малый, но своимъ
 великодушнымъ оспервененіемъ еще опасный
 для Россіянъ! Государь послалъ Князя Симе-
 она Микулинскаго, Михайла Васильевича Глин-
 скаго и Шеремешева съ конною дружиною
 за Казанку въ объездъ, чтобы опрѣзаны
 бѣгущихъ Тамаръ ошъ лѣса: Воеводы насши-

гли и побили ихъ. Никто не сдался живои; Г. 1551. спаслись немногіе, и мно раненные ⁽³³⁵⁾.

Городъ былъ взятъ и пылае въ разныхъ мѣ-
стахъ; съча ирешала, но кровь лилася ⁽³³⁶⁾: раз-
драженные воины рзали всѣхъ, кого находили
въ меченяхъ, въ домахъ, въ ямахъ; брали въ
плѣнь женъ и дѣтей или чиновниковъ ⁽³³⁷⁾.
Дворъ Царскій, улицы, сѣны, глубокіе рвы
были завалены мертвыми; опть крѣпости до
Казанки, даље на дугахъ и въ лѣсу еще лежали
тѣла и носились по рѣкѣ. Пальба умокла; въ
дыму города раздавались шолько удары мечей,
снопъ убиваемыхъ, кликъ побѣдителей. То-
гда главный Военачальникъ, Князь Михайло
Воропынскій, прислалъ сказать Государю:
„Радуйся, благочестивый Самодержецъ!
„Твоимъ мужествомъ и счастьемъ побѣда
„совершилась: Казань наша. Царь ея въ
„своихъ рукахъ, народъ истребленъ или въ
„плѣну; несмыслины богатства собраны: что
„прикажешь?“ *Славить Всевышняго, оп-*
выспивовалъ Іоаннь, воздѣлъ руки на небо;
велѣлъ пѣть молебень подь Святою хоруг-
вию, и собспвенною рукою на семь мѣсць
водрузивъ Живошворящій крестъ, назначилъ
быть тамъ первой церкви Христіанской
⁽³³⁸⁾. Князь Палецкій представилъ ему Еди-
гера: безъ всякаго гнѣва и съ видомъ кро-
пости Іоаннь сказалъ: „Несчастный! развѣ
„пы не зналъ могущества Россіи и лукав-
„ства Казанцевъ?“ Едигерь, ободренный
пихоспцію Государя, преклонилъ колѣна,

Водруже-
ніе кре-
ста у во-
ропын-
Цар-
скихъ.

Г. 1552. изъясляя раскаяніе, пребывалъ милосни (339).
 Иоаннъ просилъ его, и съ любовію обнялъ
 брата, Князя Владиміра Андреевича, Шигь-
 Алея (340), Вельможъ; опѣвшися воевалъ на
 ихъ усердныя поздравленія ласково и смирен-
 но; всю славу отдавалъ Богу, имъ и воин-
 ству; послалъ Боярь и ближнихъ людей во
 всѣ дружины съ хвалою и съ милостивымъ
 словомъ; вельдъ очистиши въ городъ одну
 улицу опъ воронъ Муралеевыхъ ко Двору
 Царскому, и въхадъ въ Казань: предъ нимъ
 Воеводы, Дворяне и Духовникъ его съ кре-
 сномъ; за нимъ Князь Владиміръ Андрее-
 вичъ и Шигь - Алей. У воронъ спояло
 множество освобожденныхъ Россіянъ, быв-
 шихъ плѣнниками въ Казани: увидѣвъ Госу-
 даря, они пали на землю и съ радостными
 слезами вzywали: „Избавитель! ты выведь
 насъ изъ Ада! Для насъ, бѣдныхъ, сирыхъ,
 не щадилъ головы своей!“ Государь прика-
 залъ опвесни ихъ въ сназь и пишань опъ
 спола Царскаго; вхаль сквозь ряды складен-
 ныхъ шель и плакаль; видя пруппы Казан-
 цевъ, говорилъ: „это не Христіане, но
 „подобные намъ люди“; видя мерпвыхъ
 Россіянъ, молился за нихъ Всевышнему, какъ
 за жерпву общаго спасенія (341). При
 вспуцленіи во дворець Бояре, чиновники,
 воины снова поздравляли Иоанна. Они съ ум-
 леніемъ говорили другъ другу: „Гдѣ царство-
 вало зловѣріе, упиваясь кровію Христіанъ,
 „намъ видимъ крестъ живошворящій и Го-

Въездъ Го-
сударевъ
въ Казань.

Освобожд-
деніе Рос-
сійскихъ
плѣнни-
ковъ.

„сударя нашего во славу“ (342)! Все едино- Г. 1552.
гласно, единодушно, въ умилениі сердець,
принесли благодарность Небу. Іоаннь велель
пушинь огонь въ городъ, и всю добычу,
всѣ богатства Казанскія, всѣхъ цѣлниковъ,
кромѣ одного Едигера, отдалъ воинству;
взялъ только ушварь Царскую, венець, жезль,
знамя Державное и пушки, сказавъ: „моя
„корысть есть спокойствіе и честь Рос-
„сіи“ (343)! Онъ возвратился въ спань; хо-
пѣль видѣль войско, и вышелъ къ полкамъ
съ лицемъ свѣплымъ. Они еще дымилсь
кровію невѣрныхъ и своею; многіе выпязи,
по словамъ Лыпонисца, сіяли ранами
драгоценнѣйшими алмазовъ (344). Іоаннь
спалъ предъ войскомъ и громко произнесъ
речь, исполненную любви и милости. „Воины Речь Іоан-
„мужеспвенные!“ говорилъ онъ: „Бояре, на къ вой-
„Воеводы, чиновники! въ сей знаменитѣй ску.
„день *страда* за имя Божіе, за Вѣру,
„опечесиво и Царя, вы приобрѣли славу
„неслыханную въ наше время. Никто не
„оказывалъ такой храбрости; никто не
„одерживалъ такой побѣды! Вы новые Маке-
„доняне, доспойные попомки Героевъ, ко-
„порые съ Великимъ Княземъ Димитріемъ
„сокрушили Мамай! Чѣмъ могу воздасть вамъ?
„. . . . Любезнѣйшіе сыны Россіи, памь, на
„подѣ чести, лежащіе! вы уже сіяете въ
„вѣнцахъ Небесныхъ вмѣстѣ съ первыми Му-
„чениками Христіанства. Се дѣло Божіе:
„наше есть славишь васъ во вѣки вѣковъ,

Г. 1552. „вписанъ имена ваши на хартии священной
 „для поминовения въ Соборной Апостолю-
 „ской Церкви. А вы, своею кровію обогрен-
 „ные, но еще живые для нашей любви и
 „признапельности! всѣ храбрые, коихъ вижу
 „предъ собою! внимайте и вѣрьте моему
 „объѣту любите и жалованъ васъ до конца
 „дней моихъ . . . Теперь успокойтесь,
 „побѣдители!“ Войско опъвписывовало
 радостными кликами. Иоаннъ посѣпиль,
 упѣшилъ раненыхъ; немедленно опъправиль
 шурна своего, Данила Романовича, въ
 Москву съ счастливою вѣспію къ супругѣ,
 Пиръ въ къ Минрополитцу, къ Князю Юрію; съль
 сшанъ. объдапъ съ Боярами, и далъ пиръ воинамъ
 (345). Сей великолѣпный праздникъ опечества
 украшался воспоминаніемъ минувшихъ золь,
 чувствомъ наспоющей славы и надеждою
 будущаго благоденствія.

Въ этотъ же день Иоаннъ послалъ жалован-
 ные грамоты во всѣ окрестныя мѣста, объяв-
 ляя жителямъ миръ и безопасность. „Идите
 „къ намъ—писалъ онъ—безъ ужаса и боязни.
 „Прошедшее забываю, ибо злодѣйство уже
 „наказано. Плашите мнѣ, что вы плашили
 „Царямъ Казанскимъ.“ Успрашенные бѣд-
 спвіемъ ихъ сполиты, они разсѣялись по
 двсамъ: успокоенные милоспивымъ словомъ
 Иоанновымъ, возвратились въ дома. Сперва
 жители Арскіе, а послѣ вся Луговая Черемиса
 прислали спарѣшникъ въ спанъ къ Го-
 сударю и дали кляпву вѣрности (346).

Поддан-
 ство Ар-
 ской об-
 ласпи и
 Луговой
 Черемисы.

3 Октября погребали мертвыхъ и совершенно очистили городъ. На другой день Иоаннъ съ духовенствомъ, Синклитомъ и воинствомъ торжественно вступилъ въ Казань; избралъ мѣсто, заложилъ Кафедральную церковь Благовѣщенія, обошелъ городъ со крестами, и посвятилъ его *Богу истинному* ⁽³⁴⁷⁾. Терзи крошили улицы, снѣжны Святою водою, моли Вседержителя, да благословитъ сію новую твердыню Православія, да цвѣтеть въ ней здравіе и доблесть, да будетъ вѣкъ непреступною для враговъ, вѣкъ неопъемлемою собственностію и честью Россіи! . . . Осмотрѣвъ всю Казань; назначивъ, гдѣ быть храмамъ, и приказавъ немедленно возобновить разрушенныя укрѣпленія, снѣжны, башни, Государь съ Вельможами поѣхалъ во дворець, на коемъ развѣвалось знамя Христіанское.

Такъ пало къ ногамъ Иоанновымъ одно изъ знаменитѣйшихъ Царствъ, основанныхъ Чингисовыми Моголами въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. Возникнувъ на развалинахъ Болгаріи, и поглотивъ ея бѣдные остатки, Казань имѣла и хищный, воинственный духъ Моголовъ, и торговый, заимствованный ею отъ древнихъ жителей сей страны ⁽³⁴⁸⁾, гдѣ издавна сѣзжались купцы Армянскіе, Хивинскіе, Персидскіе (и гдѣ отъ доннѣ сохранился: доннѣ Казанскіе Ташары, помощники Золотой Орды и Болгаровъ, имѣютъ кушеческія связи съ Военшюкомъ). Около 115

Торжественное вступленіе въ Казань.

Г. 1552. дѣлѣ Казанцы намъ и мы имъ неумолимо враждовали, оныя перваго ихъ Царя, Махмета, у коего прадѣдъ Иоанновъ былъ пльникомъ, до Едигера, взявшаго въ пльнь Иоанномъ, котораго дѣдъ уже именовался Государемъ *Болгарскимъ*, уже счищаль Казань нашею обласнью, но при концѣ жизни своей видѣль ея спрашныи бунтъ и не могъ опмстити за кровь Россіянъ, шамъ проляинуую (3/9). Новые мирные договоры служили поводомъ къ новымъ измѣнамъ, и всякая была ужасомъ для Воспочной Россіи, гдѣ, на всей длинной чертѣ оны Нижняго Новагорода до Перми, люди вѣчно береглись какъ на опводной спражѣ. Самая месѣ спонда намъ дорого, и самые счастливые походы иногда заключались испребленіемъ войска и коней оны болъзней, оны спрудносней пуши въ мѣснахъ дикихъ, населенныхъ народами свирѣпыми. Однимъ словомъ, вопросъ: надлежало ли покорити Казань? соединилася съ другимъ: надлежало ли безопаснью и спокоеспвіемъ утвердити быпіе Россіи? Чувство государспвеннаго блага, усиленное ревностью Ввры, производило въ побѣдителяхъ общій, живѣйшій воспиторгъ, и Лыпописцы говорятъ о семь завоеваніи съ жаромъ Спихонворцевъ, призывая современниковъ и опомспво къ *великому зрѣлищу* Казани, обновляемой во имя Христа Спасителя, освняемой хоругвями, украшаемой церквами Православія, оживленной (послѣ ужа-

Зрѣлище
Казани.

совь кровопротитіа, послѣ безмолвіа смер- Г. 1552.
ти) присуниснвіемь многочисленнаго, ра-
доспнаго войска, среди свѣжихъ профе-
евь, но уже въ глубокой мирной тишинѣ
лкующаго на спогнахъ, площадяхъ, въ са-
дахъ, и юнаго Царя сидящаго на славно-за-
воеванномъ пресподѣ, въ блестящемъ кругу
Вельможь и Подководцевь, у коихъ была
полюко одна мысль, одно чувство: *мы за-
служили благодарность отечества!*— Дѣнто-
писцы сказывають, что небо благопріят-
ствовало поржесиву побѣды; что время
спогло ясное, шеплое, и Россіяне, осаждавъ
Казань въ мрачную, дождливую осень, вступ-
пили въ нее какъ бы весною.

6 Окпября Духовникъ Государевъ съ Гере-
ями Свѣяжскими освятилъ храмъ Благовщен-
нїа⁽⁵⁵⁰⁾. Въ слѣдующіе дни Іоаннь занимался
учрежденіемъ Правительснва въ городъ и въ Учрежде-
ніе Пра-
витель-
ства. обласняхъ; объявилъ Князя Александра Гор-
бапаго Шуйскаго Казанскимъ Намѣспни-
комъ, а Князя Василїа Серебрянаго его по-
варищемъ; далъ имъ писменное наспавленіе,
1500 Дѣпей Боярскихъ, 3000 Спрѣльцовъ
со многими Козаками, и 11 Окпября изго-
товилея къ онѣзду, хопя благоразумные Совѣтъ
Вель-
можь. Вельможи совѣповали ему оспаться тамъ
до весны со всемъ войскомъ, чтобы довер-
шишь покореніе земли, гдѣ обинало пять
народовъ⁽⁵⁵¹⁾: Мордва, Чуванн, Вотяки (въ
Арской обласпи), Черемисы и Башкирцы
(вверхъ по Камѣ). Еще многіе изъ ихъ Улу-

Г. 1552. совь не признавали нашей власни; къ нимъ ушли нѣкоторые изъ злѣйшихъ Казанцевъ и легко было предузнать опасныя того слѣдствія. Въ сипанѣ и въ Свѣяжскѣ находилось довольно запасовъ для прокормленія войска. Но Іоаннь, неперемѣливо желая видѣть супругу и явить себя Москвѣ во славу, опвергнуть совѣтъ мудрѣйшихъ, чптобы исполнилъ волю сердца, одобряемую браньями Царицы (352) и другими сановниками, кошорые шакже хотѣли скорѣ опдохнуть на лаврахъ. Опшѣвъ молебень въ цѣркви Благовѣщенія и поручивъ храненіе новой сипраны своей Іисусу, Дѣвѣ Маріи, Россійскимъ Угодникамъ Божиимъ, Царь выѣхаль изъ Казани, ночеваль на берегу Волги, прошивъ Госпинаго острова, и 12 Окнября съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, съ Боярами и съ цѣхонными дружинами опплыль въ ладіяхъ къ Свѣяжску. Князь Михайло Воропынскій повель конницу берегомъ къ Василю городу, пунемъ уже безоопаснымъ, хотя и шруднымъ (353).

Пробывъ только одинъ день въ Свѣяжскѣ, и назначивъ Князи Пепира Шуйскаго Правителемъ сей области, Іоаннь 14 Окнября подѣ Вязовыми горами съль на суда. Въ Нижнемъ, на берегу Волги, встрѣтили его всѣ граждане со креснами, и преклонивъ колѣна, обливалсь слезами благодарности за вѣчное избавленіе ихъ опъ ужасныхъ набѣговъ Казанскихъ; славили побѣдителя, громогласно, съ душевнымъ восхищеніемъ, шакъ, чпто

Возвращенный пунь
Государя
въ Москву.

сей благодарный плахъ, заглушая гнѣие Священниковъ, принудилъ ихъ умолкнуть⁽³⁵⁴⁾. Тунъ же Послы оиѣ Царицы, Князя Юрія, Минпрополипа, здравствовали Государю на Богомъ данной ему отгнѣи, Царствѣ Казанскомъ⁽³⁵⁵⁾. Собравъ въ Нижнемъ все воинство; снова изъявивъ признательность своимъ усерднымъ сподвижникамъ; сказавъ, что распаешя съ шми до перваго случая обнаживъ со славою мечъ за опечесство, онъ уволилъ ихъ въ дома; самъ поѣхалъ сухимъ путемъ черезъ Балахну въ Владимірь, и въ Суздаль вспрыпиль боярина, Василія Юрьевича Траханіона, который скакалъ къ нему оиѣ Анастасіи съ вѣстію о рожденіи сына, Царевича Димитрія. Государь въ радости спрыпнулъ съ коня, обнялъ, цѣловалъ Траханіона; благодарилъ небо, плакалъ, и не зная, какъ наградишь счастливаго вѣстника, онъ далъ ему съ плеча одежду Царскую и коня изъ-подъ себя⁽³⁵⁶⁾. Іоаннъ имѣлъ уже двухъ дочерей, Анну и Марію, изъ коихъ первая скончалась одиннадцати вѣснцевъ⁽³⁵⁷⁾; рожденіе наследника было тайнымъ желаніемъ его сердца. Онъ послалъ шурина, Никпилу Романовича, къ Анастасіи съ явными привѣтствіями; останавливался въ Владимірь, въ Суздаль, единственно для того, чтобы молиться въ храмахъ, изъявляя чувствительность къ любви жипелей, оповсюду спекавшихся видѣть лице его, свѣтлое радостию⁽³⁵⁸⁾; заѣхалъ въ славную Троицкую Обицель

Рожденіе
Царевича.

Г. 1552.

Св. Сергія, знаменовался у гроба его, вку-
 сить хлѣба съ Иноками, и 28 Окнября но-
 чеваль въ селѣ Тайшинскомъ, гдѣ ждали его
 брашъ, Князь Юрій, и инокшорые Бояре съ
 поздравленіемъ; а на другой день, рано, при-
 Встрѣча бляжаясь къ любезной ему сполциѣ, увидель
 Иоанна. на берегу Яузы ⁽³⁵⁹⁾ безчисленное множесиво
 народа, шакъ, чню на просирансшвъ шес-
 пи версшъ, ошъ рѣки до посада, оснавался
 только самый тѣсный пунъ для Государя и
 дружны его. Сею улцею, между тысячами
 Московскихъ гражданъ, вхаль Иоаншъ съ оп-
 крышною главою, кланяясь на обѣ споронѣ;
 а народъ, цѣлуя ноги, руки его, восклицалъ
 непрестанно: „многая льна Царю благочѣ-
 „сшвому, побѣдишелю варваровъ, избавише-
 „лю Христіанъ!“ Тамъ, гдѣ жишели Мос-
 ковскіе приняли нѣкогда Владимірскаго образъ
 Богоматери, несущій спасеніе граду въ на-
 шесшвіе Тамерлана — гдѣ нынѣ монастырьъ
 Срѣпенскій — тамъ Минпроцолшнъ, Еписко-
 пы, Духовенсшво съ сею иконою, спаршды Бо-
 яре, Князь Михайло Ивановичъ Булгаковъ
⁽³⁶⁰⁾, Иванъ Григорьевичъ Морозовъ, слуги
 опца и дѣда его, со всѣми чиноначаль-
 никами спояли подъ церковными хорутвами
⁽³⁶¹⁾. Иоаншъ сошелъ съ коня, приложился къ
 Рѣчь Го- Образу, и благословенный Свяшшшелями,
 сударева сказала: „Соборъ Духовенсшва Православна-
 къ Духо- „го! Опче Минпроцолшнъ и Владыки! я моделъ
 венсшву. „вась бынъ ревносшвыми ходашаями предъ
 „Севышнимъ за Царя и Царсшво, да опцу-

Рѣчь Го-
сударева
къ Духо-
венсшву.

„снянся мнѣ грѣхи юности, да усирою зе-
 „млю, да буду щипомъ ея въ нашествія варва-
 „ровъ; совѣщовался съ вами о Казанскихъ
 „измѣнахъ, о среденвахъ прекративъ оныя,
 „погасишь огонь въ нашихъ селахъ, уняли
 „текущую кровь Россіянъ, сняли цѣпи съ
 „Христіанскихъ плѣнниковъ, вывели ихъ
 „изъ темницы, возвратили ошечеству и
 „Церкви. Дѣдъ мой, онецъ, и мы посылали
 „Воеводъ, но безъ успѣха. Наконецъ, испол-
 „няя совѣтъ вашъ, я самъ выступилъ въ по-
 „ле. Тогда явился другой непріятель, Ханъ
 „Крымскій, въ предѣлахъ Россіи, чптобы
 „въ наше отсутствіе испребишь Христі-
 „анство. Вспомнивъ слово Евангельское:
 „*бдите и молитесь, да не увидите въ на-*
 „*пасть!* вы, достойные Священнаи Церкви,
 „молились—и Богъ услышалъ васъ, и помогъ
 „намъ—и Ханъ, гонимый единственно гнѣ-
 „вомъ Небеснымъ, бѣжалъ малодушно!.. Обо-
 „дренные явнымъ дѣйствіемъ вашей моли-
 „твы, мы подвились на Казань, благополуч-
 „но достигли цѣли, и милоснію Божіею,
 „мужествомъ Князя Владиміра Андреевича,
 „нашихъ Боярь, Воеводъ и всего воинства,
 „сей градъ многочудный палъ предъ нами:
 „судомъ Господнимъ въ единый часъ изгibli
 „невѣрные *безъ вѣсти*, Царь ихъ взявъ въ
 „плѣнь, исчезла прелестъ Магоменова, на
 „ея мѣстѣ водружень святыи крестъ; обла-
 „сти Арская и Луговая планяи данъ Рос-
 „сіи; Воеводы Московскіе управляють зем-

Г. 1552. „лею; а вы, во здравіи и веселіи, пришли сю-
 „да къ образу Богоматери, къ мощамъ вели-
 „кихъ Угодниковъ, къ вашей Святынь, въ
 „свою любезную опчизну—и за сіе Небесное
 „благодѣяніе, вами истрошенное, шебъ, опцу
 „своему, и всему Освященному Собору, мы
 „съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и со
 „всѣмъ воинспивомъ въ умиленіи сердца кла-
 „няемся“ (362). Тупь Государь, Князь Вла-
 „димірь и вся дружина воинская поклонились
 „до земли. Иоаннь продолжалъ: „Молю васъ и
 „нынѣ, да ревностнымъ ходатайспивомъ у
 „преспола Божія и мудрыми своими наспав-
 „леніями способспивуете мнѣ утвердити за-
 „конь, правду, благіе правы внуири Государ-
 „спва; да цвыпешъ опечесиво подь сѣнію
 „мира въ добродѣпеди; да цвыпешъ въ немъ
 „Хрисианспиво; да познаюпъ Бога пспин-
 „наго невѣрныя, новыя подданныя Россіи, и
 „вмѣстѣ съ нами да славяпъ Святую Тро-
 „ицу во вѣки вѣковъ. Аминь!“

Отвѣсть
 Миширо-
 н оли-
 ш овъ.

Миширопдинъ опвѣнспивоваль: „Царю
 „благочеспившій! мы, спвои богомольцы, удив-
 „ленные избыткомъ Небесной къ намъ ми-
 „лоспи, чпо речемъ предь Господомъ? развѣ
 „шпкмо воскликнемъ: *днспень Богъ творяи*
 „*гудеса!* . . Какая побѣда! какая слава для
 „шебя и для всѣхъ спвоихъ свѣпныхъ сп-
 „двпжниковъ! Чпо мы были? и чпо нынѣ?
 „Ввродомныя, люшыя Казанцы ужасали Рос-
 „сію, жадно пили кровь Хрисианъ, увлекали
 „ихъ въ цеволу, оскверняли, разоряли свя-

„пныя церкви. Терзаемый бѣдствіемъ опече-
 „снва, ны, Царь великодушный, возложишь
 „неуклонную надежду на Бога Вседержителя,
 „произнесъ обѣтъ спасеніи насъ; ополчился
 „съ вѣрою; шелъ на шруды и на смерны;
 „спрадалъ до крови; предаль свою душу и
 „шло за Церковь, за опечеснво—и благо-
 „дань Небесная возсіяла на Тебѣ, якоже на
 „древнихъ Царяхъ, угодныхъ Госноду: на Кон-
 „сваннхъ Великомъ, Св. Владимиръ, Дими-
 „трий Доцкомъ, Александръ Невскомъ. Ты
 „сравнялся съ ними—и кто превзошелъ те-
 „бя? Сей царствующій градъ Казанскій, гдѣ
 „гнѣзился змій какъ въ глубокой норѣ сво-
 „ей, узвляя, поядая насъ—сей градъ, споль
 „знамениный и споль ужасный, лежишь без-
 „душный у ногъ нвоихъ; ты расношналь
 „главу змія, освободилъ тысячи Христіанъ
 „плѣнныхъ, знаменіями истинной Вѣры освя-
 „пилъ скверну Магометову—навѣки, навѣки
 „успокоилъ Россію! Се дѣло Божіе, но чрезъ
 „тебя совершенное! ибо ны помнилъ слово
 „Евангельское: *раба блггн! въ малъ былъ еси*
 „*впренъ: надъ многими тя поставлю!* Веселися,
 „о Царь любезный Богу и опечеснву! Даро-
 „вавъ побѣду, Всевышній дароваль тебѣ и
 „вождедѣннаго, первороднаго сына! Живи и
 „здравствуй съ добродѣтельною Царицею
 „Анастасією, съ юнымъ Царевичемъ Дими-
 „триемъ, съ своими браньями, Боярами и со
 „всѣмъ православнымъ воинствомъ въ бого-
 „спасаемомъ царствующемъ градѣ Москвѣ и

Г. 1552. „на всѣхъ своихъ Царствяхъ, въ сей годъ и
 „въ предъидущія многія, многія лѣта. А мы
 „шебъ, Государю благочестивому, за швод
 „шруды и подвиги великіе со всеми Священ-
 „шествами, со всеми православными Христи-
 „анами кланяемся.“ Митрополитъ, Духовен-
 „ство, сановники и народъ пали ницъ предъ
 „Юанномъ; слезы текли изъ глазъ; благосло-
 „венія раздавались, долго и непрерывно.

Тутъ Государь снялъ съ себя воинскую
 одежду, возложилъ на плеча порфиру, на
 бѣю и на перси кресилъ Живоиворащій, на
 главу вѣнецъ Мономаховъ, и пошелъ за свя-
 тыми иконами въ Кремль; слушалъ молебень
 въ храмъ Успенія; съ любовію и благодар-
 носцію поклонился мощамъ Россійскихъ
 Угодниковъ Божіихъ, гробамъ своихъ пред-
 ковъ; обходилъ всѣ храмы знаменитыя, и
 сѣвшилъ наконецъ во Дворецъ. Царьца
 еще не могла въспрѣвшишь его: лежала на
 постелѣ; но увидѣвъ супруга, забыла слабость
 и болѣзнь: въ восшоргъ ушла къ ногамъ
 Державнаго Героя, конорый, обнимая Ана-
 снасію и сына, вкусилъ тогда всю полную
 счастія, даннаго въ удѣлъ человѣчеству.

Москва и Россія были въ неописанномъ
 волненіи радости. Вездѣ въ отворстныхъ
 храмахъ благодарили Небо и Царя; ошо-
 всюду сѣвшили усердные подданные видѣшь
 лице Юанна; говорили единственнно о вели-
 комъ дѣлѣ его, о преодолѣнныхъ шрудно-
 сняхъ похода, усиліяхъ, широсіяхъ осады;

о злобномъ ожесточеніи Казанцевъ, о бли- Г. 1552.
спательномъ мужеснвѣ Россіянъ, и возвы-
шалась сердцемъ, кивноряя: „мы завоевали
„Царство! что скажутъ въ свѣтъ“ (363)?

Нѣсколько дней посвятивъ счастію семей-
ственному, Іоаннь, Ноября 8, далъ пор-
жественный обѣдъ, въ Большой Грановитой
палатѣ, Мишроподину, Епископамъ, Архи- Пиръ во
дворцѣ и
д а р ы
Василіевичу и Владиміру Андреевичу, всѣмъ Іоанновы.
Боярамъ, всѣмъ Воеводамъ, которые муже-
ствовали подъ Казанью. „Никогда, говорясь
Лыноисцы, не видали мы такого велико-
льція, празднества, веселія во дворцѣ Мо-
сковскомъ, ни такой щедрости.“ Іоаннь
дарилъ всѣхъ, онъ Мишроподина до про-
снаго война, ознаменованнаго или славною
раною, или замъченнаго въ списокъ храбрыхъ;
Князя Владиміра Андреевича жаловалъ шуба-
ми, златыми Фряжскими кубками и ков-
шамъ; Боярь, Воеводъ, Дворянъ, Дыпей
Боярскихъ и всѣхъ воиновъ по dospoянію
одеждами съ своего плеча, бархатами, собо-
лями, кубками, конями, доспѣхами или
деньгами; при дни пиrowалъ съ своими
знаменитѣйшими подданными, и при дни
сыпалъ дары, коихъ по счету, сдѣланному
въ казначействѣ, вышло на сорокъ - восемь
тысячъ рублей (около милліона нынѣшнихъ),
кромѣ богатыхъ опчинъ и помѣстьевъ, раз-
данныхъ тогда воинскимъ и Придворнымъ
чиновникамъ (364).

Чтобы ознаменовать взятіе Казани доспойнымъ памяникомъ для будущихъ сподльшій, Государь заложилъ великолдыный храмъ Покрова Богоматери, у воронъ Флоровскихъ или Спасскихъ, о девяти куполахъ: онъ есть донныъ лучшее произведение пакъ называемой Гошической Архитектуры въ нашей древней сподлицъ ⁽³⁶⁵⁾.

Сей Монархъ, озаренный славою, до воспорга любамый опечеснвомъ, завоевашель враждебнаго Царства, умиришель своего, великодушный во всьхъ чувснвахъ, во всьхъ намьреніяхъ, мудрый Правитель, Законодатель, имель только 22 года опъ рожденія: явленіе рьдкое въ Истории Государствъ! Казалось, что Богъ хотель въ Иоаннъ удивить Россію и человечество примьромъ какого-то совершенства, великости и счастья на пронъ . . . Но здьсь восходитъ первое облако надъ лучезарною главою юнаго Выщеносца.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Крещеніе Царевича Димитрія и двухъ Царей Казанскихъ. Язва. Машежи въ землѣ Казанской. Болѣзнь Царя. Пушешествіе Іоанново въ Кирилловъ монастырь. Смерть Царевича. Важная бесѣда Іоаннова съ бывшимъ Епископомъ Вассіаномъ. Рожденіе Царевича Іоанна. Бѣгство Князя Ростовскаго. Ересь. Умиреніе машежей въ Казанской землѣ. Учрежденіе Епархіи Казанской. Цокореніе Царства Астраханскаго. Посольства Хивинское, Бухарское, Шавкалское, Тюменское, Грузинское. Подданство Черкесовъ. Дружба съ Ногаями. Дѣль Сибирская. Прибытіе Англійскихъ кораблей въ Россію. Посоль въ Англію. Дѣла Крымскія. Письмо Солиманово. Взятіе Крымцевъ. Война Шведская. Сношенія съ Липвою. Нападеніе Дѣла Ржевскаго на Исламъ Кирмень. Князь Вишневецкій всшупаешъ въ службу къ Царю и беретъ Хорпиду. Завоеваніе Темрюка и Тамана. Морь въ Ногайскихъ и Крымскихъ Улусахъ. Усердіе Вишневецкаго. Предложеніе союза Липвѣ. Дѣла Ливонскія. Важный замысль, привисываемый Іоанну. Соспоявіе Ливоніи. Новое могущество Россіи. Лучшее образованіе войска. Начало войны Ливонской. Взятіе Нарвы. Завоеваніе Нейцлоса, Адежа, Нейглауза. Великодушіе Дерптскаго Бургомистра. Бѣгство Магистра. Новый Глава Ордена. Взятіе Дерпта и многихъ другихъ городовъ. Кешлеръ беретъ Рингенъ. Россіяне оупощають Ливонію и Курляндію. За Ливонію ходатайствують Короли Польскій, Шведскій, Датскій. Іо

аннъ даешъ перемиріе Ливоніи. Нашествіе Крымцевъ. Впаденіе Россіянъ въ Тавриду. Союзъ Ливоніи съ Августомъ. Магистеръ нарушаешъ перемиріе. Славная защита Лаиса. Угрозы Августовы. Гонецъ отъ Императора. Новое разореніе Ливоніи. Взятіе Маріенбурга. Побѣды К. Курбскаго. Ковчина Царя Анастасіи.

Г. 1552 - 1560.

Г. 1552.
Крещеніе
Царевича
Димитрія.

Какъ скоро Анастасія могла вспасть съ посшелъ, Государь онсправился съ нею и съ сыномъ въ Обитель Троицы, гдѣ Архіепискошъ Росновскій, Никандръ, крестилъ Димитрія у мощей Св. Сергія ⁽³⁶⁶⁾. — Насыщенный мірскою славою, Іоаннъ заключилъ торжественно государственное Христіанскимъ: два Царя Казанскіе, Ушемшищ-Гирей и Едигерь, пріяли Вѣру Спасителя. Перваго, еще мла-

Г. 1553.
Крещеніе
двухъ Царей
Казанскихъ.

денца, крестилъ Минрополищъ въ Чудовъ монастырь и нарекъ Александромъ: Государь взялъ его къ себѣ во дворець и вельшь учинилъ грамоту, Закону и добродѣтели ⁽³⁶⁷⁾. Едигерь самъ изъявилъ ревностное желаніе озариться свѣтомъ истины, и на вопросы Минрополища: „не нужда ли, не спрахъ ли, не мірская ли польза внушаешъ ему сію мысль?“ онъ въспововалъ рѣшительно: „нѣтъ! люблю „Исуса и ненавижу Магомета!“ Священный обрядъ совершился на берегу Москвы-рѣки, въ присутствіи Государя, Боярь и народа. Минрополищъ былъ воспріемникомъ отъ кушди. Едигерь, названный Симеономъ,

26 Февр.

удержалъ имя Царя; жилъ въ Кремль, въ особенномъ большомъ домѣ; имѣлъ Боярина, чиновниковъ, множеству слугъ, и женился на дочери знашнаго сановника, Андрея Кушурова, Маріи ⁽³⁶⁸⁾; пользовался всегда милостию Государя и доказывалъ искреннюю любовь къ Россіи, забывъ, какъ смущенную мечту, и прежнее свое Царство и прежнюю Вѣру.

Послѣ многихъ неописанно - сладостныхъ чувствъ душа Іоаннова уже вкушала погда гореснѣ. Смертоносная язва, копорая подь именемъ *желъзы* столь часно опустошала Россію въ печеніе двухъ послѣднихъ вѣковъ, снова ошкрылась во Псковѣ, гдѣ съ Окнября 1552 до осени 1553 года было погребено 25,000 тѣлъ въ скудельницахъ, кромѣ множества схороненныхъ тайно въ лѣсу и въ оврагахъ ⁽³⁶⁹⁾. Узнавъ о семъ, Новгородцы немедленно выгнали Псковскихъ купцевъ, объявивъ, что если кто-нибудь изъ нихъ прѣдепѣтъ къ нимъ, то буденъ сожженъ съ своимъ имѣніемъ. Оспорожноснѣ и спрососнѣ не спасли Новгорода: язва въ Окнябрь же мѣсяцѣ начала свирѣиспованѣ и шашъ и во всѣхъ окресиноснихъ. Полмилліона людей было ея жеривною; въ числѣ ихъ и Архіепископъ Серапіонъ, копорый не беретъ себя, ушщящая несчастныхъ. На его опасное мѣсто Минрополипъ поснавилъ Монаха Пямена Чернаго изъ Андреяновской пущины; вмѣстѣ съ Государемъ торжественно молился,

Язва.

Г. 1553. святили воду — и Пимень, 6 Декабря съ умилениемъ опслуживъ первую обѣдню въ Софійскомъ храмѣ, какъ бы пришунили жало язвы: она сдѣлалась менѣе смертоносною, по крайней мѣрѣ въ Новгородѣ.

Машежи
мъ землѣ
Казан-
ской.

Весьма оскорбился Государь и печальными вѣстями Казанскими, увидѣвъ, что онъ еще не все совершилъ для успокоенія Россіи. Луговые и Горные жипели убивали Московскихъ кунцевъ и людей Боярскихъ на Волгѣ (870): злодѣевъ нашихъ и казнили 74 человекъ; но скоро вспыхнулъ бунтъ: Волпяки и Луговая Черемиса не хотѣли платить дани, вооружились, умертвили нашихъ чиновниковъ, снали на высокой горѣ, у заевки; разбили Спрѣльцовъ и Козаковъ, посланныхъ усмирить ихъ: 800 Россіянъ легло на мѣсѣ. Въ семидесяти верстахъ отъ Казани, на рѣкѣ Мешѣ, машежники основали земляную крепость и непрестанно безпокоили Горную Спорону набѣгами. Воевода, Борисъ Салпыковъ, зимою выспушивъ противъ нихъ изъ Свіяжска съ опрядомъ пѣхоты и конницы, спонудъ въ глубокихъ снѣгахъ: непріятель, капясь на лыжахъ, окружилъ его со всѣхъ сторонъ; въ долговременной, безпорядочной битвѣ Россіяне падали отъ усналости и поперяли до пани сопѣ человекъ. Самъ Воевода былъ взятъ въ плѣнь и зарѣзанъ варварами; не многіе возвратились въ Свіяжскъ, и буншовщики, гордяся двумя побѣдами, ду-

мали, что господство Россіянъ уже кончи- Г. 1553.
лось въ спранъ ихъ.

Іоаннъ вспомнилъ тогда мудрый совѣтъ опытныхъ Вельможъ не оставяишь Казани до совершеннаго покоренія всѣхъ ея дикихъ народовъ ⁽³⁷¹⁾. Умнiе при Дворѣ было столь велико, что нѣкоторые Члены Царской Думы предлагали навсегда покинуть сію бѣдственную для насъ землю и вывести войско отсюда ⁽³⁷²⁾. Но Государь изъясилъ справедливое презрѣніе къ ихъ малодушію; хотѣлъ исправить свою ошибку, и вдругъ занемогъ сильною горячкою, такъ, что Дворъ, Москва Россія въ одно время свѣдали о болѣзни его и безнадёжности къ выздоровленію. Всѣ ужаснулись, они Вельможи до земледѣльца; мысленно искали вины своей предъ Богомъ, и говорили: „грѣхи наши должны быти безмѣрны, когда Небо опшимаешь у Россіи „такого Самодержца“ ⁽³⁷³⁾! Народъ толпился въ Кремль; смотрѣли другъ другу въ глаза и боялись спрашиваишь; вездѣ блѣдныя, слезами орошенныя лица — а во дворцѣ опшчаянiе, смѣшеніе неопшсанное, тайный шопонъ между Боярами, которые думали, что въ семъ бѣдственномъ случаѣ имъ должно не спенанъ и не плаканъ, но великодушно успроишь судьбу Государства. Предснавилось зрѣлице разшпелное. Іоаннъ былъ въ памяти. Дьякъ Марша г. Царскій, Михайловъ, приспунивъ къ одру, съ швердоснiю сказала болящему, что ему время совершишь духовную. Не смотря на

Болезнь
Царя.

Г. 1553. цвѣтущую юность, въ полноцѣ жизни и здравія, Іоаннъ часно говаривалъ о немъ съ людьми ближними ⁽³⁷⁴⁾: не успрашался, и спокійно велѣлъ писать завѣщаніе, объявивъ сына, младенца Димитрія, своимъ преемникомъ, единственнымъ Государемъ Россіи. Бумагу написали; хотѣли утвердить ее присягою всѣхъ значивѣйшихъ сановниковъ, и собрали ихъ въ Царской споловой комнатѣ. Тутъ начался споръ, шумъ, мятежь: одни преобовали, другіе не давали присяги, и въ числѣ послѣднихъ Князь Владиміръ Андреевичъ, конорый съ тѣвномъ сказалъ Вельможѣ Воронинскому, укоряющему его въ ослушаніи: „смыешь ли бранишься со мною?“ *Смѣю и драгься, опвѣщивовалъ Воронинскій, по долгу усерднаго слуги моихъ и твоихъ Государей, Іоанна и Димитрія; не я, но они повельвають тебѣ исполнить обязанность вѣрнаго Россіянина.* Іоаннъ позвалъ ослушанныхъ Бояръ и спросилъ у нихъ: „Кого же думаеете избрать въ Цари, опказываясь цѣловашъ крестъ на имя моего сына? Развѣ забыли вы данную вамъ клятву служивъ единственно мнѣ и дѣтямъ моимъ?.. Не имѣю силъ говорить много,“ примолвилъ онъ слабымъ голосомъ: „Димитрій и въ пеленахъ естъ для васъ Самодержецъ законный; но если не имѣете совѣсни, по будете опвѣщивованъ Богу.“ На сіе Бояринъ Князь Иванъ Михайловичъ Шуйскій сказалъ ему, что они не цѣловали креста, ибо

не видали Государя предъ собою; а Федоръ Г. 1553. Адашевъ, оицъ любимца Іоаннова, саномъ Околыничій, изъяснилася опкровенные такими словами: „Тебѣ, Государю, и сыну своему „мы усердствуемъ повиноваться, но не За- „харьинымъ Юрьевымъ, которые безъ сомнѣ- „нія будутъ власнованъ въ Россіи именемъ „младенца безсловеснаго. Вошь чю спра- „шить насъ! А мы, до своего возраста, „уже исняли всю чашу бѣдствій опъ Бояр- „скаго правленія.“ Іоаннъ безмолвствоваль въ изнеможеніи. Самодержецъ чувствоваль себя проспымъ, слабымъ смертнымъ у могилы: его любили, оцлакивали, но уже не слушался, не берегли: забывали священнѣй долгъ по- конъ умирающаго; шумѣли, кричали надъ самымъ одромъ безгласно-лежащаго Іоанна — и разошлись.

Чего же хотѣли сіи дерзкіе сановники, можеть бытъ дѣйствительно одушевленные любовію къ общему благу, дѣйствительно уснирашенные мыслію о гибельныхъ для ошечеснва смунтахъ Боярскихъ, которые снова могли водвориться въ Правительствующей Думѣ, къ ужасу Россіи, въ малолѣтство Димитрія? Они хотѣли возложить вонецъ на главу брата Іоаннова—не Юрія: ибо сей несчастный Князь, обиженный Природою, не имѣль ни разсудка, ни памяти ⁽³⁷⁵⁾ — но Владиміра Андреевича, одареннаго многими блестящими свойствами: умомъ любовнымъ, оспрымъ, дѣяшельнымъ, мужеснвомъ и швер-

Г. 1553. досию. Предполагая самое чистое, благороднѣйшее побужденіе въ сердцахъ Боярь, Лынописецъ справедливо осуждаеть ихъ замысль самовольно испровергнути наследственнѣй ушавъ Государства, со временъ Димитрія Донскаго ушверждаемый шорженною присягою, основанный на общемъ благѣ, плодъ долговременныхъ, старыхъ ошпыновъ и причину новаго могущества Россіи. Въ человѣческіе законы имѣють свои опасности, неудобства, иногда вредныя следствія; но бывають душою порядка, священны для благоразумныхъ, нравственныхъ людей, и служатъ оплономъ, твердынею Державы. Предвидѣніе ослушныхъ Боярь могло и не исполниться: но если бы малодѣлство Царя и произвело временныя бѣдствія для Россіи, шо лучше было сносить оныя, нежели нарушеніемъ главнаго ушавы государственнаго свергнуть опеченство въ бездну всегдашняго мшшежа неизвѣстностию наследственнаго права, шшоль важнаго въ Монархіяхъ.

Къ счастью, другіе Бояре оспались вѣрными совѣсти и закону. Въ шонгъ же вечеръ Князя Иванъ Феодоровичъ Мшиславскій, Владиміръ Ивановичъ Ворошынскій, Димитрій Палецкій, Иванъ Васильевичъ Шереметевъ, Михайло Яковлевичъ Морозовъ, Захарыины Юрьевы, Дьякъ Михайловъ присягнули Царевичу; шакже и юный другъ Государевъ, Алексій Адашевъ ⁽³⁷⁶⁾. Между шѣмъ донес-

ли Тоанну, что Князя Пейрль Щеняшевъ, Ивань Пронскій, Симеонъ Росиловскій, Дмитрій Нѣмый - Оболенскій во дворцѣ и на площади славяпъ Князя Владиміра Андреевича, говоря: „лучше служишь спарому, „нежели малому и рабависнивованъ Захарь-, „инымъ“ (377). Испончая послѣднія силы свои, Государь хопѣль видѣнь Князя Владиміра и пакъ называемою *цѣлооаьлною записью* обязанъ его въ вѣрноснп: сей Князь торжественно опрекся онъ присяги. Съ удивительною крѣпоснпю Тоаннь сказаль ему: „Вижу твое намѣреніе: бойся Всевышняго!“ а Боярамъ, давшимъ клятву: „Я слабью; ос-, „навыше меня и дѣйствуйше по долгу чес-, „ни и совѣспи.“ Они съ новою ревноснпю начали убѣждапъ всѣхъ Думныхъ Совѣшниковъ исполнишь волю Государеву. Имъ опшвѣнснвовали: „Знаемъ, чего вы желаете: бышь господами; но мы не сдѣлаемъ по вашему.“ Называли другъ друга измѣнниками, власполубцами; гнѣвъ, злоба кипѣли въ сердцахъ, и каждое слово съ обѣихъ споронъ было угрозою.

Въ часы сего ужаснаго смятенія Князь Владиміръ Андреевичъ и мать его, Евфросинія, собирали у себя въ домъ Двпней Боярскихъ и раздавали имъ деньги. Народъ изъ-являль негодование. Благоразумные Вельможи говорили Князю Владиміру, что онъ безразсудно ругается надъ общею скорбію, какъ бы праздноя бользнъ Царя; что не время жадовашъ людей, когда опечеснво въ

Г. 1553. слезахъ и въ страхѣ. Князь и мать его опивчали словами колкими, съ досадою; а Бояре, окружающіе Государя, уже не хотѣли пускаться къ нему сего, явно злонамѣреннаго брата. Тутъ выступилъ на позорище чрезвычайный мужъ Сильвеспръ, досель главный совѣтникъ Иоанновъ, ко благу России, но къ тайному неудовольствію многихъ, которые видѣли, что простой Церей управляетъ и Церковію и Думою: ибо (по словамъ Авнописца) ему ведомо право только съѣдальца Царскаго и Свининскаго: онъ указывалъ и Вельможамъ и Мирнополитну, и судіямъ и Воеводамъ ⁽³⁷⁸⁾; мыслить, а Царь дѣлалъ. Сія власнѣ, не будучи беззаконіемъ и происходя единственно отъ справедливой довѣренности Государевой къ мудрому совѣтнику, могла однакожь измѣнить числоту его первыхъ намѣреній и побужденій; могла родить въ немъ любовь къ господству и желаніе утвердить оное навсегда: искушеніе опасное для добродѣтели! Всеми уважаемый, не всеми любимый, Сильвеспръ перялъ съ Иоанномъ политическое бытіе свое, и соглашая личное власнолюбіе съ пользою государственною, *можетъ быть*, тайно доброхотствовалъ споронѣ Князя Владиміра Андреевича, связаннаго съ нимъ дружбою. По крайней мѣрѣ, видя оспервененіе ближнихъ Иоанновыхъ противъ сего Князя, онъ выступилъ за него и говорилъ съ жаромъ: „кшо дерзаетъ удалять брата отъ брата

„и злословить невиннаго, желающаго лишь
 „слезы надъ болящими?“ Захарыны и другіе
 ошвыстивовали, что они исполняютъ при-
 сягу, служащъ Іоанну, Димитрію, и не
 перыши измѣнниковъ. Сильвестръ оскорбля-
 ся и навлекъ на себя подозрѣніе.

Въ слѣдующій день Государь вторично
 созвалъ Вельможъ и сказалъ имъ: „Въ по-
 „слѣдній разъ пребую оны вась присяги.
 „Цѣлуйте крестъ предъ моими ближними
 „Боярами, Князьями Мстиславскимъ и Во-
 „ропынскимъ: я не въ силахъ быль того
 „свидѣтелемъ. А вы, уже давше клянву
 „умереть за меня и за сына моего, вспо-
 „мните оную, когда меня не будетъ; не
 „допустите вѣроломныхъ извести Царевича:
 „спасите его; бѣгите съ нимъ въ чужую
 „землю, куда Богъ укажетъ вамъ путь! . . .
 „А вы, Захарыны, чего ужасаешесь? Поздно
 „щадить вась мятежныхъ Боярь: они не
 „пощадятъ вась; вы будете *первыми жер-*
 „*твцами*. И шакъ явите мужество; умри-
 „те великодушно за моего сына и за мать
 „его; не дайте жены моей на поруганіе
 „измѣнникамъ!“ Сія слова произвели сильное
 дѣйствіе въ сердцѣ Боярь; они содрогну-
 лись, и безмолвствуя вышли въ переднюю
 комнату, гдѣ Дьякъ Іванъ Михайловъ дер-
 жаль крестъ, а Князь Владиміръ Воропын-
 скій сномалъ подлѣ него. Всѣ присягали въ
 тишинѣ и съ видомъ умиленія, моля Все-
 вышняго, да спасетъ Іоанна, иам да будетъ

Г. 1553. сынъ его подобеть ему для счастья Россіи! Одишь Князь Иванъ Пронскій - Туруншай, взглянувъ на Воронынскаго, сказалъ ему: „оонецъ швой и шы самъ былъ первымъ „изменникомъ по кончинъ Великаго Князя „Василія; а шенерь приводишь насъ къ свя- „шному кресну!“ Воронынскій ошвѣчалъ ему спокойно: „да, я пзмѣникъ, а шребую „онъ шебя кляшвы бышь вѣрнѣмъ Государю „нашему и сыну его; шы праведень, а не „хочень данъ ее!“ Туруншай замѣнался и присягнулъ.

Но сей священный обрядъ не всехъ ушвер- дилъ въ вѣрности. Князь Димитрій Палецкій, свашъ Государевъ, шесень Юрія, шогда же послалъ зяня своего, Василія Бороздина, къ Князю Владимиру Андреевичу и къ машери его, сказанъ имъ, что если они дадутъ Юрію Удѣль, назначенный ему въ духовномъ завѣщаніи Великаго Князя Василія, то онъ (Палецкій) тошновъ, вмѣшъ съ другими, шоганъ имъ и возвесити ихъ на пресноль (379) ! Еще двое пзъ Вельможъ оспавались въ подозрѣніи: Князь Димитрій Курляшевъ, другъ Алексѣя Адашева, и Казначей Никиша Фуниковъ; они не были во дворцѣ за болѣзнію, но, по увѣренію доносшителей, имѣли шайное шпошеніе съ Княземъ Владимиромъ Андреевичемъ. Курляшевъ на шрешій день, когда уже все зашпхло, велѣлъ несити себя во дворецъ и присягнулъ Димитрію: Фуниковъ шакъ же, по послѣдній. Самъ Князь Владимиръ

Андреевичъ обязался клятвенною грамошою *не думать о Царствѣ* и въ случаѣ Иоанновой кончины повиноваться Димитрію какъ своему законному Государю ⁽³⁸⁰⁾; а мать Владимірова долго не хотѣла приложити Княжеской печати къ сей грамошѣ; наконецъ исполнила рѣшительное требованіе Бояръ, сказавъ: „что значитъ присяга *невольная?*“

Сіи два дни смятенія и тревоги довели слабость болящаго до крайней степени; онъ казался въ усыпленіи, которое могло быть преддверіемъ смерти. Но дѣйствія Природы неизяснимы: чрезвычайное напряженіе силъ иногда губитъ, иногда спасаетъ въ жестокомъ недугѣ. Въ какомъ волненіи была душа Иоаннова? Жизнь мила въ юности: его жизнь украшалась еще славою и всеми деспными надеждами вѣщеносной добродѣтели. Въ кипѣніи силъ и чувствительности касанъя гроба, падаетъ съ престола въ могилу, видѣтъ страшное измѣненіе въ лицахъ: въ безмолвныхъ доподъ подданныхъ, въ усердныхъ любимцахъ непослушаніе, сиропивость; Государю самовластному уже зависѣтъ ошъ ихъ, коихъ судьба зависѣла прежде ошъ его слова; смиренно молитъ ихъ, да спасутъ, хотя въ изгнаніи, жизнь и честь его семейства! Иоаннъ перенесъ ужасъ такихъ минушъ; огонь души усилилъ дѣятельность Природы, и болящій выздоровѣлъ, къ радости всѣхъ и къ безпокойству нѣкоп-

Г. 1553. рыхъ. Хотя Князь Владиміръ Андреевичъ и единомышленники его исполнили наконецъ волю Іоаннову и присягнули Димитрію; но могъ ли Самодержецъ забыть мятежь ихъ и муку души своей, ими расперзанной въ мнунуы его боренія съ ужасами смерти? . .

Что жъ сдѣлалъ Іоаннъ ⁽³⁸¹⁾? всналь съ одра исполненный милосерпіи ко всѣмъ Боярамъ, благоволенія и довѣренности къ прежнимъ друзьямъ и совѣтникамъ; далъ санъ Боярскій опцу Адашева, который смѣле другихъ опровергалъ Царское завѣщаніе ⁽³⁸²⁾; чеспилъ, ласкалъ Князя Владиміра Андреевича; однимъ словомъ, не хотѣлъ поминишь, что случилось въ болѣзнь его, и казался только признательнымъ къ Богу за свое чудесное исцѣленіе!

Такова была наружность; но въ сердцѣ оспалась рана опасная. Іоанну внушали, что не только Сильвесиръ, но и юный Адашевъ шайно держалъ спорону Князя Владиміра ⁽³⁸³⁾. Не сомнѣваясь въ ихъ усердіи ко благу Россіи, онъ началъ сомнѣваться въ ихъ личной привязанности къ нему; уважая того и другаго, просилъ къ нимъ въ любви; обязаный имъ главными успѣхами своего царствованія, спрашился бышь неблагодарнымъ, и соблюдалъ единственно приснойность; шеслъ лѣтъ усердно служивъ добродѣтели и вкусивъ всю ея сладость, не хотѣлъ измѣнишь ей, не мшилъ никому явно, но съ усиліемъ, которое могло ослабшь

въ продолженіе времени. Всего хуже было Г. 1553. то, что супруга Иоаннова, дополь согласно съ Адашевымъ и Сильвестромъ пишавъ въ немъ любовь къ свяшой нравственности, опдѣлилась онь нихъ тайною непріязнію (384), думая, что они имѣли намѣреніе пожегивованъ ею, сыномъ ея и браньями выгодамъ своего особеннаго честолюбія. Анаспасія способствовала, какъ върояшно, ослудъ Иоаннова сердца къ друзьямъ. Съ сего времени онь непріятнымъ образомъ почувствовала свою онь нихъ зависимость (385), и находилъ иногда удовольствіе не соглашанъ съ нами, дѣланъ по-своему: въ чемъ, какъ пишунъ, еще болѣе ушвердило Царя слѣдующее происшествіе.

Исполняя обѣщъ, данный имъ въ болѣзни, Иоаннь объявилъ намѣреніе ѣханъ въ мокас-Путешествіе Иоанново въ пырѣ Св. Кирилла Бѣлозерскаго вмѣстѣ съ Царицею и сыномъ. Сіе опдаленное путешествие казалось нѣкоторымъ изъ его ближнихъ совѣтчиковъ неблагоразумнымъ: К и р и л л о в ѣ м о н а с т ы р ѣ, предспавляли ему, что онь еще не совсѣмъ укрѣпился въ силахъ; что дорога можетъ быть вредна и для младенца Димитрія; что важныя дѣла, въ особенноти бунпы Казанскіе, пребуюнъ его присутствія въ столицѣ. Государь не слушалъ сихъ предспавленій и иобхалъ сперва въ Обипель Св. Сѣргія. Тамъ, въ спароспи, пишанъ и молившъ М а й. жилъ славный Максимъ Грекъ, сосланный въ Тверь Великимъ Княземъ Василіемъ (386), по

Г. 1553. освобожденный Иоанном как невинный спирадалецъ. Царь посъспилъ келлію сего добродѣтельнаго мужа, кошорый, бесѣдуя съ нимъ, началъ говорить объ его пушенеснвѣн. „Государы!“ сказалъ Максимъ, въроипно по внушенію Иоанновъхъ совѣспникъ: „приспойно ли тебѣ скипашься по даль- „немъ монастырямъ съ юною супругою и „съ младенцемъ? Обвины неблагоразумныя „угодны ли Богу? Вездѣсущаго не должно „исканъ полько въ пуснбныхъ: весь мѣръ „исполненъ Его. Если желаешь изъяснить рев- „ностную признашельность къ Небесной „благоспи, по благошвори па пресподѣ. „Завоеваніе Казанскаго Царснва, спаснн- „вое для Россіи, было гибелію для многихъ „Христіанъ; вдовы, сироты, манери избіен- „ныхъ длюгъ слезы: утѣшь ихъ своею м- „достью. Вотъ дѣло Царское“ (387)! Иоаннъ не хопѣлъ опмѣннть своего намѣренія. Тогда Максимъ, какъ увѣрнютъ, велѣлъ сказанъ ему чрезъ Алексѣя Адашева и Кнзя Курбскаго, что Царевичъ Димитрій будетъ жернвою его упрямснва. Иоаннъ не испугался пророчеснва: поѣхалъ въ Дмитровъ, въ Пѣсношскій Нѣколаевскій монастырь, опшуда на судахъ рѣками Яхромою, Дубною, Волгою, Шексною въ Обнпелъ Св. Кнрнла, и возвратнлся чрезъ Ярославль и Ростовъ въ Москву безъ сына: предсказаніе Максимово сбилось: Димитрій скончался въ дорогѣ (388).— Но важнѣшнмъ обспояшель-

Іюнь.
Смерть
Царевича
Димитрія.

симвомъ сего, такъ называемаго *Кириллов-* Г. 1555.
скаго пзда было Иоанново свиданіе въ мона- Важная
 снырь Писноиискомъ, на берегу Яхромы, съ беседа Ио-
 бывшимъ Коломенскимъ Епископомъ Вассіа- аннова съ
 номъ, которымъ пользовался нѣкогда особен- бывшимъ
 ную милоснію Великаго Князя Василія, но Еписко-
 въ Боярское правленіе лишился Епархіи за помъ Ва-
 свое лукавство и жестокосердіе (389). Мясни- сіаномъ.
 ная снтарость не смыгла въ немъ души:
 склоняясь къ могиль, онъ еще ималъ мір-
 скія снтаренія въ груди, злобу, ненависть къ
 Боярамъ. Иоаннь желалъ лично узнать чело-
 вѣка, заслужившаго довѣренность его роди-
 теля; говорилъ съ нимъ о временахъ Василія
 и пребывалъ у него совѣна, какъ лучше пра-
 вить Государствомъ. Вассіанъ опвѣтснво-
 вавъ ему на ухо: „Если хочешь бытъ истин-
 нымъ Самодержцемъ, но не имей совѣнни-
 ковъ мудрѣ себя; держись правила, чпо ты
 „долженъ учить, а не учиться—повелѣвать,
 „а не слушаться. Тогда будешь швердь на
 „Царенвѣ и грозною Вельможю. Совѣнникъ
 „мудрѣншій Государя неминуемо овладѣетъ
 „имъ.“ Сн ядовитыя слова проникли во глу-
 бину Иоаннова сердца. Схвативъ и поцѣло-
 вавъ Вассіанову руку, онъ съ живоснію сказалъ:
самъ отецъ мой не далъ бы мнѣ лучшаго со-
вѣта! . . . „Нѣтъ, Государь! могли бы мы воз-
 разить ему: нѣтъ! совѣтъ, шебъ данный, вну-
 шень духомъ лжи, а не истины. Царь дол-
 жень не власнвовать полько, но власнво-
 вать благодышельно: его мудрость, какъ че-

Г. 1553. ловѣческая, имѣеть нужду въ пособіи другихъ умовъ, и шель превосходѣе въ глазахъ народа, чѣмъ мудре совѣшники, имъ выбираемые. Монархъ, опасаясь *улиныхъ*, внадееть въ руки *хитрыхъ*, коиорые въ угодноснѣ ему припворяишь даже глумцаи; не идѣняя въ немъ разума, идѣиашъ спрасишь и поведущъ его къ своей цѣли. Цари должны опасашъся не мудрыхъ, а коварныхъ или безсмысленныхъ совѣшниковъ.“ Съ пакими или подобными разсужденіями описываеишь Князь Курбскій злую бесѣду спарца Вассіана, коиорая, по его увѣренію, расшлала душу юнаго Монарха.

Но еще долгое время онъ не перемѣнился явно: чинялъ мужей добролюбивыхъ, съ уваженіемъ слушалъ наснавленія Сильвестровича, ласкалъ Адашева, и далъ ему санъ Окольниковца ⁽³⁹⁰⁾, упоиребляя его, вмѣстѣ съ Дьякомъ Михайловымъ, въ важнѣйшихъ дѣлахъ внѣшней Подлипки. Чрезъ девять мѣсяцевъ уиѣшнннй рожденіемъ випораго сына, Іоанна ⁽³⁹¹⁾, Государь въ новомъ, погда написанномъ за вѣщаніи показалъ величайшую довѣренносшь къ брату, Князю Владиміру Андреевичу: обьявилъ его, въ случаѣ своей смерти, не только опекуномъ юнаго Царя, не только Государспвеннымъ Правителемъ, но и наследникомъ Трона, если Царевичъ Іоаннъ скончаеишь въ малолѣтспшвѣ; а Князь Владиміръ далъ клятву быишь вѣрнымъ совѣсни и долгу, не щадяишь ни самой шапери, Книгиши Евфросиинъ, если бы она замыслаа какое зло про-

Рожденіе
Царевича
Іоанна.

ливъ Анастасіи или сына ея; не знавъ ни Г. 1553. месни, ни приспращенія въ дѣлахъ государственныхъ, не вершинъ оныхъ безъ вѣдома Царицы, Минпроцолднша, Думныхъ Совѣтниковъ, и не державъ у себя въ Московскомъ домѣ болѣе сина воиновъ (392). — Въ самыхъ Бѣгство справедливыхъ наказаніяхъ Государь, какъ и Кнзя Росповскаго прежде, слѣдовалъ движеніямъ милосердія; на привѣръ: Кнзя Симеонъ Росповскій, знавшій Вельможа, оказавъ себя въ болѣзнь Государя противникомъ его воли, не могъ быть спокоенъ духомъ; не вѣрилъ наружной психоспи Иоанновой, мучился страхомъ, вздумалъ бѣжать въ Литву съ братьсями и племянниками; сносяся съ Королемъ Августомъ, съ Литовскими Думными Панами, открывалъ имъ государственные тайны, давалъ вредные для насъ совѣты, чернилъ Царя и Россію. Онъ послалъ къ Королю своего ближняго, Кнзя Никиту Лобанова-Росповскаго: его основали въ Гороиць, допросили, узнали измѣну; и Кнзя Симеонъ, взявшій подъ спражу, самъ во всемъ признался, извиняясь скудоспію и малоуміемъ. Бояре единогласно осудили преступника на смертную казнь; но Государь, взявъ моленію Духовенства, смягчилъ рѣшеніе суда: Кнзя Симеона *выставили на позоръ* и започнали на Белоозеро (393). — Въ дѣлѣ инаго рода оказалось также милосердіе Иоанново. Донесли Государю, что возникаетъ опасная ересь въ Москвѣ; что иѣкно Маи-Ересь, въи Башкинъ процовѣдуеиъ ученіе совѣмъ

не-Христіанское, онъ отвергаетъ шайнства нашей Вѣры, Божественность Христа, дѣянїя Соборовъ и свяноснѣ Угодниковъ Божїихъ. Его взяли въ допросъ: онъ заперся, называя себя истиннымъ Христіаниномъ; но посаженный въ немнищу, началъ шосковать, онъ открылъ ересь свою ревноснымъ Инокамъ Іосифовскаго монастыря, Герасиму и Филофею; самъ онъ сказалъ ее, наименовалъ единомышленниковъ, Ивана и Григорья Борисовыхъ, Монаха Бѣлобаева и другихъ; сказалъ, что разврашшителями его были Каполикки, Аншкаръ Манвѣй Ливвинъ и Андрей Хонгевъ; что какіе-шо Заволжскіе Спарцы въ искренней бесѣдѣ съ нимъ объявили ему шакое же шивнїе о Христѣ и Свяшыхъ; что будно бы Рязанскій Епископъ Кассіанъ благопрїяшшествовалъ ихъ заблужденію, и проч. (894). Царь и Митрополитъ Соборомъ уличили ерешниковъ, и не хотѣли ушопребнѣ шесшокой казни: осудили ихъ единшвенно на зашоченіе, да не свѣшупъ соблазна между людьми; а Епископа Кассіана, разбишаго параличемъ, онъспавили.

Доказавъ, что болѣзнь и горешшныя ея слѣдшшвія не ожешшочили его сердца — что онъ умвешъ бышъ выше обыкшновенныхъ шспрасшешъ шеловѣческихъ и забывашъ личныя, самыя чувшшвишпельныя шсшорбленїя — Іоаннъ съ шрежнею ревносшїю занялся дѣлами государшшвенными, изъ коихъ главнымъ было шогда усмиреніе завоеваннаго имъ Царшшва. Онъ

послалъ Данила Адашева, брата Алексѣева, Г. 1553
 съ Дѣшными Боярскими и съ Вяпчанами на Каму ⁽³⁹⁵⁾; а знаменитыхъ доблесную Вое- — 1557.
 водъ, Князя Симеона Микулинскаго, Ивана Усмирнѣе
 Шеремешева и Князя Андрея Михайловича въ Казан-
 Курбскаго въ Казань со многими полками. ской
 Они выступили зимою, въ самые жестокиѣ землѣ.
 морозы; воевали цѣлый мѣсяць въ окрест-
 ностяхъ Камы и Мещи; разорили намъ
 новую крѣпость, сдѣланную мяшежниками;
 ходили за Аншпъ, Уржумъ, до самыхъ Вяп-
 скихъ и Башкирскихъ предѣловъ; сражались
 ежедневно, въ дѣлѣхъ лѣсахъ, въ снѣжныхъ пу-
 стыняхъ; убили 10,000 непріятелей и двухъ
 злѣйшихъ враговъ Россіи, Князя Ячтуру
 Измаильянина и богатыря Черемисскаго
 Алеку; взяли въ плѣнъ 6000 Татаръ, а женъ
 и дѣтей 15,000. Князя Иванъ Мещислав-
 скій и Михайло Васильевичъ Глинскій вое-
 вали Луговую Черемису, захватили 1600
 именитыхъ людей, Князей, Мурзь, чинов-
 никовъ Татарскихъ, и всѣхъ умертвили ⁽³⁹⁶⁾.
 Воеводы и сановники, дѣйствуя ревностно,
 неутомимо, получили отъ Государя золотыя
 медали, десную награду сего времени: ими
 вишнями украшали грудь свою вмѣсто ны-
 нѣшнихъ крестовъ Орденскихъ ⁽³⁹⁷⁾. — Еще
 бунтъ не угасалъ; еще бѣглецы Казанскіе
 укрывались въ ближнихъ и дальнихъ мѣстахъ,
 вездѣ волнуя народъ; грабили, убивали на-
 шихъ купцевъ и рыболововъ на Волгѣ; спро-
 или крѣпости; хотѣли возстановить свое

Г. 1553 Царство. Одинъ изъ Луговыхъ Сошниковъ,
 — 1557. Мамичъ Бердей, призвавъ какого-то Ногай-
 скаго Князя, далъ ему имя Царя, но самъ
 умершвилъ его какъ неспособнаго и мало-
 душнаго: опрубивъ ему голову, взолкнулъ
 ее на высокое дерево и сказалъ: „Мы взяли
 „щебя на Царство для войны и победы;
 „а ны съ своею дружиною умѣль только
 „объдашь насъ! Теперь да царствуешь
 „голова твоя на высокомъ престолѣ“ (398).
 Сего опаснаго мяшежника Горные жинеди
 заманили въ сѣни: дружелюбно звали къ
 себѣ на пирь, схватили и отослали въ
 Москву: за что Государь облегчилъ ихъ въ
 налогахъ. Нѣсколько разъ земля Арская
 присягала и снова измѣняла: Луговая же
 долѣе всѣхъ упорствовала въ мяшежѣ. Россі-
 яне пашь дѣшъ не опускали меча: жгли и
 рѣзали. Безъ пощады губя вѣроломныхъ, Ю-
 аннь награждалъ вѣрныхъ: многіе Казанцы
 добровольно крестились; другіе, не ослав-
 ляя Закона опцевъ своихъ, вмѣстѣ съ пер-
 выми служили Россіи. Имъ давали землю, па-
 нину, дуга и все нужное для хозяйства. На-
 конецъ усилія бунтовщиковъ ослабѣли; во-
 жди ихъ погибли всѣ безъ исключенія, крѣ-
 посты были разрушены, другія (Чебоксары,
 Лаишевъ) вновь построены нами и заняты
 Сирьльцами. Вошяки, Черемисы, самые оп.
 даленные Башкирцы приносили дань, шре-
 бую милосердія. Весною въ 1557 году Ю-
 аннь въ сію несчастную землю, наполненную

печаомъ и могилами, послалъ Спиряпчаго, г. 1553
 Семена Ярцова, съ объявленіемъ, что ужа — 1557.
 сы рашные миновались, и что народы ея мо-
 гутъ благоденствовать въ тишинѣ какъ
 вѣрные подданные Блага Царя. Онъ милос-
 шиво принялъ въ Москвѣ ихъ Снарѣйшинъ
 и далъ имъ жалованныя грамоты.

Съ того времени Казань сдѣлалась мирною
 собственностію Россіи, сохраняя имя Цар-
 ства въ титулѣ нашихъ Монарховъ. Иоаннъ
 въ 1555 году Соборомъ Духовенства усна-
 вилъ для ея новыхъ Христіанъ особенную Учрежде-
 Епархію; далъ ей Архіепископа, усупаю- ніе Епар-
 щаго въ снарѣйшинствѣ одному Новгород- хти Казан-
 скому Владыкѣ; подчинилъ его духовному ской.
 вѣдомству Свіязскъ, Васильгородъ и Вяпку;
 опредѣлилъ въ жадованье на церковныя рас-
 ходы десятину изъ доходовъ Казанскихъ (399).
 Первымъ Свѣщепедемъ былъ шамъ Гурій,
 Игумень Селижарова монастыря. Съ какою
 ревностію сей добродѣтельный мужъ, при-
 численный нашею Церковію къ лику Угод-
 никовъ Божіихъ, насаждалъ въ своей пасхвѣ
 Вѣру Спасителю, средспвами истинно
 Христіанскими, ученіемъ любви и кротос-
 ти: съ такимъ усердіемъ Намѣстникъ Госу-
 даревъ, Князь Петръ Ивановичъ Шуйскій,
 образовалъ сей новый край въ гражданскомъ
 порядкѣ, изглаждая слѣды оупошеній, во-
 дворяя спокойствіе, оживляя торговлю и
 земледѣліе. Села Царскія и Княжескія были

Г. 1553 онданы Архієпископу, монастырямъ и Дѣ-
 — 1557. шимъ Боярскимъ (400).

Покореніе
 Царства
 Асшрахан-
 скаго.

Совершилось и другое, менѣ трудное, но также славное завоеваніе. Издревле, еще до начала Державы Россійской, при устьѣ Волги существовалъ городъ Козарскій, знаменитый торговлею, Ашель или Балангарь (401); въ XIII вѣкѣ онъ принадлежалъ Аланамъ, именуемый Сумеркенпомъ (402), а въ нашихъ лѣтописяхъ сдѣлался извѣстенъ подъ именемъ *Асторокани*, будучи владнїемъ Золотой Орды, и со времени ея паденія столицею особенныхъ Хановъ, единоплеменныхъ съ Ногайскими Князьями. Тьснимые Черкесами, Крымцами, сїи Ханы слабые, невоинственные, искали всегда нашего союза, и послѣдній изъ нихъ, Ямгурчей, хотѣлъ даже, какъ мы видѣли (403), быть данникомъ Іоанновымъ, но, обольщенный покровительствомъ Султана, обманулъ Государя: приспалъ къ Девленъ-Гирею и къ Юсуфу, Ногайскому Князю, опцу Сююнбекину, который возненавидѣлъ Россію за пльнь его дочери и внука, сверженнаго нами съ престола Казанскаго. Посла Московскаго обезчестили въ Асшрахани и держали въ неволѣ (404). Государь воспользовался симъ случаемъ, чпобы, по мнѣнію погдашнихъ *книжниковъ*, возвратить Россіи ея древнее доспоаніе, гдѣ будио бы княжилъ нѣкогда сынъ Св. Владиміра, Мспиславъ: ибо они считали *Астрахань* древнимъ *Тлутороканемъ*, основываясь

на сходивъ имени ⁽⁴⁰⁵⁾. Мурзы Ногайскіе, Г. 1553
 Исмаиль и другіе, непріятели Юсуфовы, уп- — 1557.
 верждали Иоанна въ семь намъренія: молили
 его, чиноби оиъ дасть Аспраханъ изгнаннику
 Дербышу, ихъ родсивеннику, бывшему шагъ
 Царемъ прежде Ямгурчей, и хонъли помоганъ
 намъ всеми силами ⁽⁴⁰⁶⁾. Государь, призвавъ Дер-
 быша изъ Ногайскихъ Улусовъ, весною въ
 1554 году послалъ съ нимъ на судахъ войско,
 не многочисленное, но ошборное: оно со-
 спояло изъ Царскихъ Дворянъ, Жильцовъ,
 лучшихъ Дъшей Боярскихъ, Спръльцовъ, Ко-
 заковъ, Вяпчанъ. Предводипелями были Князь
 Юрій Ивановичъ Пронскій-Шемакинъ и По-
 сماعيلничій Игнатій Вешняковъ, мужъ ош-
 лично храбрый ⁽⁴⁰⁷⁾. 29 Июня, достигнувъ Пе-
 револоки, Шемакинъ ошрядилъ впередъ Кня-
 зя Александра Вяземскаго, копорый близъ
 Чернаго ошпрова встръпилъ и побилъ нъ-
 сколько сонъ Аспраханцевъ, высланныхъ раз-
 вдапъ о нашей силъ. Узнали ошъ плънниковъ,
 что Ямгурчей спояпъ паяпъ верспъ ниже
 города, а Талары засъли на ошпровахъ, въ
 своихъ Улусахъ. Россіяне плыли мимо сподлицы
 Башыевой, Сарая, гдъ 200 дъпъ Государи
 наши унижалисъ предъ Ханами Золошой Ор-
 ды; но паяпъ были уже однъ развалины! Ви-
 дъпъ, во время славы, памятники минувшаго
 спыда легче, нежели во время униженія
 видъпъ памятники минувшей славы!... Въ
 сей нъкогда ужасной спранъ, *полной мегей и*
копй, обипала тогда безоружнал, мирная

Г. 1553 робость: все бѣжало—и граждане и Царь.
 — 1557. Шемякинъ 2 Юля вступилъ въ безлюдную Аспрахань: а Князь Вяземскій нашель въ Ямгурчеевомъ снанѣ не мало кинутыхъ пушекъ и пицалей. Гнались за бѣгущими во все спороны, до Бѣлаго озера и Тюмени: однихъ убивали, другихъ вели въ городъ, чпобы дать подданныхъ Дербышу, объявленному Царемъ въ цуснынной сполницѣ. Ямгурчей съ двадцанью воинами ускакаль въ Азовъ. Наспигли шолько женъ и дочерей его (408); шакже многихъ знапныхъ чиновниковъ, копорые все хотѣли служить Дербышу и зависѣть ошъ Россіи, пребуя единственнo жизни и свободы личной. Ихъ предсшавили новому Царю: онъ велѣль имъ жить въ городъ, распустивъ народъ по Улусамъ. Князей и Мурзь собралосъ пять сотъ, а проспыхъ людей десятъ тысячъ. Они вмѣснѣ съ Дербышемъ клялися въ шомъ, чпобы повинованься Иоанну какъ верховному своему Властшпелю, прислать ему 40 тысячъ алшынъ и 3 тысячи рыбъ ежегодной данн, а въ случаѣ Дербышевой смерти нигдѣ не искать себѣ Царя, но жданы, кого Иоанн или наследники его пожалуютъ имъ въ Правшпели. Въ кляшвенной грамотѣ, скршпенной печатями, сказано было, чпo Россіане могутъ свободно ловить рыбу ошъ Казани до моря, вмѣснѣ съ Аспраханцами, *безданно и безъавожно*. — Учредивъ порядокъ въ землѣ, оставивъ у Дербыща Козаковъ

(съ Дворяниномъ Тургеневымъ) для него Г. 1553
 безопасностіи и для присмотра за нимъ, — 1557.
 Князь Шемякинъ и Вешняковъ возвратились
 въ Москву съ плънью взятыми въ плънь
 Царицами и съ великимъ числомъ освобо-
 жденныхъ Россіянъ, бывшихъ невольниками
 въ Аспраханскихъ Улусахъ.

Въспнь о семь счастливомъ успѣхъ Госу-
 дарь получилъ 29 Августа, въ день своего
 рожденія, праздноу его въ селѣ Коломенскомъ
 съ Минпрополитомъ и со всемъ Дворомъ
 (409): изъявилъ живѣйшую радостнъ; успавилъ
 церковное молебствіе; милосннво наградилъ
 Воеводъ; вспрѣнилъ плѣнныхъ Царицъ съ
 великою честню и въ удовольствіе Дербышу
 опущспилъ назадъ въ Аспраханъ, кромѣ
 младшей изъ нихъ, которая на пути родила
 сына и вмѣспъ съ нимъ крестилась въ
 Москвѣ: сына назвали *Царевичемъ Петроу*,
 а мапъ Іуліаніею, и Государь женилъ на
 ней своего именитаго Дворянина, Захарію
 Плещеева (410). — Не долго Аспраханъ была
 еще особеннымъ Царствомъ: скоро въролом-
 спво Дербыша доказало необходимость
 учредитн въ ней Россійское правителствнво:
 ибо нѣтъ надежной средины между незави-
 симостню и совершеннымъ подданствомъ
 Державы. Мужеспвомъ нашихъ Козаковъ он-
 разивъ изгнанника Ямгурчел, хотѣвшаго за-
 воеватн Аспраханъ съ помощн Крымцевъ
 и сыновей Ногайскаго Князя Юсуфа, Дер-
 бышъ замыслилъ измѣну: не смотря на то,

Г. 1555
— 1557.

чно Государь снисходительно уступилъ его народу всю дань перваго года, оны тайно сносясь съ Ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, звавъ къ себѣ Царевича Крымскаго Казбулата въ должностъ Калги (411). Голова Сирѣлецкій, Иванъ Черемисиновъ, съ новою воинскою дружиною былъ посланъ обличить и наказатъ измѣнника. Дербышь снялъ съ себя личину, вывелъ всѣхъ жипелей изъ города, соединился съ шолпами Ногайскими, Крымскими, и дерзко началъ войну, ободренный малочисленносцію Россіянъ. Но у насъ былъ искренній, ревностный другъ: Князь Ногайскій Исмаиль, своимъ ходатайствомъ доснавивъ пресполъ сему неблагодарному, помогъ Черемисинову—и Дербышь, разбиенный на голову (въ 1557 году), по слѣдамъ Ямгурчей бѣжалъ въ Азовъ (412). Тогда всѣ жипели, удосповѣренные въ безопасности, возвратились въ городъ и въ окрестныя Улусы, дали присягу Россіи, и не думали уже измѣнять, довольные своимъ жребіемъ подъ власнію великой Державы, копорой сила могла быть имъ защиною оупъ Тавриды и Ногаевъ. Черемисиновъ утвердилъ за ними прежнюю собственностъ: оспрова, пашни; обложилъ всѣхъ данію легкою, наблюдалъ справедливостъ, пріобрѣлъ общую любовь и довѣренностъ; однимъ словомъ, успроилъ все наилучшимъ образомъ для пользы жипелей и Россіи.

Съ того времени Государь въ подписи Г. 1553
своихъ грамотъ началъ означать лѣта Ка- — 1557.
занскаго и Аспраханскаго завоеваній (413),
конхъ эпоха естъ безъ сомнѣнiя самая блес-
пящая въ нашей Испорiи среднихъ вѣковъ.
Громкое имя *покорителя Царствъ* дало Ио-
анну, въ глазахъ Россiянъ - современниковъ,
безиримѣрное величiе и возвысило ихъ госу-
дарственное достоинство, пѣняя чество-
любiе, иная гордость народную, удивитель-
ную для иноземцевъ, которые не понимали
ея причины, ибо видѣли только гражданскiе
недоспапки наши въ сравненiи съ другими
Европейскими народами, и не сравнивали
Россiи Василiя Темнаго съ Россiею Иоанна
IV: первый имѣлъ только 5000 воиновъ для
ея защиты (414), а второй взялъ чуждое Цар-
ство опрядомъ легкаго войска, не прогая
своихъ главныхъ полковъ. Между сими прои-
шествiями мянуло едва спольшiе, и народъ
могъ естественнo возгордишься споль бы-
спрыми шагами къ величiю. Не только ино-
земцы, но и мы сами не оцѣнимъ справедливо
государственныхъ успѣховъ древней Рос-
сiи, если не выикнемъ въ обшюпшельства
ихъхъ временъ, не поставимъ себя на мѣстѣ
предковъ и не будемъ смонрѣить ихъ глаза-
ми на вещи и дѣянiя, безъ обманчиваго со-
ображенiя съ новѣйшими временами, когда
все измѣнилось, умножились средства, про-
зябли сѣмена и насажденiя. Великiя усилiя
раждають великое: а въ шворенiяхъ государ-

Г. 1553 спвенныхъ начало едва ли не спрудиве со-
— 1557. вершенія.

Кромъ славы и блеска, Россія, примкнувъ свой владѣнїя къ морю Каспійскому, открыла для себя новыя источники богатства и силы; ея торговля и политическое влїаніе распространились. Звукъ оружія изгналъ чужеземныхъ кунцевъ изъ Аспрахани: снокойснвіе и пинина возвратили ихъ. Они прїѣхали изъ Шамахи, Дербента, Шавкала, Тюмени, Хивы, Сарайчика, со всякими товарами, весьма охотно платя въ Государеву казну усиавленную пошлину. Цари Хивинскій и Бухарскій прислали своихъ знаннхъ людей въ Москву съ дарами, желая благоволенія Іоаннова и свободной торговли въ Россіи ⁽⁴¹⁵⁾. Земля Шавкалская, Тюменская, Грузинская хотѣли бытъ въ нашемъ подданствѣ. Князья Черкесскіе, присягнувъ Государю въ вѣрности, прѣбывали, чинобы оны помогъ имъ воевать Султанскія владѣнїя и Тавриду ⁽⁴¹⁶⁾. — Іоаннъ ошвыснвоваль, что Султанъ въ мирѣ съ Россією, но что мы всеми силами будемъ оборонять ихъ отъ Хана Девлетъ-Гирея. Вѣра Спасншелева, насажденная между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ въ самыя древнїя времена Имперїи Византійской, еще не совсѣмъ угасла въ сихъ спранахъ; оставались ея шемья прѣданїя и нѣкопорые обряды ⁽⁴¹⁷⁾: извѣсноспъ и мотущеснво Россія оживили шамъ память Хрнсціанснва и любовь къ оному. Князья

Посольства Хивинское, Бухарское, Шавкалское, Тюменское, Грузинское.

Подданство Черкесовъ.

крестили дѣтей своихъ въ Москвѣ, отдавали ихъ на воспитаніе Царю, — нѣкопорые сами крестились. Сынъ Князя Сябока, Кудадекъ - Александръ, и Темрюковъ, Салпанукъ-Михайль, учились грамотѣ во дворцѣ Кремлевскомъ вмѣстѣ съ Сююнбекинымъ сыномъ.

— Признашительный къ усердію союзныхъ съ нами Ногаевъ, Государь позволилъ имъ кочевать въ зимнее время близъ самой Аспрахани: они мирно и спокойно въ ней торговали. Князь Исмаиль, убивъ своего брата, Юсуфа, писалъ къ Иоанну изъ городка Сарайчика (418): „Врага своего уже нѣтъ на свѣтѣ; племянники и дѣти мои единодушно дали мнѣ поводы уздѣ своихъ: я власпвую, надо всеми Улусамъ.“ Онъ совѣщивалъ Россіянамъ основать крѣпость на Переволокѣ, а другую на Ирғизѣ (въ нынѣшней Сарановской Губерніи), гдѣ скипались нѣкопорые бѣглеы Ногайскіе Мурзы, не хотѣвшіе ему повиноваться и бывшіе намъ друзьями. Утверждая пріязнь дарами и ласками, Государь однакожь не позволялъ Исмаилу въ шерпныхъ грамотахъ называться ни *отцемъ* его, ни *братомъ*, считая по униженельнымъ для Россійскаго Монарха (419).

Слухъ о нашихъ завоеваніяхъ проникъ и въ опдаленную Сибирь, коей имя, означая тогда единственну среднюю часть нынѣшней Тобольской Губерніи, было давно извѣстно въ Москвѣ ошъ нашихъ Югорскихъ и Пермскихъ данниковъ. Тамъ господствовали

Дружба
съ Насая
ми.

Г. 1553
— 1557.

Князья Могольскіе, потомки Батыева брата Шибана ⁽⁴²⁰⁾. Вероятно, что они и прежде имѣли сношенія съ Россіею, и даже признавали себя въ нѣкоторой зависимости отъ сильнаго ея Царя: Іоаннъ уже въ 1554 году именовался въ грамотахъ Власнипелемъ Сибири ⁽⁴²¹⁾; но летописи молчатъ о томъ до 1555 года: въ сіе время Князь Сибирскій, Едигерь, прислалъ двухъ чиновниковъ въ Москву поздравить Государя со взятіемъ Казани и Аспрахани ⁽⁴²²⁾. Дѣло шло не объ одной учтивости: Едигерь вызвался платить дань Россіи, съ условіемъ, чтобы мы утвердили спокойствіе и безопасность его земли. Государь увѣрилъ Пословъ въ своей милости, взялъ съ нихъ клятву въ вѣрности и далъ имъ жалованную грамоту. Они сказали, что въ Сибири 30,700 жилищей: Едигерь хотѣлъ съ cadaго человека давать намъ ежегодно по соболю и бѣлкѣ. Сынъ Боярскій, Димитрій Куровъ, поѣхалъ въ Сибирь, чтобы обязать присягою Князя и народъ; возвратился въ концѣ 1556 года съ новымъ Посломъ Едигеровымъ, и вмѣсто обещанныхъ *тридцати тысячъ*, привезъ только 700 соболей. Едигерь писалъ, что земля его, разоренная Шибанскимъ Царевичемъ, не можетъ дать болѣе; но Куровъ говорилъ противное, и Царь велѣлъ заключить Посла Сибирскаго. Наконецъ, въ 1558 году, Едигерь доставилъ въ Москву дань полную, съ увѣреніемъ, что будетъ вѣредъ исправнымъ плащельщикомъ ⁽⁴²³⁾. — Та-

Дань Си-
бирская.

кимъ образомъ Россія открыла себѣ путь къ неизмѣримымъ пріобрѣтеніямъ на Северѣ Азии, неизвѣстномъ доподъ ни Испорикамъ, ни Географамъ образованной Европы. Г. 1553 — 1557.

Сіе достопамятное время Іоаннова царствованія прославилось еще иъснымъ союзомъ Россіи съ одною изъ знаменитѣйшихъ Державъ Европейскихъ, которая была вѣ ея политическаго горизонта, едва знала объ ней по слуху, и вдругъ, нечаянно, нашла доступъ къ самымъ отдаленнымъ, всѣхъ мѣнѣе извѣстнымъ странамъ Государства Іоаннова, чіюбы съ великою выгодною для себя данъ намъ новыя средства обогащенія, новыѣ способы гражданскаго образованія. Еще Англія не была тогда первосищенною морскою Державою, но уже спремилась къ сей цѣли, соревнуя Испаніи, Португалліи, Венеціи и Генуѣ; хотѣла продолжитъ путь въ Китай, въ Индію Ледовитымъ моремъ, и весною въ 1553 году, въ царствованіе юнаго Эдуарда VI, послала три корабля въ Океанъ Северный. Начальниками ихъ были Гугъ Виллоби и Капитанъ Ченселеръ. Разлученные бурей, сіи корабли уже не могли соединиться; два изъ нихъ погибли у береговъ Россійской Лапландіи, въ приспани Арчинѣ, гдѣ Гугъ Виллоби замерзъ со всѣми людьми своими: зимою, въ 1554 году, рыбаки Лапландскіе нашли его мертваго, сидящаго въ шалашѣ за своимъ Журналомъ (424). Но Капитанъ Ченселеръ благополучно доплылъ до

Прибытіе Англіискихъ кораблей въ Россію.

Г. 1553 Бълаго моря; 24 Августа, 1553 года, вошелъ
 — 1557. въ Двинскій заливъ и присталъ къ берегу,
 гдѣ былъ тогда монастырь Св. Николая, и
 гдѣ послѣ основанъ городъ Архангельскъ. Ан-
 гличане увидѣли людей, изумленныхъ явлені-
 емъ большаго корабля; свѣдали оныъ нихъ,
 что сей берегъ естъ Россійскій; сказали,
 что имѣють оныъ Короля Англійскаго письмо
 къ Царю и желають завести съ нами шер-
 говлю ⁽⁴²⁵⁾. Давъ имъ съвѣстные принасы, на-
 чальники Двинской земли немедленно отпра-
 вили гонца къ Іоанну, которъй поочасъ
 понялъ важность сего случая, благопріят-
 наго для успѣховъ нашей торговли, — вельзь
 Ченселеру быль въ Москву и доснавилъ ему
 всѣ возможныя удобности въ пуши. Пред-
 спавленные Государю, Англичане съ удивле-
 ніемъ видѣли, по ихъ словамъ, *безприлирное*
 велельше его Двора: ряды красивыхъ чинов-
 никовъ, кругъ сановинныхъ Боярь въ зланныхъ
 одеждахъ, блестящій пронъ, и на немъ юнаго
 Самодержца въ блиснапельной коронѣ, окру-
 женнаго величіемъ и безмолвіемъ ⁽⁴²⁶⁾. Чен-
 селеръ подаль слѣдующую грамоту Эдуардову,
 писанную на разныхъ языкахъ *ко встль Св-*
вернымъ и Востогнымъ Государямъ:

„Эдуардъ VI вамъ, Цари, Князья, Власпи-
 „тели, судии земли, во всѣхъ справахъ подъ
 „солнцемъ, жадаешь мира, спокойствія, чести,
 „вамъ и спранамъ вашимъ! Господь всемогу-
 „щій даровалъ челоуьку сердце дружелюбное,
 „да благошворитъ ближнимъ и въ особен-

„носши спранникамъ, копорые, прїѣзжая къ Г 1553
 „намъ изъ мѣстъ опдаленныхъ, ясно доказы — 1557.
 „вають нѣмъ превосходную любовь свою къ
 „бранскому общезинію. Такъ думали оицы
 „наши, всегда гощепрїимные, всегда ласко-
 „вые къ иноземцамъ, перебующимъ покрови-
 „пельства. Вся люди имѣють право на го-
 „щепрїимство, но еще болѣе купцы, пре-
 „зирая оиасности и труды, оставляя за со-
 „бою моря и пустыни, для того, чинобы благо-
 „словенными плодами земли своей обогатить
 „спраны дальнія и взаимно обогатиться ихъ
 „произведеніями: ибо Господь вселенныя
 „разсыялъ дары Его благосии. чинобы на-
 „роды имѣли нужду другъ въ другъ, и чино-
 „бы взаимными услугами утверждалась прї-
 „язнь между людьми. Съ симъ намѣреніемъ нѣ-
 „копорые изъ нашихъ подданныхъ предпрї-
 „яли дальнее путешествіе моремъ, и шребо-
 „вали ошъ насъ согласія. Исполняя цю
 „желаніе, мы позволили мужу досшойному,
 „Гугу Виллоби, и шоварищамъ его, нашимъ
 „вѣрнымъ слугамъ, ѣхать въ спраны, до-
 „нынѣ неизвѣстныя, и мѣняться съ ними
 „избыткомъ: брать, чего не имѣемъ, и да-
 „вать, чѣмъ изобилуемъ, для обоюдной пользы
 „и дружества. И такъ молимъ васъ, Цари,
 „Князья и Владышители, чинобы вы свободно
 „пропустили сихъ людей чрезъ свои земли:
 „ибо они не коснутся ничего безъ вашего
 „дозволенія. Не забудьте челошествова.
 „Великодушно помогите имъ въ нуждѣ, и

Г. 1553
— 1557.

„примите опть нихъ, чѣмъ могутъ возна-
 „градинъ васъ. Поспушите съ ними, какъ
 „хопите, чинобы мы поспушили съ вашими
 „слугами, если они когда - нибудь къ намъ
 „заѣдутъ. А мы клянемся Богомъ, Госпо-
 „домъ всего сущаго на небесахъ, на землѣ
 „и въ морѣ, клянемся жизнью и благомъ
 „нашего Царства, что всякаго изъ вашихъ
 „подданныхъ вспрѣнимъ какъ единоплемен-
 „ника и друга, изъ благодарности за любовь,
 „которую окажете нашимъ. За симъ мо-
 „лимъ Бога Вседержителя, да сподобитъ васъ
 „земнаго долготѣія и мира вѣчнаго. Дано
 „въ Лондонѣ, нашей столицѣ, въ лѣто опть
 „сотворенія міра 5517, Царствованія на-
 „шего въ 7“ (427).

Англичане, принятыя милоспиво, объ-
 дали у Государя въ Золотой Палацѣ, и съ
 новымъ изумленіемъ видѣли пышность Цар-
 скую. Госпи, числомъ болѣе ста, ѣли и
 пили изъ золотыхъ сосудовъ; одежда спа-
 пятидесяти слугъ также сіяла золотомъ
 (428). — Послѣ сего Ченселеръ имѣлъ пере-
 говоры съ Боярами, и былъ весьма доволенъ
 оными. Его немедленно опустили назадъ
 (въ Февраль 1554 года) съ опвыномъ Иоан-
 новымъ. Царь писалъ къ Эдуарду, что онъ,
 искренно желая бытъ съ нимъ въ дружбѣ,
 согласно съ ученіемъ Вѣры Христіанской,
 съ правилами истинной науки государствен-
 ной и съ лучшимъ его разумѣніемъ, готовъ
 сдѣлать все ему удобное; что, принявъ

ласково Ченселера, также же применить и Гуга Виллоби, если сей послѣдній будетъ у насъ; чпо дружба, защита, свобода и безопасность ожидають Англійскихъ Пословъ и купцевъ въ Россіи (429). — Эдуарда не спало: Марія царшвовала въ Англии, и Ченселерь, вручивъ ей Іоаннову грамоту съ Нѣмецкимъ переводомъ, произвелъ своими вѣснями живѣйшую радость въ Лондонѣ. Все говорили о Россіи какъ о *вновь открытой* землѣ; хотѣли знать ея любопытную Испорію, Географію, и немедленно соспавидось обществу купцевъ для торговли съ нею. Въ 1555 году Ченселерь впорично отправидся къ намъ на двухъ корабляхъ съ повѣренными сего общества, Треемъ и Киллингвортомъ (430), чпобы заключить торжесивенный договоръ съ Царемъ, коему Марія и супругъ ея, Филиппъ, письменно изъявили благодарность въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Іоаннъ съ повою милоспію принялъ Ченселера и его поварищей въ Москвѣ; объдая съ ними, обыкновенно сажалъ ихъ передъ собою; говорилъ ласково, и называлъ Королеву Марію любезнѣйшею сесипрою. Учредили особенный Совѣтъ для разсмотрѣнія правъ и вольностей, коихъ требовали Англичане: въ немъ присушшвовали и купцы Московскіе. Положили, чпо главная мѣна поваровъ будетъ въ Колмогорахъ, осенью и зимою; чпо цѣны оспачаются произвольными, но чпо всякіе обманы въ кулъ судаш-

Г: 1553

— 1557.

Г. 1553
— 1557. ся какъ уголовное преступленіе Іоаннь далъ наконецъ шорговую жалованную грамоту Англичанамъ, уславивъ въ ней, что они могутъ свободно купечесничивать во всѣхъ городахъ Россіи, безъ всякаго спѣшенія, и не платя никакой пошлны — вездѣ жить, имѣть дома, лавки — нанимать слугъ, работниковъ и брать съ нихъ присягу въ вѣрности; что за всякую вину обвиняешь только виновный, а не общесиво; что Государь, какъ законный судія, имѣетъ право опянять у преступника честь и жизнь, но не касается имѣнія; что они выберутъ Спартышину для разбора ссоръ и тяжбъ между ими; что Намѣстники Государевы обязаны дѣлать ему помощь въ случаѣ нужды для усмиренія ослушныхъ и давать орудія казни; что не лзя взять Англичанина подъ спражу, если Спартышнина объявитъ себя его шоркою; что Правительсиво немедленно удовлетворяетъ ихъ жалобамъ на Россіянъ и строго казнитъ обидчиковъ (481). — Главнымъ изъ товаровъ, привезенныхъ Англичанами въ Россію, были сукна и сахаръ. Кушцы наши предлагали имъ 12 рублей (или Гиней) за половинку сукна и 4 алтына (или шиллинга) за фунтъ сахару; но сія цѣна казалась для нихъ низкою (482).

Съ того времени пристань Св. Николая — гдѣ, кромѣ бѣднаго, уединеннаго монастыря, было цѣль или шесть домиковъ —

оживилась и сдѣлалась важнымъ торговымъ мѣстопомъ. Англичане поспроили намъ особенный, красивый домъ, а въ Колмогорахъ нѣсколько обширныхъ дворовъ для складки товаровъ. Царь далъ землю, огороды, дуга, — Между нѣмъ, надвѣясь опкрывшъ цуньчрезъ Ледовиное море въ Кипай, Каппианъ ихъ, Снефанъ Борро, опъ успья Двины доходиль до Новой Земли и Вайгача, но усипращеннѣй бурями и ледяннми громадами, въ исходѣ Августа мѣсяца возвратился въ Колмогоры.

Въ 1556 году Ченселерь опшлыль въ Англїю съ чепырма, богато нагруженными кораблями и съ Посланникомъ Государевымъ, Посоль въ Англїю. Иосифомъ Пенсїю Вологжанномъ (433). Счастїе, дошоль всегда благопрїятное сему искусному мореплавателю, павмыло ему: буря разсыла его корабль; шолько одинъ изъ нихъ вошелъ въ прїстпанъ Лондонскую. Самъ Ченселерь ушонуль близъ Шотландскихъ береговъ; спасли шолько Посланника Иоаннова, конюрый, лишась всего, былъ осыпанъ въ Лондонъ дарами и ласками. Знапные сановники государспвенные и спо-сорокъ кущевъ со множеспвомъ слугъ, всѣ на прекрасныхъ лошадахъ, въ богатой одеждѣ, въѣхали къ нему на вспрѣчу. Онъ съль на коня великолѣпно украшеннаго, и окруженнѣй Спартрѣйщинами купечеспва, въѣхаль въ городъ. Любопытные лишпели Лондонскїе нѣспнлись въ улицахъ, привѣспнвудя Посланника громкими восклицанїями. Ему опвели одинъ

Г. 1553
— 1557.

изъ лучшихъ домовъ, гдѣ богатство уборовъ опивъчало роскоши ежедневнаго угощенія; угадывали, предупреждали всякое желаніе гостя; но звали его на пиры, но водили обозрѣвать всѣ достопамятности Лондона, дворцы, храмъ Св. Павла, Весминстеръ, крѣпость, рапушу. Принятый Марією съ опивъннымъ благоволеніемъ, Нептя въ торжественный день Ордена Подвязки сидѣлъ въ церкви на возвышенномъ мѣстѣ близъ Королевы. Нигдѣ не оказывалось никакой чести Русскому имени. Сей незнамый, но достойный представитель Іоаннова лица умѣлъ заслужить весьма лестный отзывъ Англійскихъ Министровъ: они донесли Королевѣ, что его умъ въ дѣлахъ равняется съ его благородною важностію въ поступкахъ ⁽⁴³⁴⁾. Въспомъ съ грамошою Царскою вручивъ Маріи и Филипу нѣсколько соболей, Нептя сказала, что богатѣйшіе дары Іоанновы во время Ченселерова кораблекрушенія были расхищены Шотландцами. Королева послала къ Царю самыя лучшія произведенія Англійскихъ суконныхъ фабрикъ, блестящій доспѣхъ, льва и львицу ⁽⁴³⁵⁾; а Спарышныя Россійскаго торговаго обществу, въ послѣдній разъ великолыно угостивъ Нептя въ залѣ Лондонскихъ суконниковъ, объявили, что не Дворъ, не Казна, но ихъ общество взяло на себя всѣ издержки, коихъ пребовало его пребываніе въ Англїи, и что они сдѣлали по съ живѣйшимъ удовольствіемъ, въ

знакъ своей добросердечной, ревностной, *нужной* дружбы къ нему и къ Россіи (486). Онъ получилъ онъ нихъ въ даръ золотую цѣпь во спо фунтовъ Сперлинговъ и пяшь драгоценныхъ сосудовъ; возвратился на Англійскомъ корабль въ Септѣбрь 1557 года и привезъ въ Москву ремесленниковъ, рудокоповъ и Медиковъ, въ числѣ коихъ былъ искусный Докторъ Спендишъ. Такъ Россія пользовалась всякимъ случаемъ заимствованья онъ иноземцевъ нужнѣйшее для ея гражданскаго образованія.

Съ удовольствіемъ читая ласковыя письма Маріи и Филиппа, копорые именовали его въ оныхъ *великимъ Императоромъ*; слыша онъ Непѣи, сколько чести и пріязни оказали ему въ Лондонѣ и Дворѣ и народѣ, Иоаннъ обходился съ Англичанами какъ съ любезнѣйшими госпіями Россіи; велѣлъ опвесити имъ дома во всѣхъ торговыхъ городахъ, въ Вологдѣ, въ Москвѣ, и лично привѣтствоваль ихъ сподъ милосердія, что они не могли безъ чувства живѣйшей благодарности писати о номъ къ своимъ Лондонскимъ знакомцамъ. Главный начальникъ Англійскихъ кораблей, прибывшихъ въ 1557 году къ устью Двины, Антоній Дженкисонъ, ѣздилъ изъ Москвы въ Астрахань, чтобы завести торговлю съ Персією: изъявляя совершенную довѣренность къ видамъ Лондонскаго купечества, Государь обещаль доставити оному всѣ способы для сего дальняго перевоза

Г. 1553
— 1557

товаровъ. — Однимъ словомъ, связь наша съ Бриннапціею, основываясь на взаимныхъ выгодахъ безъ всякаго опаснаго совмѣщеніе-ства въ Подлишкѣ, имѣла какой-то особенный характеръ искренности и дружелюбія, служила доказательствомъ мудрости Царя и придала новый блескъ его царствованію. — Открытіемъ Англичанъ немедленно воспользовались и другіе купцы Европейскіе: изъ Голландіи, изъ Брабанна начали приходивъ корабли къ сѣвернымъ берегамъ Россіи и шортованъ съ нею въ Корельскомъ устьѣ: чинъ продолжалось ошь 1555 до 1587 года (437).

Сіи достопамятныя происшествія были не единственныиъ предметомъ Іоанновой дѣятельности. Успряя Казань, покоряя Астрахань, возлагая дань на Сибирь, расширэння власнъ свою до Персіи, а шортовлю до Самарканда, Шельды и Темзы, Россія воевала и съ Ханомъ Девленъ-Гиреемъ, и съ Швеціею, и съ Ливоніею, неуспшно наблюдая Ливву.

Совершенное паденіе Казанскаго Царства приводило въ ужасъ Тавриду: Девленъ-Гирей, князя злобою, хотѣлъ бы поглоснвъ Россію; но чувствовалъ нашу силу, ждалъ времени, манилъ Іоанна мирными обещаніями и грозилъ нападеніемъ. Въ 1553 году Царь сно-
ялъ съ полками въ Коломнѣ, ожидая Хана (438); но Ханъ прислалъ въ Москву грамоту шершную: соглашаясь бынъ намъ другомъ,

Д ѣ л а
К р ы м-
с к і я

онъ претребовавъ богатыхъ даровъ, и называлъ Іоанна только Великимъ Княземъ. Государь писалъ ему въ отъвѣтъ, что мы не покупаемъ дружбы, и скромно извѣстивъ его о взятой Аспрахани. Тогда нѣкоторые изъ Думныхъ Совѣтниковъ предлагали Государю довершить великое дѣло славы, безопасно, благоденствія нашего завоеваніемъ послѣдняго Царства Башыева ⁽⁴³⁹⁾; и если бы онъ исполнилъ ихъ совѣтъ, то предупредилъ бы двумя вѣками знаменитое дѣло Екашеринъ Внорой: ибо вѣроятно, что Крымъ не могъ бы противиться усиліямъ Россіи, которая уже спояла пятою на двухъ, лежащихъ предъ нею Царствахъ, и смотрѣла на претіе какъ на легкую добычу: двѣсти тысячъ побѣдищедей ⁽⁴⁴⁰⁾ годовы были ударить на гнѣздо хищниковъ, способныхъ болѣе къ разбоямъ, нежели къ войнѣ оборонительной. Если время для завоеваній: оно проходитъ, и долго не возвращается. Но сія мысль казалась еще дерзкою: путь къ Крыму еще не былъ знакомъ войску; степи, даль, трудность продовольствія устранили. Сверхъ того Іоаннъ опасался раздражить Султана, верховнаго Властиителя Тавриды, съ коимъ мы находились въ дружественныхъ сношеніяхъ: возбуждая противъ насъ Князей Ногайскихъ ⁽⁴⁴¹⁾, онъ шайлъ свою неприянь и въ знакъ уваженія писалъ золотыми буквами къ Іоанну, именовалъ его Царемъ счастливымъ и Правителемъ му-

Письмо
Солтана-
Ново.

Г. 1553 дрыль; напоминалъ ему о старой любви, и
 — 1557. присылалъ въ Москву кушцевъ за шоварами
 (44²). Еще и другая мысль склоняла Государя
 шадинь Тавриду: онъ надвѣлся, подобно
 своему дѣду, упоупреблять ея Хановъ въ ору-
 діе нашей Полишки, чшобы вреднѣ или
 угрожаѣ Липвѣ. Уже опыны доказывали
 ненадежноспь сего орудія; но мы хотѣли
 новыхъ опыновъ, чшобы удосиповѣришься въ
 необходимоспи испребленія варваровъ, и ос-
 шавили въ ихъ рукъ огонь и мечъ на Россію!

Видя ложь, обманъ Девлешъ-Гирея, и свѣ-
 давь, чшо онъ идеть воеванъ землю Пяпи-
 горскихъ Черкесовъ, нашихъ друзей, Госу-
 дарь (въ Іюнь 1555 года) послалъ Воеводу
 Ивана Шеремешева изъ Бѣлева Муравскою до-
 рогою съ шринадцатю тысячами Дыней Бо-
 ярскихъ, Спирьльцовъ и Козаковъ въ Мамаевы
 Луга, къ Черекони, чшобы ошогнаѣ спа-
 да Ханскія (44³). Но Девлешъ-Гирей опъ Изюм-
 скаго Кургана своропиль влѣво, и вдругъ ус-
 премидся къ предѣламъ Россіи, имѣя тысячь
 шесспьдесятъ войска. Шеремешевъ, находясь
 близъ Свяныхъ Горъ и Донца, опкрылъ сіе
 движеніе непріащедя, увѣдомилъ Государя и
 пошелъ въ слѣдъ за Ханомъ, къ Туль. Самъ
 Іоаннъ немедленно выспунилъ изъ Москвы съ
 Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, Царемъ
 Казанскимъ Симеономъ, со всеми Воеводами
 и Дынями Боярскими; уже не хотѣлъ, какъ
 бывало въ спарину, ждаѣ Крымцевъ на Окъ,
 но сившилъ всшрѣщитъ ихъ далѣ въ полѣ.

Впаденіе
 К р ы м-
 цевъ.

Девлетъ-Гирей былъ между двумя войсками и не зналъ того. Нескромности Дьяковъ Государевыхъ спасла его отъ гибели: они послали изъ Москвы къ Царевичамъ Украинскимъ, чино Ханъ въ свѣдѣннхъ; чино спереди Царя, сзали Шереметевъ въ одно время списнуть, испребянтъ неприятеля. Царевичи разгласили счастливую вѣсть, которая дошла и до Хана, чрезъ жишелей, захваченныхъ Крымцами ⁽⁴⁴⁴⁾. Въ ужасѣ онъ рѣшился бѣжать. Между шѣмъ мужесивенный, двяшелейный Шереметевъ взялъ обозъ Девлетъ-Гиреевъ, 60,000 коней, 200 аргамаковъ, 180 вельбаюдовъ; опсправиль сию добычу во Мценскъ, въ Рязань; опспался только съ семью тысячами воиновъ; во 150 верснахъ отъ Тулы, на Судбищахъ, испрѣвнцль всю неприятельскую силу и не уклонился отъ бѣгнвы: слониль педодовый полкъ, опспнцль знамя Шпринскихъ Князей и ночеваль на мѣстѣ сраженія. Къ Хану привели двухъ шѣвняковъ ⁽⁴⁴⁵⁾: ихъ пышпалц; одинъ молчалъ, а другой не вынесъ мукъ и сказаль ему о маломъ числѣ Россіянъ. Опасаясь нашего главнаго войска, но спнцдцсь уснуципнцъ побѣду горспнц опспважннхъ вишпзей, Девлетъ-Гирей упротъ возобновиль нападеніе всѣми подками. Билцсь часовъ восемь, и Россіане нѣсколько разъ видѣли шѣмъ неприятеля; одни Дьямары Султановы сппояли крѣпко, берегли Хана и снарядъ огнеспрѣльный. Къ несаспнцю, Герой Шереметевъ былъ ранецъ: другіе Воеводы не имѣли

Г. 1553
— 1557.

его духа; усилія наши ослабѣли, а непріятель удвоилъ свои. Россіянѣ смѣшались; искали спасенія въ бѣгствѣ. Тупѣ мужественные чиновники, Алексѣй Басмановъ и Стефанъ Сидоровъ, ударили въ бубны, зашрубали въ трубы, оспановили бѣгущихъ, и засѣли съ двумя тысячами въ буеракъ: Ханъ прижды приступалъ, не могъ одолѣть ихъ, и боясь пераши время, на закатѣ солнца ушелъ въ степи.

Государь приближался къ Туль, когда донесли ему, что Шереметевъ разбитъ, и что Ханъ будто бы идетъ къ Москвѣ съ несметною силою. Люди боязливые совѣтовали Царю идти назадъ за Оку, а смѣлые впередъ: онъ послушался смѣлыхъ и выпустилъ въ Тулу, куда прибыли Шереметевъ, Басмановъ, Сидоровъ съ оспанкомъ своихъ воиновъ. Узнавъ, что Ханъ стѣпшилъ къ предѣламъ Тавриды, и что нельзя догнать его, Иоаннъ возвратился въ Москву. Онъ милосливо награждалъ всѣхъ усердныхъ сподвижниковъ Шереметева, не побѣдителей, но ознаменованныхъ славою опчальной битвы. Многие изъ нихъ умерли ошъ ранъ, и въ томъ числѣ храбрый Воевода Сидоровъ, уязвленный цудею и кошемъ: опслуживъ Царю, онъ скинулъ съ себя обогреннй кровію доспѣхъ и скончался въ маншій Схимника (46).

В о й н а
Ш в е д -
с к а я.

Въ сіе время Иоаннъ долженъ былъ обратити вниманіе на Швецію. Гуснавъ Ваза, съ безпокоѣнствомъ видя возрастающее могущество Россіи, старался тайно вре-

дипль ей: сносился съ Королемъ Польскимъ, съ Ливонією, съ Герцогомъ Прускимъ, съ Данією, чпобъ общимъ усиліемъ Сьверныхъ Державъ пропивпшся опасному, Иоаннову власнолюбію; и вспревоженный нашею выгодною шорговлею съ Англичанами; убьждалъ Королеву Марію запрешпшь оную, какъ несогласную съ благососпожаніемъ Швеціи и дающую новыя средства избышка, новую силу естеспивеннымъ врагамъ ея ⁽⁴⁴⁷⁾. Не смотря на то, ни Гусшавъ, ни Царь нехотпшь кровопродпшя: первый чувспвовалъ слабоспъ свою, а послѣдній не имьлъ никакихъ видовъ на завоеванія въ Швеціи. Но споры о неясныхъ границахъ произвели войну. Ссылаясь на старый договоръ Короля Магнуса съ Новгородцами ⁽⁴⁴⁸⁾, Россіане считали рьку Саю и Сеспрь предьломъ обпихъ Державъ: Шведы выходили за сей рубежъ; ловили рыбу, косили сьно, пахали землю въ нашихъ владпніяхъ; именовали Сеспрю совсьмъ иную рьку, и не слушали никакихъ возраженій ⁽⁴⁴⁹⁾. Россіане жгли ихъ нивы, а Шведы жгли наши села, умерпвивъ ньсколько Боярскихъ Дьшей и посадивъ одного изъ нихъ на колъ; оппняли у насъ шакже ньсколько погосповъ въ Лапландіи и хотпъли разорпшь пямь уединенный монаспырь Св. Николая на Печенгъ, пропивъ *Варгава* ⁽⁴⁵⁰⁾. Новгородскій Намьспникъ, Князь Димптрій Палецкій, опправиль къ Королю Гусшаву сановника Никпшу Кузмина: его задержали въ

Цишоколомъ какъ лазушничка по ложному до-
несенію Выборгскаго начальника ⁽⁴⁵¹⁾, и Гу-
савъ не даль ошвѣща Князю Палецкому,
желая объяснисья письменно съ самимъ Ца-
ремь. Жители Новгородской области во-
оруженною рукою заняли нѣкоторыя спор-
ныя мѣста: Шведы побили ихъ на голову. Еще
съ обѣихъ сторонъ предлагали дружелюбно
ислѣдованіе взаимныя неудовольствія; назна-
чили время и мѣсто для съѣзда повѣренныхъ:
Шведскіе не явились. Государь велѣлъ Князю
Ногшеву и Восводамъ Новгородскимъ защи-
щити граицу; а Гусавъ, ошвѣщая нападеніе,
самъ прибылъ въ Фляндію единственно для
обороны. Но Адмиралъ его, Іоаннъ Багге,
пылая ревностію ошлачишь себя подвигомъ
славы, убѣждалъ Короля предупредити насъ;
ошвѣщивовалъ ему за уснѣхъ; донесъ, чпо
слухъ носишья о внезапной кончинѣ Царя;
чпо Россія въ смятеніи; чпо онъ надвешя
собралъ двадцать тысячъ воиновъ и прои-
кнушь съ ними въ средину ея владній ⁽⁴⁵²⁾.
Спарецъ Гусавъ, имъ обольщенный, согла-
сился дѣйствованіе наступательное; а Багге
немедленно осадилъ Ношебургъ, или Орѣшекъ,
съ конницею, пѣхотою и со многими воору-
женными судами: громилъ слѣсны изъ пушекъ
и жегъ наши селенія. Россіяне взяли мѣры:
крѣпосишь оборонялась сильно; съ одной сто-
роны Князь Ногшевъ, съ другой Дворецкій
Самеонъ Шеремевъ писали непріятеля,
разбивали его опряды, хващали кормовщи-

ковъ, брали суда. Настала осень, и Багге, потерявъ не мало людей въ шестое мѣсяца, возвратился въ Финляндію, хвалясь единственно пѣть, что Россіяне не могли претрадити ему нунци, и что онъ вездѣ мужественно опраждалъ ихъ.

Зимой собралось многочисленное войско въ Новгородъ; а Царь оказывалъ еще миролюбіе: Воеводы Московскіе писали къ Королю, что онъ, безсовѣстно нарушивъ перемиріе, будешь виновникомъ ужаснаго кровопролитія, если въ шестое двухъ недѣль самъ не выѣдетъ къ нимъ на границу или не пришлетъ Вельможъ для разсмотрѣнія обоюдныхъ неудовольствій и для казни обидчиковъ. Въмѣсто Гуспава оповѣщивали Выборгскіе чиновники, что Адмиралъ Багге началъ войну безъ Королевскаго повелѣнія; что Шведы, доказавъ Россіянамъ свое мужество, готовы возобновить старую дружбу съ ними. Но сей оповѣсть казался неудовлетворительнымъ: Воеводы, Князь Пешрь Щеняшевъ и Дмитрій Палецкій, съ Аспраханскимъ Царевичемъ Кайбулою выступили въ Финляндію: взяли въ осажденномъ Шведами городкѣ Кивенъ семь пушекъ, сожгли его, и за пять верстъ отъ Выборга встрѣтили непріятеля, конпорый, смявъ ихъ передовые отряды, расположился на горѣ. Мѣсто давало ему выгоду: Иоанновы искусные Воеводы обошли его, панали съ нѣмь, — рѣшили побѣду и павнями знаменнейшихъ

Г. 1553
— 1557. сановниковъ Королевскихъ (453). Шведы заключились въ Выборгъ: при дни сирѣявъ по городу, Россіяне не могли сбить крышкихъ стрѣль; опустошили берега Воксы, разорили Нейшлотъ, и вывели множествомъ плѣнниковъ. Ливонисецъ говоритъ, что они продавали человека за гривну, а дѣвку за пяць алпынь. — Иоаннъ былъ доволенъ Воеводами; послалъ въ даръ Ногайскому Князю Исмаилу нѣсколько Шведскихъ доспѣховъ и писалъ къ нему: „Вопль новыя „профетіи Россіи! Король *Нѣмецкій* сгрубилъ „намъ: мы побили его людей, взяли города, „вспребили селенія (454). Такъ казимъ „враговъ: будь намъ другомъ!“

Гуспавъ; опъ самой юности примѣръ благоразумія между Ввиценосцами, ибо умѣлъ бытъ Героемъ безъ воинскаго славолубія, и великодушно избавивъ опечесиво опъ иноземнаго пирана, хотѣлъ всегда мира, тишины, благоденствія — Гуспавъ на спаросни могъ винить себя въ опибкѣ легкомыслія: видѣлъ, что Швеція безъ союзниковъ не въ силахъ бороться съ Россією, и прислалъ сановника Канута въ Москву. Онъ писалъ къ Иоанну учиво, дружедлюбно, пребуя мира, обвиняя бывшаго Новгородскаго Намѣстника, Князя Палецкаго (тогда смѣненнаго) и доказывая, что не Шведы, а Россіяне начали войну (455). Канупъ предснвилъ дары Гуспавовы: десять *Шведскихъ лисницъ*, и хотя былъ Посланникомъ недруга,

однакожь имѣлъ честь обѣдать съ Государемъ, ибо сей недругъ уже просилъ мира (456). Описывая Густаву, Царь несоглашался съ нимъ въ причинахъ войны, но соглашался въ желаніи прекратить ее. „Твои „люди“ — писалъ онъ — „дѣлали ужасныя „неисповсѣва въ Корельской землѣ нашей: „не только жгли, убивали но и ругались „надъ церквами, снимали кресны, колокола, „иконы. Жители Новгородскіе претовали „опъ меня *большихъ полковъ*, Московскихъ, „Гатарскихъ, Черемисскихъ и другихъ; Вое- „воды мои пылали непрерывнѣмъ ишли къ „Абову, къ Шпоктольму: мы удержали ихъ, „ибо не любимъ кровопролитія. Все зло „произошло опъ того, что пы по своей „гордости не хотѣлъ сноситься съ Ново- „городскими Намѣстниками, знаменитыми „Боярами Великаго Царства. Если не „знаешь, каковъ Новгородъ, то спроси у „своихъ кушцевъ: они скажутъ тебѣ, что „его пригороды болѣе своего Шпоктольма „(457). Оспавъ надменность, и будемъ „друзьями.“ Густавъ оспавилъ ее: Послы его, Совѣтникъ Государственный Спенъ Эриксонъ, Архіепископъ Упсальскій Лаврентій, Епископъ Абовскій Михаилъ Агрикола, и Королевскій Печаникъ Олофъ Ларсонъ въ Февраль 1557 года пріѣхали въ Москву на 150 подводяхъ, жили на Дворѣ Липовскомъ какъ бы въ заключеніи, не могли ни-кого видѣть кромѣ Царскихъ чиновниковъ,

1557. поднесли Иоанну серебряный кубокъ съ часами (458), обѣдали у него въ Граповиной Палатѣ и должны были принять все условія, имъ объявленныя. О рубежъ не спорили: возобновили старыи; но Послы долго требовали, чинобы мы освободили безденежно всѣхъ плѣнниковъ Шведскихъ, и чинобы Король имѣлъ дѣло единственно съ Царемъ. Бояре отвѣчали: 1) „Вы, какъ виновные, „обязаны безъ выкупа опустушить Россіянъ, „кущевъ и другихъ, вами захваченныхъ; а „мы, какъ правые, дозволяемъ вамъ выку- „пить Шведскихъ плѣнниковъ, у кого ихъ „найдете, если они не приняли нашей „Вѣры. 2) Не безчестіе, а честь Королю „имѣть дѣло съ Новгородскими Намѣстни- „ками. Знаете ли, кто они? Дѣти или „внучата Государей Липовскихъ, Казан- „скихъ или Россійскихъ (459). Нынѣшній „Намѣстникъ, Князь Глинскій, есть племян- „никъ Михаила Львовича Глинскаго, споль „знаменистаго и славнаго въ земляхъ Нѣ- „мецкихъ. Скажемъ вамъ также *не въ укорь*, „но единственно *въ разсудъ*: кто Государь „вашъ? Въиценосець, правда; но давно ли „еще торговаль волами? И въ самомъ вели- „комъ Монархѣ смиреніе лучше надмен- „ности.“ Послы уснулили: за то Бояре, желая изъяснить снисхожденіе, согласились не именоватъ Короля въ договорѣ клятвенно-преспунникомъ! Написали въ Москвѣ перемирную грамоту на сорокъ дѣнь и велѣли

Новгородскимъ Намѣстникамъ скръпшишь ея своими печатями (460). Между тѣмъ Посламъ оказывалась честьъ, какой ни опецъ, ни дѣдъ Иоанновъ никогда не оказывалъ Шведскимъ: ихъ встречали и провожали во дворецъ знашныя савовиики (461); угощали на золотѣ, пышно и великолѣпно. Въсено дара Государь прислалъ къ нимъ двадцать освобожденныхъ Финляндскихъ плѣнниковъ (462). Испорикъ Швеція рассказываетъ, что Иоаннъ желалъ слышанъ богословское првнне Архіепископа Упсальскаго съ нашимъ Минирономъ: выбрали для того Греческій языкъ; но переводчикъ, не разумѣя смысла важнѣйшихъ словъ, подковалъ оныя споль нельпо, что Государь велѣлъ прекратитъ сей разговоръ, въ знакъ благоволенія надѣвъ золотую цѣпь на грудь Архіепископа (463).

Въ сей кратковременной Шведской войнѣ Король Августинъ и Магистеръ Ливонскій естествененно доброжелательствовали Гуснаву; обѣщались и помогать ему, но оставались спокойными зрителями. Первый только ходатайствовалъ за него въ Москвѣ, убѣждая Иоанна не вѣсннть Швецію, кошорая могла бы вмѣснть съ Польшею дѣйснвованъ противъ невѣрныхъ (464). „Я „не вѣсно никого“, писалъ Государь въ отвѣтъ Августу: „имѣю Царство обшир- „ное, кошорое оныъ времяъ Рюрика до ме- „его непрестанно увеличивается; завоева- „ннѣ не льстятъ меня, но спою за честь.“

Сношенія
съ Лип-
вою.

Г. 1557. Возобновивъ перемиріе съ Липвою до 1562 года ⁽⁴⁶⁵⁾, Іоаннь соглашался заключить и вечный миръ съ нею, если Августъ признаетъ его Царемъ; но Король упрямылся, опившись, что не любитъ новосіпей; что сей титулъ принадлежитъ одному Нѣмецкому Императору и Султану. Бояре наши явили его Послать грамоты Папы Климентя, Императора Максимилиана, Султановы, Государей Испанскаго, Шведскаго, Датскаго, которые именовали еще дѣда, опца Іоаннова Царемъ; явили и новѣйшую грамоту Королевы Англійской: ничто не убѣдило Августа. Казалось, что онъ спрашился титула болѣе, нежели силы Государя Россійскаго. Іоаннь торжественно увѣдомилъ его о завоеваніи Аспрахани: Король изъявилъ ему благодарность, и писалъ, что радуется его побѣдамъ надъ невѣрными! Такое увѣреніе было одною учтивостію; но разбой Хана Девлетъ-Гирея, не щадившаго и Липвы, могли бы склонить сіи два Государства къ искреннему союзу, если бы не встрѣнились новыя, важныя прошивности въ ихъ годахъ.

Последнее впаденіе въ наши предѣлы дорого стоило Хану, который лишился не только обоза, но и значной части войска въ битвѣ съ Шереметевымъ ⁽⁴⁶⁶⁾. Не смотря на то, онъ хвалился побѣдою и снова околчелся. Козаки подъ начальствомъ Дьяка Ржевскаго снерегли его между Днѣпромъ

и Дономъ ⁽⁴⁶⁷⁾: они извѣстили Государя (въ Г. 1557. Маѣ 1556), что Ханъ расположился сна- номъ у Конскихъ Водъ и мышишь на Тулу или Козельскъ. Въ нѣсколько дней собрало- ся войско: Царь осмошрѣлъ его въ Серпухо- вѣ и хотѣлъ встрѣишишь неприятели за Ту- лолою ⁽⁴⁶⁸⁾; но узнать, что вся опасность ми- новалась. Смѣлый Дьякъ Ржевскій, прима- нивъ къ себѣ прдсина Малороссійскихъ Ли- повскихъ Козаковъ съ Ашаманами Млы- скимъ и Есковичемъ ударилъ на Исламъ-Кир- мень, на Очаковъ; шесць дней бился съ Хан- скимъ Калгою ⁽⁴⁶⁹⁾, умершвилъ множесиво Крымцевъ и Турковъ, ошогналъ ихъ шабу- ны, вышель съ добычею и принудилъ Дев- лень Гирея спѣишишь назадъ для защиты Крыма, гдѣ, сверхъ того, свѣрѣисшвовали смерипоносныя болѣзни. Въ сіе же время, къ удовольствію Государя, предложилъ ему свои услуги одинъ изъ знаишвѣишихъ Князей Ли- повскихъ, попомковъ Св. Владимира: Дми- рій Вишневецкій, мужъ ума пылаго, опва- жный, искусный въ ранномъ дѣлѣ. Бывъ лю- бимымъ вождемъ Днѣпровскихъ Козаковъ и начальникомъ Канева, онъ скучалъ мирною системою Авгусина; хотѣлъ подвиговъ, опас- ностей, и прельщеннй славою нашихъ за- воеваній, воскиишь ревностію мужесиво- ванъ подъ знаменами своего древняго опе- чесива, коему Провиднїе явно указывало путь къ необыкновенному величію. Вишне- вецкій слыдился предсшанъ Іоанну въ ви-

Нападе-
ніе Дьяка
Ржевска-
го на Ис-
ламъ-Кир-
мень.

Князь Ви-
шневец-
кій вступи-
пленъ въ
службу въ
Царю, и
берешъ
Хоршицу.

Г. 1557. дѣ бѣглеца: вышель изъ Литвы со многими усердными Козаками, занявъ островъ Хорпицу близъ Днѣпровскаго устья, прошивъ Конскихъ Водъ ⁽⁴⁷⁰⁾; сдѣлалъ крѣпость, и писалъ къ Государю, что не пребуеиъ у него войска: пребуеиъ единственно чесни именованъся Россіяниномъ и запреиъ Хана въ Тавридѣ, какъ въ вершепъ. Обнадеженный Юанномъ въ милосши, сей удалецъ сжегъ Исламъ-Кирмень, вывезъ опшуда цушки въ свою Хорпицкую крѣпость, и славно опразидъ всѣ нападенія Хана, который 24 дни безъ устьяхъ приснупалъ къ его острову. Съ другой спороны Черкесскіе Князья именовъ Россіи овладѣли двумя городками Азовскими, Темрюкомъ и Таманомъ, гдѣ было наше д. евнее Тмушороканское Княженіе ⁽⁴⁷¹⁾. Девашень-Гирей пренепалъ; думалъ, что Ржевскій, Вишневецкій и Князья Черкесскіе соснавлиюиъ шолько передовой опрядъ нашего главнаго войска; ждалъ самого Юанна, просилъ у него мира, и въ опчаяиіи писалъ къ Султану, что все погибло, если онъ не спасеиъ Крыма. Никогда— говоривъ современнѣй Исихорикъ ⁽⁴⁷²⁾— не бывало для Россіи удобнѣйшаго случая испребишъ останки Моголовъ, явно караемыхъ тогда гнѣвомъ Божіимъ. Улусы Нотайскіе, преже многолюдные, богатые, опусиъли въ жеспокую зиму 1557 года; сконъ и люди гибли въ спеняхъ опъ неспоснаго холода. Нѣкоторые Мурзы искали убѣжища въ Тавридѣ, и на-

Завоеиіе
Темрюка
и Тамана.

Моръ въ
Ногай-
скихъ и
Крым-
скихъ Улу-
сахъ.

шли въ ней язву съ голодомъ, произведеннымъ чрезвычайною засухою. Едва ли 10,000 исправныхъ конныхъ воиновъ оставалось у Хана; еще менше въ Ногайяхъ. Къ сему бѣдствіямъ присоединялось междоусобіе. Въ Ногайской Оудъ Улусы возсноваши на Улусы. Въ Тавридѣ Вельможи хотѣли убити Девлетъ-Гирея, чинобы объявити Царемъ Тохтамышна, жившаго у нихъ Аспраханскаго Царевича, брата Шигъ-Алеева. Заговоръ открылся: Тохтамышъ бѣжалъ въ Россію, и могъ основательно извѣстить Государя о слабости Крыма (473).

Но мы — по мнѣнію Историка, знаменитаго Курбскаго — не слѣдовали указанію персина Божія, и дали оправдаться невѣрнымъ. Вишневецкій не удержался на Хориницѣ, когда явились многочисленныя дружины Турецкія и Волонскія, присланныя къ Девлетъ-Гирею Султаномъ: испончивъ силы и занасы, оставилъ свою крѣпость, удалился къ предѣламъ Липовскимъ, и занявъ Черкасы, Каневъ, гдѣ жили любители его, написалъ къ Іоанну, чино, будучи снова готовъ идти на Хана, можетъ оказать Россіи еще важнѣйшую услугу покореніемъ ея скипетру всѣхъ южныхъ областей Днѣпровскихъ. Предложеніе было десно; но Государь не хотѣлъ нарушить утвержденнаго съ Липовою перемирія: велѣлъ возвратити Черкасы и Каневъ Августу, призвалъ Вишневецкаго въ Москву и далъ ему въ помѣщеніе городъ

Усердіе
Вишневецкаго.

- Г. 1557. Бвлевъ со многими богатыми волостями, чпобы ивѣнъ въ немъ спирашилище какъ для Хана, такъ и для Короля Польскаго (474). — Между нѣмъ Девленъ - Гирей опдохнуль. Хотя онъ все еще изъявлялъ желаніе быти въ миръ съ Россією; хотя съ честью опшуспилъ нашего Посла Загряжскаго, державъ его у себя пять дѣтъ какъ плѣнника; доспавилъ и союзную грамоту Иоанну, обязываясь, въ знакъ искренней къ намъ дружбы, воевать Ливву: однакожь предлагалъ условія гордыя и спребовалъ дани, какую присыдалъ къ нему Сигизмундъ и Августъ (475). „Для шебя“ — говорилъ Девленъ-Гирей — „разрываю союзъ съ Ливвою: слѣдспвенно нѣ долженъ вознаградитъ меня.“ Сыновья его дѣйспвительно грабили тогда въ Волынн и въ Подолн, къ изумленію Августа, счипавшаго себя ихъ другомъ. Они искали легкой добычи и находили ее въ сихъ плодоносныхъ обласпяхъ, гдѣ Королевскіе Паны гордо хвалились мужеспвомъ на шпрахъ и малодушно бѣгали опъ разбойниковъ, не умѣя оберегать земл (476). Узнавъ о шомъ, Государь созвалъ Бояръ: всѣ думали, что спребованіе въроломнаго Девленъ-Гирей не достойно вниманія; что надобно воспользоваться симъ случаемъ и предложитъ Августу союзъ прощивъ Хана. Снова послали Князя Вишневецкаго на Двѣпръ; дали ему 5000 Жидльцовъ, Двѣней Боярскихъ, Спръльцовъ и Козаковъ; велѣли имъ соединиться съ Князьями Чер-

кесскими и вмѣстѣ воевать Тавриду ⁽⁴⁷⁷⁾; а къ Г. 1558. Королю написали Іоаннь, что онъ беретъ живѣйшее участіе въ бѣдствіи, прешергиномъ Липвою опъ гибельнаго набѣга Крымцевъ; что время имъ обоимъ вразумиться въ истинную пользу ихъ Державъ и общими силами сокрушить злодѣевъ, живущихъ обманомъ и грабежемъ; что Россія готова помогать ему въ помъ усердно всѣми данными ей опъ Бога средствами. Сіе предложеніе споль радостно удивило Короля, Вельможъ, народъ, связанный съ нами узами единокровія и Вѣры, что Посланника Московскаго носили на рукахъ въ Липвъ, какъ вѣспника пишины и благоденствія для ея гражданъ, которые всегда ужасались войны съ Россією. Чеспили его при Дворѣ, въ знатныхъ домахъ; славили умъ, великодушіе Іоанна. Августъ въ знакъ искренней любви освободилъ нѣсколько спарыхъ плѣнниковъ Московскихъ и прислалъ своего Конюшаго Виленскаго, Яна Волчкова, изъявить живѣйшую благодарность Государю, обѣщаясь немедленно выслать и знатнѣйшихъ Вельможъ въ Москву для заключенія мира вѣчнаго и союза. Съ обихъ споронъ говорили съ жаромъ о Христіанскомъ брапствѣ; вспоминали судьбу Греціи, жертвы бывшаго между Европейскими Державами несогласія; хопѣли вмѣстѣ унять Хана и пропившись Туркамъ ⁽⁴⁷⁸⁾.—Сіе обоюдное доброе расположение исчезло какъ мечпа: для слова запу-

Предло-
женіе со-
юза Лип-
въ.

Г. 1558. явилась, и древняя восточная независимость, между нами и Ливоню, восприняла.

Виною тому была Ливонія. Съ 1503 года мы не имѣли съ нею ни войны, ни швердаго мира; возобновляли только перемиріе и дозволялись еднѣшвенно кучеческими связями. Съ ревностію предпріявъ возвеличить Россію не только побѣдами, но и внутреннимъ гражданскимъ образованіемъ, дающимъ новыя силы Государству, Іоаннь съ досадою видѣль недоброжелательство Ливонскаго Ордена, который заграждалъ путь въ Москву не только людямъ искуснымъ въ художествахъ и въ ранномъ дѣлѣ, но вообще и всѣмъ иноземцамъ. „Уже Россія такъ опасна“ — писали чиновники Орденскіе къ Императору — „что все Христіанскіе сосѣдственныя Государя уклоняють главу предъ ея Вышностемъ, юнымъ, дѣятельнымъ, властолюбивымъ, и молятъ его о мирѣ (479). „Благоразумно ли будетъ умножаніе силы природнаго врага нашего сообщеніемъ ему искусствъ и снарядовъ воинскихъ? Если откроемъ свободный путь въ Москву для ремесленниковъ и художниковъ, то подъ симъ именемъ уснремится туда множествомъ людей, принадлежащихъ къ злымъ Сектамъ Анабаптистовъ, Сакраментистовъ и другихъ, гонимыхъ въ Нѣмецкой землѣ: они будутъ самыми ревностными слугами Царя. „Нынѣ сомнѣнія, что онъ замышляетъ овладѣть Ливонією и Балтійскимъ моремъ ;

„дабы нѣмь удобнѣе покорить всѣ окрестныя земли: Ливву, Польшу, Пруссію, Швецію.“ По крайней мѣрѣ Іоаннъ не хотѣлъ шестить, чинобы Ливонцы прещаспвоваали ему въ исполненіи благодѣтельныхъ для Россіи намбрений, и готовилъ мечь. Въ 1554 году Послы Магиспра Генрика Фонъ-Галена, Архіепскопа Рижскаго и Епископа Дерптскаго молили его возобновить перемиріе еще на 15 лѣтъ. Онъ соглашался, съ условіемъ, чинобы обласнѣ Юрвевская или Дерптская планшда ему ежегодно исконн-успавленную дань. Нѣмцы изъявили удивленіе: имъ показали Пленшпенбергову договорную грамоту, писанную въ 1503 году, гдѣ именно упоминалось о сей данн, забыной въ шеченіе пятьдесяти лѣтъ (480). Ихъ возраженій не слушали. Именемъ Государевымъ Адашевъ сказалъ: „или шакъ, или нѣтъ вамъ перемирія!“ Они успушили, и Дерптъ обязался грамотною, за ручашельспвомъ Магиспра, не шолько впредъ даванъ намъ ежегодно по Нѣмецкой маркъ съ каждаго человека въ его обласни, но и за минувшія 50 лѣтъ предспавившъ въ шри года всю недоимку. Магисперъ клялся не бытъ въ союзъ съ Королемъ Польскимъ и возспановившъ нашимъ древнія церкви, вмѣстѣ съ Капюлическими опусшошенныя Фанашками новаго Люперанскаго Исповѣданія въ Дерптѣ, Ревелѣ и Ригѣ: за чшо еще опецъ Іоанновъ грозилъ меснію Ливонцамъ, сказавъ: „я не Папа и

Г. 1559.
Важный замысль приписываемый Іоанну.

Г. 1557. „не Императоръ, которые не умѣють
 „защитить своихъ храмовъ“ (461). Торговлю
 объявили свободною, по волю Иоанна, которо-
 му жаловалась Ганза, что Правительство
 Рижское, Ревельское, Дерптское не велитъ
 ей купцамъ ввозить къ намъ металлы,
 оружіе, доспѣхи, и пребуешь, чинобы они
 доспавали ошь насъ сало и воскъ един-
 ственно чрезъ Ливонскихъ купцевъ (462).
 Только въ одномъ успоялъ Магистръ: онъ
 не далъ слова пропускать иноземцевъ въ
 Россію: общипительство важное, которое
 дѣлало миръ весьма ненадежнымъ.

Съ сею грамотою, написанною въ Мо-
 сквѣ и скрѣпленною печатями Ливонскихъ
 Пословъ, отправился въ Дерптъ Иоаннъ
 чиновникъ, Келарь Терпигоревъ, чинобы,
 согласно съ обычаемъ, Епископъ и Синарѣй-
 шины утвердили оную своею клятвою и
 печатями. Но Епископъ, Бургомистръ и
 Совѣтники ихъ ужаснулись быши даниками
 Россіи; угощая Терпигорева, тайно рассу-
 ждали между собою; винили Пословъ Ли-
 вонскихъ въ легкомысліи, въ пресупленіи
 данной имъ власни, и не знали, что дѣ-
 лать. Минуло нѣсколько дней: чиновникъ
 Московскій пребоваъ присяги, не хотѣвъ
 ждать и грозился уѣхать. Тогда Епископ-
 скій Канцлеръ, толкій Подписникъ, предло-
 жилъ Совѣту обмануть Иоанна. „Царь си-
 „лень оружіемъ, а не хитръ умомъ“, ска-
 заль онъ: „чтобы не раздражишь его,

„ушвердимъ договоръ, но объявимъ, что не
 „можемъ вслушались ни въ какое обязатель-
 „ство безъ согласія Императора Римскаго,
 „нашего законнаго покровителя; опнесемъ
 „къ нему, будемъ ждать, медлить — а
 „намъ, что Богъ дастъ.“ (483)! Сие мнѣніе
 одержало верхъ: присягнули и возвратили
 грамоту Послу Иоаннову, съ оговоркою, что
 она не имѣетъ полной силы безъ утвер-
 жденія Императорскаго. „Царю моему нѣтъ
 „дѣла до Императора“! сказалъ Посолъ:
 „дайте мнѣ только бумагу; дадите и се-
 „ребро.“ Велѣвъ Дьяку завернуть грамоту
 въ шелковую пшань, онъ примолвилъ съ
 усмѣшкою: „береги: это важная вещь
 (484)!“ — Терпигоревъ донесъ Государю,
 что обрядъ исполненъ, но что Нѣмцы за-
 мысливаютъ обманъ.

Иоаннъ молчалъ; но съ сего времени уже
 писался въ грамотахъ *Государель Ливонскія*
земли (485). Въ Февраль 1557 года снова
 явился въ Москву Послы Магистеровы и
 Дерптскаго Епископа. Узнавъ, что они
 прѣехали не съ деньгами, а съ пустыми
 словами, и желаютъ доказывать Болярамъ
 несправедливостъ нашего пребыванія, Царь
 велѣлъ имъ ѣхать назадъ, съ опвѣщомъ: „Вы
 „свободно и кляпвенно обязались платить
 „намъ дань; дѣло рѣшено. Если не хотите
 „исполнить обѣда, то мы найдемъ способъ
 „взять свое“ (486). Онъ запретилъ купцамъ
 Новгородскимъ и Псковскимъ ѣздить въ

Т. 1557. Ливонію, объявивъ, что Пѣмцы могутъ пор-
тованъ у насъ спокойно; послалъ Околыщ-
чаго, Князя Шаснуова, заложить городъ
съ признанію въ самомъ усиль Наровы
(487), желая имѣть моремъ вѣрное, безопас-
ное сообщеніе съ Германією, и началъ го-
товиться къ войнѣ, которая, по всемъ вѣ-
роятностямямъ, обещала намъ дешевые усильи
и легкое завоеваніе. Ливонія и въ лучшее,
славнѣйшее для Ордена время, при самомъ
великомъ мужѣ Платипенбергъ видѣла невоз-
можности счастливо воеванъ съ Россією:
Орденъ, лишенный опоры Нѣмецкаго, сдѣ-
лался еще слабѣе, и пятидесятилѣтній миръ,
обогативъ землю, умноживъ пріятности жи-
зни, роскошь, нѣгу, совершенно опучилъ
Рыцарей отъ суровой военной дѣятельно-
сти: они въ великолѣпныхъ замкахъ своихъ
жили единственно для чувственныхъ насла-
жденій и низкихъ снрасней (какъ увѣря-
ютъ современные Ливонцы): пили, весе-
ллись, забывъ древнее происхожденіе ихъ
бранища, вину и цѣль онаго; гнушались не-
пороками, а скудоснію; безсмыдно нарушая
святыя уставы нравственности, спыдились
только уступать другъ другу въ пышно-
сти, не имѣли драгоцѣнныхъ одеждъ, множе-
ства слугъ, богато убранныхъ коней и пре-
красныхъ любовницъ. Ту неядство, пиры, охо-
та были главнымъ дѣломъ знающихъ людей
въ семь, по выраженію Историка, *землю
раю* (488); а какъ жили Орденскіе, Духов-

Состоя-
ніе Ливо-
нн.

ные сановники, такъ и Дворяне свѣтскіе, и кушцы, и мѣщане въ своемъ избыткѣ; одни земледѣльцы ирудились въ пошль лица, обременяемые налогами алчнаго корыстолюбія, но отличались не лучшими нравами, а грубѣйшими пороками въ безсмысли невѣжества и въ гибельной заразы иьянства. Многосложное, раздѣленное Управительство было слабо до крайности: пять Епископовъ, Магистръ, Орденовскій Маршалъ, восемь Коммандоровъ и восемь *Фогтовъ* владѣли землею; каждый имѣлъ свои города, волости, усадьбы и права; каждый думалъ о частныхъ выгодахъ, мало заботясь о пользе общей. Введеніе Люперанскаго Исповѣданія, принятаго городами, свѣтскимъ Дворянствомъ, даже многими Рыцарями, еще болѣе замышало Ливонію: волнуемый усердіемъ къ новой Вѣрѣ, народъ мятежилъ, опустошалъ Латвискія церкви, монастыри (⁴⁸⁹); Власпители, опчасни за Вѣру, опчасни за корысть, возсинавали другъ на друга. Такъ преемникъ Магистра Фоль Галена, Фирсненбергъ, свергнулъ и заключилъ Архіепископа Рижскаго, Маркграфа Вильгельма (послѣ освобожденнаго угрозами Короля Августа). Для храненія самой внутренней тишины нанимая воиновъ въ Германіи, миролюбивый Орденъ не думалъ о способахъ противиться сильному врагу внѣшнему; не имѣя собственноранной рани, не имѣлъ и денегъ: Магистры, сановники богашья, а казна скудыла, изво-

Г. 1557. димая для ихъ удовольствій и пышности; они считали достоинствѣ Орденское своимъ, а свое не Орденскимъ. Однимъ словомъ, избытокъ земли, слабостъ Правленія и нѣга гражданъ манили завоевателей.

Новое могущество Россіи. Лучшее образованіе войска.

Россія же была могущесивеннѣе прежняго. Кромѣ славы громкихъ завоеваній, мы пріобрѣли новыя вещесивенныя силы: усмиренные народы Казанскіе давали намъ ратниковъ; Князья Черкесскіе пріѣзжали служить Царю со многочлюдными конными дружинами. Но всего важнѣе было тогда новое, лучшее образованіе нашего войска, починившееся удвоившееся сяду оного. Сіе знаменитое дѣло Іоаннова царствования совершилось въ 1556 году, когда еще лилася кровь на берегахъ Волги, когда мы воевали съ Швеціею и ждали впаденія Крымцевъ: учрежденіе равно достопамятное въ воинскомъ и гражданскомъ законодательствѣ Россіи. Опъ время Іоанна III чиновники Великокняжескіе и Дѣи Боярскіе награждались землями, но не всѣ: другимъ давали судное право въ городахъ и волостяхъ, чинобы они, въ званіи Намѣстниковъ, жили судными оброками и пошлинами, храня успройство, справедливостъ и безопасностъ общую. Многіе честно исполняли свой долгъ; многіе думали единствено о корысти: пѣснили и грабили жипелей. Непреспанная жалоба доходила до Государя: смѣнная чиновниковъ, ихъ судили, и слѣдствіемъ было то, что самыя невинныя разорялись

опть тяжбъ и ябеды (⁴⁹⁰). Чѣшобы искоре-
 вить зло, Иоаннь *отмѣнилъ судные платежи*,
 указавъ безденежно рѣшишь тяжбы избира-
 емыхъ Старосиамъ и Сотскими; а вмѣсто
 сей пошлины наложилъ общую дань на го-
 рода и волости, на промыслы и земли, со-
 бираемую въ казну Царскими Дьяками; чинов-
 никовъ же и Боярскихъ Дѣней всѣхъ безъ
 исключенія уравнивалъ или денежнымъ жало-
 ваньемъ или помѣстьями, сообразно съ ихъ
 достоинствомъ и заслугами; отнималъ у кѣ-
 торыхъ лишнюю землю и далъ немущимъ,
 уставивъ службу не только съ помѣстьевъ,
 но и съ вопчанъ Боярскихъ, шакъ чѣш вла-
 дѣлецъ сна чѣшвершей *угожей* земли долженъ
 былъ итти въ походъ на конь и въ досѣхъ,
 или вмѣсто себя выслать челоуѣка, или вне-
 сши уложенную за по цѣну въ казну. Же-
 лая приохотить людей къ службѣ, Иоаннь на-
 значилъ *всѣмъ* денежное жалованье во время
 похода и двойное Боярскимъ Дѣнямъ, копо-
 рые выславляли лицихъ ратниковъ сверхъ
 опредѣленнаго закономъ числа. Такимъ обра-
 зомъ, измѣривъ земли, узнали нашу силу во-
 инскую; дославивъ ратнымъ людямъ способъ
 жить безъ нужды въ мирное время и содер-
 жать себя въ походахъ, могли прѣбаванъ
 опть ихъ лучшей исправности и спроче
 наказывашъ лѣшнихъ, избѣгавшихъ службы.
 Съ сего времени, какъ говорятъ Лышоницы,
 число водновъ нашихъ несравненно умножи-
 досъ (⁴⁹¹). Имѣвъ подъ Казанью 150,000, Ю-

Г. 1557. аинь чрезъ нѣсколько лѣтъ могъ вывести въ поле уже *до трехъ сотъ тысячъ* ⁽⁴⁹²⁾ всадниковъ и пѣшихъ. Последніе, именуемые *Стрѣльцами* и вооруженные пищалями, избирались изъ волосатыхъ сельскихъ людей, составляли *безземную рать*, жили обыкновенно въ городахъ, и были преимущественно употребляемы для осады крѣпостей: учрежденіе приписываемое Іоанну, по крайней мѣрѣ имъ усовершенное ⁽⁴⁹³⁾. Хотя оно еще не могло вдругъ измѣнить нашего древняго, Азіатскаго образа войны, но уже сближало его съ Европейскимъ; давало болѣе твердости, болѣе усройства орудіямъ. — Прибавимъ къ сему неупоминанію Россіянъ, ихъ физическую окрѣпость въ трудахъ, навыкъ сносить недосыпнокъ, холодъ въ зимнихъ походахъ, — вообще опытность ратную; прибавимъ наконецъ необъяснимую нравственную силу Государства Самодержавнаго, движимаго единою мыслию, единымъ словомъ Вѣщеносца юнаго, бодрого, кѣснорый, по сказанію нашихъ и чужеземныхъ современниковъ, *жилъ только для подвиговъ войны и Вѣры* ⁽⁴⁹⁴⁾. Чего могли ожидать Ливонцы, имѣя дѣло съ такимъ непріятелемъ? погибели.

Всякое бореніе слабаго съ сильнымъ, возбуждая въ сердцахъ естественную жалость, склоняетъ насъ искать справедливости на сторонѣ перваго: но и Россійскіе и Ливонскіе Испорики ⁽⁴⁹⁵⁾ вѣняютъ Орденъ въ томъ, что онъ своимъ явнымъ недоброжелатель-

спвомъ, коварствомъ, обманомъ раздражилъ Иоанна, дѣйствуя по извинительному чувству нелюбви къ сосѣду опасному, но дѣйствуя неблагоразумно. Испинная Подлишка великъ бытъ другомъ, ежели итъ сила бытъ врагомъ; прамодушіе можетъ иногда усовершенить и власнолюбца, онинимая у него предлогъ законной мести: ибо не легко наглымъ образомъ проинпанть устави нравственности, и самая коварная или дерзкая Подлишка должна закрываться ея личиною. Иоаннъ, начпная войну Ливонскую, могъ тайно дѣйствовать по власнолюбію, раждаемому или инпаемому блестящими уснхами; однакожь могъ искренно увѣрять себя и другихъ въ своей справедливости, обязанный сею выгодю худому расчету Ливонскихъ Власнишелей, копорые, зная физическую силу Россіянъ, надѣялись ихъ проводить хипростию, Посольствами, учпивыми словами, льстивыми обѣщаніями, и навлекли на себя ужасное двадцати-чпиплѣтнее бѣдствіе, въ коемъ, среди развалинъ и могилъ, палъ вѣнхій Орденъ какъ упкое дерево.

Свѣдавъ о нашемъ вооруженіи, Магисперъ Фирстенбергъ и Дершпскій Епископъ требовали отъ Царя опасной грамоты для проѣзда въ Москву ихъ новыхъ Пословъ. Иоаннъ далъ грамоту; но гонцы Немецкіе видѣли у насъ вездѣ спрашныя пригпошвенія къ войнѣ: обозы съ рашными запасами или къ предѣламъ Ливоніи; вездѣ наводили мосты, учре-

ждали спяны, ямы, гостиницы по дорогѣ (496) — и въ исходѣ осени 1557 года уже сорокъ тысячъ воиновъ спояло на границѣ подь начальствомъ Шягъ-Алея, Боярь Глинскаго, Данила Романовича, Ивана Шереметева, Князей Серебряныхъ, Андрея Курбскаго и другихъ знанныхъ сановниковъ (497). Кромѣ Россіянъ, въ семь войскъ были Тапарты, Черемисы, Мордва, Ляпигорскіе Черкесы. Ждали только слова Государева, а Государь ждалъ Пословъ Ливонскихъ: они прѣхали съ богатыми дарами и съ краснорѣчіемъ (498): Иоаннъ не хопѣлъ ни того, ни другаго. Алексѣй Адашевъ и Дьякъ Иванъ Михайловъ, указывая имъ на договорную хартию, требовали дани. Согласились наконецъ, чинобы Дерптъ, вмѣсто поголовной, ежегодно присылалъ намъ тысячу Венгерскихъ золотыхъ, а Ливонія заплавила 45,000 ефимковъ за воинскія издержки. Написали договоръ; оспавалось исполнить его: но Послы объявили, чино съ ними пять денегъ. Тогда Государь, какъ иншунтъ, пригласилъ ихъ обѣдать во дворцѣ и велѣлъ подать имъ только *пустыя* блюда (499): они вснади изъ-за спюма голодные и поѣхали назадъ ни съ чѣмъ; а за ними войско наше, среди холодной, снѣжной зимы, 22 Генваря, съ огнемъ и мечемъ вснуило въ Ливонію. Не смотря на то, чино угрозы Иоанновы были ясны и приговоренія къ войнѣ давно извѣсны, Ливонскіе Власнинеи изумились, пируя въ сіе

Г. 1558.
Начало
войны Ливонской.

время на пышной свадьбѣ какого-то знатнаго Ревельскаго чиновника ⁽⁵⁰⁰⁾. Россіяне дѣлали, что хотѣли въ зѣмль, оставляя Нѣмцевъ сидѣть покойно въ городахъ укрѣпленныхъ. Князя Барбашинъ, Рышинъ, Давидо Федоровичъ Адашевъ громили Южную Ливонію на простираниивъ двухъ сотъ верстъ; выгнали посады Нейгауза, Киремше, Мариенбурга, Курелава, Ульцена ⁽⁵⁰¹⁾, и соединидь подѣ Дерпшомъ съ главными Воеводами, копорые взяли Алшеншуритъ и также на пуши своемъ все обратили въ пепель. Нѣмцы осмѣлились сдѣлать вылазку изъ Дершпа, конные и пѣше, въ числѣ пяти сотъ: ихъ побили на годову ⁽⁵⁰²⁾. Просиоявъ три дни въ виду сей важной крѣпости, Воеводы пошли къ Финскому Заливу, — другіе къ рѣкѣ Аа; еще разбили Нѣмцевъ близъ Везенберга; сожгли предѣсныя Фалькенау, Конгопы, Лакса, Пиркеля ⁽⁵⁰³⁾; были шодько въ пятидесяти верснахъ ошъ Риги, въ тридцати ошъ Ревеля, и въ концѣ Февраля возвратились къ Иванюгороду съ толпами цѣлниковъ, съ обозами богатой добычи, умерививъ множество людей. Нѣмецкіе Испорки говорятъ съ ужасомъ о свирѣпости Россіянь, жалуясь въ особености на шайки шакъ называемыхъ *охотниковъ*, *Новгородскихъ* и *Исковскихъ*, копорые, видя Ливонію беззащипною, вездѣ опустошали ея селенія, жестокоюю превосходя самыхъ Тангаръ и Черкесовъ, бывшихъ въ семь войскъ ⁽⁵⁰⁴⁾.

Г. 1558. Россіяне, посланные не для завоеванія, а единственно для разоренія земли, думали, что они исполняютъ долгъ свой, дѣлая ей какъ можно болѣе зла; и главный Полководецъ, Князь Михайло Глинскій, сколько любилъ корысть, что грабилъ даже въ области Псковской, надвѣясь на родственную милость Государеву, но ошибся: изъявивъ благоволеніе всѣмъ другимъ Воеводамъ, Юаннъ въ справедливомъ гнѣвѣ велѣлъ допрашивать съ него все, незаконно взятое имъ въ походъ (505).

Совершивъ казнь, Воеводы Московскіе написали къ Магистру, что Нѣмцы должны единственно винить самихъ себя, дерзнувъ играть святостию договоровъ; что если они хотѣютъ *исправиться*, то могутъ еще умилостивить Юанна смиреніемъ; что Царь Шигъ-Алей и Бояре готовы за нихъ ходатайствовать, изъ жалости къ бѣдной землѣ, дымящейся кровію. Ливонія дѣйствительно была въ жалосномъ состояніи: несчастные земледѣльцы, избѣжавшіе меча и пльна, не могли помѣститься въ городахъ, умирали отъ изнуренія силъ и холода среди лѣсовъ, на кладбищахъ; вездѣ воцѣлъ народный прѣбываль защиты или мира отъ Правителей, которые, на Сеймѣ въ Вендѣ долго разсуждавъ о лучшихъ мѣрахъ для ихъ спасенія, но гордо хваляся славою, мужествомъ предковъ, то съ ужасомъ воображая могущество Царя, рѣшились вновь исправить

Посольство въ Москву. Шигъ-Алей — коего Г. 1558. одни изъ Ливонскихъ Испориковъ имену ютъ свирѣнымъ кровопийцею, а другіе весьма умнымъ, скромнымъ человекомъ ⁽⁵⁰⁶⁾ — взялся склоняиъ Иоанна къ миру, дѣйсввуя конечно по данному ему отъ Государя наказу. Но Судьба хотѣла, чшобы Орденъ былъ жершвою неразумія своихъ чиновниковъ, и чшобы сильный Иоаннъ, шерзая слабую Ливонію, казался правымъ.

Ожидая Магистеровыхъ Пословъ, Государь вельдъ прекранишъ всѣ воинскія дѣйсвія до 24 Апрѣля ⁽⁵⁰⁷⁾. Наспалъ Ведскій посты: благочеспивые Россіяне спокойно говѣли и молились въ Иванъгородъ, ондѣ ляемомъ рѣкою отъ Нарвы, гдѣ Нѣмцы, новые Люперане, презирая успавы древней Вѣры, не считали за грѣхъ шированъ въ сіе время, и вдругъ, разгоряченные виномъ ⁽⁵⁰⁸⁾, начали ширѣяиъ въ Иванъгородъ. Тамощніе Воеводы, Князь Куракинъ и Бушурлинъ, извѣсшии о томъ Государя, которыи вельдъ имъ обороняиъся, и послалъ Князя Темкина, споявшаго въ Изборскѣ, воеванъ ближайшіе предѣлы Ливоніи, чшобы наказанъ Нѣмцевъ за ихъ вѣродомсшво. Темкинъ выжегъ села въ окреспносняхъ Валка; разбилъ опрядь непріятельскій, взялъ чепыре пушки, и возвратиися. Еще главная рашъ Московская не прогаласъ; но изъ Нарвы безпреспанно лепали ядра въ Иванъгородъ и били жищелей; а Нѣмцы Нарьскіе, какъ бы въ

Г. 1558. насмѣшку приказывали къ Иоанновымъ Воеводамъ: „не мы, но Фохнъ Орденскій „сирѣяеть; не можемъ унять его“ (509). Тогда Воеводы сами открыли сильную пальбу: ядра *огненные* и каменные осыпали Нарву въ печеніе недѣли; люди гибли; дома пылали, разрушались — и Нѣмцы, въ ужасъ забывъ гордость, пребывали пощады. Бургомисстры, Рашманы выѣхали къ Воеводамъ; объявили, что ни въ чемъ не прощиваются Иоанновой волю; умоляли ихъ прекратить сирѣябу; дали заложниковъ и послали въ Москву Денушановъ, Иоакима Крумгаузена и Арниша Фонъ-Дедена. Когда сіи Денушаны явились въ Кремлевскомъ дворцѣ, Окольныйчій Адашевъ и Дьякъ Михайловъ вышли къ нимъ отъ Государя и спросили, чего хощите они? *Быть, какъ мы были, отвѣтспивоваль умный Крумгаузенъ: не перемѣнять нашихъ законовъ; остаться городомъ Ливонскимъ; удовлетворить вѣсть инымъ требованіямъ Царя милостиваго.* „Нѣтъ!“ сказала Адашевъ: „мы „не смѣемъ довести ему о такихъ условіяхъ. „Вы дерзко нарушили перемиріе, сирѣяли „въ Россіянъ, и видя гибель надъ собою, „объявили, что готовы исполнить волю „Царя; а Царю угодно, чпобы вы немедле- „но прислали въ Москву своего Орденскаго „Власиштеля (Фохна Шнеденберга) и „сдали намъ городъ: за что Иоаннъ мило- „сннво обѣщаетъ не выводить васъ изъ „домовъ; не касаться ни лицъ, ни соб-

„спивенности, ни древнихъ нашихъ обычаевъ; „благости общее благоденствіе и свободу „торговли; однимъ словомъ, владыцъ Нар- „вою, какъ владыцъ сею сановники Орден- „скіе. Такъ, и не иначе!“ Дедушаны, заплакавъ, присягнули Россіи за себя и за всѣхъ согражданъ; были представлены Государю и получили отъ него жалованную грамоту. Великъ уведомилъ о томъ Нарвское Правительствѣ, Іоаннъ писалъ къ Воеводамъ, чинобы они берегли сей городъ, какъ Россійскій, отъ Магиспра.

Но все перемѣнилось въ Нарвѣ: ея легкомысленные граждане, узнавъ, что Магисперъ шлетъ къ нимъ 1000 воиновъ съ Командоромъ Ревельскимъ, ободрившись, забывши страхъ и послали сказать нашему главному Воеводѣ, что Дедушаны ихъ не имѣли власни преданъ обещанно Царю Московскому (510); а Командоръ, думая воспользоваться нечаянностію, хотѣлъ схватить Россійскую справку за рѣкою Нарвою: ударилъ — и бѣжалъ отъ первыхъ выспрыловъ (511). Вѣсть о новомъ вѣроломствѣ Нѣмцевъ дошла до Москвы почти въ одно время съ другою, радостною, совершенно неожиданною: съ вѣстію, что Нарва уже взята Россіянами!

Сіе происшествіе ославилось чудомъ. Раз- Взятіе
Нарвы. сказываютъ, что пьяные Нарвскіе Нѣмцы, увидѣвъ икону Богоматери въ одномъ домѣ, гдѣ жилали кунцы Псковскіе, бросили ее

Г. 1558. въ огонь, опъ коего вдругъ сдѣлался пожаръ (11 Мая) съ ужасною бурей. Россіяне изъ зарѣки увидѣли общее смяшеніе въ городѣ, и не слушаясь Воеводъ своихъ, уснаремились нуда: мно шьль въ лодкѣ, мно на бревнѣ или доскѣ⁽⁵¹²⁾; выскочили на беретъ и дружно прислушили къ Нарвѣ. Воеводы уже не могли бытъ праздными зрѣтелями, и сами повели къ нимъ оснальное войско. Въ нѣсколко минушь все рѣшилось: Головы Спрѣлецкіе съ Бояриномъ Алексѣемъ Басмановымъ и Давидомъ Адашевымъ (Окольникимъ, мужесивеннымъ браномъ любима Государева) вломились въ Русскія вороша, а Иванъ Бушурлинь въ Колыванскія; въ огнь и въ дыму рвали уснаренныхъ Нѣмцевъ, вогнали ихъ въ крѣпкій замокъ, называемый Вышегородомъ, и не дали имъ шамъ ономыишь: грома его изъ всѣхъ пушекъ, своихъ и взятыхъ въ Нарвѣ, разбивали стѣны, гонповили лѣсшшцы. Между шѣмъ два Командора, Феллинскій и Ревельскій, Кешлеръ и Зегегafenъ, съ сильною дружиною, пѣхоною, конницею и съ огнеспрѣльнымъ снарядомъ снаоли въ шрехъ милахъ опъ города, видѣли пожаръ, слышали палбу, и не двигались съ мѣсна, разсуждая, что крѣпость, имѣющая каменные стѣны и желѣзные вороша, должна безъ ихъ помощи опразинъ непришеля. Но къ вечеру замокъ сдался, съ условіемъ, чтобы побѣдители выпустили Фохша Шнедленберга, Нѣмецкихъ

воиновъ и жипелей, копорые захопявъ уда-
лисья. Вышли знатнѣйшіе иполько съ же-
нами и дѣтьми, оспавивъ намъ въ добычу
все свое имѣніе; другіе опшусили семей-
ства, а сами, вмѣстѣ съ народомъ, присяг-
нули Царю въ вѣрности. Россіане взяли 230
пушекъ и великое богатство; но, гася по-
жаръ, усердно и безкорыстно спасали до-
стоиніе пѣхъ жипелей, копорые сдѣлались
нашими подданными. — Сіе важное завоева-
ніе, давъ Россіи знаменитую купеческую
пристань; снотъ обрадовало Иоанна, что
онъ съ великою пышностію торжество-
валъ его въ Москвѣ и во всемъ Государствѣ;
наградилъ Воеводъ и воиновъ; милосриво
подтвердилъ жалованную грамоту, данную
Крумгаузену и Фонъ-Дедену, не смотря на
перемѣну обшояпельства; освободилъ всѣхъ
Нарвскихъ пльниковъ; указалъ опданъ соб-
ственностію всякому, кшо изъ вышедшихъ
жипелей Нарвы захочетъ возвратиться.
Архіепископъ Новгородскій долженъ былъ
немедленно опшравитъ шуда Архимандрипа
Юрьевского и Софійскаго Протоіеря, что-
бы оспавитъ мѣсно во имя Спасителя,
крестнымъ ходомъ и молебнами *огистить*
отъ Вѣры Латинской и Лютеровой, соору-
дитъ церковь въ замкѣ, другую въ городѣ, и
поспавитъ въ ней пу икону Богоматери,
опъ коей загорѣлась Нарва, и копорую на-
шли цѣлую въ пещѣ (513).

Въ сіе время прїѣхали наконецъ Послы
 Ливонскіе въ Москву, брагъ Магистра Фир-
 сшенберга, Оваторъ, и другіе чиновники
 (514), не съ данно, но съ моленіемъ, чинобы
 Государь уснушилъ ее земль разоренной.
 „Вся страна Дершпская“ — говорили они
 Боярамъ — „сненаенъ въ бѣдснвіи, и долго
 „не увидитъ дней счастливыхъ. Съ кого
 „требованъ даи? вы уже взяли ее своимъ
 „оружіемъ, — взяли въ десятиъ разъ болѣе. Виредъ
 „можемъ исправитъся, и тогда заплашъ мѣ
 „по договору.“ Государь опивъ: снвовалъ
 чрезъ Адашева: „Послъ всего, чино случи-
 „дось, могу ли еще слушатъ васъ? Кто въ-
 „ршишь въромнымъ? Мнѣ остаенъ только
 „исканъ управы мечемъ. Я завоевалъ Нарву
 „и буду пользоваться своимъ снспіемъ. Од-
 „накожь, не любя кровопролитія, еще пред-
 „лагаю средснво уннать его: пуснъ Маги-
 „снеръ, Архіепископъ Рижскій, Епископъ
 „Дершпскій лич о ударнать мнѣ челомъ, за-
 „плашатъ давъ со *всеп Ливоніи*, и виредъ
 „повннующся мнѣ какъ Цари Казанскіе, Ас-
 „траханскіе и другіе знаменитые Владвпе-
 „ли: или я силою возьму Ливонію“ (515). По-
 слы ужаснулись, и сказавъ: „видимъ, чино
 „намъ здѣсь не буденъ, двла“, просили оп-
 пуска, которій и дали имъ немедленно. Хо-
 тн Магиснеръ и Епископъ Дершпскій, по-
 раженные судьбою Нарвы, уже гошновы бы-
 ли заплашитъ намъ 60,000 ефпмковъ; хотн,
 не безъ усилія, собрали и деньги (516): но вре-

ия прошло: Государь прѣбывалъ уже не да- Г. 1558.
ни Юрьевской, а подданства всей земли. На-
чалась иная война, и Россіяне, снова вспу-
шивъ въ Ливонію, не довольствовались ея
разореніемъ. Они хопили городовъ и поспо-
лняго владычества надъ нею.

25 Мая Князь Федоръ Гроекуровъ и Дани-
ло Адашевъ осадили Нейшлось, а 6 Июня Завоева-
ніе Ней-
шлось,
Адежа,
Нейгауза.
взяли на договоръ. Таможній Фохтъ вышелъ
изъ крѣпости съ немногими людьми и съ пу-
шными руками, отдавъ все оружіе и доспоя-
ніе побѣдителямъ. Живели города и всего
Узда (въ длину на 60, а въ ширину на 40
и 50 верстъ) Лапыши и самые Нѣмцы при-
знали себя подданными Россіи, шакъ, чпо
берега озера Чудскаго и рѣка Нарова, оны ея
верховья до моря, заключились въ нашихъ
владѣніяхъ. Государь, пославъ къ Воеводамъ
золотыя медали, велѣлъ исправить памъ
укрѣпленія и соорудить церковь во имя Св.
Иларіона: ибо въ день его памяти сдася
Нейшлось. Живели Узда и городка Адежска-
го добровольно присягнули Іоанну, вмѣстѣ
съ пѣкпорыми сосѣдственными Везенберг-
скими волостями, и выдали Россіянамъ все
казенное имѣніе, пушки, запасы ⁽⁵¹⁷⁾.

Главная сила, подъ начальствомъ многихъ
знашкихъ Воеводъ, Князей Пепра Шуйска-
го, Василія Серебрянаго, Андрея Курбскаго,
шла къ Дерпту ⁽⁵¹⁸⁾. Прѣжде надлежало
взять Нейгаузъ, городъ весьма крѣпкій, гдѣ
не было ни двухъ сотъ воиновъ, но былъ

Г. 1558. Вишнякъ Орденскій, Укскуль Фонъ-Паденормъ, коннорый, вооруживъ и граждавъ и земледельцевъ, около мѣсяца мужеспвенно пронивидѣся многочисленному войску. Съ симъ Геро емъ Пѣмцы, по выраженію нашего Ливонисца, *сидѣли на смерть*: бились ошчаянно, неушомимо, и заслужили удивленіе Московскихъ Полководцевъ. Сбивъ стѣны, башни, Россія не вошли въ городъ: Укскуль ошсшунилъ въ замокъ съ горсншо людей и хотѣлъ умереть въ послѣдней его развалинѣ; но сподвижники объявили ему, что не имѣюшь болѣе силъ — и Воеводы, изъ уваженія къ храброму бросни, дозволили имъ выйши *съ гестію* ⁽⁵¹⁹⁾. Сей примѣръ доказывалъ, что Ливонія, ограждаемая многими крѣпостями и богатая снарядомъ огнеспрѣльнымъ, могла бы весьма затруднишь успѣхи Иоанкова оружія, если бы другіе защитники ея, хотя и малочисленные, имѣли духъ Укскулевъ, а граждане добродѣпель Тилеву, одного изъ Бургомисировъ Дерпнскихъ, коннорый, въ шогдашнемъ собраніи Земскихъ Чиновъ сильно и протаметельно изобразивъ бѣдешвіе ошечеснва, сказаль: „Насшало время жерншвъ или погибелн: „лншнмся всего, да спасемъ чеснш и свободу нашу; принесемъ въ казну свое золото и серебро; не ошнавнмъ у себя ничего драгоцѣннаго, ни сосуда, ни украшенія; дадимъ Правншешельству способъ нананш войско, куншнш дружбу и защиту Державъ „сосѣдешвенныхъ!“ Но убѣжденія и слезы

50 Июля.
Великодушіе
Дерпншскаго
Бургомисира.

великодушнаго мужа не произвели никакого Г. 1558.
дѣйствія: его слушали и молчали (520)!

Во время осады Нейгауза Магисперъ Фирс-
шенбергъ, Коммандоры и самъ Епископъ
Дершнскій съ 8000 воиновъ (521) неподвижно
стояли въ тринадцати верстахъ отсюда, за
Двиною и вязкими болотами, въ мѣсяцъ не-
приснушномъ, и не сдѣлали ничего для спа-
сенія крѣпости; узнавъ же, что она сдава-
ется, зажгли сѣмь своей и городокъ Киремие,
гдѣ находилось множество всякихъ прина-
совъ; сѣвши удалились, бѣжали день и ночь,
Магисперъ къ Валку, а Епископъ къ Дершну,
гонимые нашими Воеводами, которые за
30 верстъ отъ Дершпа наснили и раз-
били Епископа, взяли его чиновниковъ въ
плѣнь, весь обозъ и снаряды. Магисперъ, из-
бравъ крѣпкое мѣсто близъ Валка, остано-
вился: Воеводы велѣли передовой дружинѣ
вспушить съ нимъ въ битву, а сами начали
обходить его и принудили бѣжать далѣе къ
Вендену, такъ скоро и въ такой жаръ, что
люди и лошади издыхали отъ усталости.
Россіяне испребили весь задній отрядъ Фир-
шенберговъ, едва не схвативъ знаменитѣй-
шаго изъ Коммандоровъ, Гонгарда Кеплера,
подъ коимъ въ семь дѣлъ упала лошадь. Обозъ
Магисперовъ былъ нашею добычею, и Во-
еводы, извѣстивъ Государя, что неприятель
уже пѣтъ въ полѣ, обратились къ Дершпу (522).

Въ сихъ для Ордена ужасныхъ обстоятель-
ствахъ спарець Фиршенбергъ сложилъ съ

Бѣгство
Магисперъ

Г. 1558. себя достоинство Магистра, и юный Кеш-
 леръ, повинувъсь Чинамъ, принялъ его со сле-
 зами ⁽⁵²³⁾. Славясь опидичнымъ умомъ и швер-
 достию характера, онъ вселялъ надежду въ
 другихъ, но самъ имѣлъ весьма слабую, и поль-
 ко изъ великодушія согласился бытъ — по-
 слѣднимъ Магистромъ издыхающаго Ордена!
 Чтобы упопрести въ всевозможныя средства
 спасенія, Кешлеръ ревностно старался вос-
 пламенитъ хладныя сердца любовью къ опе-
 чешву, заклиналъ сановниковъ дѣйствовати
 единодушно, не жалѣти ни достоянія, ни
 жизни для блага общаго; собиралъ деньги и
 людей; претовалъ защиты отъ Императора,
 Короля Датскаго, Шведскаго, Польскаго;
 писалъ и къ Царю, моля его о мирѣ: но не
 видалъ желаемаго успѣха. Раздоръ, взаимныя
 подозрѣнія Ливонскихъ Власпинелей мѣшали
 всемъ добрымъ намѣреніямъ Магистра. Хо-
 тѣли спасенія, но безъ жернивъ, торжествен-
 но доказывая, что богатые люди не обязаны
 разоряеться для онаго ⁽⁵²⁴⁾—и Кешлеръ могъ
 единственно займомъ напомнитъ пустую
 казну Ордена для необходимыхъ, воинскихъ
 издержекъ. Помощи внѣшней не было. Им-
 ператоръ Карль V, обнимавшій взоромъ сво-
 имъ всю Европу, уже оставилъ тогда ко-
 роны и престолы; какъ впорый Діоклетианъ
 удалился отъ міра, споль долго волнуемаго
 его власнолюбіемъ, и хотѣлъ въ пустыни
 удивитъ людей особеннымъ родомъ славы,
 рѣдкой, но не дешевоуспешной: славы казанъ-

Новый
 Глава Ор-
 дена.

ся выше земнаго величія. Новый Императоръ Г. 1558. Фердинандъ ссорился съ Царюю, мириль Германію, опасался Турковъ, и только жалель о бѣдной Ливоніи; другіе Государи довольствовались обещаніемъ склонить Іоанна къ миролюбію; а Царь обвинял Кенлеру: „жду тебя въ Москвѣ, и смотри по твоему „челобитію, изъяслю милость“ (525). Сія милость казалась Магистру послѣднимъ изъ возможныхъ бѣдешій для Державнаго Ливонскаго Рыцарства: онъ лучше хотѣлъ погибнуть съ честью, нежели съ униженіемъ безполезнымъ.

Воеводы Іоанновы не теряли времени: взявъ Взятіе Киренне, Курславъ и крѣпкій замокъ Вер-Дерпна и бекъ на Эбахъ (526), всѣми силами приступили многихъ къ Дерпну, славному богатствомъ жителей другихъ и многими обществеными, благотворительными городовъ. заведеніями. Кромѣ вооруженныхъ гражданъ, голповыхъ спованъ за честь и вольность, двѣ тысячи наемныхъ Нѣмцевъ (527) были защитниками сего важнаго, искусно укрѣпленнаго мѣста, подъ главнымъ начальствомъ Епископа, Германа Вейланда, который хвалился болѣе воинскою доблестію, нежели смиренною набожностію Христіанскаго Папшья. Шестъ дней продолжались битвы жестокия и достойныя мужей Рыцарскихъ, какъ пишетъ Воевода Курбскій, очевидецъ и правдивый судія дѣлъ рашныхъ. Но превосходная сила одолѣвала: вылазки дорогою еноидомъ осажденнымъ, и Россіяне, пользуясь гу-

Г. 1558. спымъ шуманомъ, заперли городъ со всѣхъ сторонъ шурами, вели подкопы, снавили бойницы, разрушали спѣны палубою, предлагая жипелямъ самыя выгодныя условия, если они сдадутся. Епископъ не хотѣлъ сперва слышать о переговорахъ: но Магистрантъ донесъ ему, что городъ не въ силахъ обороняться долго; что многіе изъ воиновъ и гражданъ пали въ вылазкахъ, или больны, или опъ усталосни едва двѣснвуютъ оружіемъ; что пушки нецрѣапельскія, вредя спѣнамъ, бьютъ людей и въ улицахъ. Послали тайныхъ вѣспниковъ къ Магистру: они возвратились благополучно. Магистеръ писалъ, что Орденъ нанимаетъ воиновъ и молился о спасеніи Дершпа!

Главный Воевода Іоанновъ, Князь Петръ Ивановичъ Шуйскій, былъ, по сказанію современнаго Ливонскаго Испорика ⁽⁵²⁸⁾, мужъ добродюбивый, честный, благородный душою. Совершивъ подкопы и приканивъ туры къ самымъ спѣнамъ, онъ велѣлъ объявить съ барабаннымъ боемъ, что дасть жипелямъ два дни на размышленіе, а въ прешій возьметъ Дершпъ приспупомъ; что Іоаннъ поржеспвенно обѣщаетъ имъ милость, свободу Вѣры, цѣлоснѣ ихъ древнихъ правъ и законовъ; что всякой можетъ безопасно выѣхать изъ города и безопасно возвратиться. Тогда Магистрантъ и граждане единодушно сказали Епископу: „Мы гошовы умереть, гошовы „обороняться, пока еспъ у насъ блюдо на

„столь и ложка въ рукахъ, если упорство Г. 1558.
 „наше будетъ доспохвальнымъ мужествомъ,
 „а не безсмысленною дерзостію; но благора-
 „зумно ли отвергать великодушныя пред-
 „ложенія Царя, когда въ самомъ дѣлѣ не
 „имѣемъ силъ ему противиться?“ Тоже го-
 „ворили и войны Нѣмецкіе, требуя опту-
 „ска и свидѣтельства въ оказанной ими вер-
 „ности; поже и Священники Римской Вѣры,
 „опасаясь упрямствомъ раздражить непріятеля.
 „Епископъ согласился. Написали слѣдую-
 „щія условія: „1) Государь даеть Епископу
 „монастырь Фалькенау съ принадлежащими
 „къ оному волостями, домъ и садъ въ Дерп-
 „тѣ; 2) подъ его ведомствомъ будутъ Ду-
 „ховенство и церкви Лапинскія съ ихъ до-
 „спояніемъ; 3) Дворяне, желающіе быть под-
 „данными Россіи, спокойно владѣютъ своими
 „замками и землями; 4) Нѣмецкіе рапники
 „выдутъ изъ города съ оружіемъ и съ пожит-
 „ками; 5) въ печеніе двѣнадцати дней вся-
 „кой Дерптинскій житель воленъ вхашъ, ку-
 „да хочетъ; 6) Исповданіе Аугсбургское
 „ослаблено главнымъ и безъ всякихъ пере-
 „мѣнъ; 7) Магистрантъ Нѣмецкій всѣмъ управ-
 „ляетъ, какъ было, не лишаясь ни правъ,
 „ни доходовъ своихъ; 8) купцы свободно и
 „безъ пошлинъ торгуютъ съ Германіею и
 „съ Россіею; 9) не выводитъ никого изъ
 „Дерптинской въ Московскія области; 10)
 „кто захочетъ переселиться въ другую
 „землю, можетъ взять или продать имѣніе;

Г. 1558. „1) граждане свободны отъ рапнаго по-
 „стоя; 12) все преснушенія, самыя госу-
 „дарственныя, даже оскорбленіе Царскаго
 „Величества, судящяся чиновниками Маги-
 „сипрапа; 13) новыя граждане присягають
 „Царю и Магисипрапу“ (529). Благоразумный
 Шуйскій, уполномоченный Иоанномъ, не оп-
 вергнулъ ни одной спашы, руководствуясь
 не только человеколюбіемъ, но и Полити-
 кою: надлежало милосіію, свисхожденіемъ,
 духомъ умѣренности ослабить ненависть
 Ливонцевъ къ Россіи, и нѣмъ облегчить
 для насъ завоеваніе земли ихъ.

Когда уже все условія были одобрены побѣ-
 дшелемъ, и когда надлежало только скрѣ-
 пить оныя печатями, спарець Аншонъ
 Тиле, добродѣтельный Бургондсиръ Дерши-
 скій, еще выснупилъ изъ безмолвнаго круга
 унылыхъ сановниковъ. „Свѣплѣйшій Князь и
 „Государь!“ сказалъ онъ Епископу: „если
 „кто-нибудь думаетъ, что Дершиль можно
 „спасши оружіемъ и битвою, да явится!
 „Иду съ нимъ, и мы вмѣстѣ положимъ свои
 „голови за опечесшво“ (530)! Сія рѣчь,
 видъ, голось спарца произвели сильное
 впечатлѣніе. Епископъ опшѣлспшвовалъ:
 „Мужъ достойный! никто изъ насъ не за-
 „служиваетъ имени малодушнаго: усну-
 „паемъ необходимости.“— 18 Юля Дершиль
 сдался. Желая сдѣлать все возможное въ
 пользу несчастныхъ, Князь Шуйскій поста-
 вилъ спражу у воропъ и не велѣлъ пускать

Россіяны въ городъ, чѣобы жипелы спокой- Г. 1538.
но укладывались и выѣзжали; оберегаль ихъ
въ пуши; даваль имъ проводниковъ до мѣснъ
безопасныхъ. Епископа опшуснили въ Фаль-
кенау съ двумя снами онборныхъ Москов-
скихъ всадниковъ.

Когда все зашхло въ городъ, Денушаны
Матиспранша вручили Шуйскому ключи онъ
крѣпости. Онъ съль на коня и шоржесиве-
но вснушилъ въ городъ. Впереди вхаль млад-
шій Воевода, держа въ рукъ знамя мира ⁽⁵³⁰⁾;
за нимъ Шуйскій, окруженный Денушанами
и Канониками. На улицахъ въ два ряда сно-
яли Государевы Дѣши Боярскіе. Уже народъ
не спрашлся побѣдшелей и съ любовнш-
спвомъ смонрѣль на ихъ мирное, спрой-
ное шесшвіе; самыя жены не шранались. Ма-
тиспраншъ поднесъ Шуйскому золоную ча-
шу ⁽⁵³²⁾. Сей умный Кнзъ, изъявивъ благо-
дарность, сказалъ, чшо „его жшлщце и слухъ
будунъ опшверсны для всякаго; чшо онъ
пршшелъ казншль злодѣвъ и благошворшль
добрышъ“ — ласково звалъ къ себѣ обѣдшль
Дершшскихъ чшновниковъ и Спаршшшшъ,
даль имъ въ замкъ великолѣннш шрь, и
своимъ шршвшлшвымъ обшходеніемъ заслу-
жшль любовь обшую. — Россіане взяли въ
Дершшъ 552 пушки, шакже не мало богаш-
спва казеннаго и часшнаго, опшавленнаго
шшми жшпелами, коншорые выѣхали въ Ршгу,
въ Ревель, въ Феллшнъ ⁽⁵³³⁾. Государь шшвер-
дшль договоръ заключенный Воеводами; но

Г. 1558. вельдъ Епископу Герману и знапнѣйшимъ Дерптскимъ сановникамъ бысть въ Москву. Сей бывший Державный Епископъ, проклинаемый въ опечеснѣ за мнимую измѣну, уже не выхалъ изъ Россіи и кончилъ дни свои въ горесни, слыша, что друзей и слугъ его, обвиняемыхъ въ тайномъ согласіи съ неприятелемъ, пынають, казнятъ въ Ливоніи: чѣмъ Орденскіе Властители хотѣли закрыть свою слабость, увѣряя народъ, что одна измѣна причиною нашихъ выгодъ!

Но сія жестокость не затруднила успѣховъ для могущесива, соединеннаго съ благоразуміемъ. Примѣръ Дерпта доказывалъ, что Іоаннъ умевенъ щадитъ побѣжденныхъ: Шуйскій писалъ оппуда ко всемъ традиональнымъ Ливонскимъ, пребывалъ поддансива, общалъ, грозилъ ⁽⁵³⁴⁾ — и крѣпости Везенбергъ, Ппркель, Лапсъ, Обершадель, Рингенъ или Тушинъ, Ацель, сдалися нашимъ Воеводамъ, конорые вездѣ мирно выпускали Орденскихъ Властителей, довольствовались присягою жипелей и не касались ихъ собственности; но все предавали огню и мечу въ областіяхъ непокорныхъ: въ Феллинской, Ревельской, Венденской, Шваненбургской; сожгли посадъ Виннипешейна, гдѣ начальствовалъ юный мужественный Рыцарь, Каспаръ фонъ-Ольденбокъ ⁽⁵³⁵⁾; разбили Нѣмцевъ въ полѣ, близъ Вендена и Шваненбурга; ильнили двухъ знашнихъ чиновниковъ; взяли всего *двадцать* городовъ ⁽⁵³⁶⁾, и въ каждомъ

оставивъ нужные запасы, охранное войско, Г. 1558.
 въ концѣ Сентября прѣхали къ Государю. Онъ былъ въ Троицкой Лаврѣ: вспрѣвниль ихъ съ милоснію и веселіемъ; обиччалъ, славилъ за ревностную службу; вѣснѣ съ ними молился, благодарилъ Бога, и повхаль въ Александровскую слободу, гдѣ изъ собственнѣныхъ рукъ жаловаль имъ шубы, кубки, доспѣхи; велѣлъ выбиратьъ любыхъ изъ коней Царскихъ, и сверхъ того далъ богатыи номѣсныя, а Двѣнямъ Боярскимъ земли и маяпноснн въ завоеванной Ливоніи, чѣобы они пѣмъ усерднѣ берегли оную ⁽⁶³⁷⁾.

Новые начальники, присланные шуда изъ Москвы, Князя Дмишрїй Курляпѣвъ и Михайло Рыпннн, были менѣ счастливы: хопя завоевали еще городокъ Кавелехпъ, сожгли Верноль и побили Шмцевъ въ самомъ предмѣснїи Ревеля ⁽⁵³⁸⁾; но Магиснеръ и Воевода Архіепскаго Рижскаго, Фелькерзамъ, собравъ болѣе десятии тысячъ ратниковъ ⁽⁵³⁹⁾, осадили Рингенъ въ виду нашихъ полковъ и взяли сію крѣпость, не смолпя на мужество ея защитника, Головы Спрѣлецкаго, Русина - Игнанъева, который съ двумя или шремя спами воиновъ держался въ ней около пятии недель, опразилъ два приспуна, и не имѣлъ уже паконецъ ни фунна пороху ⁽⁵⁴⁰⁾. Воеводы Гоанновы оправдывались крѣпостію Нѣмецкаго спана, ушомленіемъ своей рати, и хвалились побѣдою, одержанною ими надъ брашомъ Магиснеръ
 б е р е ш ь
 Рингенъ.

Г. 1558. спировымъ, Иоанномъ Кеплеромъ, коего они
 цѣнили вѣснѣ съ двумя силами шестиде-
 сатию Нѣмцами между Рингеномъ и Дерп-
 номъ; но Магистеръ самъ началъ на нихъ,
 снапалъ дружину Князя Рышнина ⁽⁵⁴¹⁾, и
 могъ бы опнянѣ у насъ Дерпнѣ, гдѣ осна-
 валось мало ранишковъ, а жилили знашнѣй-
 шіе пайно звали его къ себѣ. Къ счастію
 нашему, упружденные Нѣмцы хотѣли он-
 дохновенія. Число ихъ уменьшилось до ше-
 ссти тысячъ. Зная, что Полководцы Мос-
 ковскіе ждуть вспоможенія и любящъ вое-
 вать зимою, Магистеръ въ исходѣ Октябрю
 ушелъ назадъ, безчеловѣчно умертвивъ всѣхъ
 Россіянъ, взятыхъ имъ въ Рингенъ ⁽⁵⁴²⁾; а мы
 снова заняли сей городъ. — Въ то же время
 непріятель опъ Лужи, Резницы и Валка пре-
 возжилъ набѣгами Шековскую область: сжегъ
 предмѣстіе Краснаго, монастырь Св. Нико-
 лая близъ Себежа и множество сель ⁽⁵⁴³⁾.

Недовольный Курляшевымъ и Рышнинымъ,
 Государь въ Декабрь мѣсяцъ послалъ въ Ли-
 вонію мужескивенныхъ Воеводъ, Князей Си-
 меона Микулинскаго, Василія и Петра Се-
 ребрянныхъ, Ивана Шереметева, Михайла Мо-
 розова, Царевича Тохтамыша, Князей Черкес-
 скихъ и войско сильное ⁽⁵⁴⁴⁾, чинобы ипни пря-
 мо къ Ригѣ, опуспоиннѣ землю, испреблянѣ
 непріятеля въ полѣ. Гошовые начашъ кро-
 вопролиніе, они писали къ Магистру, чино
 опъ него зависнѣ война и ширь; чино Ио-
 аннѣ еще можешъ просннѣ, если Нѣмцы

изъявлять покорность. Опьвна не было. 17
 Генваря Россіане вступили въ Ливонію: опь
 городка Краснаго, захвативъ проспранспво
 сна верспь или болъе, шли на Маріенбургъ,
 и близъ Тирсина вепрынили Ньмцевъ, конь
 предводилешельствоваль Фелькерзамъ. Туниъ
 былъ одинъ Князь Васидій Серебряный съ
 своею дружиною. Непрїанпель оказалъ муже-
 спво: знапнїише випязи Ордена и чпнов-
 никки Архіепскона Рижскаго спояли въ ря-
 дахъ. Храбрый Фелькерзамъ и чепырестна
 Ньмцевъ пали въ бишвъ. Канцлеръ Архіепш-
 сконовъ и придцашъ лучшпхъ Дворянъ нахо-
 дились въ числѣ пльнниковъ (545); оспальные
 разспялись, и Князь Серебряный опкрыль
 безопасный пуниъ войску до самаго моря. Зима
 была жеспкокая. Не занимаясь осадою боль-
 шпхъ крпнспей, Вендена, Риги, Воеводы
 подспунали единспвенно къ маленькимъ го-
 родкамъ: Ньмци уходили изъ нихъ. Одинъ
 Шмилъпенъ не сдавался: Козаки наши раз-
 били домами каменную спвну его и долго
 рвзались въ улицахъ съ опчаланнымъ непрїа-
 пелемъ (546). Россіане брали пушки, коло-
 кола, запасы; предавали огню все, чего не
 могли взять съ собою; испребили пшакимъ
 образомъ одиннадцашъ городовъ; при дни
 спояли подъ Ригю, сожгли множеспво ко-
 раблей въ устпъ Двины, опуспошили ея бе-
 рега, приморскую землю, Курляндію до Прус-
 сіи и Лишвы; обогатились добычею, и съ
 несмшнымъ числомъ пльнниковъ вышли, 17

г. 1559.
 Россіане
 опуспо-
 шаютъ
 Ливонію
 и Курлян-
 дію.

Г. 1559. Февраля, къ Опочкѣ, извѣстивъ Іоанна, что
ранѣ его цѣла, а Ливонія въ цѣлѣ!

Наконецъ явились ходапай за сію несчаст-
ную землю. Мы оставили Короля Августа
гонимого къ твердому миру и союзу съ Рос-
сіею прошивъ Хана ⁽⁵⁴⁷⁾: для чего въ Мар-
тѣ 1559 года прибыли въ Москву Послы
Линовскіе. Начали говорить о мирѣ: Іоаннъ
хотѣлъ, чтобы объ Державы владѣли без-
спорно, чѣмъ владѣютъ; но Августъ въ
первомъ словѣ пребоавль Смоленска! Сего
мало: онъ предписывалъ намъ не воевать
Ливоніи, будно бы оижданной ему Импера-
торомъ и Германскими Чинами! Іоаннъ
велѣлъ Посламъ вхавъ назадъ, сказавъ: „Вижу,
„что Король перемѣнилъ свои мысли: да
„будетъ, какъ ему угодно! Ливонцы супъ
„древніе данники Россіи, а не ваши: я
„наказываю ихъ за невѣрность, обманы,
„торговля вины и разореніе церквей.“ По-
слы увхали. Государь не согласился заклю-
чить и новаго перемирія съ Ливною; общалъ
ся только не нарушать спараго (до 1562
года), если Король будетъ давать лучшую
управу Россіянамъ, обижаемымъ его поддан-
ными ⁽⁵⁴⁸⁾. — Однимъ словомъ, ясно было,
что война Ливонская произведетъ Линов-
скую. Августъ думалъ не о томъ, чтобы
великодушно спасти венхій, слабый Орденъ,
но чтобы не оиданъ его богатыхъ владѣ-
ній Іоанну, а взялъ себѣ, если можно.
Желаніе весьма естественное въ тогдаш-

За Ливо-
ню ходи-
найшну-
юнь Ко-
роля
Польскій
Шведскій
в Д а п-
ск і и.

нихъ обспояпельспвахъ Ордена; Липвы и Россіи — весьма согласное съ благоразуміемъ Подписки, коіюрая осудила бы безпечноснсь сего Монарха, если бы онъ не упопробиль всѣхъ способовъ испоргнушь Ливоніи изъ рукъ Царя. Надлежало только имѣть рѣшипельноснсь и швердоснсь: чего недоснавало Августу. Онъ шель на войну, и хотѣль удалитъ ее; смѣло воображалъ оную впереди, ужасаясь мысли обнажитъ мечъ немедленно.

Гораздо болѣе равнодушія, гораздо менѣ ревноснсь оказываль другой заступникъ Ордена: спарець Гуснавь Ваза. Тщепно хотѣль прошивитъся власполубію Россіи соединенными силами Державъ Сѣверныхъ — видѣль, что Августъ и Магистеръ не думали помогать ему въ войнѣ съ Іоанномъ, ограничиваясь единспвенно нусными увѣреніями въ доброжелательствѣ — Гуснавь писалъ къ Царю: „Не указываю шебѣ въ „дѣлахъ швоихъ; не шребую, но только въ „угодноснсь Императору Фердинанду молю „шебя; какъ великодушнаго сосѣда, даро- „ванъ миръ Ливоніи, изъ жалоснсь къ чело- „вѣчешву и для общей пользы Хрисіан- „спва. Я самъ не могу хвалитъся искреннимъ „дружеспвомъ и чеспноснсію Ливонцевъ: „знаю ихъ по опыту! Если хочешь, то на- „пишу къ нимъ, что они должны наснсь къ „ногамъ швоимъ съ раскаяніемъ и смирені- „емъ (549). Уймешь ли кровопролитіе, или

Г. 1559. „нѣтъ, во всякомъ случаѣ буду свято хра-
 „нить заключенный договоръ съ Россіею и
 „чтить высоко свою дружбу.“ Іоаннъ
 благодарилъ Густава за доброе расположеніе;
 извѣщая причину войны, и сказала: „если
 „не имѣешь особеннаго желанія вступаться
 „въ дѣла Ливоніи, то нѣтъ тебѣ нужды
 „писанъ къ Магистру: я самъ найду спо-
 „собъ образумить его.“

Грешнымъ ходатаемъ былъ Король Даш-
 скій, Фридерикъ II. Эстонія, какъ извѣсно,
 принадлежала некогда его предкамъ (550).
 Тѣснимая Іоанномъ, и видя, что Орденъ
 не можетъ спасти ее, сія земля искала за-
 щиты отца Фридерикова, Христиана III.
 Ревель, вся Гаррія и Вирландія извѣстили
 ему желаніе быть снова у него въ поддан-
 ствѣ. Но Христианъ, уже старѣй и близкій
 къ концу, отвѣчалъ равнодушно: „Мнѣ
 „трудно править и своими землями: благо-
 „разумно ли искать еще новыхъ и за нихъ
 „сражаться?“ Однакожь далъ Эстоніи нѣ-
 сколько тысячъ гульденовъ, нѣсколько пу-
 шекъ, и назначилъ Посольство въ Мос-
 кву; между тѣмъ умеръ (551). Имѣя болѣе
 властолюбія и дѣятельности, сынъ его
 желалъ возвратить Даніи сію немаловажную
 обласнь: писалъ къ Магистру, къ Епископу
 Ревельскому, къ Дворянству Эстонскому;
 обещалъ имъ не только ходатайство, но
 и войско въ случаѣ нужды; далъ Посламъ
 своимъ наставленіе и велѣлъ имъ съйти

въ Москву. Уже болѣе сорока лѣтъ мы не имѣли никакого сношенія съ симъ Королевствомъ: Фридерикъ I и Хрисіанъ III считали бесполезнымъ союзъ Россіи, споль уважаемый Хрисіаномъ II, другомъ Василія Іоанновича. Самыя торговыя связи прервались между Коненгагеномъ и Новымъ городомъ. Увѣдомивъ Іоанна, какъ *добраго, любезнаго сосѣда* о своемъ восшествіи на престолю, изъявивъ ревностное желаніе быти ему другомъ и возстановити торговлю съ нами, уничтоженную *смутными обстоятельствами линувшихъ временъ*, Фридерикъ убѣдительно просилъ, чибобы онъ не превозилъ Эспоніи, издревле обласни Данской, *только на время поругенной Магистру*, и чибобы, благосклонно уваживъ безкорыстное его (Фридериково) ходатайство, даровалъ миръ и самому Ордену (552). Адашевъ *именемъ Царя* сказалъ Посламъ: „Мы со вниманіемъ слушали ваши рѣчи; чинали грамоны писанныя Государями Россійскими къ Данскимъ и Данскими къ Россійскимъ; видѣли ихъ любовь взаимную; видѣли, чпо подданные обѣихъ Державъ свободно и выгодно торговали другъ съ другомъ. Если Король желаетъ возобновити сію счастливую дружбу, то и мы искренно расположены къ оной. Но удивляемся, чпо онъ находитъ Данскія владѣнія въ шой землѣ, кошорая уже шесть сотъ лѣтъ принадлежитъ Россіи. Ве-

Г. 1559. „ликій Князь Георгій Владиміровичъ, именуе-
 „мый Ярославомъ, завосвалъ Ливонію, оспо-
 „валъ городъ Юрьевъ. поспиронилъ намъ церкви
 Г о а н н ь „Греческія, обложилъ всю землю данію— и съ
 даеиъ пт- „шого времени она не бывала досповаишемъ
 ремиріе „инныхъ Государей. Знаю, что ея жинели
 Ливоніи. „безъ вѣдома Россіи взяли-было къ себѣ двухъ
 „Королевичей Данскихъ; но предки мои ка-
 „знили ихъ за сію вину огнемъ и мечемъ, а
 „Королевичей выслалъ; казнили и вшорично,
 „свѣдавъ, что Ливонцы тайно признали надъ
 „собою мнимую власиъ Римскаго Цесаря.
 „Если Фридерикъ не знаешь сего, шо мы ве-
 „димъ явишь вамъ древніе договоры Ордена
 „съ Намѣстниками Новгородскими: чшпай-
 „те и разумѣте истину сказаннаго нами!
 „. . . Было время, когда мы, сироніспвуя
 „во младенчестнѣ, не могли зацшпшишь правъ
 „своихъ: враги ликовали, пѣснили, губили
 „Россію. Тогда и Магисперъ и Епископы
 „Ливонскіе не захопѣли планшпшь намъ да-
 „ни: брали ее съ земледѣлцевъ, съ городовъ,
 „но для себя“ Описавъ вниы ихъ, Го-
 „сударь продолжалъ: „И шакъ да не всшупаеш-
 „ся Фридерикъ въ Эстонію. Его земля Да-
 „нія и Норвегія, а другихъ не вѣдаемъ. Ко-
 „гда же хочеть добра Ливоніи, да совѣ-
 „шуетъ ея Магиспру и Епископамъ лично
 „явишься въ Москвъ предъ нами: шогда, изъ
 „особеннаго уваженія къ Королю, дадимъ имъ
 „миръ согласный съ честію и пользою Рос-
 „сіи. Назначаемъ срокъ: шесшь мѣсяцевъ Ли-

„вонія можетъ быть спокойна!“ Послать Г. 1559.
 вручили опасную грамоту на имя Власнишедей Ливонскихъ, въ коей было сказано, что Царь жалуетъ перемирие Ордену отъ Мая до Ноября 1559 года, и чтобы Магистеръ или самъ ударилъ ему челомъ въ Москвѣ, или, вмѣсто себя, прислалъ знатнѣйшихъ людей для вѣчнаго мирнаго послановленія ⁽⁵⁵³⁾. — Сямъ оцдохновеніемъ Ливонія обязана была въ самомъ дѣлѣ не ходатайству Короля Фридерика, но услужать другому, неисканнаго ею благопріятеля: Хана Девлетъ-Гирея. Іоаннъ долженствовалъ унять Крымцевъ, и чтобы не раздвѣлять силъ, далъ на время покой Ордену, въ удословленіи, что Россія всегда можетъ управиться съ сямъ слабымъ непріятелемъ.

Князь Динчрій Вишневецкій, въ 1558 году посланный воевать Тавриду ⁽⁵⁵⁴⁾, доходилъ до устья Днѣпра, не встрѣшивъ ни одного Татарина въ полѣ: Девлетъ-Гирей со всеми Улусами сидѣлъ внутри полуострова, ожидая Россіянъ. Вишневецкій возвратился въ Москву, оснавивъ на Днѣпрѣ мужественнаго Дьяка Ржевскаго съ Козаками. Между тѣмъ Ханъ, желая узнать, что дѣлается въ землѣ Казанской, посылалъ къ берегамъ Волги легкіе отряды, употребляемые Горными жителями и Козаками ⁽⁵⁵⁵⁾. Долго не смѣлъ онъ предпріять ничего важнаго, но услышавъ о войнѣ Ливонской, и повѣривъ ложной вѣсти, что всѣ наши силы заняты ею — что Россія

Г. 1559. беззащитна, и самъ Иоаннь борется съ неприащелемъ спраннымъ на ошдаленныхъ берегахъ моря Бальшійскаго ⁽⁵⁵⁶⁾ — Девлешъ-Гирей ободрился, приманилъ къ себѣ многихъ Ногаевъ ⁽⁵⁵⁷⁾, и собравъ, какъ нишунь, до Нашест-
іе Крым-
цевъ. сна тысячь всадниковъ, зимою (въ Декабрь 1558 года) велѣлъ сыну своему, Магменъ-Гирею, иinni къ Рязани, Улану Магмену къ Туль, Ногаямъ и Князьямъ Ширинскимъ къ Коширь. Сіе войско уже достигло рѣки Мечи ⁽⁵⁵⁸⁾: ишунь ильники сказали Царевичу, что Иоаннь въ Москвѣ, и что въ Ливоніи шолько малая часнь нашей раши. Онъ изумился; спросилъ: гдѣ смѣлый Князь Вишневецкій? гдѣ храбрый Иванъ Шереметевъ? и свѣдавъ, что первый въ Бѣлевѣ, а послѣдній въ Рязани, и что Князь Михайло Воропынскій споишь въ Туль съ полками сильными, Магменъ-Гирей не дерзнулъ иinni далѣе: гонимый однимъ спрахомъ, бѣжалъ назадъ и поморилъ не шолько лошадей, но и всадниковъ. Князь Воропынскій шелъ за нимъ до Оскода по ипруамъ и не могъ его наспитишунь; а Донскіе Козаки, пользуясь ошсунспвиемъ Крымскаго войска, близъ Перекопи разбили Улусы Ногаевъ, ушедшихъ онъ своего Князя, Ислама, къ Девлешъ-Гирею, и взяли 15,000 коней.

Чтобы Ханъ не имѣлъ времени образумишься, Иоаннь приказалъ Князю Вишневецкому съ пяшью тысячами легкихъ воиновъ иinni на Дочь, посироишь суда, плашь къ Азову

и съ сей стороны превозмимъ нападеніями Г. 1559.
 Тавриду ⁽⁵⁵⁹⁾. Тогда же извѣстный мужесивомъ
 Окольный Данило Адашевъ выснушалъ изъ
 Москвы къ Днѣпру съ дружиною Дышей Бо-
 ярскихъ, съ Козаками и Спръльцами для на-
 несенія чувствительнѣйшаго удара неприя-
 телю, смотря по обстоятельству. Усильхи
 Вишневецкаго были маловажны: онъ испре-
 биль нѣсколько соить Крымцевъ, хопѣвшихъ
 снова пробраться къ Казани; но юный, до-
 стойный бранъ любимца Государева, Да-
 нило Адашевъ, искусивомъ и смѣлостію за-
 служилъ удивленіе современниковъ. Съ осмью
 тысячами воиновъ ⁽⁵⁶⁰⁾ онъ съѣлъ близъ Кре-
 менчуга на ладіи, имъ самимъ построеныя
 въ сихъ, тогда ненаселенныхъ мѣстахъ, спу-
 снулся къ уснью Днѣвра, взялъ два корабля
 на моръ и приспалъ къ Тавридѣ ⁽⁵⁶¹⁾. Сдѣла-
 лась неописанная превога во всѣхъ Улусахъ;
 кричали: „Русскіе! Русскіе! и Царь съ ними!“
 Уходили въ горы, прятались въ дѣбряхъ. Ханъ
 пренешалъ въ ужасъ, звалъ воиновъ, видѣлъ
 шолько бѣглецовъ—и болѣе двухъ недѣль Ада-
 шевъ на свободѣ громилъ западную часть
 полуострова, жегъ Юрпы, хваналъ спада и
 людей, освобождая Россійскихъ и Липовскихъ
 невольниковъ. Наполнивъ ладіи добычею, онъ
 съ шоржествомъ возвратился къ Очакову. Въ
 числѣ плѣнниковъ, взятыхъ на корабляхъ и
 въ Улусахъ, находились Турки: Адашевъ по-
 слалъ ихъ къ Пашамъ Очаковскимъ, велѣвъ
 имъ сказать, что Царь воевалъ землю сво-

Впаденіе
 Россіанъ
 въ Таври-
 ду.

Г. 1559. его злодѣя, Девленъ-Гирей, а не Султана, коему всегда хочеть бытъ другомъ. Наши сами выѣхали къ нему съ дарами, слава его мужество и добрую пріязнь Іоаннову къ Салиману. Между шѣмъ Ханъ опомнился: узнавъ о малыхъ силахъ непріятеля, и гнался берегомъ за Адашевѣмъ, который медленно плыль вверхъ Днѣпра, спрѣлялъ въ Гапарь, миновалъ пороги и спалъ у Монастырскаго острова, топовый къ бичевѣ; но Девленъ-Гирей, опасаясь новаго спуда, съ малодушною злобою обратился назадъ.

Всѣмъ о семь счастливымъ подвигомъ младаго винызя, привезенная въ Москву Княземъ Оедоромъ Хвороспичнымъ, его сподвижникомъ, не только Государю, но и всему народу сдѣлала величайшее удовольствіе. Минрополинь служиль благодарспивенный молебень. Чинали поржеспвенно донесеніе Адашева; радовались, что онъ проложилъ намъ путь въ нѣдра сего темнаго Царства, гдѣ дошолъ сабля Русская еще не обагралась кровію невѣрныхъ⁽⁵⁶²⁾; воспоминали, что шамъ цѣло нѣкогда Христіанство и Св. Владиміръ узналъ Бога испиннаго; думали, что Іоанну оспаеша пожелань, и Крестъ снова возсіяеть на берегахъ Салгира. Уже Государь хотѣлъ перемѣнить нашу древнюю, робкую систему войны прошивъ ихъ неуспешныхъ разбойниковъ и дѣйсвовань насупуанательно⁽⁵⁶³⁾: послалъ золотыя медали Адашеву и его поварницамъ, велѣлъ имъ бытъ къ себѣ для совѣша; но война Ливон-

ская опять запылала сильнее прежнего и Г. 1559. спасла Тавриду. Иоаннъ оставилъ только Ногаймъ и Козакамъ перевозить Хана (564), и писалъ къ нему въ опынъ на его новыя мирныя предложенія: „Видишь, что война „съ Россією уже не есть чистая прибыль. „Мы узнали путь въ твою землю и спе- „ниями и моремъ. Не говори *безлѣтны* и „докажи опыномъ свое искреннее миролюбіе: „тогда будемъ друзьями“ (565). — Кроме Но- гаевъ, послушныхъ Князю Исламу, верному союзнику Россіи, и Донскихъ Козаковъ, Царь имѣлъ на Югѣ усердныхъ слугъ въ Князьяхъ Черкесскихъ: они пребывали опъ насъ Пол- ководца, чтобы воевать Тавриду, и Цер- ковныхъ Шельрей, чтобы просвѣтить всю ихъ землю ученіемъ Евангельскимъ. То и другое желаніе было немедленно исполнено: Государь послалъ къ нимъ бодрого Вишне- вецкаго и многихъ Священниковъ, которые, въ дѣбряхъ и на скалахъ горъ Кавказскихъ основавъ церкви, обновили тамъ древнее Христіанство (566).

Давъ какъ бы изъ милосердія перемиріе Ор- дену, Государь не думалъ, чтобы Ливонцы нарушили оное: вывелъ большую часть вой- ска изъ Эстоніи и ждалъ въспрей опъ Ма- гистра. Но Кеплеръ молчалъ; увѣренный, что надобно или побѣдить Россіянъ или принадлежать Россіянамъ, онъ рѣшился ѣхать не въ Москву, а въ Краковъ, чтобы скло- нить Августа къ дѣлшельному, ревностно-

Г. 1559. му участию въ сей войнѣ, на какихъ бы то ни было условіяхъ, и даже съ опасностію для самой независимости Ордена: ибо Ливонцы въ крайности хотѣли лучше зависѣть отъ Польши, нежели отъ Россіи, издревле имъ ненавистной. Еще достоинство Ордена Магистра не упало въ общемъ мнѣніи: юный Кеплеръ, одаренный пріятною наружностію, умомъ, краснорѣчіемъ, благородными душевными свойствами, предсталъ Августу въ смиренномъ величїи, окруженный многими знашными сановниками; сильно изобразилъ бѣдствіе Ливоніи, опасности самой Польши, спранные замыслы Іоанновы ⁽⁵⁶⁷⁾; доказывалъ необходимость войны для Короля и вѣроятность победы, не уменьшая многочисленности Россіянъ, но говоря съ презрѣніемъ о нашемъ искусствѣ ратномъ. Августъ желалъ знанъ мнѣніе Сейма: Вельможи Польскіе, прорупные краснорѣчіемъ Магистра, хотѣли немедленно обнажить мечъ; а Липовскіе, лучше зная силу Россіи, совѣтовали употребить прежде всѣ иные способы для защиты Ордена: убѣдительное ходатайство, настоятельныя шребованія, угрозы, подкрывляемая вооруженіемъ ⁽⁵⁶⁸⁾. Наконецъ подписали договоръ. Магистеръ и Рязскій Архіепископъ отдали Королю въ залогъ крѣпости Маріенгаузенъ, Лубанъ, Ашеранъ, Дюнебургъ, Розиненъ, Луценъ, съ условіемъ заплатить ему семь сотъ тысячъ гульденовъ

С о ю з ъ
Л и в о н і и
с ѣ А в г у -
с т о м ѣ .

до окончаніи войны; а Король обязался Г. 1559.
снова въ всѣхъ силахъ за Ливонію, возста-
новить цѣлость ея владѣній и браиски
раздѣлить съ Орденъ будущія завоеванія
въ Россіи (569).

Съ сею хариіею Кендлеръ возвратился въ
Ливонію какъ съ профеемъ: ободрилъ чинов-
никовъ и гражданъ; ручался за вѣрность
Короля и за успѣхъ; претовалъ только
усердія и великодушія опъ испинныхъ сы-
новъ отечесива. Надежда блеснула въ серд-
цахъ. Увѣряли себя въ могущесивѣ Липвы;
воспоминали славную для нее битву Див-
провскую (570); искали между извѣстными
Воеводами Августовыми новыхъ Конста-
линовъ Оспрожескихъ. „Мы должны ука-
заны имъ путь къ побѣдѣ“, говорилъ Кен-
длеръ: „кно претуетъ содѣйсивія, долженъ
дѣйсивоватъ; первые обнаживъ мечъ, увле-
чь друзей за собою въ поле.“ Герцогъ
Мекленбургскій, Христофъ, Коадьюпоре
Рижскаго Архіепископа, привелъ изъ Гер-
маніи новую дружину наемниковъ. Сеймъ
Имперскій общалъ Кендлеру сно тысячъ
золотыхъ. Герцогъ Прусскій, Ревельскій
Магистратъ и нѣкоторые усердые граждане
ссудили его значною суммою денегъ: такъ
одинъ Рижскій лавошникъ далъ ему шридцать
тысячъ марокъ подъ росписку (571). Бога-
тѣйшіе выходцы Дерптскіе хотѣли бѣжаны
въ Германію съ своимъ имѣніемъ: у нихъ
взяли серебро и золото въ казну Орденскую.

Г. 1559. Слѣчь способомъ Магисперъ удвоилъ число воиновъ, и зная, что Россіянь мало въ Ливоніи, выспушилъ изъ Вендена, за мѣсяць до назначеннаго въ перемирной грамотѣ срока, осенью, въ ужасную грязь; нечаянно явился близъ Дерпна и наголову разбилъ неоспорожнаго Воеводу Захарію Плещеева, положивъ на мѣстѣ болѣе тысячи Россіянь (572). Сие нападеніе справедливо казалось Іоанну новымъ въромосиновомъ: онъ поручилъ мѣстѣ своимъ знаменитѣйшимъ Воеводамъ, Князьмъ Ивану Мстиславскому, Пешру Шуйскому, Васплію Серебряному, коимъ сѣ лучшими Дѣльми Боярскими, Московскими и Новгородскими, снѣшили спасѣти завоеванную нами часѣль Ливоніи. Худыя дороги препящивовали скорому походу, и некрѣпцель могъ бы имѣти важныя успѣхи въ землѣ, гдѣ всѣ жпттели были на его споронѣ, тошковые свергнушь иго Россіянь; но умъ и мужесиво двухъ нашихъ саповниковъ обратили въ ничто побѣду Магисперову.

Кешлеръ немедленно приступилъ къ Дерпту Тамощій Воевода, Бояринъ Князь Андрей Кавшыревъ-Росиновскій, успѣль взяти мѣры: заключилъ ошосныхъ гражданъ въ рашушь (573); вспрѣшилъ Нѣмцевъ сильною пальбою и сдѣлалъ удачную вылазку. Магисперъ десятиъ дней снѣчалъ въ версиъ ошъ города, снѣрѣлая изъ пушекъ безъ всякаго вреда для осажденныхъ. Морозы, вьюги, худая пища произвели рошшъ въ его снаѣ.

Иаемные Германскіе воины не любили шрудовъ. Кешлеръ долженъ былъ рѣшиться на долговременную, зимнюю осаду, или на приступъ: ибо и другое казалось ему неблагоприятнымъ. Крѣпкія стѣны охранялись многими бойницами, сильною дружиною и Воеводою искуснымъ; граждане не могли имѣть сношенія съ осаждающими и способствовать имъ въ успѣхъ; а число Россіянъ въ полѣ ежедневно умножалось: они заходили въ тылъ къ Нѣмцамъ, показывая намѣреніе окружить ихъ ⁽⁵⁷⁴⁾. Принужденный удалиться отъ Дершна, Магистеръ хотѣлъ по крайней мѣрѣ взять Лансъ, гдѣ находилось четыреста воиновъ съ неуспрашимымъ Головою Спрѣлецкимъ, Кошкарковымъ. Нѣмцы поставили туры, разбили стѣну и не могли вломиться въ крѣпость: Россіяне изумили ихъ своимъ отчаяннымъ сопротивленіемъ, такъ что Кешлеръ, два дни приступавъ съ жаромъ, ушелъ назадъ къ Вендену какъ побѣжденный, и значнымъ урономъ въ людяхъ, а еще болѣе уныніемъ воиновъ надолго лишилъ себя способа предпринять что-нибудь важное. Сія удивительная защита Ланса есть одно изъ самыхъ блестящихъ дѣяній воинской Исторіи древнихъ и новыхъ временъ, если не число дѣйствующихъ, а доблесть ихъ опредѣляетъ цѣну подвиговъ. Князь Андрей Рословскій прислалъ самого Кошкарова съ

Славная
защита
Ланса.

Г. 1566. другому за спасеніе вѣрренныхъ имъ городовъ, нашей чести и славы рашной.

Въроятно, что Магистеръ, съ такимъ усиленіемъ и съхвомъ возобновивъ кровопролитіе, ждалъ оныхъ Августа, по уговору съ нимъ, какого нибудь движенія прошивъ Россіи: Король дѣйствишельно готовилъ войско, но только готовилъ, и прислалъ въ Москву Секретаря своего, Володковича, съ грамотою, въ коей рѣшишельно преребавалъ, чіобы Іоаннъ вывелъ войско изъ Ливоніи и возвращалъ всѣ взятые имъ города: „иначе „(писалъ онъ) я долженъ буду оружіемъ защищень мою собсвенность: ибо Магистеръ поржесивенно назвалъ себя присяжникомъ Великаго Герцогства Липовскаго. „Мнимыя права Россіи на Ливонію суть новый вымыселъ: ни отецъ, ни дѣдъ твой, ни ны самъ донышъ не объявлялъ ихъ“ (575). Володковичъ словесно убѣждалъ Бояръ Московскихъ способствованъ миру, открывая имъ за тайну, что Польскіе Вельможи готовы свергнути Короля, если онъ не вступится за Ливонію. Іоаннъ, велѣвъ показанъ ему договорную Магистрову грамоту о Дерптской дани, сказалъ: „вошь наше право!“ и, по совѣту Бояръ, ошвѣчалъ Августу: „Не только Богу и всѣмъ Государямъ, но и самому народу извѣстно, кому принадлежитъ Ливонія. Она, съ вѣдома и согласія нашего, избирая себѣ Нѣмецкихъ Магистровъ и мужей духовныхъ, всегда пла-

Угрозы
Августу-
вы.

„шла дань Россіи. Твои прѣбыванія смѣш-
 „ны и непристойны. Знаю, что Магистеръ
 „вздѣль въ Липву и незаконно опудаль ше-
 „бѣ въкопторыя крѣпоспи: если хочешь ми-
 „ра, то выведи опшуда всѣхъ своихъ на-
 „чальниковъ, и не вснупайся за измѣнни-
 „ковъ, коихъ судьба должна зависѣшь опъ
 „нашего милосердія. Вспомни, что чеснѣ
 „обязываетъ Государей и дѣлашь и гово-
 „рять правду. Искренно хотѣвъ бышь въ
 „союзъ съ тобою противъ невѣрныхъ, не
 „оказываюсь и пекерь заключить его. *Жду*
 „опъ тебя Пословъ и благоразумнѣйшихъ
 „предложеній“ (576). *Юаннъ ждалъ войны.*
 Оставалось только знать, кому начать ее?

Тогда же прѣѣхаль въ Москву гонецъ изъ
 Вѣны опъ Цесаря Фердинанда, копорый,
 не имѣвъ дополь сношенія съ Россією, пи-
 саль къ Юанну, что желаетъ его дружбы и
 просить не воевать Ливоніи, Имперской
 обласпи. Письмо было учтиво и ласково;
 но Государь сухо опвѣщивоваль Фердинан-
 ду, что „если опъ, подобно Максимилиану
 и Карлу V, дѣйствительнo хочетъ друже-
 ства Россіи, то долженъ объясниться съ
 нимъ чрезъ Пословъ, людей имениныхъ: ибо
 съ гонцами не разсуждаютъ о дѣлахъ важ-
 ныхъ“ (577) — и не сказалъ болѣе ни слова,
 хотя Императоръ, какъ законный покро-
 витель Ордена, справедливѣе Липвы и Да-
 нии могъ за него вснупаться.

Гонецъ
 опъ Им-
 перато-
 ра.

Г. 1560. *Новое ра- зореніе Ливоніи.* Между тѣмъ Ливонія пылала. Россіяне въ славѣ за бѣгущимъ Кешлеромъ успремались изъ Дершна съ огнемъ и мечемъ казнить въроломство; подступили ко Тарвасну, гдѣ находился старый Магистеръ Фиршенбергъ, спощпали его въ сдѣланной имъ вылазкѣ, сожгли предмѣстіе и побили Пьвцевъ у Феллна ⁽⁵⁷⁸⁾; а главные Воеводы Московскіе, Князья Мстиславскій, Шуйскій, Серебряный, разгромили всю землю оупъ Псковскаго озера до Рижскаго Залива, въ уздахъ Венденскомъ, Вольмарскомъ, гдѣ еще многія мѣста осивались цѣлы до сего новаго и для бѣдныхъ жинцевъ нечаяннаго впаденія. Напрасно искавъ Магистра и бшвы въ поле, Воеводы прицили къ *Алысту* или *Маріенбургу*. Сей городокъ былъ тогда однимъ изъ прекраснѣйшихъ въ Ливоніи; спощалъ на островѣ среди большаго озера и казался недо- ступнымъ въ дѣйнее время: зима проложи- ла къ нему путь, и Россіяне, подкапивъ тяжельй снарядъ огнеспрѣльцый (комъ управлялъ Бояринъ Михайло Морозовъ, слав- ный Казанскою осадю) въ нѣсколько ча- совъ разбили до основанія стѣну. Нѣмцы благо разумно сдалися; но Глава ихъ, Ком- мандоръ Зибургъ, умеръ за шо въ Кирхгольм- ской шемницѣ: ебо Магистеръ хощья, чтобы Орденскіе сановники защищали крѣ- постни подобно Укскаю и Кошкарору ⁽⁵⁷⁹⁾. Воеводы, исправивъ стѣны, осивали въ Маріенбургъ сильную дружину, возвратились

Взяты іе
Маріен-
бурга.

во Псковъ, и получили отъ Государя золотыя медали. — Весною Россіяне опять ходили изъ Дерпша въ Эстонию; выманили Нѣмцевъ изъ Вериеля и засадою испребили всѣхъ до одного челоуѣка; а такъ называемые *сторонники* Псковскіе, или вольница, уже не находя ничего въ Ливонскихъ селахъ, искали земледѣльцевъ въ лѣсахъ, и полцами гнали ихъ для продажи въ Россію ⁽⁵⁸⁰⁾.

Но Іоаннь, предвидя неминуемую войну Липовскую, хотѣлъ какъ можно скорѣе управившись съ Орденомъ, и еще въ концѣ зимы послалъ новую рать къ Дерпшу съ Княземъ Андреемъ Курбскимъ. Желая изъяснить ему особенную довѣренность, онъ призывалъ его къ себѣ въ спальню; исчислилъ всѣ знаменитыя дѣла сего храбраго мужа, и сказалъ: „Мнѣ должно или самому ѣхать въ „Ливонію или вмѣсто себя послать Воеводу „опытнаго, бодрого, смѣлаго съ благоразуміемъ: избираю тебя, моего *любимаго!* Иди „и побѣждай“ ⁽⁵⁸¹⁾! Іоаннь умѣлъ плѣнять своихъ ревностныхъ слугъ: Курбскій въ воспоргѣ цѣловалъ руку Государя. Юный Государь обѣщавъ неизмѣнную милость, юный Бояринъ усердіе до конца жизни: оба не сдержали слова, къ несчастію своему и Россіи! . . . Помощникомъ Курбскаго былъ славный Данило Адашевъ. Они въ исходѣ Мая

Побѣды К.
Курбска-
го.

выснули изъ Дерпша къ *Бѣлому Камню* или Вишпеннштейну; взяли крѣпкій замокъ Епископа Ревельскаго, Фегеферъ ⁽⁵⁸²⁾; опу-

Г. 1560. сполнили богатѣйшую область Коскильскую, гдѣ находилось множество прекрасныхъ усадебъ Рыцарскихъ, схватили опрядь Нѣмецкій подь самымъ Вышпеншпейномъ, и свѣдавъ оны пѣвники, что бывший Магистерь Фирспенбергъ съ девятию полками, конными и пѣхотными, сполнить въ осьми миляхъ оны города, за вязкими болотами, рѣшились ийти на него съ нинию тысячами легкихъ, опборныхъ воиновъ, пославъ въ Дерпшъ обозы съ добычею. Цѣлый день Россіане вязли въ болотахъ, и если бы Фирспенбергъ ударилъ въ сіе время, по съ меньшимъ числомъ испребилъ бы ихъ совершенно; но оны ждалъ непріятеля на гладкомъ широкоемъ полѣ, въ десяти верснахъ опшуда. Солнце садилось. Россіане дали опдохнуть конямъ; шли шихо, въ лунную, самую ясныйшую ночь, какая бываетъ лѣпомъ полько въ мѣснахъ приморскихъ; увидѣли Нѣмцевъ топсовыхъ къ бою, и сразились въ самую полночь. Около двухъ часовъ продолжалась сильная пѣльба; наши имѣли шу выгоду, что спояли лицомъ къ огнямъ непріятельскимъ и лучше могли цѣлнить. Курбскій оснавилъ назади запасное войско: оно явилось: Россіане успремились впередъ, сломли, гнали Нѣмцевъ верспѣ шеспѣ, до глубокой рѣки, гдѣ моспѣ обрушился подь бѣгущими. Фирспенбергъ спасся съ немногими: одни упонуди, другіе пали оны меча или сдалися. Курбскій на восходѣ солнца возвратился къ

Матиспрову сптану: взялъ весь его обозъ, и Г. 1560. привелъ въ Дерзнь сию семдесятъ чиновныхъ павниковъ.— Сей Воевода въ два мѣсяца одержалъ еще шесць или семь побѣдъ: важнѣйшею была Фелминская. Фирсшенбергъ охранялъ сию крѣпость: видя нѣсколько сотъ Тамарскихъ всадниковъ передъ стѣнами, онъ выхалъ съ дружиною, попался въ засаду и едва ускакалъ на борзомъ конѣ, оставивъ многихъ Рыцрей на мѣстѣ битвы ⁽⁵⁸³⁾.

Но въ то время, какъ сильная рука Юаннова давила слабую Ливонію, Небо гоняло ужасную перемѣну въ судьбѣ его и Россіи.

Тринадцать лѣтъ онъ наслаждался полнымъ счастьемъ семейственнымъ, основаннымъ на любви къ супругѣ нѣжной и добродѣтельной. Анаспасія еще родила сына, Θεодора, и дочь Евдокію ⁽⁵⁸⁴⁾; цвѣла юностию и здоровьемъ; но въ Июль 1560 года занемогла тяжкою болѣзнію, умноженною испугомъ ⁽⁵⁸⁵⁾. Въ сухое время, при сильномъ вѣтрѣ; загорѣлся Арбапъ: пучи дыма съ пылающими головнями неслися къ Кремлю. Государь вывелъ болѣзную Анаспасію въ село Коломенское; самъ пушилъ огонь, подвергаясь величайшей опасности: спонялъ противъ вѣтра, осыпавъ искрами, и своею неуспрашимостию возбудилъ такое рвеніе въ знатныхъ чиновникахъ, что Дворяне и Бояре кидались въ пламя, ломали зданія, носили воду, лазили по кровлямъ. Сей пожаръ нѣсколько разъ возобновлялся и спонялъ битвы: многие люди лишились жизни

Г. 1560. или оспались изувѣченными ⁽⁵⁸⁶⁾. Царица опъспраха и безпокойства сдѣлалось хуже. Искусство Медиковъ не имѣло успѣха, и, къ опчаянню супруга, Анаспасія 7 Августа, въ пятомъ часу дня, преставилась
 Кончина Царицы Анаспасіи.
 общая горестнѣе и сильнѣе. Не Дворъ одинъ, а вся Москва погребала свою *первую*, любезнѣйшую Царицу. Когда несли шѣло въ Девичій Вознесенскій монастырь, народъ не давалъ пуши ни Духовенству, ни Вельможамъ, шѣсясь на улицахъ ко гробу. Всѣ плакали, и всѣхъ неушнѣнѣ бѣдные, нищіе, называя Анаспасію именемъ мащери. Имъ хотѣли раздавать обыкновенную въ такихъ случаяхъ милоспнню: они не принимали, чуждаясь всякой опрады въ сей день печали ⁽⁵⁸⁷⁾. Иоаннъ шель за гробомъ: бранья, Князя Юрій, Владиміръ Андреевичъ и юный Царь Казанскій, Александръ, вели его подъ руки. Онъ спеналъ и рвался: одянь Минрополитъ, самъ обливаясь слезами, дерзалъ напоминашь ему о твердоспи Христіанина Но еще не знали, что Анаспасія унесла съ собою въ могилу!

Здѣсь конецъ счастливыхъ дней Иоанна и Россіи: ибо онъ лишился не только супруги, но и добродѣтели, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ.

ОГЛАВЛЕНИЕ VIII ТОМА.

ГЛАВА I.

Стр.

Безпокойство Россіянъ о малолѣтствѣ Іоанна. Со-
сзавъ Государовенной Думы. Главные Вельмо-
жи, Глинскій и Телепневъ. Присяга Іоанну. За-
ключеніе Князя Юрія Іоанновича. Общій спрахъ.
Измѣна К. Симеона Вѣльскаго и Ляшцакаго. За-
ключеніе и смерть Мих. Глинскаго. Смерть Кня-
зя Юрія. Бѣгство, умыселъ и заключеніе К. Ан-
дрея Іоанновича. Казнь Боярь и дѣшей Бояр-
скихъ. Смерть К. Андрея. Дѣла виѣшнія. Пере-
миріе съ Швеціею и съ Ливоніею. Молдавія. По-
сланникъ Турецкій. Аспраханъ. Дѣла Ногайскія.
Посольство къ Карлу V. Присяга Казанцевъ. Гор-
дый ошвѣсть Сигизмундовъ. Нападеніе Крым-
цевъ. Война съ Липвою. Исламъ господствуешъ
въ Тавридѣ. Строеніе крѣпостей въ Липивѣ. На-
бѣгъ Крымцевъ. Липовцы берутъ Гомель и Спа-
родубъ. Мятежь Казани. Шигъ-Алей въ милости.
Война съ Казанью. Побѣда надъ Липвою. Крѣ-
пости на Литов. границѣ. Перемиріе съ Липвою.
Дѣла Крымскія. Смерть Ислама. Угрозы Саипъ-
Тирея. Строеніе Кишая-города и новыхъ крѣпо-
стей. Перемѣна въ цѣнѣ монеты. Общая нелю-
бовь къ Еленѣ. Кончина Правительницы - - 5.
Г. 1533 - 1538.

ГЛАВА II.

Паденіе и смерть К. Телепнева. Господство К. Ва-
силия Шуйскаго. Освобожденіе К. Ивана Вѣль-
скаго и Андрея Шуйскаго. Смута Боярская. К.
Иванъ Вѣльскій снова заключень. Смерть К. Ва-
силия Шуйскаго. Господство его брата. Сверже-

ніе Мишрополиша: избраніе Іоасафа. Характеръ К. Ивана Шуискаго и грабежи внупри Государства. Набѣги виѣшнихъ непріятелей. Посольства въ Царьградъ, въ Шюкгольмъ. Договоръ съ Ганзою. Союзъ съ Аспраханью Посольства Ногайскія. Заговоръ прошивъ Шуискаго. Освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и власнь его. Прощеніе К. Владиміра Андреевича и его манери. Облегчаюпъ судьбу К. Димипрія Углицкаго. Прощеніе К. Симеона Бѣльскаго. Владеніе Царя Казанскаго. Нашесшвіе Хана Крымскаго. Великодушіе народа и войска. Бѣгство непріятеля. Смуша Боярь: паденіе К. Ивана Бѣльскаго. Ссылка Мишрополиша. Новое господство К. Ивана Шуискаго. Посвященіе Макарія. Перемиріе съ Липвою. Набѣги Крымцевъ, Ногаевъ. Дѣла Казанскія. Сношенія съ Аспраханью, съ Молдавією. Перемиѣна въ Правленіи. Наглосшь Шуискихъ. Худое воспитаніе Іоанна. Заговоръ прошивъ главныхъ Вельможъ. Паденіе Шуискихъ. Власнь Глинскихъ. Жестокосшь Правленія. Доброе согласіе съ Липвою. Рапъ на Казань. Шагъ-Алеи Царемъ въ Казани и бѣжитъ опшуда. Походъ къ устью Свіяги. Путешесшвія Великаго Князя и неудовольствія народа - - - - - 45.

Г. 1538—1547.

Г Л А В А III.

Царское вѣнчаніе Іоанна. Бракъ Государевъ. Добродѣтели Анастасіи. Пороки Іоанновы и худое Правленіе. Пожары въ Москвѣ. Бунтъ черни. Чудное исправленіе Іоанна. Сильвестиръ и Адашекъ. Рѣчь Государева на лобномъ мѣстѣ. Перемиѣна Двора и власшей. Крошосшь Правле-

внѣ. Судебникъ. Обузданіе Мѣштинчества. Сто-
главъ. Уставныя грамошы. Избраніе Присяж-
ныхъ. Учрежденія Церковныя. Намѣреніе про-
свѣпшпть Россію. Военскія дѣянія. Походъ на
Казань. Перемиріе съ Липвою. Дѣла Крымскія.
Смерпъ Царя Казанскаго. Походъ на Казань.
Избраніе мѣста для новой крѣпости. Впаденіе
Ногаевъ. Основаніе Свіяжска. Покореніе Горной
Спороны. Ужась Казанцевъ. Мирныя условія съ
ними. Сююнбека. Новое воцареніе Шигъ-Атея.
Освобожденіе плѣнниковъ. Невѣрность Казанцевъ
и жестокость ихъ Царя. Переговоры съ Алеемъ.
Царь оставляетъ Казань. Послѣдняя измѣна
Казанцевъ 86.

Г. 1546 — 1552.

Г Л А В А IV.

Приготовленія къ походу Казанскому. Отношенія
Россіи къ Западнымъ Державамъ. Освобожденіе
спарца, К. Булгакова. Спроеніе новыхъ крѣпо-
стей. Начало Донскихъ Козаковъ. Новый Ханъ
въ Тавридѣ. Дѣла Аспраханскія. Болѣзнь въ
Свіяжскѣ. Едигерь Царь въ Казани. Посланіе
Митрополипа къ Свіяжскому войску. Совѣтъ
о Казани. Выѣздъ Государевъ. Нашествіе Хана
Крымскаго. Приспунъ къ Тулѣ Вѣгешво Хама.
Наши шрофеи. Ропонъ въ войскѣ. Походъ. Осада.
Первая битва. Буря. Спаваютъ шурь. Сильная
вылазка. Дѣйсствіе бойницъ. Наѣздникъ Князь
Яланча. Упомненіе войска. Раздѣленіе полковъ.
Истребленіе Яланчина войска. Ожесточеніе
Казанцевъ. Взорваніе пайника. Уныніе Казанцевъ.
Дѣятельность Юаннова. Взятіе оспрога и го-

рода Арскаго. Нападенія Луговой Черемисы. Минимыя чародѣйства. Поспироевнє высокой башни. Предложенія Казанцамъ. Кровопротипное дѣло. Взорваніе шарась. Заняшіе Арской башни. Последнее предложеніе Казанцамъ. Успироевнє войска для притступа. Взорваніе подкоповъ и притступъ. Геройство съ обѣихъ споронъ. Корысполубіе многихъ воиновъ. Велиководшіе Іоанна и Бояръ. Доблесть К. Курбскаго. Взятіе Казани. Водруженіе креста у воротъ Царскихъ. Вѣздъ Государевъ въ Казань. Освобожденіе Госудскихъ плѣнниковъ. Рѣчь Іоанна къ войску. Пиръ въ спанѣ. Подданство Арской обласпи и Луговой Черемисы. Торжеспвенное вспупленіе въ Казань Зрѣлище Казани. Учрежденіе Правителства. Совѣтъ Вельможъ. Возвратныи пупъ Го ударя въ Москву. Рожденіе Царевича. Вспрѣча Іоанну. Рѣчь Государева къ Духовенству. Опвѣтъ Мищрополитовъ. Пиръ во дворцѣ и дары Іоанновы - - - - - 134.

Г. 1552.

Г Л А В А V.

Крещеніе Царевича Димитрія и двухъ Царей Казанскихъ. Язва. Мяшежи въ землѣ Казанской. Болѣзнь Царя. Путешеспвіе Іоанново въ Кирилловъ монастырь. Смерть Царевича. Важная бесѣда Іоаннова съ бывшимъ Епископомъ Вассіаномъ. Рожденіе Царевича Іоанна. Вѣгспво Князя Росиовскаго. Ересь Успиреніе мяшежей въ Казанской землѣ. Учрежденіе Епархіи Казанской. Покореніе Царства Аспраханскаго. Писолитства Хивинское, Бухарское, Шавкалское, Тюменское,

Грузинское. Подданство Черкесовъ. Дружба съ Ногаями. Дань Сибирская. Прибытіе Англійскихъ кораблей въ Россію. Посоль въ Англию. Дѣла Крымскія. Письмо Солиманово. Впаденіе Крымцевъ. Война Шведская. Сношенія съ Липвою. Нападеніе Дьяка Ржевскаго на Исламъ-Кирмень. Князь Вишневецкій вступается въ службу къ Царю и беретъ Хорпицу. Завоеваніе Темрюка и Тамана. Морь въ Ногайскихъ и Крымскихъ Улусахъ. Усердіе Вишневецкаго. Предложеніе союза Липвѣ. Дѣла Ливонскія. Важный замыселъ, приписываемый Иоанну. Состояніе Ливоніи. Новое могущество Россіи. Лучшее образованіе войска. Начало войны Ливонской. Взятіе Нарвы. Завоеваніе Нейшлоса, Адежа, Нейгауза. Великодушіе Дерпшскаго Бургомистра. Вѣгство Магистра. Новыи Глава Ордена. Взятіе Дерпша и многихъ другихъ городовъ. Кешлеръ беретъ Рингень. Россіяне опустошаютъ Ливонію и Курляндію. За Ливонію ходатайствуютъ Короли Польскій, Шведскій, Датскій. Иоаннъ даетъ перемиріе Ливоніи. Нашествіе Крымцевъ. Впаденіе Россіянъ въ Тавриду. Союзъ Ливоніи съ Августомъ. Магистеръ нарушаетъ перемиріе. Славная защита Лайса. Угрозы Августовы. Гонецъ отъ Императора. Новое разореніе Ливоніи. Взятіе Маріенбурга. Побѣды К. Курбскаго. Кончина Царицы Анастасіи 197.

Г. 1552—1560.

Оглавленіе 309.
Примѣчаніе 315.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я

къ VIII тому

ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

(1) В *Синод. Лѣт. No 351, л. 117*: „приказываешь (Василій) Еленѣ купитишь Великіа Руси до возмуженія сына: вѣдаше бо ея боголюбиву и милоспивиу, пику и праведливу, мудру и мужеспвенну, и всакого Царьскаго разума исполнено сердце ея, яко всѣмъ угодобися Великой Еленѣ Руской.“ Сія лѣтопись и *Царствениа Книга* суть главные источники для описанія первыхъ вѣремь Иоанновыхъ.

(2) См. въ *Древ. Рос. Визітов. XX, 27, списокъ Болрѣ*, гдѣ сказано: „при Вел. Князѣ Иванѣ Васильевичѣ Болре отца его: Князь Василій Васильевичъ Шуйскій, К. Борисъ Ивановичъ Горбатой, К. Никита Васильевичъ Хромой-Оболенской, Иванъ Никитичъ Вусурлинъ, Михайло Семеновичъ Вороничъ, К. Иванъ Щепина Ивановичъ Оболенскій, К. Амипрій Федоровичъ Вѣльской, Михайло Юрьевичъ Захарынъ, К. Иванъ Фед. Вѣльской, К. Иванъ Данил. Пенсковъ, К. Мих. Ив. Кубенской, К. Федоръ Ив. Одоевской, К. Иванъ Ивановичъ Барбашинъ, К. Ив. Вас. Шуйской, К. Вас. Андр. Микулинской, Ив. Григ. Морозовъ, К. Конокій К. Иванъ Федоровичъ Овчина-Теленевъ-Оболенскій, К. Иванъ Андр. Кашыревъ - Росповской, Вас. Григ. Морозовъ, К. Романъ Ив. Одоевской.“

Князь Шербатовъ въ своей Исторіи напрасно *угадываетъ*, кто именно заведаль въ Государственномъ Совѣтѣ при Еленѣ: *сынъ Болрица означалъ Великокняжескаго Совѣтника.*

Князь Борисъ Горбатый былъ Намѣстникомъ въ Новгородѣ, К. Михайло Кубенскій во Псковѣ, Князь Барбашинъ въ Новгородѣ Оверскомъ, и проч.

(3) См. Т. VII, стр. 164.

(4) См. Гербершт. В. М. Сѣт. стр. 80.

(5) На примѣрѣ, во всѣхъ бумагахъ дѣлъ внутреннихъ писали: „повелѣниемъ благовѣрнаго и христодлюбиваго Вел. Князя Государя Ивана Васильевича всея Руси и его матери, благочестивой Царицы, Великой Государыни Елены“; или: „Князь Великій и матери его, Вел. Княгиня, посовѣповаеъ о томъ съ Болдры, повелѣди,“ и проч. (см. *Синод. Лѣт. No 351, л. 123 на об. и 143*); въ дѣлахъ же иностранныхъ совѣтъ не упоминается о Еленѣ.

(6) См. *Царств. Ки. 35, и Псков. Лѣт. Гр. Толстаго*, гдѣ сказано: „и начаша Государя снашини, К. Ивана Васильевича, на Великое Княжество въ Соборной церкви: Митрополитъ Данило благослови его крестомъ, и нача ему высочайшимъ гласомъ глаголати: Богъ, Государь, благословляишь тебѣ, Князь Великій, Владимірескій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Тверскій, Югорскій, Черемскій, Болгарскій, Смоленскій, и иныхъ земель многихъ Царь и Государь всеа Русіа! Добръ здорювъ буди на Вел. Княженіи отца своего! И начаша ему пѣниа многоядѣніа, и поидоша къ нему Князи и Болре, и поцеловаша ему дары многи.“

(7) См. *Син. Лѣт.* No 351. К. Горбатый названъ братомъ Шуйскаго. О прежнемъ бѣгствѣ К. Андрея сказано: „Князь Великій посылалъ по нему и по брата его, К. Ивама: оба бо тогда опьѣзжали. Князь же Юрій вскорѣ ихъ опца . . . Князь же Великій велѣлъ ихъ оковавши разослати по городомъ. Послѣ же Великая Княгиня ихъ пожаловала выпустила; а больше Митрополитъ и Бояре объ нихъ печаловались.“ ж проч.

(8) См. *Царствен. Кн.*

(9) Увидимъ, что К. Андрей Шуйскій былъ освобожденъ по кончинѣ Правительницы. Въ Послужномъ спискѣ тогдашнихъ чиновниковъ (см. *Древ. Рос. Вислѣв.* XX, 28) наименованъ онъ въ числѣ новыхъ Бояръ Иованова времени подъ г. 1535; но здѣсь ошибка: въ лѣтописи сказано, что К. Андрей уже въ 1538 году получилъ сіе достоинство (см. *Синод. Лѣт.* No 351, л. 195 на об.)

(10) Въ *Синод. Лѣт.* No 351: „Дяволъ вложъ имъ мысль сію, вѣдая, что, аще не поймавъ будешь Князь Юрьи, не тако воля его совершится въ грабленіи и во убійствеяхъ.“

(11) Отецъ Вѣльскихъ выѣхалъ изъ Липвы. К. Симеонъ и Ляпцкій съ сыномъ бѣжали въ Августъ.

(12) См. Герберингъ. *Р. М. Сот.* 30, *Царствен. Кн.* 38 и *Синод. Лѣт.* 128 и 178, гдѣ сказано: „Сенп. 15 престависъ К. Мих. Льв. Глинской въ нужѣ, поймавъ бысть по слову наносному отъ лихихъ людей . . . и доложенъ бысть за Неглинною, за Ямскимъ дворомъ . . . а послѣ къ Троицѣ опхвезетъ того жъ мѣс. 16.“ — Сочинитель *Ядра Рос. Истории* говоритъ, что Глинскаго ослѣпили и замучили по совѣщю К. Ивана Тельцьева Овчины.

(13) См. *Послужный списокъ Бояръ въ Древ. Рос. Вислѣв.* XX, 30.

(14) См. *Дѣла Крым.* No 8, л. 20. Нашъ посланникъ долженъ былъ сказать Хану: „Нынѣ съ Божіею волею Князь Великій Иванъ учинился Государемъ, а у него братъ Великого Князя Андрей Ивановичъ.“

(15) Въ *Синод. Лѣт.* No 351, л. 176 на об.: „Авг. 7 въ Чепвергъ, въ прешій часъ дни, престависъ К. Юрій Ивановичъ *страдальческою смертію, гладною тужею.*“

(16) См. *Синод. Лѣт.* л. 182-186 и *Царствен. Кн.* 67. Андрея знали въ Москву будто бы для того, чтобы узнать его мнѣніе о войнѣ Казанской. Въ сіе время Сафа-Гирей подспуналъ къ Мурому (см. ниже). „И Феодиль сказалъ про Андрея, что бользнь его легка; сказываешь на слегнѣ болычка, а лежши на постелѣ . . . Князь же Великій и его маши послаша ко К. Андрею . . . и сказали тѣ посланники, что люди у него прибылые естъ, которые не всегда у него живушь, а говориши, что смѣюшь . . . Послалъ К. Андрей на Москву Боярина своего, К. Федора Дм. Иронскаго . . . а сынъ Боярскаго Князь Андрей, К. Васильей, Князь Федоровъ сынъ Голубого, Ростовскихъ Князей, изъ Старицы прислалъ тайно ночью къ К. Ив. Фед. Овчинѣ человека Еремку съ шпѣмъ, что К. Андрею на утро бѣжати . . . и Князь Великій и маши его послади за К. Андреемъ Владыку Досиева, да Архим. Симонѣв. Филдосея, да опца его духовнаго, Протопопа Спасскаго, Симеова; а велѣли

„даши слово К. Андрею, что у нихъ диха въ мысли кѣтъ А въ-
 „дшо не повѣришь и побѣжишь, того для послали за К. Андреемъ Воляръ
 „Князей Оболенскихъ со многими людьми, и велѣли сползти на Волоць. А
 „Волярина Князь Андреева, К. Федора Пронскаго, поймали (на дорогѣ) и
 „на Москву привезти И какъ его имали, ушелъ Князь Андреевъ
 „сынъ Волярской, Судокъ Дм. Сапигъ, и сказалъ К. Андрею И при-
 „ходилъ съ Волока въ Старицу Князь Андреевъ же Сынъ Волярской,
 „Яковъ Веригинъ, а сказалъ, что прѣехали К. Никиша, да К. Ив. Овчинн,
 „а вдушь тебя имали И К. Андрей побѣжалъ Маа и изъ
 „Бернова побѣжалъ онъ К. Андрея К. Василей Фед. Годубого, да сказалъ
 „Вел. Князю и его намери И К. Андрей изъ Новоторжскаго
 „уѣзда за рубежь не побѣжалъ, а пошелъ къ Новгороду Велѣли
 „Князю Никишѣ Оболенскому крѣпости Новгородъ и людей къ цѣлованию
 „привести, да прогнавъ К. Андрея сползи и посаду ему жечи не даши . . .
 „Архіепископъ Макарій (см. *Архивъ Роситов. Лѣт.*) въ Новгородѣ по всл-
 „дши молебная совершая; а Намѣстникъ К. Дмирій Горбаной и Дьяки по-
 „велѣша градъ спавици на Торговой сторонѣ, и спавища въ 5 дней; и про-
 „спивъ К. Андрея послаша Воеводу Бушурлина А К. Андрей отъ Заячь-
 „скаго яму свѣрошилъ влѣво, къ Тюхольи, отъ яму верши съ яши
 „Княгиню Андрееву посадили на Версеневъ дворѣ а Воляръ его, К.
 „Федора Пронскаго, К. Ив. Андр. Пеннвскаго-Оболенскаго, Дворецкаго
 „К. Юрья Андр. меньшаго Пеннвскаго, Конюшаго К. Бориса Ив. Палец-
 „скаго, Князей и Дѣшей Волярскихъ, которые у него въ избѣ были и его
 „думку вѣдали, Ивана Умного Иванова сына Лобанова Колячева, да шури-
 „на Князь Андреева, К. Ив. Андр. Ховавскаго, велѣли пышани и казни-
 „нию шорговою казнию, и въ наутольную стрѣльницу посажати; и К. Прон-
 „скаго въ пой мужи не спало и Дѣшей Волярскихъ, Андрея Шуц-
 „кова, да Гаврила Волод. Колочевыхъ съ шоварици 30 человекъ, велѣли
 „бипи кнушиемъ на Москвѣ и повѣсими по Новог. дорогѣ не вмѣстѣ, и
 „до Новгорода.“

Въ Синод. Лѣт. въ листѣ, подъ No 318, сказано: „Князь Великій И-
 „ванъ Вас. и мать его чаташа помышляни, какъ бы имъ К. Андрей изъ-
 „бѣжати, и послаша къ нему К. Бориса Щепина - Оболенскаго, и повелѣша ему
 „люди себя послаши на Коломну Воеводу своего, К. Юрья Андр. Оболенскаго,
 „да съ нимъ Дѣшей Волярскихъ многихъ, Спаричанъ и Олексинцовъ, и Веренъ,
 „и Выщегородцовъ — и посла И яша К. Федора Пронскаго въ
 „селѣ въ Павловскомъ на Испрѣ за 30 поприщъ отъ Москвы, и побѣдица
 „въ нурѣ города на Князь Андреевъ дворѣ Ивановица И слышъ
 „К. Андрею третій спанъ на Цѣ, проѣхавъ Волочокъ Вышній, и
 „побѣгоша отъ него Дѣши Волярскіе, два Валуевыхъ, да Бекешовъ, да Вещ-
 „някъ; и Андрея Валуева ухащища и приведоша ко Князю, и повелѣ ближ-
 „нему своему Дворянину Кашѣ блюсти его крѣпко; а Каша повелѣ людямъ
 „своимъ связати ему руки и ношѣ, и вергоша его въ озерко въ одной сра-
 „чицѣ, а главу ему выставиша на берегъ, дабы онъ не заледя, и пыша-
 „лиша, много ли ихъ въ думѣ было? и онъ сказа на многихъ Князь же
 „Андрей шо слышавъ, и повелѣ закрыци, понеже не всѣхъ тѣхъ перекъ-

„шапи. Слышавъ то Воевода К. Андрей, К. Юрь Оболенской, въ Коломенѣ, и нача Богу молиться, и ушлась Воеводу Великаго Князя, похва съ Коломны, и Волгу дѣе подъ Дегулинъскъ, и повелѣ суды перевозныи просьчи, и шайка своего Князя на рѣчкѣ на Березѣ, мало не добжавъ Бѣдрого яму, и радъ бысть ему Князь . . . И придоша на него въ Тюхольскъ К. Иванъ Фед. Овчина, да К. Романъ Ил. Одоевской, да К. Дм. Ив. Оболенской Шкурлешевъ, да К. Вас. Фед. Оболенской - Лопанинъ, да Опольничей Дм. Данил. Сѣлпой, и начаша наспунати на заднихъ спорожовъ. Князь же Андрей восконѣ бившися, и Воеводы Московскіи начаша посылати къ нему, чтобы крови не пролилъ, а Государь и мать его отпускають тебя на шую ошину неверидно, и Бояръ шивохъ. И не успѣша дѣла въ словѣ положити, понеже присѣ вечеръ. И съ того спашу отъ К. Андрея побѣжалъ К. Коспантинъ Фед. Прохвской, да шущего Гаврида, да Ключникъ. И на завтра Воеводы даша клипву К. Андрею . . . и бывши К. Андрею близъ Москвы у Св. Николы на Хынскѣ, и шхито отъ его *Стопанниковъ*, К. Иванъ Шахъ Червятинской, нача совѣщивати съ Стопанники, дабы ему сложиши съ себя К. Андрею цѣлованье, убояся пошашья, и не добыща собѣ поборника никого же. Бысть же у посаду у Москвы, противъ Хлынова, и нача складывати съ себя арестное цѣлованье Ивану Ивановичу Колычову Униному, чтобы Князю сказала. Иванъ же въ томъ ему словѣ спречьсь.“ Въ Архивѣ Иностран. Кол. сохранились нѣкоторыя бумаги о дѣлѣ Князя Андрея. Выписываемъ изъ нихъ слѣдующее: „К. Андрей Ивановичъ велѣлъ шобѣ, Государыни шроей (Еленѣ), челомъ ударити Намъ по грѣхохъ ошѣ осени немощи достигла великая . . . и Государь приказалъ къ намъ съ великимъ запрещеньемъ, чтобы намъ у него однолично быти а прѣжь сего шого не бывало, чтобы намъ къ вамъ, Государемъ, на носилахъ волочили; и ляз швоею больнью и бѣдою съ кручины ошбьлъ ума и мысли И вы бѣ, Государи, показали милосость, огрѣли сердце и живонъ холоду своему своимъ жалованьемъ.“ Митрополитъ Даниилъ велѣлъ Епископу Досевею говорить шакъ предъ Княземъ Андреемъ: „Ты хочешь оставити благословенье ошца своего и гробы родителей, и швятое опечество и все шѣ, чадо непослушное, самъ на себе налагаешь шягосшь церковную и юзу вѣчную Не буди на тебѣ милоспи Вожія да будещи шроклать.“ Въ *Синод. Лѣт.* No 361, л. 191: „Декабря 10 въ 7 часу шочи прешавшися К. Андрей Ивановичъ въ кушѣ шпиральческой смертно шѣ поланиѣ на дворцѣ у Рожества Ивана Предшечи.“

(17) *См. Синод. Лѣт.* No 361, л. 138 на об. и 181. Першыи, Финляндскіи послы прѣѣжали въ Москву 16 Генваря въ 1836 г. и названы Гуснавъ Лавровъ, Митчанинъ Лавровъ (у Далика Гудмундъ Ларсонъ, Матсъ Ларсонъ) и Олбрехъ Олкимовъ; а вторые, Шведскіи, прѣѣхавши 26 Февр. 1837, Кнушь Андрей съ шоварищи. Договоръ ихъ съ Новгород. Намѣстниками, подписанный 26 Марша, хранится въ Архивѣ Иностран. Коллегіи. Даливъ пишеть (III, гл. 5), что Гуснавъ не утвердилъ договора, заключеннаго первыми Послами.

(18) *См. сію грамоту въ Архивѣ Иностран. Коллегіи No 3 между Лиф-*

дьяцвейшии. Со спороны Псковичианъ были при договорѣ Старосты Богданъ Ковыринъ, Назаръ Глазшой, Андрей Анкудиновъ; отъ Магистра же Иванъ Лодень и Федоръ Корфъ. О границѣ сказано: „по Норовъ рѣкъ „спержнемъ.“ О торговлѣ: „горою и водою пушь чистъ А корчмы „Нѣмцомъ во Псковской земли не продавати, а цѣны товаровъ у Нѣмецкихъ гостей Псковичемъ не уставливати и гостинцовъ не имати; а во „ску у Псковскихъ гостей Нѣмцомъ не колунати, опричь того, что у „колунивъ не много на опыль, да ему жь опидани назадъ А выше „десяти рублевъ будешь каково дѣло, ино въ нѣхъ Нѣмецкихъ городѣхъ „Псковичина съ Нѣмчиномъ не судити, а даши Псковичина на поруку, „да о томъ сослашися съ Намѣстники Великаго Государя.“ См. *Синод. Лѣт.* л. 142. Тамъ сказано, что Послы Ливонскіе пріѣхали въ Москву 16 Марша 1536; а въ грамотѣ, что перемиріе заключается отъ 1 Октяб-бра 1534.

(19) См. *Синод. Лѣт.* л. 124, 129, 131, 154. Прежде Тимоея Васильевича Заболоцкаго ѣздилъ въ Молдавію Посланникъ Иванъ Прокудинъ.

(20) См. Канцелярскую Исторію Опшом. Имперіи.

(21) См. *Синод. Лѣт.* л. 193. Грекъ Андрейя пріѣхалъ 6 Марша вмѣстѣ съ Монахами Синайской горы, у которыхъ было письмо отъ Царградскаго Патриарха къ Вел. Князю.

(22) Вел. Князь въ Окп. 1536 году послалъ въ Астрахань сына Болр-скаго, Фед. Выкова: онъ возвратился 30 Августа 1537 съ Царскимъ Посломъ, К. Ишимовъ, который 17 Окп. выѣхалъ изъ Москвы съ Волрск. Сыномъ Ив. Клаушнскимъ. Ногайскіе Ташары Мангевы ограбили ихъ въ степи. Узнавъ, что сдѣлалось въ Астрахани, Болре велѣли Клаушину возвратиться, а К. Ишиму отправили шуда Волгою.

(23) См. Дѣла Ногайскія, № 2, л. 7, 9, 18, 67, 103. Ногайскіе Послы были въ Москвѣ въ 1534, 1536 и 1537 годахъ. Иногда, на возвратномъ пути, они грабили въ Россіи. Отъ насъ также ѣздили посланники въ Ногаи.

(24) См. Дѣла Польскія № 2, 167-169. Въ Переписной Архивской Книгѣ № 1, л. 247 на об. означено, что еще въ 1531 году были посланы Мешко Ивашинъ и Булгаковъ къ Венгерскому Королю Фердинанду.

(25) Въ Генв. 1534 поѣхалъ Сынъ Болр., Тимоея Заболоцкій къ Сигизмунду съ извѣстіемъ о кончинѣ Василія, и возвратился 22 Юля. См. Дѣла Польскія № 2, стр. 154. — Въ Юль Великокняжескій Посоль, Федоръ Ив. Беззубецъ, ваялъ присягу въ Казани съ Царя и народа.

(26) 8 Мая. Пѣнниковъ взяли полько 53.

(27) Бѣльскому далъ Король Зизморы, Споклискіи и Кормялово, а Ляпцкому съ сыномъ Высокій Дворъ и Жолудокъ въ Троцкомъ Воеводствѣ (См. Сприковскаго).

(28) См. *Царствен. Кн.* 38-40, *Синод. Лѣт.* л. 132-134, и *Архив. Лѣт.* л. 10-11.

(29) См. *Архив. Псков. Лѣт.* — Въ *Архив. Ростов. Лѣт.*: „многихъ по „своей Вѣрѣ православній оплуцали, а Церкви православныя вельми че- „стно велѣли держати воинству,“ и проч.

(30) *Царствен. Кн.* 40, *Синод. Лѣт.* л. 135-137, и Дѣла Крымскія № 3,

л. 130. Въ *Псков. Лѣт. Гр. Толстаго* сказано, что въ войскѣ Московскомъ находились Ташары съ Царемъ своимъ, лыжники и Мордвичи Ризакские; что онъ на возвратномъ пути шелъ черезъ область Псковскую и весьма опягопилъ землю поборами. Сей Царь долженъ бысть Шигъ-Алей; но еше Василій сослалъ его на Белоозеро. Здѣсь Лѣтописецъ по видимому ошибся, равно какъ и въ томъ, что будто бы Алей заточили въ 1534 году. Онъ пишетъ: „Въ лѣтѣ 7042, въ Великій поспѣ, засадиша на Московѣ Царя Шигъ-Алея и послаша его на Белоозеро, а людей его по городомъ разведоша, во Тверь и въ Новгородъ и во Псковъ съ женами и съ дѣтьми; и приведоша ихъ во Псковъ и наредиша имъ избы на Ядсковѣ дворъ у Трубиховскихъ воровъ; а Дьяка Колпырю Ракова свель Князь Вел. на Москву, и бысть Псковичемъ радостъ; а онъ многія поштатны уставилъ, а нога у него крива... Мѣсяца Юня (1535) посадиша Ташаръ Царя Шигъ-Алея людей 73 въ шюрму въ среднемъ городѣ подъ Бурковскимъ кастромъ на смернь, и малыхъ дѣпочъ 7; и ши изоброща, и выкидаша ихъ вовъ, а 8 живы оспашася ни жены, ни кормленъ; а ихъ приблиши, а Камуней посадиша въ иную шюрму... И Владыка Макарій (въ 1536 г.) упроси у Вел. Князя на свое бремя Ташаръ Шигъ-Алея женъ, кои сидѣли въ шюрмахъ въ Новгородѣ и во Псковѣ, и подаваше ихъ Священникомъ и повелѣ ихъ крестити, и бысть радостъ велія въ людехъ, и начаша ихъ Священники давати замужъ, а онъ къ Вѣрь Хр. добры быша.“ Въ Новгородѣ умерло Шигъ-Алеевичъ Ташаръ въ шемницѣ болѣе 30. Одинъ изъ нихъ, Осанъ, крестился, и былъ названъ Михаиломъ (см. Архив. *Ростов. Лѣт.*); а женъ Ташарскихъ крестилось мамъ 43, дѣшей 36, во Псковѣ женъ и дѣшей 61, въ Орѣшкѣ 12, въ Корель 30.

(31) См. *Синод. Лѣт.* л. 129 на об.

(32) Генв. 8, 1534 г., отправился къ Хану Посланикъ Иванъ Челщецъ; Юня 22 Исламъ увѣдомилъ Вел. Князя о своемъ воцареніи. Вспорыи нашимъ Посланикомъ въ Тавридѣ былъ Федоръ Логиновъ; а Князь Мезецкій съ большою казною поѣхалъ шуда въ началѣ 1535 году. Исламовъ Посланикъ Вудамый Мурза, на возвратномъ пути, въ Новгородѣ Сѣверскомъ поборился въ корчмѣ съ людьми Намѣстника, К. Ивана Варбашина, и былъ раненъ или въ драхъ: Правительство наше выдало ему сихъ людей головою. Исламовъ Посолъ, К. Темецъ, подалъ грамоты самому Иоанму 14 Генв. Для испребованія отъ Хана новой шершюй грамоты ѣздилъ къ нему Данило Загряской (см. Дѣла Крымскія No 8, л. 3-203).

(33) См. *Синод. Лѣт.* л. 144-147. Вшорымъ начальникомъ Московской рати былъ К. Данило Дмитриевичъ Провскій. Въ числѣ другихъ Воеводъ именуется К. Федоръ Курбскій, К. Василій Охлябининъ, К. Трокуровъ, и проч. Въ *Псков. Лѣт. Гр. Толстаго*: „Псковичи наредиша 500 пищальниковъ и 3000 коней въ телегахъ и человекъ на кони, и 3000 четвертей овсяной засны шолокно, 3000 полшей свинины, 3000 четвершей солоду, 360 четвершей гороху, 360 сѣмени конопляного, а на Москву послаша пищальниковъ 400 — все шо одного году. А Новгородцы посохи много послаша Себежа новаго дѣлаши, 60 вершкѣ онъ Опочки, въ Цешровъ дѣкъ, а дѣ-

„чашъ бысть Поля 25; затворища его и освятища церкви Ускниженіе „Главы Св. Іоанна, да придѣль Св. Неколы, да другой Царя Константіа „на; а Свещениковъ *трехъ* послали изъ Пскова. Въ Архив. *Ростов. Лѣт.*: „И градъ пославши на Себежъ, и Князь Великій приказалъ Архіеписко- „ду Макарію Свещениковъ Соборныхъ шуда послаши, а самому имя гра- „ду нареци и Макарій имя нарекъ *Иванъ-городъ на Себежѣ.*“

(34) См. Дѣла Крымскія, л. 209, 227.

(35) *Синод. Лѣт.* л. 147-150. Въ *Псков. Лѣт.* Г. Толстаго сказано о числѣ Татаръ. Воеводы Московскіе посылали за Оку шри опрада выгнать ихъ изъ Рязанскихъ предѣловъ.

(36) См. *Синод. Лѣт.* Въ *Царствен. Кн.* сказано, что Щенинь *встрѣ- тилъ* непріятелей и сдѣль имъ городъ.

(37) См. *Синод. Лѣт.* л. 150-152. О подкопѣ сказано: „наспавиша въ „яму подъ стѣною множество бочекъ съ иущезнымъ зелемъ, и позажго- „ща само свѣчи, и догорѣша свѣчи до земля, и гряну аки громъ;“ а въ *Псков. Лѣт.* Г. Толстаго: „подкопанася подъ стѣну доо сажень, и под- „капища норами боѣки съ зельями и зажгона съ устья, и преснуша зе- „ле, и вынесе 4 прясла стѣны и спрѣльяницу.“ Въ Архив. *Ростов. Лѣт.* прибавлено, что у Липовцевъ было два *городѣя*, и что Воеводы Спиро- дубскіе сказали дружинѣ: „братіе! аще не нынѣ умреть; умреть убо „всяко, но поспраждемъ за Свяную Вѣру.“ — Въ Почепѣ Воеводою былъ К. Юрій Вас. Ущачій: его за болѣзнію отвезли въ Москву. Федоръ Сувкинъ названъ *Осадникомъ*. Липовцы, оставивъ Спиродубъ, шли мимо Почепа, гдѣ бродило, среди дымящихся разваливъ, нѣскольکو бѣдныхъ людей, конорыхъ они заспаивали присягнуши Королю Сигизмунду.

(38) Здѣсь сія Царевна именуется *Ковгошадѣя*, а прежде названа была *Горшадною*. Далѣе: „Октябра въ 4 прѣхалъ Фешко Дѣвочкинъ Новогоро- „дець, а посланъ былъ въ Казань съ Фед. Беззубцовымъ, а сказаль, что „Князи Казанскіе, вынустивъ Еналея Царя изъ Казани, на рѣчкѣ Казани „велѣли его убити Сенип. 25.“ Въ дѣлахъ Крымскихъ сказано (№ 8, л. 267 на об.): „и спалъ Еналей молодоспую ѣздиши не по прегожимъ мѣс- „тпомъ, и въ Казани лихихъ людей много, люди съѣзкіе, и они Царя уби- „ли . . . и прочъ поѣхали въ Азитороканъ и въ иные мѣста; а другіе по- „боилися, да взяли Царевича изъ Крыма Сафа-Гирелъ.“ А въ *Казан. Лѣ- толписѣхъ* сказано, что Еналей убитъ спачій. О женитьбѣ Сафа-Гиреекой см. Дѣла Ногайскія, № 3, л. 110 на об.

(39) „25 Окт. прѣхали на Москву Казаки, Городецкіе Татарове, а уби- „ли на Волгѣ 100 человекъ ихъ, а сказывали, что Казанскіе Князи, Ша- „баль Епанчинъ, да братъ его Шабалашъ, да Карамышъ съ братомъ Евлу- „пемъ, Хурсуловъ братня, и съ ними Князей и Мурзь и Казаковъ съ бо „человекъ изъ Казани вышло, и къ нимъ на островъ изъ судовъ выходили,“ и проч.

(40) За Шигъ-Алеемъ посылали К. Никшпу Туренина. Онъ прѣхалъ въ Москву 12 Дек.

(41) „Князь Великій велѣлъ Царю испати и звалъ къ себѣ карашена- „шисъ и състи съ правые руки на другой лавкѣ.“

(42) „Князь Федорова Княгини Мих Мстиславского Княгиня Анастасія, да Елена Иванова жена Андреевича, да Аграфена Васильевская жена Андреевича“ (Челядники) „и иные многіе.“

(43) „К. В. Василей Ивановичъ вскормилъ меня какъ щеня Хочу умерещи яко же братья мой, чшобы и мѣя шощь *миньялѣ* (пашню) съ себя свеситъ.“

(44) „Велѣла (Елена) встрѣтити ея у саней Огрофенѣ Ивановской жевѣ Вольнскаго, да съ нею молодыя боярыня, и какъ Царица вошла среди дѣвицы, и шупо встрѣшила ея Боярыня Огрофена Васильевская, жена шакже съ молодыми Боярынями И Князь Великій вошелъ въ податю, и Царица восшала, и Князь Вел. молвилъ Царицѣ: *Табугѣ Самаилѣ*, и съ нею карашевался, и сълъ у Царицы съ правой руки, а Бояре по обѣ стороны; а у Вел. Княгини были Княгиня Анастасія (Мстиславская), Боярыня Елена да Огрофена (Челядники), да Огрофена, жена Вольнскаго, и иныя.“ За споломъ Царица сидѣла у Елены на правой сторонѣ въ углу, а на лѣвой Княгиня Мстиславская, Боярыни Челядники и другія; на скамѣ Княгиня Марѣа Вѣльская, Вольнская и другія. У Елены былъ Кравчимъ Иванъ Ивановичъ Челядникъ.

(45) Въ *Цвѣтвеч. Кн.* стр. 64: „Елена носовѣшвала съ Бояры, чтѣ пригоже ли у нее быши Царю, зане же еще Вел. Государь младъ, а положеніе Царскаго скищенира и державы на ней,“ и проч.

(46) „Окш. 24 прѣхаль изъ Казани Данилко Смагинъ а сказалъ, что Царица Сафа-Гиреева, а Мамаева дочь, изъ Нагий въ Казань прѣхала, а ѣздилъ по нее Табай Князь, да съ ней не прѣхаль въ Казань, а шлого вѣдома нѣтъ, гдѣ ся дѣлъ.“

(47) „Пришли къ Сурѣ“ (Гундоровъ и Замыцкій) „и нашли на Смыгу Ташаръ и возвратились; а Ташарове пришедъ на Нижегородскіе мѣсна пощю на сонные люди, Дек. 24. повоевавъ да и прочь пошли; а Воеводы изъ Нижн. Новогорода за ними, а чалли, что Ташарове придуть къ Мещерскимъ Воеводамъ, а они изади, а К. Сем. Гундоровъ и Вас. Замыцкой ушли въ Мещеру, и Князь Великій и маше его велѣли Нижегород. Воеводамъ воротитись Генваря 6 приходили Ташарове на Влахну и бѣглыхъ людей на Волгѣ много поскли и съ полономъ поиди и учинилася вѣспѣ Воеводамъ Муромскимъ и Новгородскимъ, и К. Федоръ Мстиславской и Нижегород. Воеводы вышли, и загощици Ташаръ 50 человекъ убили, и Ташаръ дойдша на спановищехъ, и дѣла не дѣлали, чшо ночь пришла,“ — и проч. Въ Генварѣ же разбили Ташаръ въ Коряковѣ.

(48) *Синод. Лѣт.* л. 169. Въ церкви были предѣлы Богоматери, Покрова и Св. Сергія. Въ *Псков. Лѣт.* Г. Толстого: „не мы ихъ (Липовцевъ) побили, но Богъ ихъ побилъ, овыхъ избыша народомъ городовиѣ, а иные во озерѣ истопноша, а иныхъ подъ спѣной побиша аки свиней, и Ририка Воеводу убиша Липецкого.“ Въ Архив. *Рѣсков. Лѣт.* прибавлено, чшо и два чародѣя, бывшіе съ Липовцами подъ Стародубомъ, ушопуди въ озерѣ.

(49) *Синод. Лѣт.*, л. 170-172. Почепъ возобновленъ въ Окш. 1535, а Стародубъ вескою въ 1536 г. Воевода К. Ив. Вас. Горенскій ходилъ отшуда

къ Любечу, сжегъ его острогъ, убилъ, плѣнилъ множество людей подъ городомъ и въ разныхъ обласняхъ Липовскихъ. — К. Иванъ Барбашинъ, 19 Апрѣля, основавъ новую крѣпость Великъ на старомъ городищѣ и докончавъ ее въ Июль, сжегъ Винибецкій посадь, и проч. — Въ *Псков. Лѣт.* Г. Толстого: „Тоя же весны поставиша новой городъ на Заволочьѣ озеро, а островъ Грудя, и ичаша званъ его по озеру городъ Заволочье, и церкви поставиша Покровъ, а придѣлы Иоанни Удѣнковеніе Главы, да Георгія Великого, и присудъ съ дворець и Намѣстниковъ дву, и посаждаѣтъ свѣли ка Заволочье.“ Въ *Царствен. Кн. 59*: „вельдъ Вел. Кн. посна-дъши во Ржев. Увадъ градъ землянъ Заволочье, и дворы Ржевскіе вельдъ перевезши.“

(50) Дѣла Крым. No 8, л. 246. Сіе было въ концѣ зимы 1536 года.

(51) *Синод. Лѣт.*, л. 172. Тушъ были и Азовскіе Ташары.

(52) См. Дѣла Крым. No 8, л. 201-305. Послъ Темеша Исламъ присылалъ еще въ Москву Князя Бачака для возобновленія союза.

(53) Въ *Синод. Лѣт.* л. 147: „а Ляцково вельдъ Краль за спорожи держаша.“

(54) См. Дѣла Польск. No 2, стр. 155-159.

(55) Послы Липовскіе прѣхали 14 Генв., а выѣхали изъ Москвы 18 Февраля. Секретарь ихъ, Венцлавъ Николаевичъ, былъ, по сказанію Лыонисца, *Всемирнаго Закона (Синод. Лѣт.* л. 179 на об.). Кромѣ Себежа и Заволочья Россія взяла волость Долійскую съ селами Чечерскими и Крычевскими, Задѣсье, Бабичи, Сеѣншиловичи, Голодно, Скарбовичи и Липечи. Подлинная перемирная грамота находится въ Архивѣ подъ No 11.

(56) Дѣла Польск. No 2, стр. 166-169.

(57) Дѣла Крым. No 8, л. 308, 317 и 318 на об. Исламъ пишетъ: „Салтапъ говорилъ: коли только Исламъ умеръ“ (ибо въ Константинополѣ разнесся ложный слухъ о его смерти) „иже-де и вся земля нечестивыхъ моя ся учинила; а коли будетъ Московская земля моя, а нечестивыхъ земля Липовская плоды ужъ у меня въ рукахъ.“

(58) Дѣла Крым. No 8, 318-331. Объ угрозахъ Симеона Вѣльскаго Великій Князь писалъ къ Исламу: „Нашъ холопъ Вѣльской, позабывъ Бога и наше жалованье и свою душу, неподобные рѣчи говоритъ: мы него холопа рѣчи ни во что имѣяемъ; а кто ся на насъ подвигнетъ и похочетъ намъ недружбу дѣлати, и мы съ Божьею волею проишь своихъ недруговъ можемъ спожати и дѣла своего беречи.“

(59) См. Дѣла Ногайск. No 2, л. 185, 186.

(60) Узнавъ о мирѣ Саитъ-Гирей съ Исламомъ, Бояре посылали къ первому гонца съ грамотою и съ дарами, а послѣ и знающаго чиновника Никишу Мясного. Саитъ также писалъ къ намъ дружелюбно (см. Дѣла Крым. No 8, л. 214, 344, 374).

(61) См. тамъ же, л. 416, 425, 473, 478.

(62) „Того жъ мѣсяца 23 (Юня 1536) прислалъ Мурза Галдей Городецкой, что присылалъ ихъ Князь Великій на Волгу 300 человекъ беречи въ Казаи и изъ Казаи въ иные Орды посылокъ, и пошелъ изъ Казаи въ мѣсто Орды Уланъ Тебенскъ со многими людьми, и Казаки наши ихъ побилъ,

да Тебенека и 14 человекъ поимал Того жь лѣта приходили Татари
 „рове на Костромскіе мѣста и на Галичскіе, и Князь Великій послалъ Вос-
 „водъ Мих. Сабурова, да К. Цешра Цестрого Князь Вас. сына Засѣкина,
 „и Воеводы, не собрався съ людьми, поскорили наѣхати на Татарь, и они
 „по грѣбкомъ разогнали ихъ, и К. Цешра, да Мещика Полева убили . . .
 „Учали вѣсти приходить, что Сафа-Гирей собираетца съ Казанцы и съ
 „Крымцы и съ Ногаи на Костромскіе мѣста, и Великій Князь послалъ
 „Воеводу въ Володимерь и въ Мещеру. Царь же Казанской, яко смѣи
 „вынырнувъ изъ хврасія, приде безвѣстно Генв. въ 15 годъ Муромъ . . .
 „Изъ пушекъ и изъ пищалей изъ града била ихъ много Царь же
 „слышавъ, что Воеводы изъ Володимера и изъ Мещеры идуць къ Мурому,
 „му, и пошелъ прочь,“ и проч.

(63) См. Дѣла Крым. No 8, л. 480.

(64) См. *Никон. Лѣт.* спр. 2, *Синод. Лѣт.* л. 127 и 144. Въ *Ростов. Лѣт.*: „поставиша градъ около посада, сиденаху шонкій лѣсъ около большаго древія и внутрь насыпаху землю и крѣпко утвержаху, и привезоша къ каменной стѣнѣ и на вершѣ устроиша градъ по обычаю и нарекоша *Китай.*“ Сію деревянную стѣну разобрали, когда начали строить каменную. — Въ *Синод. Лѣт.* No 365: „Вел. Князь велѣлъ городъ Китай здѣлати и шорги всѣ ввезти въ городъ, они Никольскихъ воротъ по Неглиннѣ ввержъ къ Троицѣ, гдѣ ся поля биди, да по Ивановъ Дворъ Человѣчнина, да по Коневой площадкѣ на Васильевской дугѣ къ Кузма Девляну на Воспроей Конецъ, да ввержъ по Москвѣ рѣкѣ къ Свиблоевъ Сирѣднѣ.“

(65) См. Оларія. *Китайскіе* назывались многіе изъ Татарскихъ чиновниковъ, и даже Андрей Боголюбскій во младенчествѣ своемъ, какъ сказано въ *Синодисѣ.*

(66) Городъ въ Мещерѣ на Мокшѣ строили отъ 17 Дек. 1535 до 27 Марша 1536, Вуйгородъ на Корегѣ въ томъ же году, Балахну отъ 20 Июля до Октябрия въ томъ же году, Пронскъ также. Въ лѣтописяхъ сказано, что сами жители Мещерскіе и волостей Костромскихъ пребывали основанія двухъ первыхъ городовъ. — Владиміръ горѣлъ 13 Апр. 1536. Чашь стѣны обратилась въ пепель. Изъ Соборной церкви вынесли иконы, сосуды и книги; половина ея кровли сгорѣла. Для спроенія посылали шуда изъ Москвы Испому Курчева. — Пожаръ въ Ярославѣ былъ 9 Июля 1536, а въ Твери два раза лѣтомъ, въ Іюнь и 22 Июля 1537. Не осталось ни одного двора. Въ Соборной Тверской церкви сгорѣли всѣ древнія иконы и книги. Епископа Акакія (какъ сказано въ *Архив. Ростов. Лѣт.*) едва *члвкали* изъ города *промежь двухъ коней*. Темникоу переезевъ на другое мѣсто въ 1536 году; строилъ его отъ 29 Марша до 2 Августа. Успюгъ окруженъ стѣною деревянною и Вологда распристранена въ томъ же году, подъ надзираніемъ Московскихъ чиновниковъ, Данила Загрязскаго и Ивана Боброва. — Въ Новгородѣ на Софійской сторонѣ сдѣлали деревянную стѣну въ Іюль 1534 на счетъ однихъ городскихъ жителей. — Въ *Архив. Ростов. Лѣт.* л. 611: „Тое жь *лѣтны* (г. 1535) въ Великій постъ выѣхали изъ Литвы на Государево сло-

„до приезда сеней съ жеманами и съ дѣшьями.“ Тамъ же, л. 610: „Государь ии вѣсти его повелѣли Владыкъ Макарію въ ту вѣду“ (на выкупъ плѣнныхъ) „самоу вкупу быши по обожному щену въ своей Архіепископѣнѣ со всѣхъ монастырей . . . и Макарій скоро подвигся и повелѣ собрати 700 рублевъ, и посла къ Государю своего Князя Мих. Фед. Оболенскаго, да Дьяка своего Одица Ноября 22.“ О повѣдкѣ Макарія въ Москву въ Дек. 1534 см. тамъ же.

(67) Въ Синод. Лѣт., л. 143: „Князь Великій и мати его, видѣвъ неправду въ людехъ, денегъ умножись поддѣльныхъ и рѣзныхъ, и восхотѣ по лукавству вывесити, и повелѣ дѣлати деньги новыя, изъ гривенки по три рубли, а старыя и поддѣльные и рѣзавыя передѣлывати, а поддѣльными и рѣзанными не ходити; а въ старыхъ въ деньгахъ въ добрыхъ, въ Новгородкахъ и въ Московкахъ, въ гривенкѣ целпренья рубля съ гривною; и Великая Княгиня велѣла прибавити въ гривенку новыхъ денегъ, чпобъ было людемъ не великой убытокъ ошъ лихихъ денегъ . . . и впредь не дѣла лихимъ деньгамъ ходити; а поддѣльничковъ и обрѣзничковъ велѣла обыскивати и казнити.“ Въ Архив. Россод. Лѣт.: „Повелѣ Вел. Князь дѣлати новыя деньги на свое имя безъ всякаго приѣвса изъ гривенки изъ *каловые* 300 денегъ Новгородскихъ, а въ Московское число три рубля равно; а по указу оица его изъ гривенки дѣлали 260 денегъ Новгородскихъ, а въ Московское число *политретья* рубли съ гривною. А при Вел. Князѣ Василіи Иоанновичѣ бысть знамя на деньгахъ Князь Великій на конѣ, а имѣя мечъ въ руцѣ; а К. В. *Иоаннъ* Вас. учини знамя на деньгахъ Князь Великій на конѣ, а имѣя коніе въ руцѣ, и оишлоѣ прозвашася деньги *колейчыя* . . . Безуміи въ толико безуміе пришедше яко половину у всякой деньги опирѣзавши, и гривенку досѣвши въ 300 денегъ и больши . . . и того ради въ людехъ клывы и злыхъ словесъ безъ числа наполнися . . . ини ималѣ обогашѣша, а вскорѣ погибоша; многи напрасными и безгодными смертными изомроща . . . И наптача (въ Новгородѣ) дѣлати новыя деньги Юня въ 20; а во дворѣ дѣлечномъ велѣла Князь Великій смотрѣти накрѣпо масперовъ своему гостю Московскому Богдану Семёнову сыну Курюкова съ шоваричи.“ Въ Синод. Лѣт. № 365: „Въ лѣто 7042 Септ. на Москвѣ казнили многихъ людей въ деньгахъ, Москвичъ и Смоленлянъ, и Коспромичъ, и Воложанъ, и Ярославцовъ, и иныхъ многихъ городовъ Московскихъ, а казни была: олово диди въ рошъ, да руки съкли.“

(68) Герберштин R. M. Com. 80, и Одерборн. Joannis Vas. Vita, стр. 251, 252, въ Рег. Мосcov. Аuct.

(69) Въ 1536 г., 20 Юня, Елена съ двумя сыновьями, съ Боярами К. Ив. Вас. Цецковыми, Коношиимъ Теленевыми, съ Дворецкимъ К. Ив. Ив. Губенскимъ и со многими иными ѣздила къ Троицѣ и возвратилася 22 Юня; туда же 21 Юня и 29 Септ. въ 1537 году; а въ 1538, Генв. 24, въ Можайскъ, поклонилася шавъ образу Св. иколая.

(70) R. M. Com. 80: ipsam (Елену) quoque itam saevientem, veneno sublatam, и проч.

(71) Синод. Лѣт. л. 194.

Въ лѣтописяхъ Еленина времени находятся еще слѣдующія известія:
24 Окт. или Дек. 1533 „во градѣ Москвѣ видѣна мнози людие звѣзды по
„небеси пропигахуся яко же вервы, и лешаху съ Воспоемъ на зимній Западъ.“

Въ 1534 году, въ Февр. „отъ иконы Св. Варвары бысть чудотворе-
„нѣ, слѣвни прозираху (и проч.) еже бѣ за шоргомъ у Пискаго двора;
„а прежде сего чудотворенія быша впаивѣ, а чинѣ явлена и видима . . .
„На Покровъ бысть вражнѣмъ наводженіемъ страхование велико въ Ше-
„лонской (Новгородской) Пятницѣ въ 5 погоспѣхъ, въ Косицкомъ, въ Пе-
„редольскомъ, во Фроловскомъ, въ Пепровскомъ, въ Городецкомъ: кача-
„ша люди бѣгати никимъ гоцими, а мнѣна вси яко иноплеменицы на
„нихъ идущи; и много иконы учинилося, и 15 человекъ безъ вѣсни по-
„гибе.“ См. Архив. Ростов. Лѣт.

Г. 1535. „Выспись шого лѣта, купили чепвертку (въ Новгородѣ) по 2
„денеги Новгородскую ржи, а коробью ржи по 7 денегъ Посылалъ
„Архіеп. Макарій преждеписаннаго Инока Илію въ тѣ же мѣста и по-
„велѣ въ Чюдской земли разоряши ихъ обычаи, и женамъ ихъ влассовъ не
„постригаши, и ризъ яко мершечихъ на главахъ и на рамѣхъ не носи-
„ши, и кудесы своя проклнши: шаковъ бѣ обычай злый въ Чюди и въ И-
„жерѣ и по всей Корельской земли . . . Апр. 11 основана бысть церковь
„кам. Св. Георгія на Хутыни, и совершиша ю въ два лѣта о единомъ вер-
„сѣ, но вельми чудно, яко шаковы нѣснѣ въ Новгородской земли: околь-
„ная стѣна шѣя угловъ 8, а двери 5, при Игуменѣ Θεодосіи; а прежде
„была церковне на шомъ мѣстѣ кругла яко сполнѣ и не широка, по-
„лико сажени единыя со олшаремъ внутри . . . А спроишель церкви Игу-
„мень Θεодосій, иже взявъ бысть изъ Іосифова монастыря; а мастеры
„Тверскія земли: большему имя Ермола; а отъ дѣла дано полседесять
„рублевъ, а весь запасъ и нарядъ домовой“ (см. тамъ же).

Г. 1536. „Преложена бысть Псалтирь Толкаширь Римскаго писа-
„нія и рѣчей на Руское писаніе и на Рускую рѣчь въ Вел. Новгородѣ,
„повелѣніемъ Владыки Макарія, и совершенія достигже Окт. въ 15, въ
„ней же и полковниковъ 6: Бруно Епископъ Гербинопскій, Геронимъ Пре-
„свищерь старѣйшій Великія Церкви Римскія, и Августинъ оупъ Адрикинъ,
„Тригорій Великій, Веда Пресвищерь, и Кассіодоръ; преложи Димитрій,
„званный Толмачъ, во старости маститѣ; аще и Схоласника себе на-
„рекъ, но Раввунн своему оупъ всея души послужилъ Макарію, и вешая
„попови и наполни воистинную мѣру напканну и поспрасну.“ (См. сей *Ис-
„торіи* Г. VII, примѣч. 340) . . . „Тое же весны прислалъ Князь Великій въ
„Новгородъ своего сына Болыарскаго и конюха Бунду, да Подъячаго Ива-
„на, и повелѣ пожни у всѣхъ монастырей отпаяти около всего града и у
„церквей, и давани ихъ въ бзавъ, что копорая пожня сполнѣ, тѣмъ же
„монастыремъ и церковникомъ, а се учинилося по оклеветанію нѣкогого
„безумна человека.“ (См. Архив. Ростов. Лѣт.) — „Обложили церк. кам.
„Вориса и Глѣба на старомъ мѣстѣ въ Плотинскомъ Концѣ, Мая въ 14,
„да спарую разрушиша, а основанія съ земли не двигнуша, и совершиша
„ю о 5 версѣхъ въ 3 мѣсцѣ; а мастеровъ большихъ 20 человекъ, и даша
„ъ 60 рублевъ и шри; а спроена двѣма улицы, Запольскую и Конюхо-

„вою... Юня 13 вставана церк. каз. Похвала Богородицы на старомъ
 „мѣсцѣ о трехъ версѣхъ, повелѣниемъ Боголюбиваго челоѵка Аѵанасія
 „Филиппова Новгородца съ Лубяницы; а масперь Новгородецъ: имя ему
 „Игнатій *Суререга*. Тое же осени поставили мостъ цовой въ Неревской
 „Конецъ ко Свѣ. 40 Мученикомъ. Ноября въ 27, въ первомъ часу юни,
 „бысть знаменіе въ дунѣ, и спа яко кровава, а свѣтлаго мѣста яко мен-
 „ше пятыя часни“ (см. памъ же). Г. 1537 „Архіеп. Макарій ко Пас-
 „дѣ у Церкви Св. Софіи обложи сребромъ большою Дѣисусъ 13 иконъ и
 „украси златомъ. — Тое же весны присланъ съ Москвы въ Новгородъ
 „Сынъ Волярской, храбръ воинъ, Вас. Мих. Тучковъ, на собраніе воинска-
 „го чину; и слыша Владыка Макарій, яко издѣйска сей Василій навъкъ
 „Св. Писанія, и пача его благословляши на духовное дѣло: пайну Царе-
 „ву, чадо. храни, а дѣла Божіи ясно напиши и чудеса Михаила блаженна-
 „го, нарицаемаго Саллоса, жившаго у Св. Троицы на Клопки; прежде бо
 „написана быша, но вельми просно: понеже бо погда челоѵцы въ Но-
 „вѣгородѣ еще быша не искусии въ писаніи. Сей же Василій вѣтхая по-
 „нови и вельми чудно изложи, храбрый воинъ, свѣтлое око, и всегда во
 „Царскихъ домѣхъ живый, и мягкая нося, и подружіе законно имѣя, а
 „селика разума сподобися. Нача и соверши лѣша 7045, а мѣсяца и двѣи
 „не вѣмъ: полюко въ то время садове плодоносни вельми цѣтлоща, и вся-
 „кій овоць на шоржици продаяку, и полюко едино гроздіе еще оупъ Свя-
 „тпипела благословеціа не приять..... Тоя же осени поставили мостъ
 „въ Новѣгородъ на городяхъ въ Гончарской Конецъ ко Образу Святому. —
 „Окш. въ 21 освящена церковь Сръшеніе *теплая* на Дворницѣ; а се *на-*
 „*кальная* церковь *теплая* въ Новѣгородѣ, оирично того, что у Архіепи-
 „скона во дворѣ и въ обипелехъ“ (см. памъ же). — Г. 1538. „Во Славен-
 „скомъ Концѣ въ Новѣгородѣ, Авг. въ 8, на Павловѣ улицѣ, въ берегу у
 „шрубника Тимохи жена роди младенца женскъ полъ о дву главахъ, да о
 „дву рукахъ, да о четьрехъ ногахъ, а спанъ единъ, нушь единъ, а дѣшо-
 „родныя уды двои женска полу; а родился мерщвъ.“

(72) См. Т. VI, стр. 117.

(73) См. Послужный Списокъ Воляръ въ *Рос. Вѣстѣв.* XX, 27.

(74) Въ *Синод. Лѣт.*: „Апрѣля 9 поиманъ К. Иванъ Фед. Овчина-Телеп-
 „невъ-Оболенской Боларский совѣномъ К. Василья Шуйскаго и брата
 „его и иныхъ, за то, что его Государь въ приближенны дръжалъ.“

(75) Въ *Синод. Лѣт.*: „Пожаловаль ихъ (Государь) Воляршвомъ.“ Въ
 „Послужномъ Спискѣ (*Рос. Вѣстѣв.* XX, 28) Андрей Шуйскій наименовань
 „Воариномъ въ 1535 году; но лѣписчисленіе сего Списка весьма недоосто-
 „вѣрно: на примѣръ, смершь Конюшаго Телепнева, Еленина любимца, озна-
 „чена въ немъ послѣ смерши К. Василія Шуйскаго и К. Ивана Бѣльскаго,
 „убишаго еще будио бы въ 1539 году: а онъ жилъ и господствоваль до
 „1542 году.“

(76) Свадьба была Юня 6. К. Василій Шуйскій пожалованъ въ Воляръ
 „въ 1506 году (см. Списокъ Воляръ).“

(77) См. Т. VII, стр. 109.

(78) 21 Октября: см. *Царствени. Кн. 75*, и *Синод. Лѣт. Но 351*:

(79) По *Никон. Лѣт.* К. Василій умеръ въ Октябрѣ жѣ 1538 году: слѣдственно пошчасъ по сверженіи Вѣльскаго.

(80) 2 Февраля. Тогда былъ въ Москвѣ Архіепископъ Новгородскій, Микарій. 6 Февраля возвели Юасафа на Дворъ Мишрополчій, а 9 по-свишили.

(81) Самъ Юанѣ въ отвѣтной грамошѣ къ К. Курбскому пишеть: „Онь юности едѣное воспоминаю: намъ бо въ юности дѣисова играюще, а К. Ив. Вас. Шуйской сѣднѣ на лавѣ, локинемъ опершенои ошца нашего о доштелю, ногу положивъ къ намъ . . . И шаковой гордыни кшо можеть допнести? . . . А казю дѣда и ошца нашего безмисленую себѣ помана, ли въ шой нашей казвѣ исковаина себѣ сосуду зланыи и сребреныи, и ише-дла на нѣхъ родителей своихъ подисана; а всемъ людемъ вѣдомо, при ма-шери нашей у Князя Ив. Шуйскаго шуба была мухавръ зеленъ на ку-шницахъ, да и тѣ вешки: коли бы шо ихъ было сшарина, ишо лучше бы шуба перавѣшнѣ.“ — Въ *Псков. Лѣт.* Г. Толстшаго: „быша Намѣсшники шва Псковѣ свершнѣ акы лшове и люди ихъ акы звѣрие дивнѣ до Крешчѣнъ,“ и проч. См. также Архив. *Псков. Лѣт.*

(82) См. Дѣла Крымскія, № 8, л. 490-492: „Государскаго обычая не держалъ ошецъ швой какъ нешкусеный народъ, а шезже шикшорой Го-сударь шакъ не дѣлывалъ . . . Нашихъ людемъ у себя побилъ . . . и опослѣ шшого, уже два года шому, пошылалъ есмя въ Казань съ Керейзю своего „Кадыа, и швой люди на дорозѣ ихъ переймать, да къ шобѣ привели, и шмани швоя ихъ вѣдѣла побини . . . Болѣ сна тысячъ раша у меня ешть; ли возьму шедѣ изъ швовой земли шго одной головѣ, сколько швовой землѣ шубышка будеть, и сколько моей казвѣ шрибышка? . . . Чашѣ шена, какъ шреднѣ наши были; а се идѣ . . . и шы буди гошовы; язъ шкороясь ней-шму . . . Твою землю возьму; а шы захотешъ швѣ лихо чиниши, на моѣ шобѣ землю нейши . . . Съ великимъ Царемъ Магмедемъ, съ упокойни-комъ съ дѣдомъ нашимъ, изъ Суждаля шрадѣвъ швой Василій бился съ шнимъ, да и въ руки ему поналъ . . . А онъ его проснѣлъ . . . и Москву шему ошашѣ ошдалъ,“ и проч.

(83) Окольничій Шпенанъ Ивановичъ Злобинъ опшравляея Посломъ къ Хану въ 1538 году.

(84) См. *Архив. Лѣт.*, л. 51, и Дѣла Крымскія № 8, л. 514 на об. Крошѣ гошцешъ и Посланшниковъ съ обѣихъ сторонѣ, осенью 1538 году вѣдиль изъ Москвы въ Казань Посолъ Игнашій Ивановичъ Яхонитовъ; но Царь шребовалъ еше знаншвѣшшаго, и не опшравлялъ своего Посла къ намъ будшо бы для штого, шшо носился слухъ о походѣ Россіанъ къ Казани. (См. *Синод. Лѣт.* л. 195-210).

(85) См. *Казан. Лѣт.*

(86) Дѣла Крым. № 8, л. 617: „наши люди его людемъ чернымъ волосомъ шне двинули для швowego слова.“

(87) См. Дѣла Крым. № 8, л. 580-650. Ханскій Посолъ Сулемша при-везъ шершную грамошу въ Москву весной 1539 года; но Болре шребовалъ перошнѣ шхоншорыкъ словъ, и Ханъ на шго согласился.

(88) *Синод. Лѣт.*, л. 209 и 213. Имя, грабившаго Рысьтовскую волость, испрѣнилъ Рязанскій Воевода, К. Сем. Ив. Микулинскій, взявъ нѣсколько плѣнниковъ и прислалъ въ Москву, въ Окл. 1539.

(89) Федора Григор. Адашевъ поѣхалъ въ Царьградъ 26 Дек. 1538, а возвратился въ Ноябрь 1539. — Шарашъ Замыцкай отправался изъ Новагорода въ Швецію 7 Септ. 1538, а возвратился 12 Юля 1539 съ Шведскимъ Посланникомъ Нидусомъ. — Посоль Гаузы, Яковъ, прибылъ къ Москву 27 Февраля 1540. О сихъ и другихъ посольствахъ см. въ *Синод. Лѣт.* л. 200-222.

(90) Тамъ же, л. 216: „К. Ив. Вас. Шуйской на Митрополита и на „Вояръ учалъ гдѣвъ держати, и къ Вел. Князю не ѣздиши, ни съ бояры „совѣтовати,“ и проч.

(91) Въ Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1541: „Князь Великой пожаловалъ свою „опшину Псковъ, далъ грамошу судити и пыпати и казнити Псковичи „чямъ разбойниковъ и лихихъ людей; и бысть Псковичамъ въ радость; а „злые люди разбѣгашася, и бысть яшчина.“ Въ *Псков. Лѣт.* Г. Толстаго: „Лихихъ людей обыскивати самими Крестьяномъ по крестному цѣлованію, и ихъ казнити смертною казнію, а не вода къ Намѣстникомъ „и къ ихъ Тиуномъ . . . И начаша Цѣловальники и Сопцкіе судити на „Княжи Дворѣ въ судящѣ надъ Великою рѣкою . . . а К. Андрея Шуйского Князя Великой къ себѣ съзвать.“

(92) См. *Синод. Лѣт.* № 351, л. 221 и 231. К. Владиміръ освобожденъ въ Дек. 1540.

(93) См. Т. VI, г. 1491.

(94) *Синод. Лѣт.* № 351, л. 221: „А съ Угличского со Князь Ондрева „сына Васильевича, со Князя Давидрея, тягосщъ сняти,“ и проч.

(95) См. *Родослов. Кн.* I, 23.

(96) См. *Синод. Лѣт.* № 351, л. 223, въ Маѣ 1541.

(97) Тамъ же, л. 220. Съ нимъ были и Крымцы и Ногаи. Сѣнь стоялъ два дни подъ Муромомъ. — Въ вѣтхомъ *Синод. Лѣт.* подъ № 365 прибавлено слѣдующее: „Въ лѣтню 7048 приходили Ташарове Казанскіи къ Мурому и къ Костромѣ, и учинися бой пониже Костромы у Ишницца „Св. на Шлесѣ, и убили шупто 4 Воеводъ Большихъ: К. Федора Куринского, да К. Бориса Сисеева, да К. Ондрея Тулунова, да К. Никиту „Засѣкина, и иныхъ Дѣшей Болдрскихъ много; и сами Ташарове побѣдоша; „и придоша на нихъ Царь Шягъ-Алей, да К. Федоръ Мих. Мстиславской, „и побиа Ташаръ, а иные по лѣвомъ разбѣгашася и оупъ мрза измроща; „а половъ Вел. Князя опшолониха весь.“ Это случилось за годъ до нашествія Сафр-Гирея.

(98) См. *Царствую Кн.* 78.

(99) См. *Синод. Лѣт.* № 351, л. 226-230, и *Царств. Кн.* 78-96. Съ Ханомъ были и Бѣлосеродцы, т. е. жители Аверьяна. Вышеуказемъ нѣкоторыя подробности: „Прибѣжали изъ Крыма два полонника, а сказали „Вел. Князю, что прѣхалъ передъ нимъ съ Москвы Царевъ человекъ, а „сказалъ Царю, что К. Вел. Воеводъ своихъ послалъ къ Казани „Прѣхалъ къ Вел. Князю Станичичъ Толмачъ Гаеріловъ, что послала

„его К. Пешрь Ив. Кашинъ къ Св. Горашъ, и они вѣхали вверхъ Дона
 „Сѣверскаго люди многіе Крымскіе, и гоняли за ними день цѣль, а идущъ
 „длнко, съ шюю призывною, чайши Царь идешъ; и Юли 21 прислалъ къ
 „Вел. Князю Воевода К. Семенъ Ив. Микулинской грамоту, а писалъ,
 „что идешъ Царь и сынъ его, и Бака Князь Нагайскій . . . и повелъ Царь
 „дкляши въ Ордъ, которые люди съ нимъ не поспѣють, и шѣ бы его до-
 „вѣжали въ Клямкилиннѣ городкѣ.“ — Розрядъ Воеводамъ: „Въ большомъ
 „длодку К. Дм. Фед. Вѣльской, К. Ив. Михайловичъ Шуйской, Мих. Ив.
 „Кубенскій; въ передовомъ К. Ив. Ив. Турунтай-Пронской, да К. Вас.
 „Фед. Охлябнинъ; въ правой рукѣ К. Иванъ Вас. Шешака Пронской, да
 „Сем. Сем. Везубцовъ; въ лѣвой К. Ив. Мих. Троекуровъ, да К. Вас. Сем.
 „Мезецкой; въ спорожевомъ К. Юрьи Ив. Темкинъ-Росновской, да К.
 „Вас. Вас. Чулокъ-Ушаншій . . . А Царевича Шибанскаго, да Воярина К.
 „Юрья Мих. Булгакова Князь Вел. опнуслилъ съ Москвы, а съ ними
 „Двора своего многихъ людей, и велѣлъ сполоши на Похрѣ.“

(100) „А 9 Ташариковъ Н. Глѣбовъ живыхъ къ Вел. Князю прислалъ . . .
 „и Князь Вел. Царевичу Шигадею и К. Юрью Булгакову съ Похры ве-
 „лѣлъ ишши на берегъ же Оки; а на Похру опнуслилъ К. Вас. Мих.
 „Щемяшева, да Ковышого своего, Ив. Ив. Челаднина, а съ ними Двора
 „своего многихъ людей . . . А изъ Володимеря велѣлъ Дворяномъ своимъ
 „ишши на берегъ же Оки.“

(101) Въ *Никон. Лѣтн.*: „О Пречисная! покажи милость . . . Помило-
 „вала еси правдѣа нашего оиъ безбожнаго Темиръ-Аксака: и нынѣ пошли
 „милоснѣ, да не рекутъ поганіа: гдѣ есть Богъ ихъ? . . . Осталися есмы
 „оиъ илзухи оища своего и оиъ чреслъ матери своей млады; ни откуду
 „себѣ на земли ушѣхи не имѣемъ: и нынѣ приде на насъ великая напу-
 „га . . . Не остави насъ во время скорби нашей“, и проч.

(102) См. Т. V, стр. 189.

(103) „И у посада по улицамъ надолбы дѣлаши.“ Въ *Синод. Лѣтн.*: „по
 „вспольскимъ решонкамъ надолбы подѣлаши . . . и людемъ живописи во-
 „звнши въ городъ, и всякій запасъ.“

(104) Въ Розрядахъ сего времени весьма часто находимъ, что Воеводи
 опказывались служить подъ начальствомъ другихъ.

(105) См. *Никон. Лѣтн.* 25.

(106) То есть, для поминопенія въ церквахъ.

(107) „Азъ сполько многихъ людей и шрядныхъ, ни *Кутарниковъ*, ни
 „*Дремаганниковъ* не видалъ въ одномъ мѣстѣ . . . И у Турокъ многіе пуш-
 „ки разбиа . . . А еще не вѣй пришли: съ Угры Воеводы К. Романъ
 „Ив. Одоевской, да Ив. Пешровичъ со многими людьми еще не пришли на
 „берегъ.“

(108) Въ *Царствен. Кн.*: „Правнукъ Осипѣвъ, родъ Свябложъ.“ Вспорыиъ
 начальникомъ былъ Александръ Кобяковъ, изъ Рязанскихъ Вояръ.

(109) „Шрѣхали оиъ Воеводѣ Андрей Вас. Овцынъ, да Ив. Сем. Паше-
 „кинъ съ товарищи 7 человекъ съ вѣстню, чнобы сидѣли въ городѣ крѣ-
 „ко . . . И въ то время городской человекъ попался въ руки Царевымъ
 „спорожанъ, и сказала чнпо въ городѣ радость . . . и спорожанъ Царевы

„сказали, что пѣхъ людей и сами видѣли, коли въ городѣ ѡхали.“ См. *Царствен. Кн.*

(110) Въ Синод. Лѣт. No 351: „А Царевичъ Имянь-Гврей ошь отца „своего опворонилъ со многими людьми на Одоевскіе мѣсна, и К. Володимерь Ив. Воропынскоій съ своею братьею изъ Одоева вышедь, мно- „дихъ Татаръ побилъ, а 45 человекъ живыхъ на Москву прислалъ.“

(111) „Государь Водръ и Воевода пожаловалъ великимъ своимъ жало- „ваньемъ, шубами и кубки.“

(112) Въ *Царствен. Кн.*: „А Новгородцы всѣ городомъ“ (за Шуйскаго).

(113) Съ ними былъ еще Иванъ Большой Шереметьевъ.

(114) Новгородцевъ, какъ прибавлено въ *Царствен. Кн.* См. также Си- „нод. Лѣт. No 351.

(115) „И пѣши у Крестовъ заставили.“

(116) „А на весну, Мая мѣсца, послаша Водрѣ на Ёмлозеро К. Ива- „на Бѣльскаго убили въ шюртъ, Петрока Ярцова сына Зайцова, да Мить- „ку Иванова сына Клобукова, да Иванку Елизарова сына Сергѣева; они „же, ѡхавъ тайно безъ Великаго Князя вѣдома, Водрскимъ самоволь- „ствомъ К. Ивана Бѣльскаго убили.“

(117) Курбскій пишетъ: „Убиша мужа пресильнаго, зѣло храбраго Спра- „дига и великороднаго, иже былъ роду Княжачъ Липовскихъ, именовъ „Князь Иванъ Бѣльскій, иже не шокмо былъ мужеспивень, но и въ разу- „мѣ много и въ Священныхъ Писаніяхъ искусень.“

(118) При Государѣ Василии Іоанновичѣ, въ 1524 и 1530 году.

(119) См. выше, стр. 69.

(120) 19 Марта на посвященіи были Доснѣей Архіен. Ростовскій, Фе- рафонъ Еп. Суздальскій, Гурій Смоленскій, Іона Рязанскій, Акакій Твер- скій, Вассіанъ Коломенскій, Доснѣей Сарскій, Алексій Вологодскій.

(121) Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: „и цаки Намѣстники премошоша; а по „было добро вельми по всей земли.“

(122) Въ перемирной грамотѣ 1537 г. было сказано: „Въ тѣ перемир- „ныя лѣта слаги обѣимъ сторонамъ между себя Великихъ Пословъ для „заключенія вѣчнаго мира.“ Князь Иванъ Бѣльскій въ 1541 г. послалъ въ Ливву Федора Загряжскаго напоминть о шомъ Сигизмунду. Король лежалъ боль- ной: Загряжскій не хотѣлъ отшесписъ къ его сыну, Августу. Въ Мартѣ 1542 г. прибыли въ Москву Королевскіе Послы, Ляв Іурьевичъ Глѣбо- вичъ, Воевода Полоцкій, Никодимъ Яновичъ Іѣхановецкій, Сипароста Мельницкій, и Писарь Николай Андрушевичъ. Договоръ заключень 21 Марта. См. Дѣла Польскія No 3, стр. 1-63.

(123) Дьякъ читалъ Русскую перемирную грамоту. Послы спояли близъ Государя. Секретарь ихъ читалъ Липовскую. Ту и другую поло- жили на блюдо: Русскую сверху; а на нихъ *Богдѣизальный крестъ*. Госу- дарь всталъ и поцѣловалъ крестъ: Послы также. Ивъ вручили грамоту, и самъ Вел. Князь подчивалъ ихъ вишневымъ медомъ. — 28 Іюня Водринъ Вас. Григорьевичъ Морозовъ, Дворецкой Федоръ Семен. Воронцовъ и Дьякъ Фед. Моклоковъ отправились въ Ливву для развѣны грамоты. — Сигиз-

мундъ сказалъ имъ, что онъ еще для Василія Ивановича спалъ цѣпи съ нашихъ плѣнниковъ, которые вообще не шариашъ никакой нужды.

(124) Дѣла Польскія No 3, стр. 193-217.

(125) К. А. В. Кашинъ пріѣхалъ въ Москву 24 Июля. Онъ долженъ былъ выкупить себя и заплатить Хану 300 рублей. — Иминъ нападалъ на Сѣверскіи области въ Маршѣ 1542, а Мурзы на Рязанскія въ Августѣ. К. Пешрь Дюи. Пронской и К. Юрій Ив. Дзевъ прогнали ихъ за Дювъ и побили на Куликовѣ полѣ. Въ Маршѣ 1543 Ханъ снова писалъ къ В. К. о мирѣ.

(126) Здѣсь въ Царствѣн. Кн. описывается владеніе Ногайскихъ Мурзъ; но это ошибка: сіе владеніе принадлежитъ къ 1550 году.

(127) Синод. Лѣт. No 361, л. 234, 236, 237, 239 на об., и Царствѣн. Кн. 104. „И та“ (Ковгоршадъ или Горшадна Царевна) „сестра Магменъ-Аминя, иже грашотъ Татарской научена бысть и полхвованія навиче, „сказываше въ Казаки Посланикомъ Вел. Кн.: *опытивъ лютти на десяти лѣтѣхъ Татарове Казанстѣи не возмогшѣхъ проптивитъся Вел. Князю. . .* „И сами Татарове сказываху, яко видяху многа дивная знаменія, еще живиу суцу Сафа-Гирею.“

(128) Синод. Лѣт. л. 236 на об.: „Июля 8 пришелъ Посланикъ изъ Аспарахаки Федоръ Невѣжинъ, а сказалъ, что идетъ служини къ Вел. Князю Царевичъ Аспараханскій Едигеръ, а остался у Шигъ-Алея въ Касимовѣ.“ Черезъ недѣлю Царевичъ пріѣхалъ въ Москву.

(129) Синод. Лѣт. л. 239 на об.: „Ноября 8 придоша на Москву Повесть отъ Воеводы отъ Ивана Пепропа сына Стефановича, Крестовлодоуицъ Нерколагъ, да Пешрь Корковичъ Логовинъ, да Писарь Иванъ Стефановъ . . . что его“ (Воеводу) „выгналъ Салтанъ, и Воевода хотѣлъ вѣхати на Москву, ино было не мощно проѣхати: Турецкой и Крымской его землю плѣнили, а съ Королемъ шакже ратень; и онъ вѣхалъ въ Угорскую землю, и ходилъ къ Салтану бити челоуъ; и Салтанъ опидаль ему двѣ частни Молдовскіе земли, а съ прешней взялъ окуца 300 тысячъ“ (въ другіихъ лѣтописяхъ: 30.000) „золотыхъ черленыхъ опричь дани.“ Въ Февр. 1543 Государь оппустилъ ихъ назадъ и послалъ съ деньгами къ Воеводѣ Семену Вавюшкова.

(130) Если вѣрнѣе *Послужному списку* Болврѣ, то К. Иванъ Вас. Шуйскій умеръ въ 1546 году. Въ 1542 году, при возобновленіи перемирія съ Литвою, онъ сидѣлъ на *сторолѣ* мѣстѣ подлѣ Государя (а на первомъ К. Дамирѣй Бѣльскій); но съ сега времени шигдѣ не находимъ его имени, ни въ дѣлахъ Министерскихъ, ни въ Розрядахъ.

(131) Бранѣ Болрина Михайла Семеновича, который былъ любимцемъ В. К. Василія Ивановича.

(132) Царствѣн. Кн.: „Сенци, 9 взволнованася Бояре въ споловой избѣ у Вел. Князя на соѣтѣ . . . и брша его“ (Воронцова) „по ланишамъ, „я плашѣ на немъ ободраша, и хотѣша его убити . . . и посла къ нимъ „Государь Мишрополиша и Ивана и Вас. Григорьевичевъ Пондевиныхъ-Модрововыхъ . . . Они же“ (Шуйскіе и другіе) „ведоша его (Воронцова)

„съ Вел. Государя съией, съ великимъ срамомъ бѣюще и пхающе на площадь, и опслана его за Негляину на Ивановъ дворъ Зайцова,“ и проч.

(133) Курбскій пишетъ: „Паша его (Юанна) „гордые Воляре на свою „и дѣтей своихъ бѣду, рѣшались другъ предъ другомъ, ласкающе и угождающе ему во великомъ наслажденіи и сладострастіи. Егда же началъ приходить въ возрастъ, аки лѣтъ въ дванадесять, началъ первѣе безсловесныхъ крови проливаніи, съ высокими крылецъ мечуце, або съ перемовъ; „я пѣснуномъ ласкающимъ, поощающе сіе и хвалитъ. Егда уже преходящу къ пятому-надесяти лѣту, тогда началъ человекъ уронати, и „собравши юныхъ около себе дѣтей и сродныхъ оныхъ предреченныхъ Синклиповъ, по спогнамъ и по шоржицамъ началъ на конехъ съ ними ъздити и всенародно мужей, спарцевъ и женъ пошпани и бити, скачуще и „бѣгающе всюду неблагочиннѣ . . . Ласкашелемъ же таковое на свою бѣду восплаляющимъ: о! *хрѣбъ*, глаголюще, *будетъ сей Царь и мужествоид!*“

(134) Курбскій называетъ Михайла Васильевича Глинскаго *всему зму пашаляникомъ*. Народъ, какъ увидимъ послѣ, ненавидѣлъ К. Юрья Глинскаго, пожалованнаго въ 1540 году изъ Кравчихъ въ Воляре.

(135) *Царствен. Кн.* 114: „влекуще къ шормамъ, противъ ворощъ Ризъ „Положенія въ градъ.“

(136) См. Синод. Лѣтн. № 50, л. 415, бывшій въ рукахъ К. Щербашова.

(137) *Царствен. Кн.* 114.

(138) 16 Дек. 1544. Мать его была дочь К. Андрея Васильевича Углицкаго брата Юанна III: см. *Родослов. Кн.* I, 123.

(139) Курбскій: „мужъ зѣло разумный и шикій, въ совершенныхъ уже „лѣтнѣхъ.“

(140) Т. VI, г. 1491.

(141) 3 Сени. 1545. Въ *Царствен. Кн.* 119: „урѣзаша языка ему у шюремъ за его вину, за невѣжливые слова.“

(142) Сынъ Ивана Васильевича Шуйскаго. Это было въ Окш. 1545: въ Декабрѣ сняли съ нихъ опалу.

(143) 30 Дек. 1544. Воеводы тамъ были К. Петръ Щеняшевъ, К. Консп. Шкурляшевъ и Мих. Воропынской.

(144) Отъ 6 Мая до Августа 1546.

(145) Въ *Царствен. Кн.*: „и Государя не пропустили шѣмъ же иѣспомъ „къ своему стану прохрани, но обѣха шѣмъ мѣспомъ.“

(146) Казнь была Юля 21. Въ *Синод. Лѣтн.* № 351: „по Дьяволу дѣйсшпу оклевешалъ ложными словесы Вел. Князя Воляръ Василей Григорьевъ сынъ Захарова Гинлевской.“ См. также *Царствен. Кн.* 124. Тогда же Ивана Петрова Федорова сослали на Вѣлоозеро, а Ив. Воронцова заключили.

(147) 22 Марта 1545 прѣехалъ въ Москву отъ Сигизмунда-Августа посланникъ Янъ Комаевскій. Лѣтописцы наши говорятъ здѣсь о кончинѣ опца Августова, Сигизмунда; но онъ жилъ еще около трехъ лѣтъ.

(148) *Царствен. Кн.* 116: „Апрѣля (1545) послалъ Князь Вел. Воеводъ „своихъ, К. Сем. Ив. Пущкова, а въ передовомъ полку Ив. Вас. Шерелешева, а въ спорожевомъ К. Дав. Палецаго, къ Казани легкимъ дѣломъ

въ сирузѣхъ; а съ Вязки К. Вас. Сем. Серебряного* . . . А въ Сызгану по-
 „сылали Воеводы оныя себя Дѣшею Боярскихъ; и тамо многихъ Казанцевъ
 „побили и Тевекелева сына Князь Муршову Мурзу поймали и иныхъ дѣ-
 „шей его побили . . . А Вязучко Львовъ съ Первичи не посылъ, а при-
 „шелъ въ судѣхъ опослѣ, и Казанскіе люди его побили и самого убили. И
 „Государь Воеводѣ и Дѣшею Боярскихъ жаловалъ, кто о чемъ билъ челомъ.“

(149) „Многіе поѣхали къ Вел. Князю, и иныя по инымъ землямъ . . .
 „Юля 29 прислали къ Вел. Князю изъ Казани Кадышъ Князь, да Чюра
 „Нарыковъ, Сына Боярскаго Галичанина Ваську Боршева, чтобы послалъ
 „къ Казани рать . . . И въ Володимерѣ Геня. 17 (1546) прѣѣхалъ къ Вел.
 „Князю изъ Казани оныя Посла оныя Игнатія Яхонтова Рудакъ Булаповъ
 „съ грамотою, а Казанцы прислали Гамель-Шиха, Абеюрганъ, Сеинъ и
 „Кадышъ и Чюра, что Сафа-Гирей согнали . . . и пожаловалъ бы на
 „Казань Царя Шигъ-Алея . . .“ (По дѣланъ Ногайскимъ No. 4, л. 43, из-
 „вѣстно, что Сафа-Гирей возвратился-было къ Казани съ полпою Аспра-
 „ханцевъ и хотѣвъ силою войти въ городъ, но отраженный жипелами, у-
 „шелъ къ своему спешно, Юсуфу, Ногайскому Князю. О семъ упоминаемъ
 и Казан. Лѣт.; но говоримъ несправедливо, что Сафа-Гирей подступалъ
 къ Казани съ Юсуфомъ). Далѣе: „и Князь Вел. послалъ въ Казань Астафья
 „Андреева къ правдѣ ихъ привести . . . Марта 15 Астафій изъ Казани
 „прѣѣхалъ, а Сеинъ и Уланы прислали и вся земля своимъ Посоломъ, Ураз-
 „дья Князя, да Андрейчей Арыза, и Апр. 7 Князь Вел. Шигъ-Алея на Ка-
 „зань отпустилъ, а съ нимъ К. Дм. Фед. Бельскаго, да К. Дм. Фед. Палец-
 „кого, да Дьяка Пестинка Губина посадили его на Царство . . . и по-
 „садили Юня 13 и прѣѣхали къ Вел. Князю на Коломну; а Шигъ-Алей
 „прислалъ оныя себя бини челомъ на Царствѣ Вел. Князю Чапкинъ Мур-
 „зу; а Игнатія Яхонтова съ погарници отпустилъ, и Болдышъ По-
 „словъ прислалъ, Алабердей Улана, да Тевекели Князя.“

(150) См. Казан. Лѣт. Оныя пишемъ, что Казанцы, говорившій Шигъ-Алея
 не съ дарами, а съ оружіемъ, тогда же побили многихъ изъ его Князей и
 Мурзу, а другихъ заключили въ темницу; что Бѣдеснѣи имѣи при себѣ
 1000 воиновъ, остался въ Казани, и жилъ за городомъ, будучи подозрѣ-
 ваемъ въ измѣнѣ; что Юяцъ, узнавъ оныя Шигъ-Алея о тайной связи нѣ-
 кошорыхъ Вельможъ Московскихъ съ Казанскими мѣщанками, осудилъ
 прехъ Бояръ на смерть; что одинъ изъ виновныхъ самъ отправилъ себя
 ядомъ, а другіе разбѣжались. Это противно сказанію другихъ, достовѣр-
 нѣйшихъ Лѣтописцевъ.

(151) См. Казан. Лѣт. Въ Царствѣ Кн.: „И какъ вѣсть пришла къ Го-
 „сударю, что Шихъ-Алей съ Казани збѣжалъ, а не вѣдомо, на которыхъ
 „мѣста, и Государь послалъ Царя стрѣчати на поле Льва Андр. Салпы-
 „кова, а съ нимъ Дѣшею Боярскихъ и Татаръ, а на Вязку Алексѣя Дан.
 „Васманова; и Левъ Царя встрѣтилъ на полѣ; а Шигъ-Алей какъ збѣжалъ
 „Волгою въ судѣхъ, поймалъ кони у Городецкихъ Татаръ и послалъ къ Ве-
 „ликому Князю своего Дворянина съ грамотою . . . а шелъ чрезъ поле въ
 „городъ, и пришелъ на Украину Авг. 15 . . . Сафа-Гирей въ Казани убилъ
 „Чюру Князя, Вязучку, Кадыша и иныхъ.“ Казан. Лѣт. говоримъ, что

Шигъ-Алей долженъ былъ въ какомъ-то шествіи ядши върнаго Князя Чуры, но оставилъ его.

(152) *Царств. Кн.*: „Декабря 6 (1546) прислали Горилъ Черевина, „Туга съ товарищи, двѣ Черемискины быши человекомъ“ и проч.

(153) Въ 1544 г. 3 Марта, Юань съ братомъ ъздилъ въ Колызинъ монастырь къ Св. Макарію, а оттуда въ Заболотье на шедвѣзью охоту и къ Троицѣ; а Маія 21 въ 1545 году съ братомъ Юрьемъ и съ К. Владиміромъ Андреевичемъ въ Троицкій монастырь и въ Череповецъ, откуда, опустивши Князей Юрія и Владиміра въ Москву, поѣхалъ въ Ростовъ, Ярославль, на Вѣлосозеро въ Кирилловъ монастырь, Серафимовъ, Вологодской Спасовъ на Прилукъ, Корниловъ, Павловъ, къ Борису и Глѣбу на Успенію; 15 Септ. опинъ къ Троицѣ, въ Слобода (Александровскую) и въ Можайскъ на охоту; 27 Дек. въ Воры для авѣршиной ловли и въ Владиміръ; 15 Септ. въ 1546 году къ Троицѣ, въ село Воробьево, Денисьево, Починки, на богомолье въ Можайскъ къ Св. Николаю, Волокъ, Ржель, Тверь, Новгородъ и Псковъ. — Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: „К. В. Иванъ Васильевичъ, да брань его К. Георгійъ быши въ Новгородъ и во Псковъ Дек. 28: одну ночь почепалъ, а на другую на Воропочи былъ, а пренью въ Печорахъ, и накі во Псковѣ, и поѣде къ Москвѣ, съ собою вземъ К. Володимира Андреевича, а Князь Юрій, брань его, осия, и шой, бывъ не много, поѣде къ Москвѣ, а не управивъ своей ошнныи штего; а Князь Великій все гонимъ на мскахъ (шмкахъ), а Хрисіаномъ много протори, лучинилъ.“

Въ одномъ лѣтописцѣ напелъ я слѣдующее сказаніе, похожее на сказку: „Какъ пріѣхалъ Великій Князь Иванъ Васильевичъ съ Москвы въ Новгородъ, и невѣдомо, какъ утѣда казну древнюю, сокровенну въ стѣнѣ Св. Софеи, Княземъ Владиміромъ *Беликиль*“ (нѣтъ, внукомъ Св. Владиміра) „и невѣдомо бысть о семъ никѣтъ, ниже слухомъ, ниже шн, савіемъ; и тогда пріѣхавъ ношю и началъ пыпати про казну Ключаря Софейскаго и пономаря, и много мучивъ ѡ не допыталъ, понеже не вѣдаху; и приде самъ Князь Вел. на пеходъ, гдѣ восходяху на церковныя долапи, и на самомъ востодѣ, на правой сторонѣ, повелѣ шѣгну домати, и просынася веліе сокровище, древнія слитки въ гривну и въ полшину, и въ рубль, и насыпати возы, посла къ Москвѣ.“

Выписка изъ лѣтописей сего времени:

„Февр. 3 (1540) принесены изъ Ржевы на Москву двѣ иконы чудотворныя, обрѣзъ Пречистыя и крестъ честный; срублена со кресты Миширополитъ и Князь Великій съ бояры и съ народомъ близъ Нового монастыря Митрополита, и повелѣ Вел. Князь на томъ шествіи церковь поставити во имя Пречистыя. Юня 1 поставленъ Макаріемъ Миширополитомъ Архіепископъ Θεодосій Великому Новгороду и Пскову, Игуменъ съ Хушныи. — Осипави Епископію Василь Коломенскій“ (въ Юнѣ 1542). „Юля 2 поставленъ Макаріемъ Миширополитомъ Епископъ на Колодну Θεодосій, Архим. опъ Спасѣ Нового съ Москвы. Преспавиши (въ Августѣ) Архіеп. Ростов. Досиеей и Моложскъ въ Ростовѣ. — Февр. 25 (1543) поставленъ Архіеп. Ростову и Ярославлю Алексѣй, Троицкій Игуменъ Сергіева монастыря. Тоя же

„зимы преставися Ениск. Отрапоишь Суздальскій, и положенъ въ Суздадь.
 „Додѣлаша (въ Сеип.) церковь Воскресеніа на площади возлѣ Ивана Ся-
 „пый подѣ колоколы, а заложена повелѣніемъ Вел. Князи Василья Ива-
 „новича въ л. 7040 (1532), а масперъ почаль дѣлани и совершилъ безъ дѣ-
 „ствицы Цепрокъ Малой Фрязишь, а дѣлсвицу и дери придѣлаша въ л.
 „7060 (1552) масперы Московскіе, и во 63 лѣто Царь и Минрополнишь
 „въ шу же церковь принесли Рожество Христово ошь Мешиславского
 „двора и Соборъ уставили. Тоя же осени бысиль дожди велии и вода ве-
 „лика, и ледь пройде аки въ весиъ.“ — 21 Ноября 1543 г. построили въ
 „Новѣгородѣ восемь казенныхъ корчменныхъ дворовъ. — „Генв. 22 (1544)
 „згорѣша избы Минрополчиши на Минропол. дворѣ, а Минрополнишь въ-
 „дидь тогда въ Можаскъ и въ Шафнушіевъ монастырь. Преставися Ениск.
 „Крушицкій Досиевъ (въ Февралѣ). Поставленъ въ Суждаль Енископъ
 „Лона Собина, Архим. Чудовскій, Февр. 21, и Енископъ на Крушицу Са-
 „ва, Архим. Симоновскій.“ Быль дорогъ хлѣбъ: *гашерка* ржи сполла въ
 „Новѣгородѣ около грианы Московской. Въ 1545 г. была въ Новѣгородѣ
 „дорога бумага: книжнй десь сполла два алмына.

(154) См. *Царствен. Кл.*

(155) „Какъ наши ирародители, Цари и Великіе Князи, и сродичи наши,
 Вел. Князь Владимиръ Всеволодичъ Мономахъ.“

(156) См. сей *Исторіи Т. II*, г. 1116-1123.

(157) См. тамъ же, примѣч. 220.

(158) „И покрывъ златною паволокою, на ней же сажень крестъ бисе-
 „ромъ и многоцвѣтнымъ каменіемъ, дастъ Пропонуу Θεодору; онъ же при-
 „емлетъ со спрахомъ и поставляетъ у себя наверхъ главы . . . И пол-
 „часа спустя, вышелъ Князь Великій изъ брусеня, изъ споловья избы,
 „и пошелъ къ Пречисной.“

(159) „А Минрополнишь стоялъ на крылосѣ у своего мѣста во всемъ
 „Святительскомъ сану, и велѣлъ Архидіакону начати молебень Богоро-
 „дицѣ и Чудотворцу Цешру.“ — Не повторяемъ здѣсь того, что уже
 говорили мы въ описаніи Димитріева вѣчанія.

(160) „И проишь Архангела осыпана его, и на средней дѣлсвицѣ.“

(161) Только въ одной новейшей рукописной *Стелен. Книжѣ* упоми-
 нается здѣсь о миропомазаніи. Подробное описаніе Царскаго вѣчанія (въ
 Синод. Библиот. № 355) составлено въ 1642 году. Тамъ находимъ миро-
 помазаніе, причащеніе, вѣкопорья новья моливыи и поученіе Царю ошь
 Папріарха. Въ описаніи Царскѣй ушвари Михаила Θεодоровича уже го-
 ворится о *скилепръ* и *яблокъ* или державѣ (см. *Никон. Лѣт. VIII. 206.*)

(162) Въ Архив. *Пекоз. Лѣт.*: „и восхоиъ Царешню усирошши на Мос-
 „квѣ, и яко же написано въ Апокалипсисѣ: нашъ бо Царевъ минуло, а
 „шестой есшь, но не убо бѣ пришелъ.“ Въ Апокалипсисѣ сказано, что
 пяты Царей пало, одинъ (шестый) есшь, а другой (седьмый) еще не
 пришелъ.

(163) Въ рукописной *Стелен. Книжѣ* Лашужина: „Удивившася вси врази
 „Россійской земли, невѣрнии, погании Царіе и нечестивии Крали . . . и
 „послы свои съ великими дарами къ нему присылаху . . . Паче же Вели-

сыновьями, крестился въ 1287 году и былъ названъ Иоанномъ. См. объ Андрѣ Кобылѣ сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 365.

(165) Въ львописяхъ именно сказано, что *предобрая* Анастасія *наставляла и приводила* Иоанна на всякія добродѣтели. Рѣчь Минпр. Макарія къ новобрачнымъ, Царю и Царицѣ, напечатана въ *Древ. Рос. Визлѣв.* XIV, 227. Онъ велишь имъ почитать церкви и помницы, любить родныхъ, чинить Духовенство, жаловать *Бодрь* и народъ, не слушать клеветниковоу, праздновать Воскресеніе и другіе святыя дни, наблюдать посты, *совокуплять*ся только *въ благополучное время*, и проч.

(166) Въ *Царствен. Кн.* 142: „Въ шѣ коры Глинскіе у Государя въ приближеніи и въ жалованіи (были), а оны людей ихъ чернымъ людемъ на, смясьшво и грабежъ; они же ихъ оны пого не унимаху.“

(167) Въ *Архив. Псков. Лѣтн.*: „Въ лѣто 7055 (1547) въ Пелровъ посылъ „Псковичи послаша 70 человекъ на Москву жаловашися на Намѣстника „на Туруншя, и оны жалобники били челомъ Государю на сельцъ на „Островкѣ, и Государь оналися на Псковичъ сихъ . . . безчестшвоала „обливаячи виноу горячымъ, налилъ бороды и волосы, да свѣчу зажигалъ, „и повелѣлъ ихъ погласни нагихъ по земли; и въ шу пору на Москвѣ ко, „локоль благовѣстникъ напрасно ошпаде, и Государь поиде къ Москвѣ, а „жалобниковъ не истеря.“ Въ *Царствен. Кн.*: „Юня 3 начаша благовѣ, „спини Вечерню, и опломишася уши у колокола у благовѣстника, и „идае съ деревянныя колоколѣнницы, а не разбисл.“

(168) См. Курбскаго.

(169) На примѣръ, въ государствование Донскаго и Темнаго.

(170) „Загорѣся лавка въ *Москопинномѣ*“ (нынѣ Москопильномѣ) „ря, „ду . . . Сгорѣша церкви и монастырь Боговѣленской и Ильинской . . . „У рѣки у Москвы въ стрѣльницѣ загорѣшася зеліе пушечное,“ и проч.

(171) „Загорѣся за Язузоу на Болвановѣ . . . и церковь Спасъ въ Чи, „гасовѣ монастырѣ; подпись тоя чудна была Діонисіи иконописца — и „Лыщиково погорѣ по Язузу.“

(172) См. *Споглавѣ*.

(173) „Загорѣся Воздвиженіе на Арбатской улицѣ на островѣ . . . и „промчеса огонь и до восполія Неглинкою, и Черторіе погорѣ до Семги, „ского сельца, возаѣ рѣку Москву, и до Федора Св. на Арбатской; и „обрашися буря на градъ большой, загорѣся у Соборныя церкви верхъ, „и на Царскомъ дворѣ кровли и избы деревяныя, и полашы, украшенныя „златомъ, и казенной дворъ съ Царскою казною, и церковь на Царскомъ „дворѣ у Царскія казны, Благовѣщеніе, златоверхая, Дейсусъ Андреевъ „письма Рублева златомъ обложенъ и образы многоцѣнныя Греческаго „письма ирародшителей его . . . и оружныя папата вся погорѣ, и по, „спельная съ казною, и въ погребѣхъ на Царскомъ дворѣ поды полашями, „въгорѣ все деревяное въ нихъ, и конюшня Царская . . . и дворъ Митро, „полицъ И поиде Митрополицъ изъ церкви, и несъ на собѣ Пре, „дчисную Пешрова Чудотворцова письма, а Пропоповъ Гурій несъ за „нимъ *правила*“ (Въ *Ланшужин. Стелен. Кн.* сказано, что они привезены Митрополицомъ Кипріяномъ) . . . и съ нимъ шель Ташлицевъ, Князь

„Владиміровъ Ясельничей, да Священникъ Соборной Пречистенской Жи-
 „желель Иванъ, и ивъ оба сгорѣли на площади . . . а Протопопъ Гурій
 „пробылъ на шайникъ . . . Единиы мощи Св. Алексія сохранены быша, а
 „Спарцовъ (въ Чудовѣ) сгорѣша по погребомъ и по подлашамъ 18, а слугъ
 „38; а въ Вознесенскомъ го Спирецъ: только одинъ образъ Пречистыя Про-
 „попопъ вынесъ . . . А въ другомъ градѣ (Кинша) двѣ церкви Богъ со-
 „хранилъ, на рѣвѣ Рожество Христово, да Рожество Пречистыя, да на
 „Никольскоя крестцѣ лавокъ съ десныи . . . А за городомъ большой
 „посадъ сгорѣ возлѣ Неглину, пушечной дворъ . . . и Рожественская ули-
 „ца и монастырь Рожественской до Николы до Драчевскаго монастыря,
 „а по Усирѣшенской до Стефана Св., а по Ильинской до Флора Св. въ
 „Мясницкѣхъ, а Покровскою по Василій Св., а Варварскю всѣ Святые, и
 „Св. Пимина, и Рождество Пречистыя, и Никола Подкопавъ, и Флоръ
 „Св. у конюшни и конюшня Вел. Князя, и по Воронцовой дворъ и по
 „Мілю подъ Сосенки; а Великою улицею возлѣ Москвы рѣки, и Никола
 „Кочелель и Андрей Св., и Воздвиженіе у рѣки Москвы, и Козьма и Да-
 „мианъ, и Кулишка вся, и возлѣ Жузу по Воронцовой садъ, и по зако-
 „нюшци по Смолену улицу. А оупъ города за ровомъ на площадкѣ оупъ
 „Преображенія не горѣша дворы до Всѣхъ Святыхъ по Варварскую ули-
 „цу на Кулишкѣ, а позадь погорѣша всѣ дворы,“ и проч. Въ Лазухин.
 „Стелей. Кн.: „Василій городивый (на кануцѣ пожара) приде въ мона-
 „стырь Воздвиженія, иже зовещя на Осиповѣ, и спа предъ церковію,
 „къ ней же умилно зря, и умно молившу творя, и плакашеся неулыбно.
 „Людіе, видяще его, дивляхуся . . . Желѣзо яко олово разливашеся и мѣдъ
 „яко вода распаяваше.“

(174) „См. Царствен. Кн. 142. Самъ Царь Іоаннь въ грамотѣ къ К. Ан-
 „дрею Курбскому пишеть: „Множество народа, воскричавъ Іудейскимъ обы-
 „чаемъ, придоша Соборныя церкви въ предѣль Св. Великомученика Димит-
 „рія Селунскаго, и изымавъ Воириня нашего, К. Юрья Вас. Глинскаго,
 „безчеловѣчнѣ выволокли въ Соборную церковь и убиша безвинно въ цер-
 „кви противъ Митрополита мѣста, и кровию его помоситъ церковный
 „окровивше.“

(175) „Много же и Дѣшеи Боярскихъ незнакомыхъ побиша изъ Сѣве-
 „дры, называючи ихъ Глинскаго людьши.“

(176) См. Курбскаго.

(177) Курбскій: „И аки бы явленія оупъ Бога повѣдающе ему, це въмъ,
 „аще истинныи, или токмо ужасовеніе пущающе буйства его радъ и
 „ада дѣтскихъ неисповыхъ его вряловъ умыслилъ было себѣ сіе, яко мно-
 „гажды и ошцы повѣдають слугамъ дѣшеи ужасани мечпашельными
 „спрахи.“

(178) См. Курбскаго и Стоглавъ, гдѣ самъ Іоаннь говоритъ о погаше-
 „нелъ своемъ исправленіи.

(179) Курбскій: „Съ нимъ же (Сильвестромъ) соединяетсѣ въ общеніе
 „единъ благородный тогда юноша къ доброму и полезному обществу,
 „именемъ Алексій Адашевъ; Цареви же шой Алексій въ то время зѣло
 „любимъ былъ и согласенъ, и былъ оупъ общей вѣщи зѣло полезенъ, и оупъ

„маспи въ нѣкоторыхъ ираѣхъ Ангеломъ подобенъ; и аще бы все то яду изъявилъ о немъ, водспину вѣрѣ не подобно было бы предъ грубыми и мирскими людьми.“

(180) „Приходима многи люди чернъ скопомъ къ Государю, глаголюще „мелба, чю будно Государь жеронитъ у себя Книжницю Анну и К. „Михайла.“ Левекъ вообразилъ, чю подъ словомъ *тернъ* разумѣюся Монахи, и пишеть: *Le Clergé eut l'audace d'aller trouver le Tsar, de le prier ou plutot de lui ordonner de livrer Anne et celui de ses fils qui vivoit encore.* Вошь не маловажная ошибка! Слѣдуетъ и другая. Лѣтонисецъ говоритъ о черни: „онихъ же мнози разбѣгшася“; а Левекъ: „*Elle (la famille de „Glinksky) fut obligée de fuir et de se disperser. C'est peut être la seule fois „qu'on puisse accuser Ivan de foiblesse.*“ *Объяснить въ слабости* того, кю вельдъ немедленно казнить мятежниковъ!

(181) См. Курбскаго. Самъ Юаннь говоритъ Московскому Собору 1661 году, описавъ бѣдствіе пожара: „Отъ сего убо ниде страхъ въ душу „мою . . . и принадохъ ко нвоему Первосвященельспиву и ко всѣмъ „же съ побою Священелемъ, съ истиннымъ покаяніемъ проси прощенія, еже азъ содѣяхъ; и Вождя ради великія милосши получихъ опъ васъ „миръ и благословеніе и прощеніе.“

(182) Сія любопытная рѣчь находилъ въ Архив. *Стелен. Книжъ Хрущова.* Выписываемъ оную отъ слова до слова: „Повелѣ (Юаннь) собрани „свое Государство изъ городовъ всякаго чина, и въ день Подѣльный изыде со кресты на лобное мѣсто, и совершивъ молебная, нача рѣчь говорить къ Мирополити: *Молю тя, Св. Владыко, да будещи молотушникъ „на мѣ и любви поборникъ. Вѣдѣ, блага дѣла и любви желатиль еси. Азѣ, „Владыко, и самъ ты вѣси, яко азѣ оспался отца своего тептырехѣ лѣтъ, „и матери своей осьми лѣтъ. Родилели о мѣ не брегоща, а сильнѣи мочи „Бояре и Вельможи о мѣ не радѣша и самозластни быша, и сами себѣ „даны и весни похитиша мочю и именемъ, и мѣ же вѣсть возбраняюща „со, и во многѣхъ корысти и въ хищенія и въ обиды цуражняхуся. Азѣ же „яко слухѣ, и не слышахѣ, и не имый во чустѣхъ своихъ обмиселія юности ради моя и пустошы. Они же властвоваху О неправеднѣи „михонлицы и хищницы и неправедный судѣ по себѣ творяще! что нынѣ „на мѣ отвѣнъ дасте, иже многѣя слезы на ея воздвигосте? Азѣ же чистѣ „отъ крове сел. Ожидайте воздаянія своего. И вѣмъ поклонился на всѣ „спраны, и глагола: *Людіе Божіи, и на мѣ дированій Богомъ! молю ваши „вѣрѣ къ Богу и къ на мѣ любви. Нынѣ вашихъ обидѣ и разореній и на „могѣхъ неправдѣхъ невозможно замедленія ради юности моя и пустошы и „безпомощства, и неправдѣ ради Боярѣ мочѣхъ и властей, и безсудства „неправеднаго и михонмаіи, и сребролюбія. Молю васѣ, оставите друзѣ друзѣ „вражды и шатосты свои, развѣзъ елико тего большего дѣла не емѣстни; и „въ шолѣ и въ шихѣхъ вновь я вѣдѣ, емко вѣнѣстни на мѣ, самѣ бѣмѣ судѣ „дѣла и оборона, и неправды разорати, и хищнѣи возрещати.*“ Въ сей *Стелен. Кн.* сказано, что Юанну было тогда 20 лѣтъ; не 20, а 17, если онъ говорилъ эшу рѣчь скоро послѣ бывшаго пожара.*

(183) Въ *Стюславѣ* пишетъ Иоаннъ: „Въ *предвидущее* *Лѣто* била есмь „вамъ (Свяшипеламъ) челоуъ и съ Боляры своими о своемъ согрѣшеніи“ (см. выше, примѣч. 181), „а Боляре шакоже: и вы насъ въ вашихъ винахъ „благословили и проспили; а азъ по вашему прощению и благослоуенію „Боляръ своихъ въ прежнихъ во всѣхъ винахъ пожаловалъ и проспилъ; да „имъ же заповѣдалъ со всѣми Христіаны Царствія своего въ прежнихъ „во всякихъ дѣлѣхъ помиринисъ на сроки; и Боляре мои всѣ и приказныя „люди и корылейщики со всѣми землями помиринисъ во всякихъ дѣлѣхъ. „Да благословилися есмь у васъ *погда же* Судебникъ исправиши по спаше- „ришъ.“ Судебникъ уже былъ написанъ въ 1550 году, слѣдственно прощени- „е Волрь и всеобщій миръ ошноснся не къ сему году, а къ предшешимъ.

(184) Въ Архив. *Стелен. Кн. Хрущова*: „Въ шой день *пожаловалъ* въ „*Околытѣ* Адашева, и говорилъ рѣчь ему: „Алексіе! ваялъ я шебя отъ на- „щихъ и отъ самыхъ молодыхъ людей, слынахъ о швоихъ добрыхъ дѣлахъ, „и пыиѣ възыскахъ шебе выше мѣры швоея, ради помощи души моея; хеша „и швоего желанія на сіе нѣшь, но обаче азъ возжелахъ не шокмо шебе, „но и иныхъ шакихъ, кшобъ печалъ мою ушодилъ и на люди моя, Богомъ „врученныи намъ, прирѣлъ. Вручаю шебѣ челоушныя принаши у бѣд- „ныхъ и обидимыхъ, и назирани ихъ съ разсмошрѣиенъ. Да не убишисъ „сильныхъ и славныхъ, воскишвившихъ чесни на ся, и своимъ шасиліемъ бѣд- „ныхъ и немощныхъ погубляющихъ; ни (вѣрши) бѣднаго слезамъ лож- „нымъ и клеветашоушнымъ напрасно на богашныхъ, хощицимъ ложными сле- „зами нешраведно оболгати и правыми быти; но вся“ (долженъ пы) „ис- „пытшно разсмошрши и къ намъ истину приносини, бояся суда Божія. — „И избра судей правдивыхъ отъ Волрь и отъ Вельможъ, и глагола имъ „шну рѣчь съ шрещиенъ; и ошполѣ нача и самъ судини многіе суды и „разыскивани шраведно.“ Алексій Адашевъ по списку Волрь и чиновни- „ковъ Двора (см. Древ. Рос. *Визлѣов. XX, 40*) былъ пожалованъ въ *Околы-* „ничіе уже въ 1555 году.

(185) См. Курбскаго.

(186) Въ Архив. *Псков. Лѣт*: „Тогда бо и къ Опочки послалъ Князь „Великой Воеводу съ 2000 вой Салшана ради Сукиныхъ: шой бо Салшанъ „пошдишникъ много сошворилъ зла, и Опочане изымагъ въ крѣпость по- „садили.“ Сіе случилось послѣ 1547 и прежде 1551 года. См. также Курб- „скаго.

(187) См. Курбскаго.

(188) Въ *Царешен. Кн. 146*: „Генв. 6 (1549) Протопопъ Благовѣщенской „Федоръ Варшнвъ разнеможеса, и приде на него шпрахованіе; ошъ же ошпро- „сися въ Черницы у Государя, а пострижеса у Михайлона Чуда.“

(189) Князь Юрій женился 3 Ноября 1549. Свадьба была во дворцѣ, ку- „да отъ и перѣхалъ жишь съ супругою.

Въ 1547 г. воцали въ Волре Дворецкій Ив. Ив. Хабаровъ, Григорій Юрье- „вичъ Захарникъ, К. Данило Дмишрїевичъ Пронскій, К. Дм. Фед. Палецкій, „и К. Фед. Андр. Куракишъ-Булгакъвъ.

(190) На его мѣсто былъ пожалованъ К. Вас. Вас. Чулокъ-Ушатой, „а въ 1550 году Болрнъ Ив. Пенр. Федоровъ.

(191) Глинскій съ Турунтаемъ бѣжалъ 5 Ноября 1548. „И К. Печеръ „Ив. Шуйской (съ Дворянами) дошелъ ихъ во Ржевскихъ мѣстѣхъ, въ непроходимыхъ мѣстонахъ. Они же, послышавъ за собою погоню, и узнавша, что имъ уйти невозможно изъ тѣхъ мѣстопъ, и они возвратишася къ Царю, и хопѣша въхати въ городъ шайно на Москву и били челомъ Царю, что они не бѣгали, и повѣхали были молилися Пречисной „въ Оковецъ; и К. Ив. Турунтая изымаша въ Завтренью у новаго города „въ воровѣхъ въ Неглименскихъ, а онъ хопѣлъ войши въ городъ съ Поню; „а К. Михайла изымалъ К. Петръ Шуйской на посадь во дворъ у Вознесенія, у хороша колокольницы за Неглимною на Никипской улицѣ 14 „Ноября.“

(192) Со времянь Донскаго.

(193) „Маія 18 (г. 1550) Царь и Вел. Князь пожаловалъ Князя Владимира Андреевича женилъ, взявъ за него дщерь Александрону Нагово Евдокеею; а свадьба была у Царя на дворѣ, и вѣнчалъ ихъ Макарій Мининъ-рополонинъ.“

(194) На примѣръ въ Судебникъ: „Царь и Вел. Князь съ своею братьею „и съ Бояры уложилъ.“

(195) См. указъ 1556 г. о кормленіяхъ и о службѣ, въ прибавленіяхъ къ Судебнику.

(196) См. въ прибавленіяхъ къ Судебнику указъ 1550 г. о мѣстничествѣ,

(197) См. Стоглавъ въ Синод. Виблюш. № 524. На Соборѣ были, крокъ Митрополита, Феодосій Архіеп. Новгородскій, Никандръ Арх. Ростовскій, Трифонъ Еп. Суздальскій, Гурій Смоленскій, Кассіанъ Рязанскій, Акакій Тверскій, Феодосій Коломенскій, Савва Сарскій и Подонскій, Кириакъ Пермскій.

(198) См. Стоглавъ л. 12 и 14 на об. Въспъ слова его: „Наыкохъ ихъ „злочноеннымъ обычаемъ, пая же мудрствовани яко же и оци; и оспъ „птого времени какихъ золь не сотворихомъ предъ Богомъ?“

(199) Тамъ же, л. 12-19.

(200) Вел. Князь Василій Іоанновичъ далъ Присяжныхъ Новугороду, а К. Иванъ Вѣльскій Пскову, какъ мы уже сказали выше.

(201) Въ Стоглавъ, л. 22: „По вашему благословенію Судебникъ исправилъ и великія заповѣди написали Да успроилъ по всѣмъ землямъ „моего Царствія Старосны и Цѣловальники и Соцкіе и Пятидесятниковъ „по всѣмъ градомъ и по пригородомъ, и по волостемъ и по погоспомъ, и „Дѣшеи Боярскихъ, и уставныя грамоты подписалъ. Сей Судебникъ предъ „вами, и уставныя грамоты прочтете и расудише, чшобы было наше „дѣло по Вosz въ родъ и родъ неподвижимо по вашему благословенію, аще „достойно сіе дѣло, на Св. Соборѣ утвердивъ, и подписали Судебникъ и „на уставной грамотѣ, которой въ казвѣ быши: дана сія соборѣ.“ — Въ Судебникѣ, гл. 68: „Въ которыхъ волостяхъ напередъ сего Старосны и „Цѣловальниковъ не было, и пшѣ въ пѣхъ во всѣхъ волостехъ быши „Староснамъ и Цѣловальникамъ А безъ Староснъ и безъ Цѣловальниковъ Намѣстникомъ и Волостележъ и ихъ Тіуномъ не судили.“

(202) Вошь заглавіе сего уснама: *Царскіе вопросы и Соборныя отвѣты о многообразныхъ Церковныхъ стѣхъ*. Послѣ будешь говорить объ немъ въ особенной стѣхъ.

(203) См. въ *Древ. Рос. Визлѣв. XIV*, 266, грамоту Новгород. Архіеп. Геннадія къ Митрополиту Симону (писанную около 1500 года), гдѣ сказано: „Приведуны ко мнѣ мужика, и азъ велю даны чести Аниспола, и „онъ не умѣеть ни ступити . . . И азъ велю нвъ азбуку учити, и онъ „поучивси мало, да проситси прочь А моеи силы кѣнь, что ихъ „не учивъ жѣ спавини,“ и проч.

(204) Въ концѣ *Стоглава*: „Лѣта 7059, Мая въ 11 день, Царь и Вел. „Князь приговорилъ со опцемъ своимъ съ Макаріемъ Митрополитомъ и „со Архіепископы и Епископы и со всѣмъ Соборомъ, что въпредъ Архіеп. „дископомъ и Епископомъ и монастыремъ волчинъ безъ Царева и Вел. „Князя вѣдома и безъ доклада не покупити ни у кого, а Княземъ и Дѣ- „птемъ Боярскимъ и всякимъ людемъ волчинъ безъ доклада имъ не прода- „вани; а кто купитъ или кто продасть, и у нѣхъ, кто купитъ, дещги „пропали, а у продавца волчина; а взяли волчина на Государи Царя безъ „денежно.“

(205) См. Preussisches Archiv, von Faber, стр. 6. Тоанъ Шлиппъ или Шлиппе былъ родомъ изъ Гослара.

(206) У Гадебуша (Livl. Jahrbüch. I, 389) умножено сіе число до трехъ стѣхъ; но по бумагамъ самого Шлиппа, хранившимся въ Кенигсбергскомъ Архивѣ, ихъ было 123 человекъ: 4 Теоолога, 4 Медика, 2 Юриста, 4 Аптекаря, 2 Оператора, 8 цырюльниковъ, 8 подлекарей, 1 плавильщикъ, 2 колодезника, 2 мельника, 3 плотника, 12 каменниковъ, 8 столяревъ, 2 Архитектора, 2 липейщика, 1 спекольщикъ, 1 бумажный мастеръ, 1 рудокопа, 1 человекъ искусный въ водоводствѣ, 3 полмачей, 2 слесаря, 2 часовщика, 1 садовникъ для винограда, другой для хмѣля, 1 пивоваръ, 1 денежникъ, 1 шробирщикъ, 2 повара, 1 шрожникъ, 1 солеваръ, 1 карточникъ, 1 ткачъ, 4 каретника, 1 скорнякъ, 1 маслобой, 1 горшечникъ, 1 шипографщикъ, 1 кузнеца, 1 мѣдникъ, 1 коренщикъ, 1 пѣвецъ, 1 органистъ, 1 шерпикой, 1 сокольникъ, 1 шпукатуръ, 1 мастеръ для варенія класцовъ, другой для варенія сыръ, 4 зодшаря, 1 плочильщикъ, 1 переплещикъ, 1 портной.

(207) См. Preuss Archiv. Шлиппъ, сидѣ въ заключеніи, уговорилъ одного Доктора Цравъ, Тоанна Цегендера, вхатъ отъ него съ письмомъ въ Москву; но сей Докторъ былъ оспановленъ въ Ливоніи и сидѣлъ 3 лѣтъ въ пемницѣ. Шлиппъ послалъ къ Царю другое донесеніе съ Брауншвейгскимъ купцемъ, Ариольдомъ Шейномъ, который для своей безопасности сплсалъ оно собственною рукою, а подлинное возвратилъ Шлиппу: въхавъ благополучно въ Россію, онъ вздумалъ назваться Шлиппомъ и съ великою честію прибылъ въ Москву; но Государь изъясилъ ему гдѣ въ такой обманъ, и не хотѣлъ върнть бумагамъ, писаннымъ не Шлипповою рукою, однакожь безъ наказанія отпустилъ его назадъ въ Германію. Черезъ полтора года Шлиппъ бѣжалъ изъ Любекской пемницы, и въ 1555 году 3: Марша, писалъ къ Царю изъ Аугсбурга, перебуя денегъ и попой върющей

грамоты; увѣрялъ, что исполнитъ данное ему порученіе; дѣйствительно старался о томъ на Сеймѣ Аугсбургскомъ, но не имѣлъ успѣха, и послалъ какого-то Юліана Фоглера, Цюрихскаго уроженца, къ Царю съ кучею бумагъ, относящихся къ образованію Россіи. Фоглеръ уѣхалъ въ Италію, и тамъ заложилъ сіи бумаги. Одинъ изъ его заимодавцевъ, Вейсш Ценге, выкупилъ ихъ, привезъ въ Аугсбургъ, и пребоавалъ денегъ съ Шлишпа; но Шлишпъ скрылся, и лѣтомъ въ 1557 году былъ уже въ Москвѣ, куда отправился и Вейсш Ценге, копирый, проѣзжая чрезъ Кенигсбергъ, далъ списокъ со всѣхъ бумагъ Шлишповыхъ Герцогу Прусскому, Албрехту. Сей списокъ уцѣлѣлъ въ Кенигсбергскомъ Архивѣ. Шлишпъ предлагалъ, чтобы Посоль Россійскій, всегда находясь при особѣ Императора, имѣлъ у себя Доктора и Магистра Богословія, двухъ Докторовъ Права, Гофмейстера, Медика, двухъ Секретарей, нѣсколько другихъ чиновниковъ, Пажей, слугъ, искусныхъ цоваровъ; давалъ обѣды, ширы и на все содерживалъ болѣе шестидесяти тысячъ шалеровъ.

(208) См. Галебуша Livl. Jahrbüch. I, 388.

(209) См. Курбекаго.

(210) Сей походъ былъ въ 1547 и 1548 году: „По леду поступилия не-возможно, и многіе люди въ продушинахъ поволошя, зашеже подъ водою „продушинахъ не знаши.“ Царь возвратился въ Москву 7 Марта.

(211) 18 Февраля. Они 7 дней воевали Казанскія окрестности и благополучно вышли. Подъ Казанію убитъ тогда Дворянинъ Григорій Шереметевъ. — Въ Казан. Лѣт. названы Предводителями К. Семень Микудинскій и Василій Оболенскій-Серебряный, которые будто бы ходили водою къ Казани, всирѣшили Сафа-Гирей на ловль, побили у него 3000 человекъ и могли бы взять Казань: ибо Вельможи ея разѣхались гуляши по деревнямъ. Тамъ же сказано, что Сафа-Гирей послалъ 20,000 воиновъ въ слѣдъ за Россіянами, которые, узнавъ о томъ, засѣли въ крѣпкихъ мѣстахъ, и нечаянно нанавъ на омоннаго непріятеля, убили 17,000 человекъ, плѣнили 2000, а 1000 прогнали назадъ. Это басня.

(212) Въ Омп. 1548.

(213) См. Дѣла Польскія, No 4, стр. 1—80. Послы уѣхали было 10 Февр., а 13 утвердили перемиріе. Съ грамотою ѣздили отъ насъ въ Липву Бояривъ Мих. Яков. Морозовъ, Дворецкій Рязанскій Пепръ Вас. Морозовъ и Дьякъ Карачаровъ.

(214) См. тамъ же, стр. 80—195. Споры о пограничныхъ земляхъ продолжались.

(215) Въ Дѣлахъ Крымскихъ, No 9, л. 57: „На недруга своего на Астраханскаго ходили есмь, и Богъ шлюсердье свое учинилъ: взяли есмь Юрпъ „его; копѣли есмь держакши, да за нѣмъ покинули, что мѣсто не добро; „и мы шого для людей ихъ и Улусовъ ихъ шамъ не оставили, всѣхъ при- „говили къ себѣ. И какъ ошнолѣ, пошли есмь назадъ въ свою землю, и „заходили есмь на Кабайтерскыя Черкасы, да и дань есмь на нихъ поло- „жили . . . А послѣ ходили на Кайтаки,“ и проч.

(216) См. тамъ же, л. 30 на об. и 56 на об.

(217) Тамъ же, з. 51. „Князь Великій приговорилъ своего Посла въ Крымъ не посланца и на Крымскихъ Пословъ опалу положиши, для того, что Крымской Царь Подьячаго Лапуна соромонилъ, носъ и уши заливляли, и обиваю по базару водили, и на голцѣхъ привдевали поминковъ напрасно емлеть, а нынѣ Вел. Князя людей 55 человекъ собѣ похолопили.“ Это было еще въ 1546 году.

(218) Въ Казан. Лѣт.: „Сафа-Гирей пьять лице свое умывая, и напрасно заценса о увывальнѣй шеременъ, и главою весь о землю разразился и умре того же днѣ, и прикази Царевно меньшей Царицѣ Нагайныи; пріемъ же Царицавъ раздѣлм равно шѣвнѣ Царско, и ошущинни пошелъ въ опчествія ихъ; онъ же возвращающася: большая въ Сибирь ко опцу своему, вторая же въ Астрахань ко опцу своему, Астраханскому Царю; прешы же въ Крымъ къ братьевъ своихъ, Княземъ Ширинскимъ; четвертая же бѣ Руская, плѣнница дщи нѣкоего Князя славна, и та по позирании Царя изъ Нагай умре въ Казани.“ Но въ послѣдствіи увидимъ, что одна изъ женъ Сафа-Гиревыхъ, кромѣ Сююнбеки, осмивалась въ Казани, и вышла за Шигъ-Алея. Въ достовернѣйшихъ лѣтописяхъ сказано, что Казанцы и Крымцы съ общаго согласія объявили Ушемши-Гирей Царемъ.

(219) Въ Царствен. Кн.: „А въ Крымъ послали просити помочи и сверсннго Царя, и Царя и Вел. Князя Казаки Урачко съ товарищи по слову Казанскихъ побали и ердыки ихъ поймали и къ Государю прислали . . . Бюля 6 прислалъ къ Царю и Вел. Князю изъ Казани Ушемши-Гирей Царь своего человека съ грамотою о миру.“

(220) „Вольшаго полку Воеводѣ Боарину К. Динирею Фед. Бѣльскому, да К. Володимеру Ив. Воропынскому — передоваго полку Воеводѣ К. Меншу Ив. Шуйскому и К. Вас. Фед. Лопашнику — правой руки Боарину К. Александръ Борис. Горбатаго, да Дворецкому Угледскому, Князю Вас. Сем. Серебряного — лѣвой Руки К. Мих. Ив. Воропынскому, да Бор. Ив. Салныкову — спорожевому Боарину К. Юрью Ив. Кашину А изъ Володимера прислалъ Царь и Вел. Князь по Макарія Минирополицна, и Минирополицнъ, да Крумицкій Владыка Сава съ своимъ „Соборомъ пріѣхали въ Володимеръ . . . Дек. 20 отпущилъ Царь и Вел. Князь съ парядомъ въ Нижній Болрина Вас. Мих. Юрьева, а Шигъ-Алею и Царевичу Едигерю и Воеводамъ, кои збиралися съ людьми по городокъ, и шѣмъ велѣли быти въ Нижнею Генвара; а самъ поиде изъ Володимера Генв. 7, а въ Нижній принель Генв. 18; а изъ Нижнея пошелъ Генв. 23.“

(221) См. Курбскаго. Сей Историкъ ставитъ Юанша въ примѣръ Государявъ Западнѣмъ, которые любилъ сидѣть дома, играть въ карты; осмиваютъ своимъ Полководцамъ сражаться за ихъ честь, и сами только-что забавляются.

(222) Казан. Лѣт. говорить, что неудача Россіянъ произошла, можетъ быть, онъ искусства Казанскихъ волхвовъ, и что Юаншъ, восшедши на Круглую гору, только въ умѣ назначилъ бытъ тушь крѣпости, не объявивъ никому своей мысли. Въ другихъ лѣтописяхъ сказано прошивное; см. Никон. Лѣт. 70.

(223) Въ *Казан. Лѣт.*: „Плаголюють же сь воевъ Воеводѣ, яко большаиъ ризмавна бѣ въ нещъ, и сего ради Казанцы, ходяще войною, не воеваху въ селъ и градовъ его, но около ихъ обхожаху, и на единого куряни не възиммаху.“

(224) См. выше, сираи. бр.

(225) Государь выѣхалъ во Юля, а возвратился въ Москву Авг. 23.

(226) „Дек. 26 пришла войною Уразлы Мурза, да Опай Мурза, да Телѣкъ Мурза и иные . . . и Воеводы съ Ризани К. Цевръ Мих. Щенялпевъ, да К. Александръ Воротынской, да оныи Николы Заразскаго К. „Дм. Ив. Цуиковъ сошлись вѣснѣ, и вездѣ ихъ побивали . . . и назъ „Елашвы К. Костянинишъ Ив. Курдяшевъ, да Семенъ Шереметевъ, да „Снепанъ Сидоровъ шакоже, и сошлись вѣснѣ . . . и прииди сѣбѣ вездѣ и морозы и позабли многіе (Ноган), а доснальныхъ вольные Каза- „ки Вел. Князя побили до Волги, и приидель въ Чаган Арасланъ Мурза, „да Опай, а всего съ ними пѣвшихъ 50.“

(227) См. Дѣла Ногайскія, Но 3, л. 111, 112, 133 на об. и 158; см. также *Никон. Лѣт.* 71.

(228) Въ *Синод. Лѣт.* Но 361: „посланнаго во Полаградъ Свияжскаго, „назначеннаго во Царское или *Пасъградъ*.“ Сие имя нечело. Въ *Царствени. Кн.*: „Государь призываетъ къ себѣ Діака своего, Ив. Григор. Выродкова, „и посылаетъ, а съ нимъ Двѣней Боларскихъ на Волгу въ Углецкой Уездъ, „въ Ушальскихъ волчину, церквей и города рубини, и въ судѣхъ съ Вое- „водами явились везни.“ Въ числѣ Казанскихъ Вельможъ, бывшихъ пог- „у насъ, именуются Коспровъ Князь, *Чалкуръ* и *Бурнашъ*. К. Самсоновъ Микулинскій съ Окольнічани Владимиромъ Вас. Мерозовымъ и Федоромъ Григор. Адашевымъ (омщевъ любимаца Государева, Алексѣя) шелъ впереди къ уснью Свѣяги; ему надлежало быть градоначальникомъ въ Свѣяжскѣ. Изъ Мещеры было послано туда 6000 конныхъ и пѣшихъ Козаковъ. Свѣ- „жскъ, какъ сказано, основанъ между Свѣягою и Щучинымъ озеромъ.“

(229) „А приидель (К. Серебряный) на Казанскій посадь на 7 часу дни „не со всѣми людями; многіе заблудилися: вѣда бо велика тогда быснѣ на „Волгѣ.“ Лѣтписцы рассказываютъ здѣсь о знаменитыхъ быснѣхъ на Свѣ- „ягѣ рѣкѣ, о чудесномъ колокольномъ звонѣ, о явленіи Св. Сергія, о про- „рочеснѣхъ и чудесахъ въ Казани. На прѣмѣрѣ: „Оныи короуи родилъ дѣ- „лтищъ челоувѣческыи образомъ, и везануи прѣвѣшилъ въ совершенна му- „жа вооруженна и глаголаше зрящымъ на него: *оставишетеся безъ мукъ- „ства Московскому Государю!* . . . и абіе пендидавъ быснѣ . . . Рыболо- „ды излекоша врежу и видѣша въ ней челоувѣка стара лежаща и глаго- „лаща къ нимъ: *оставишете чюлюппи Московскаго Царя.* Они же хощыша „убити его; оныи же ввержеси въ рѣку . . . Во градѣ же Казани имѣяху „многѣи пѣвыи вкопаны въ землю отъ Русскаго сирѣблѣнѣи огненнаго, и во „едину ввѣдѣшавъ Тавировъ, и видѣша ю пѣвалу и благовошу, яко же „Христѣанскую кабу, и нещъ пошу хлѣбомъ шенчавыхъ, и во единой „спраишъ постела вельможека, на ней же лежаше мужъ съдѣ, и рече: *ка „будете протѣжни Москов. Царю* . . . и абіе пендидавъ быснѣ, во одръ, на „хлѣбы, шѣ Слагословіе, но сирѣдѣ ошутанесъ,“ и проч.

(230) „Городъ же, кожорой сверху припазеть, на половину пое горы „спалъ, а другую половину потчасъ здѣлали.“

(231) „Шигъ-Алей съ нѣмъ послалъ (въ Москву) Дворецкаго своего „Шабаса Князя Шамова, а Бояре Ивана Шишкина.“ — Въ *Казан. Лѣт.*: „Двѣ бо Черемисы въ Казан. обласни, а языки ихъ три; четвертый же „арварскій. Едина Черемиса объ сю справа Болги сидитъ по удолямъ и „словень Горная, а другая объ оную Луговая; а всѣ нѣ люди зеленанцы „и шрудники и зломоные рашники. Въ той же справѣ Луговой еснъ „Черемиса Копинажская и Вендужская, живущъ въ пустыняхъ лѣсныхъ, „они съонъ, ни оръвъ, но лодовъ звѣрнымъ и рыбнымъ и войномъ пита- „ются и живутъ акъ диле.“

(232) „И послалъ Государь съ золотыми къ Воеводамъ Спиритчаго Игна- „тія Венжагора — и Воеводы Горныхъ людей, Князей и Муръ, и Сош- „ныхъ Князей и Десятыхъ, и Чувашу и Черемису, и Мордаву, и *Мож- „ровъ* и *Тархановъ* привели къ правдѣ Да послали ихъ къ Казани, „а съ ними смотрѣши Цешра Турова да Алексѣя Ершева, и Горніе со- „брався много да пошли — и перевезли ихъ Казаки подъ Тарлошью да на „Каменномъ перевозѣ, и пошли къ городу Ююя, и пришли на Арское по- „ле, и вышли къ нимъ всѣ Казанскіе люди и Крымцы, и бился рѣшко, „и вывели да нхъ пушки, и Чуваша и Черемиса дрогнули и побѣжали; „да Казанцы убили у нихъ человекъ со сно, и бо живыхъ поймали. А „Шигъ-Алей и Воеводы ходили въ нѣ поры на Госпниъ оспровъ, и за „Волгою спояли на Терень-Узикъ; а Горніе люди къ нимъ прибѣжали, и „велѣли ихъ ояпъ за рѣку роситъ Горніе же люди валили къ Го- „сударю во все лѣно человекъ по пяти сонъ, и снѣ жаловаль Князей и „Муръ и Сошныхъ Казаковъ шубами съ бархатны съ золотомъ, а нымъ „камчатны и анласныя, а молодымъ однорядки и сукна и шубы бѣлы.“

(233) „И прѣжали къ Государю служики многие Кязи и Муръ, и Го- „сударь, ихъ жалуючи, ояпъ ошлуцалъ во Спѣжской городѣ, а велѣ ихъ „шущъ устраивати.“

(234) „И приходили Чуваша Арская съ боень на Крышцевъ: о *селѣ-де „не біте селомѣ* Государю? на Царевъ дворъ, и Коцакъ Уланъ съ новар- „ищи съ ними бился, и побили Чувашу.“ См. еще *Казан. Лѣт.*

(235) „И Крымцы, пограбл что возможно, побѣжали Зоо человекъ Ула- „новъ и Килзей, и Азевъ, и Муръ и Казаковъ добрыхъ, опрчъ ихъ лю- „дей, и прибѣжали на Каму, а шущъ споятъ Дѣши Боярскіе и Спрѣльцы — „и прибѣжали къ Вѣнѣ, а шущъ споялъ Вахшеяръ Зузивъ съ Влпчанъ „да Казаки утаяся и Крымцы, подѣлавъ шары, да повезлись, и Влпчанъ „и Казаки добили ихъ и попомчили.“ Въ *Казан. Лѣт.* сказано, что Госу- „дарь предлагалъ Коцаку креститься.

(236) „А Казанцы прислали къ Шигъ-Алею и къ Воеводамъ Кульше- „рифъ-Молну, да Тюменскаго Кязя Бибарса, да К. Распова, и срокъ учи- „нили не воевати ихъ 20 дней и Казанцы послали къ Государю Ен- „барса Муръу, Распова сына, и подали Государю челобитную оны земли, „Кудайгуль Уланъ въ головахъ, да Муралей Кязь, и вся земля, Молны „и Сеины, Шахи и Шихзады и Мадзады, и Маны. и Ами, и Арами“

„Князи и Улавы, и Мурзы, и Ичжи дворные и задворные, Казаки и Чу-
 „ваша, и Черемиса, и Мордва, и Тарханы, и Можары.“ — Адашевъ приѣ-
 „халъ къ Шигь-Алею Авг. 6. Далѣ: „Авг. въ 9 къ Царю Шигь-Алею и къ
 „Воеводамъ приѣхали изъ Казани Молна Касымъ, да Вибарсь Князь, и
 „иные . . . и они были во многомъ заперлися, и Царь имъ велѣлъ итти
 „къ Бояря въ Болрскіе шаптры, и дѣлани по Государеву наказу . . .
 „Бояре же ни во единомъ ихъ лукавствъ не послушили . . . и прислали
 „изъ Казани, что Царя Узнешинь-Гирей и Царицу Сююмбеку везушь, и
 „Бояре велѣли бы встрѣитишь; и Воеводы послали К. Петра Сем. Сере-
 „бреннаго съ Дѣтymi Болрскими, и встрѣитишь ихъ на Казанскомъ устье.“
 Казан. Лѣт. баснословнишь, что Алей хотѣлъ тогда женииься на Сююм-
 беку, но что она прислала ему ядъ въ кушачѣ и въ одеждѣ; что Алей
 далъ первое собаку, и собака издохла; надѣлъ пинорую на преступнишка, и
 преступнишка упалъ мершвый. Это напоминаеть Медю. Сююмбека была
 послѣ женою Алея, какъ увидимъ.

(237) См. *Kazan. Лѣт.* Но то не правда, чтобы К. Серебряный - Обо-
 ленскій ваялъ Царицу въ Казани и вывезъ ошпуда всѣ Царскія сокрови-
 ща. Сей Лѣтописецъ, не всегда достоверный, говоритъ: „Москов. Воево-
 „да, К. Василій (Петръ) Серебряный, вшедь въ Казань съ 3000 воору-
 „женныхъ и съ 1000 огненныхъ Сирѣльцовъ, явъ Царицу и со Цареви-
 „чемъ яко смирную иъкую пшину въ полапахъ ея. Аще бы вѣдала изы-
 „маніе свое, то сама бы ся убила. Вшедь же къ ней Воевода съ Казан-
 „скими Вельможами, одѣянь въ зланиую одежду, и спа предъ нею съемни
 „зланиый шмыкъ, и рече ей слово пшхо и честно: поманиа еси, вольная
 „Царица, Великимъ Господемъ нашимъ Исусь Христомъ . . . Той ошъ-
 „землешь Царспво швое и предеть ни въ руцѣ великому и благочест.
 „Царю Ивану Васильевичу . . . Она же восирянувь ошъ мѣста Царскаго
 „и спа подержима подь руку двѣма рабьяними, и ошвѣща: „буди вола
 „Божія и Самодержца Московскаго! . . . и разразиса о поль . . . И хо-
 „пшаху Казанцы Воеводу убиши; но не даша имъ власнели ихъ и бѣшна
 „ихъ шалыгами и ботоги. Воевода же даспъ ей 10 дней пробышь въ по-
 „лапахъ своихъ за крѣпкими спражами; и Цареву казну запечата и на-
 „полни 12 лодей зланиомъ и сребромъ . . . И влѣзши Царица въ мечель,
 „и роздра верхній ризы своя, и паде у гроба Царева, власы своя пераю-
 „ще и лице свое деруща.“ Слѣдуетъ ея плачь, напоминающій Елдокинъ
 (супруги Донскаго). На приѣвърь: „О милый мой Царю! виджь Царицу
 „слвою, ея же любилъ плаче всѣхъ! се ведома въ плѣнь иноязычными воины
 „и съ любимымъ своимъ швошь . . . Увы! пошто рано зайде красота
 „швоя ошъ очю моею подь шемною земасю, оставивъ меня сиротиною?
 „Увы мнѣ! гдѣ шано живеша, да пойду и живу съ побого? Почшо ны
 „оспави здѣ? Предаемся въ руцѣ Москов. Царю: мнѣ единой не могуцей
 „прощаишисья смѣль и крѣпости его, и не влѣхъ помогающихъ мнѣ. Аще
 „бы ошъ иного косяго Царя плѣнена быхъ была языка нашего и Вѣры,
 „шю шла бы и не шуждала. Увы милый мой Царю! ошверзи мнѣ шемный
 „свой гробъ, и буди намъ гробъ швой единъ шевъ и мнѣ Царская наша
 „ложница и свѣтлая палата! . . . Прими юную Царицу свою, да не на-

„сладящаяся шовёрцы красотою моею! . . . Кому печаль мою возвыщу? съ-
 „ну ли? но шой еще млечныя пищи шребуенъ. Или отцу моему? но шой
 „далече. Казанцамъ ли? но они чрезъ кланьву ошднншу мена. Увы ми-
 „рой Царю! не ошвѣщания ничю же. Се при дверяхъ немилосшныше
 „войны спошптъ, и хошптъ мя яко звѣрие дивнѣ восхитиши. Царица
 „быхъ, нынѣ же горькая плѣнница и раба убогая; за радосшь и за ве-
 „селіе слезы горькія постыгоша насъ. Уже плакати не могу, ослѣпо-
 „спивъ очима, и кремоче гласъ мой ошъ вошля.“ — Самъ Воевода нашъ,
 „спошря на нее, плакаль, какъ сказано въ сей лѣнописи. Далѣе: „Царица
 „же, егда повезена бышъ къ Москвѣ, горько плакашеса, Волгою тѣдучи,
 „аряще прямо на Казань и глаголюще: Горе тебѣ, градъ кровавый и уны-
 „мый! Спиде вѣнецъ съ главы швоея, и яко вдова явлешися, оспрошвнши,
 „и рабъ еси, а не Государь! прейде бо слава швоя; шы же изнемогши
 „падеша, яко звѣрь не имущій главы. Не срамъ ни естъ: аще бы и Вави-
 „лонскія сподны и Римскія спѣны имѣль еси, то никако ошъ шакоего
 „Царя сильнаго усношпи не возмогль бы еси. Царство Царемъ премуд-
 „рымъ самодержится, а не спѣнами и сполнами. Царь швой сильный умре,
 „и Воеводы изнемогша Гдѣ нынѣ Царскія швой широве и веселія?
 „Гдѣ Улановъ и Килзей швоихъ красование и величаніе? Гдѣ молодыхъ женъ
 „и красивыхъ дѣвиръ ликовъ и пѣсны и плясаніе? Въ тебѣ рѣки воденныя
 „(медовыя) и потоцы вицныя печажу: нынѣ же людей швоихъ крови про-
 „ливаюшся и слезы горькія испочницы прошекають, и не изсякнущъ, и
 „мечь Рускій не ошмынелъ, доиде же въ тебѣ вся люди швоя изыбнущъ.
 „Увы мнѣ! гдѣ возьму пищю борзопанующую, глаголющую языкомъ че-
 „ловѣческимъ, да пошлю къ ошцу моему и къ манери, да возвѣстияшъ слу-
 „шншесеа чаду ихъ? Судя Богъ и мсти супоспашу нашему, злому Шигъ-
 „Алею, не хошпцу ми плѣнницу поняли и большею женою имѣши!“ и проч.
 „Тунъ же сказано, что Казанцы выдали Алею Семейа своего, коему ошъ
 „вѣдѣли ошрубнши голову.

Царица шолько почевала въ Свѣлжскѣ. Бибарсъ Князь и Алимердинъ Азіи
 привезли двухъ сычовой Кошакъ Улана и другіхъ дѣшей знаншыхъ Крым-
 цевъ. Сюкибека прѣхала въ Москву Сент. 5.

(238) „Авг. 13 Шигъ-Алей и Воеводы прѣхали на Казанское устье и
 „спиди ошъ Волги до Бежболды, а вверхъ двѣ версты, а за Казань внизъ
 „до Царева дугу И Царь Шигъ-Алей и вся земля Казанская на
 „шпощъ Государю правду дали, что имъ въ Горнюю сторону не вшупа-
 „ншися, да и въ половицу Волги, а ловцемъ ловили по своимъ полови-
 „намъ И къ правдѣ ходили по спу человекъ и по дѣшнѣ и по при-
 „сна Авг. 16 Шигъ-Алей пошхаль на Царшво въ Казань, а съ нимъ
 „300 человекъ Городецкіхъ Килзей и Мурзь и Козаковъ, да 200 Спрѣль-
 „цовъ Царя и Вел. Князя; а жили всѣ у Царя на дворѣ И шого
 „дани (Авг. 17) Шигъ-Алей ошдалъ Воюромъ 2700 плѣнниковъ; а Воюре по-
 „решали къ Государю Данила Фед. Адашева, да Спрѣлецкого Голову Ив. Че-
 „ремисинова, и прѣхали въ Москву Авг. 28.“

(239) „Воюре К. Юрій Мих. и Данила Ром. со всеми людьми своими пош-
 „шли къ Государю вверхъ Волгою, а К. Дм. Хилковъ чрезъ Горнюю спо-

Касимъ-Молны и другихъ мятежниковъ. Алей възвхалъ Марша б, и привезъ въ Свияжскъ 84 человека изъ Вельможь Казанскихъ.

(244) Они прежде были въ Москвѣ у Государя. Съ ними поѣхалъ въ Казань Ив. Черемисниковъ.

„И на завтрѣ прѣехали въ Свияжской городъ изъ Казани Кудатуль Уланъ, да многіе Молны и Князъ, да Ив. Черемисниковъ, и Чапкувъ и Бурнашъ, да правду Воюромъ дали, и у Волярь правду взяли, что имъ жалованши Казанцевъ, какъ въ иныхъ городѣхъ Вол. Князъ; да говорили Воюре, чтобы Царицу Шигъ-Алееву, *мелшницю* Цареву“ (то есть, младшую жену; а въ другихъ спискахъ *измѣшницю*) „прислали . . . а Шигъ-Алей объ ней Воюромъ говорилъ . . . И К. Семень послалъ въ Казань Ив. Черемисникова и шолмача Федька Палецкого, да дѣшеи Воюрескихъ къ правдѣ людей приводити и смосрѣти, нѣтъ ли лиха . . . и Черемисниковъ прислалъ къ Воюромъ, что лиха нѣтъ: Царицу опшускаюшь; а сельскіе люди, да въ правду, по селомъ развѣзкоюшя; да пришилте и конь свой легкой съ дѣшеною, да съ ниль Козаковъ спю, и они на Царевъ дворъ притодятся, да всякое дѣло . . . и Воюре опшусшили 70 Козаковъ, а лицалей 72. . . и К. Семень, да Ив. Вас. Шеремешевъ, да К. Пешръ Серебряной съ товарищи поѣхали къ Казани; а въ енорож. полку К. Федоръ Ромодановской, да Казанцы всѣ, конорыкъ Царь вывелъ . . . И на Волгѣ у Ирихова осирова всирѣшили ихъ Шамсъ Князь, да Ханкилей и иные . . . да Царицу испрѣшили Воюре на Волгѣ же . . . а въ Казань и изъ Казани Дѣши Воюрескіе ведши, и сказашають, что всѣ люди ради, а Черемисниковъ иныхъ еще къ правдѣ приводишь.“

(245) „И какъ на Бемболду Воеводу прѣехали, и поѣхали напередъ въ городъ оиъ Воеводъ Исламъ Князь, да Кебякъ К., да Алексѣй Мурза Чюринъ, бранъ Нарыкова; а Воюре ихъ не брегли, потому что всѣ ихъ Князи выручили.“ — Мы слѣдуемъ достоверному Лѣтописцу Московскому; а Казанскій много не такъ рассказываетъ: выписываемъ нѣкоторыя мѣста изъ него:

„Шигъ-Алей“ (сдѣлавшись Царемъ въ Казани) „поедъ въ градъ Березно, и прислани ко всѣмъ враномъ своя рапкики, и ключи враныи повелъ на всяку ноць Воеводѣ своему приносити; также и двора его спрежаху по 1000 огненныхъ Спрѣльцовъ въ день, а въ ноць по 3000; Восводскаго же двора спрежаху по 300 въ день, а въ ноць по 1000. На котораго Казанца окомъ яримъ или першомъ покша, они же вскорѣ шого развѣкаху на кусы . . . Вѣгуиъ Казанскій, Князь Чапкуль, прѣѣжда на Руевъ служини, и Государь дашъ ему великъ домъ въ Москвѣ. Окаинный же служилъ б лѣтъ, и молящеса, да опшунтень будеть въ Казань . . . и наиъ приложися къ Казанцамъ, жены своей послушашъ . . . и пойдоша Казаки къ Воеводашъ и облыгаюшь Шигъ-Алея, яко хотения дѣлѣвниши Государю . . . Воеводы же послани къ Москвѣ, яко да извѣдешъ Государь Шигъ-Алея изъ Казани. Государь же, прочеть грамоту, удивися, что нова леша явися въ немъ на спароснь его, и опшиса ему, да опшавишь Цареву; а на мѣсно его повелъ быни К. Пешру Шуйскому . . . Шигъ-Алей же повелъ Уламанъ и Казанцы вродити себѣ

„до Свияжского града . . . и повелъ враща градцаи зашворщи, и пойманца „700 человекъ,“ и проч.

(246) „И встрѣнили Воеводу на Булакѣ Ив. Черемисиновъ, да Куладей „Князь И прѣехали Воеводы къ Царевымъ воровцамъ . . . а ихъ шуть „встрѣнили Кудугуль Уланъ и иные, а говоряще: боияся-де люди побюю, „да насъ не слушаюше . . . И велѣли Воеводы изывани Кудугуль - Улана „и Лизана К. съ сыномъ, Шамсу К., Чуру К. Кадьеза, Богодана К. Ар- „ского, Ханкиддея К., и иныхъ Князей и Козаковъ, да копорыхъ Царь „вывель, пѣхъ всѣхъ же перенимали И шюали, почевать, да полодень „и ссылалися . . . и пришли въ Свияжской городъ Марта 12.“

Выписка изъ летописей сего времени:

Въ 1547 г. 30 Генв. посланъ въ Москов. Богоявленскій Игумень Кири- акъ въ Енисконы на Пермь. 30 Июля, въ 9 часу днѣ, явилася туча съ зми- няго Запада надъ Москвою и шель градъ величиною съ лѣсное яблоко. Дек. 20 въ Новгородѣ Царь уничтожилъ корчмы: „давали по Кошцамъ „и по улицамъ Старостамъ на 30 человекъ днѣ бочки пива, да 6 ведеръ „меду, да вина горскаго полтора ведра на разрубъ.“ — Генв. 13, въ 1548, въ 3 часъ ночи, было въ Москвѣ сѣверное сіанье: „визмаша на небеси мно- „гѣ лучи на полунощной спранѣ аки огнень, и быша чрезъ всю ночь „и до упреней зари. (Февр. 9 въ ноци явилася лучи на полунощной же „спранѣ и предъ Заупренюю испухоща. Апрель 22 посланъ бысть Ени- „сконы на Разань Архимандр. Чудовскій Михаилъ. Юня 1, въ 14 часъ днѣ, „взошла туча съ зминого Запада, и молонья велика, и громъ спрашенъ. и „загорѣся ошь молнѣи верхъ перема Воробьевскаго, и сгорѣ перемъ и всѣ „хоромы на Царскомъ дворѣ въ Воробьевѣ. Юня 21 Царь и Вел. Князь „пойде пѣхъ къ Живоначальной Троицѣ и съ своею Царицею и съ бра- „тнемъ, и возвратися на Москву 28 Июля. Сенин. 14 поиде пѣше Царица „къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь, а Царь поѣхалъ шуда же 22 Сенин.; „да опшуда въ опѣвадь на свою Царскую поѣху и съ своею Царицею „въ Слободу и въ Дмитровъ, и въ Звенигородъ, и въ Можаскъ, а на Мос- „кву прѣхалъ Окш. 28. — (Февр. 23 (г. 1549) въ ноци явился свѣтъ на „полунощной спранѣ аки зоря предъ восходомъ солнечнымъ и спюа до „упренией зори. Марта 10 поставленъ бысть Енисконы въ Суждалъ, Архим. „Симоновскій Трифонъ, а Марта 17 Архиеп. въ Ростовъ, Игумень Троиц- „кій Никандръ.“ Въ Новгородѣ, 14 Мая отрыли въ землѣ 12 человѣческихъ „пѣлъ, совершенно цѣлыхъ: Царь и Митрополитъ велѣли ихъ похоронити въ „Соборомъ, въ ямѣ за одшаремъ Св. Софіи, въ одномъ гробѣ. „Авг. 10, въ „4 часъ ноци, родися Царю дщи, Царевна Анна; и прѣхалъ Царь въ Но- „вой Дѣвичь Монастырь и обложилъ храмъ Св. Богошощъ Іоакима и Ан- „ны, и ту слушалъ Всенощную и Заупреню, и во утрѣ церковь свящаль, „и дщерь свою крестилъ; а крестилъ ее Сшарецъ Андрейчъ Андроновъ „Пуспыни, да Сшарецъ Генадій Сшарайскія Пуспыни, а дѣйшвовалъ Свя- „щенническаа Игумень Троицкій Серапионъ Курцовъ. Дек. 30 Государь „въ В. Новгородѣ порушилъ рады и грамоты ридовыя собралъ въ казну. — „Авг. (г. 1550) преставися Царевна Анна, и положена въ Новомъ Дѣ- „вичьемъ монастырь. Мѣсяца Сенин. посланъ бысть верхъ Большой у Со-

„бурной церкви Пречиския. Оуп. 26 слыть большой колоколь и поставя-
 „лень у Архангела за олтаремъ на древяной колокольницѣ“ (въ Москвѣ).
 Въ *Нодог. Лѣт.* Малинов., въ описаніи пожара, сказано, что оны были по
 Московскимъ часамъ въ третьемъ часу, а по Новгородскимъ въ шес-
 „тпомъ. — Марша 17 (г. 1551) „въ 10 часъ поци родися Царю дочь, Царев-
 „на Марія, и крещена бысть по Пасцѣ въ Пяшокъ. Юня 14 поставленъ
 „Архіеп. въ Великій Новгородъ, Серапіонъ Курцовъ, Игуменъ Троицкіи
 „Сергіева монастыря; а Юня 18 Епископъ въ Суздаль, Аванасій. Игуменъ
 „Кириллова монастыря. Мѣсяца Авг. поставленъ на Цроцѣ Михайловъ
 „городъ, а спавилъ его Воевода К. Александръ Цв. Воронынской, да Ми-
 „хайло Пепр. Головинъ; а какъ спавилъ городъ, и учали мѣсто чиснить,
 „гдѣ поставиши церковь Архангела Михаила, и пунть обрали, гдѣ ол-
 „тарю спюяти, образъ Арханг. Михаила, древнее писъмо, обложень сере-
 „бромъ, и Царь и Мипрополить по тотъ образъ послали Священни-
 „ковъ, и испрѣшивъ его честию, и пѣвъ молебавы, опгусилили въ храмъ
 „на то мѣсто, гдѣ явился. — Поставленъ (въ 1552 году) Шапской городъ
 „въ Менчерѣ, а спавилъ его Воевода К. Дм. Сем. Шеспуновъ; былъ для
 „береженця; а дѣлалъ его Борисъ Сукинъ, и сдѣлавъ великъ и хорошъ.“
 9 Апрелья прѣхалъ въ Новгородъ Цареградскій Мипрополить Феодосій.
 8 Мая привезли шуда 60 человекъ Казанскихъ Татаръ, конхъ должны
 были содержать Архіепископъ и купцы; ихъ посадила въ при новыи
 шормы.

(247) См. *Царствен. Кн.* 203-205. О снаряжѣ огкеспрѣльный надлежалъ
 везти Воярину Михайлу Морозову.

(248) См. *Дѣла Польск.* No 4, л. 196-204.

(249) См. выше, примѣч. 246.

(250) См. сей *Исторіи* Т. VI, примѣч. 495, и Т. VII, примѣч. 136.

(251) Ногайскій Мурза Велекъ, жалуетъ Иоанну на Донскихъ Козаковъ
 или Черкасовъ, пишесть: „Вѣлово (Россійскаго) Князя Черкасы бѣглые
 „холони были“ (см. *Дѣла Ногайск.* No 4, л. 91). Самъ Царь Иоанн Василье-
 „вичъ, въ сношеніяхъ съ Ханомъ Крымскимъ, говоритъ: „*Нашихъ Кави-*
 „*ковъ на Дону нѣтъ никого; а живушь на Дону изъ нашего Государства*
 „*бѣглые люди.*“ Въ другомъ мѣстѣ: „А конорые на Дону живушь, *давно*
 „*бѣгавъ изъ нашего Государства,*“ и проч. (См. *Дѣла Крым.* No 15, л.
 446-447).

(252) См. сей *Исторіи* Т. VII, стр. 226.

(253) См. сей *Исторіи* Т. VII, примѣч. 136.

(254) Князь Ногайскій Юсуфъ въ 1549 году писалъ къ Государю: „Хо-
 „лони швои, ижемо Сарыазманъ словепть, на Дону въ трехъ и чепырехъ
 „мѣшѣхъ города подѣляли.“ (См. *Дѣла Ногайск.* No 3, л. 135 на об.).
 Нашъ Посланникъ, Пепръ Тургеневъ, въ 1551 году доносилъ Иоанну изъ
 Ногайскихъ Улусовъ: „Прислалъ Турецкой Царя къ Исмаилъ Мирзѣ по-
 „сла сее весни, съ пѣвѣ: въ нашихъ-де въ Вусурманскихъ книгахъ пише-
 „ща, что пѣ лѣта пришли, что Руского Царя Ивана рука надъ Вусур-
 „манны высока; уже-де и мѣш опъ чело обида велика: поле-де все, да и
 „рѣки у меня поштыца, да и Демъ опшала, да и Асовъ городъ пусть

„ду меня дописать; повиновалъ всю волю въ Азовѣ. Казаки его съ Азова
„оброкъ ехались, и воды изъ Дону пиши не дадутъ . . . А на Крымѣ
„мой посаженъ Царь: какъ ему волю, такъ и дѣлаешь.“ См. Дѣла Ногайск.
№ 4, л. 39.

(255) Девлетъ-Гирей, по вѣнчанъ Родослов. Книгамъ, былъ сынъ Мубла-
рекъ-Гирей, и вступъ Мемрадъ-Гиреевъ. Догнѣтъ извѣстѣ, что Султанъ въ
1551 году повѣлалъ Русланъ-Пашу свергнуть Самъ-Гирей за убіеніе
Ислана (см. Histoire des Russes, т. XVIII).

(256) См. Дѣла Ногайск. № 4, л. 39 и 40.

(257) Ногайскій Мурза Велекъ писалъ къ Государю: „Актобекъ Царь
„съ Черкасы въ свойствѣ учинился, и ему братство учинили, и они ему
„Юрнѣ его взявъ дали; и Янгуртѣй Царевичъ въ свойствѣ учинился, и
„ему Юрнѣ его взявъ дали же.“ Дѣла Ногайск. № 4, л. 91.

(258) „Пришли ко Царю (въ 1551 г.) Послы изъ Аспрахана отъ Янгур-
„чѣя, Ишъвъ Князь съ товарищи, и были челомъ, чѣобы его Государь
„жаловалъ, велѣлъ себѣ служкини и съ Юрнѣмъ, и жаловалъ бы такъ
„и Шигъ-Алея Цари и нынѣ Царей, которые ему служатъ . . . Того
„же году“ (послѣ 1 Сентя.) „послать Государь въ Аспраханъ посла своего
„Савастыяна видѣни Царевы правды и его землю всю къ правдѣ приве-
„сти . . . Въ Маѣ (г. 1552) выѣхалъ къ Государю изъ Аспрахана Царе-
„вичъ Кайбула, Ахкубековъ сынъ,“ и проч.

(259) Сперва Горные люди побили Казацкѣвъ, привели въ Свияжскѣ
двухъ взятыхъ ими чиновниковъ и казнили ихъ, но въ Апрѣлѣ Воеводы
увѣдомили Государя объ ихъ невѣрности: „Пригонилъ Михалко Шани-
„ловъ ко Государю съ грамотами отъ Воляръ изъ Свияжска, а пишутъ,
„что къ нимъ прѣхалъ Дворецкой Данило Романовичъ; чѣто Шигъ-Алея
„и со Царицею вверхъ опустили по Государю наказу; а Горные люди
„волнуются и ссылаются съ Казацкѣ . . . и по Цывили въ городъ на
„Свиягу не ѣздятъ.“

(260) „Посылали за ними Казаковъ, и Казацкѣ побили ихъ: убили 70
„человѣкъ, да и нищали поймали . . . а отъ К. Михайла съ Камы ѣхали
„Казаки въ судѣхъ на Свиягу по корягъ, Северга съ товарищи, и Казацкѣ
„люди ихъ побили, а Севергу въ Казань привезли, да тамъ убили, и това-
„рищевъ его 30 человекъ . . . А изъ Казани прѣбѣжали колоненики, а
„сказали, чѣто Казацкѣ пѣхъ Двѣней Волярскихъ и Казаковъ и людей Во-
„лярскихъ, которыхъ закиорили на миру въ городѣ, побили всѣхъ; а всѣхъ
„запворили 180 человекъ, и иные изъ нихъ утѣкли на Свиягу, и ружья
„Воеводскую по себѣ раздѣляли . . . А съ Камы отъ Волярина К. Мих.
„Вас. Глинскаго пришли грамоты . . . да привели Янгару Богатыря;
„а сказываютъ, чѣто приехалъ изъ Нагай Царевичъ Едигеръ Магметъ, Ка-
„сымъ въ Харевъ сынъ Аспрохашска Цари; а прислали его Нагайцы по Ка-
„занской ссылкѣ на Царство въ Казань . . . и Казацкѣ поведи его жентъ
„казани, гдѣ его перевезли, а Ингура приходилъ на берегъ ошѣдываши, и
„Казаки его изымали; а со Царевичемъ 500 человекъ . . . и Царевичъ Ка-
„лму перевезся тайно и приехалъ въ Казань . . . На Князь Михайла
„спорожу пришли Казацкѣ вѣщи, да побили чѣмъ-рехъ Сыновъ Воляр-

„скихъ, да 17 Спрѣльцовъ.“ — Сей Едигерь не шоть ли самый Царевичъ, который прежде былъ въ Москвѣ?“ См. выше, примѣч. 128.

(261) „Совѣтуешъ Мишрополинь, да принесунся мощи Святыхъ въ церковь Соборную . . . и приходящия вкупѣ Царь и Свяшитель въ церковь Благовѣщеня, еже близу казны Царскія, и вымаюнь мончи изъ ссудовъ и полагаюнь на блюдо и несунъ на главахъ въ Соборную церковь и свершаюнь молебныя службы, и святиагъ воду со всѣхъ мощей, и крестомъ живошворящимъ древомъ . . . и посылаюнь его (Тимофея) въ Нижній Новгородъ, и ведаять вѣхши вмѣстѣ съ бояры и нарядомъ Царскимъ, и посылаюнь съ ними воды Святые и поученіе“ (см. оное въ *Царствесн. Кн.* стр. 210-217).

(262) Здѣсь въ первый разъ упоминается о семъ почетномъ званіи, которое давалось знаменитѣйшимъ Вельможамъ.

(263) Въ *Царствесн. Кн.* 218: „да бидь челоуѣкъ Шигъ-Алей Государю о Царицѣ Сююнбекѣ Сафа-Гиреевской, а прежде Сафа-Гирея была она за Шигъ-Алеевымъ браномъ въ Казани, за Евлаемъ Царемъ; и Государь Царицу за него даль.“ Отецъ Сююнбеки, Князь Ногайскій Юсуфъ, усиленно престоавалъ, чинобы Иоаннъ присаалъ ее къ нему и съ сыномъ; но Государь отвѣчалъ, что она сама захотѣла быть супругою Шигъ-Алея (Дѣла Ног. № 4). Гевн. 30, 1664 г. Иоаннъ писалъ къ Шигъ-Алею, что Юсуфъ счищаетъ дочь свою убивною: „будно бы ты, братъ нашъ, по нашему слову Сююнбекъ Царицу казилъ, нося ей урѣзалъ, и поруганье великое учина, убилъ ее до смерти.“ Это было вышллено (см. тамъ же, стр. 240-242).

(264) Въ *Царствесн. Кн.* 225: „Царь Шигъ-Алей велѣе шѣло имаше, и не могъ скоро на конехъ ѣздити; разумченъ же Царь преналише, но не храбръ сый, и дружинъ своей не подавлялъ.“

(265) Въ *Царствесн. Кн.* 220: „Повелѣаю тебѣ милостивно шворити и двъ нашихъ Царскихъ опалахъ разрѣшати и въ темницы заключены испущати, да сугубу изду примемъ: азъ-за храбрство, а ты за сія блага дѣла.“

(266) „И любезно припадаешъ къ чудотворному образу Богоматери, и предастъ въ руцѣ ея градъ и люди . . . Приходитъ же и къ мощамъ Петра Чудотворца и Ионы . . . Мишрополинь же Государя благословленъ крестомъ живошворящимъ.“

(267) „Пригонилъ изъ Пушкыля Сивачичникъ Ивашко отъ Айдара отъ Волжина.“

(268) „И шупъ прѣжалъ Айдаръ Волжинъ . . . И другіе вѣстницы ускоряюшь.“

(269) „Пришли не многіе люди, 7000, да полорошили изъ зѣмли.“

(270) „А ему приказывашъ не исходить изъ церкви, донде же чинъ Бога произведеть.“

(271) „Яко же на помѣху и на ловы.“

(272) „Бояре его и Живилы, выборомъ Дѣши Боярскіе.“ Имя происхо-

дѣль отъ того, что они *жили* въ столицѣ, при Государѣ, будучи перво-степенными воинами.

(273) Въ Архив. *Новгород. Лѣтн.* Малинов. сказано, что въ 1551 году привезли въ Новгородъ шурина Царя Крымскаго: „И сидѣлъ здѣсь въ за-поченіи въ желѣзѣхъ въ городѣ въ дѣпинци, въ стѣнѣ каменной подъ во-деными воротами; а прежь того сидѣлъ въ шюрѣхъ въ деревяной.“ Въ годѣ можетъ быть ошибка; но въ *Царств. Книжѣ* и въ другихъ лѣто-писяхъ сказано, что Камбирдѣя убили.

(274) „И пришли къ нимъ Воеводы съ Прони, К. Мих. Рѣпинъ, а съ Михайлова Федоръ Салтыковъ.“

(275) См. *Курбскаго*. Онъ сказываетъ, что ему было тогда 23 года.

(276) „Ханъ шелети помешалъ и пельбляды многіе корѣзалъ, и многіе живые помешалъ . . . И повелѣ Государь языковъ пышати . . . Царь иде (Крымскій) отъ Рѣзани хотѣлъ позвратиться въ Крымъ: Князи же ему рѣша: аще хочещи срамъ свой покрѣпити, естъ у Вел. Князя градъ Тула на полѣ, а отъ Коломны за велики крѣпостными и лѣсы; и шѣ у-чистишь пону, что и въ Липѣхъ Урасловлю.“

(277) „Послалъ къ Москвѣ Сем. Вас. Яковлева; а на Свіагу повѣспити Во-еводамъ милосердіе Божіе Федьку Черемисинова . . . Юля 1 Воеводы съ Тульского дѣла пришли всѣ, и сказали, что Царь (Крымскій) по-челъ невозвращнымъ душамъ; верстѣ по 60 и по 70 на день, и коней мечеть.“

(278) Курбскій пишетъ: „Идохомъ отъ Царя по правой руцѣ аки въ 5 днѣхъ конемъ ѣзду; понеже мы заслонихомъ его шѣмъ войскомъ отъ Заволжскихъ (Ногайскихъ) Татаръ, да не придуть на него безвѣстно.“

(279) „Пріѣхалъ къ Государю въ Муромъ съ Свіаги Ив. Воншеринъ, а сказывалъ: Бодре ходили на Горнихъ, въ болш. полку К. Семень Милулинскій, въ передовомъ Данило Романовичъ, а въ спорожевомъ К. Пешръ Серебреной . . . и попомпали Горнихъ людей; а на помъ бою убили К. Александра Жижескаго.“

(280) *Царств. Кни.* 236-253. Государь прибылъ изъ Коломны въ Влади-миръ 8 Юля, и нашелъ намѣ Архангельскаго Пропопопа Тимоеея возвратившагося изъ Свіажска съ доброю вѣстію; Юля 10 выспустилъ изъ Владимира и 13 пріѣхалъ въ Муромъ, гдѣ чрезъ Болрина Мишпрополишова получалъ грамоту Макаріеву отъ 13 Юля.

(281) „И посылаетъ Государь Спольника Федора Ив. Умнаго по Шигъ-Алея, и Шигъ-Алей пріѣхалъ въ Муромъ . . . А раша всей пелѣлъ вози-дился за рѣку Оку по многимъ перевозомъ . . . Приказываетъ Государь во своемъ полку, да урядятъ коемужду сну Дѣтемъ Воирскимъ голову изъ великихъ опщевъ дѣтей, излчныхъ молодцовъ и испусныхъ . . . Вое-воды же выбрали великихъ опщевъ дѣтей и Спольниковъ Государевыхъ, и дѣтей Воирскихъ расписали по нихъ . . . Тако же и по всѣмъ пол-комъ.“ *Яртоуломъ* или *Яртоулынымъ полкомъ* назывался *легкій перед-ній отрядъ передоваго полку*. — „И того дни (Юля 20) почелъ Госу-дарь на лѣсу . . . а четвертой спавъ на полѣ на Иржѣ, а пятой на Авшѣ рѣкѣ, а шестой на Кевсѣ, а седмой на озерѣ на Ишѣ, а осмой

на озерѣ не дошедъ Шяны рѣки; и шуть ко Государю пришелъ изъ городка (Касимова) Акъ Семть Черевсеель со всѣми Городецкими Князьми и Гапары; а шель Семть на Монебровъ уголь, и Государь велѣлъ ему ити съ Ершоуломъ и на Шиль подѣлать мосты многіе А девятой спанѣ на Дубровкѣ на озерѣ, а десятой на рѣкѣ на Медянкѣ 12 спанѣ на Алапырѣ; и шуть пришелъ Еникей Князь Темниковской со всѣми Темниковскими Гапары и Мордовою; а на Алапырѣ здѣлалъ до Государя 3 мосты. 13 Спанѣ на рѣкѣ на Большомъ Сурѣ; и шуть прислали ко Государю Воляре и Воеводы К. Ив. Фед. Мещиславской съ товарищи, что они пришли вверхъ тое же рѣки . . . и велѣлъ имъ Государь ити прямо къ Сурѣ, и возписиса мыше собя для тѣсноты людемъ, а къ собѣ быши за Сурою рѣкою на поляхъ . . . 14 Спанѣ на Сурѣ подѣ Барантеевыиъ Городищемъ, и на Сурѣ подѣланы были многи мосты.“

(282) Въ *Царств. Книгѣ*: „И таковое многое воинство всюду яко Богомъ уготованну пищу обрѣшаху на поли, убо всякимъ благовоннымъ овоциемъ довляхуся; отъ живописныхъ же лоси яко самозванни на законеніе прихождаху; въ рѣкахъ же множество рыбъ ловаху; отъ воздуха же множество птицъ прилетяху, и во всѣхъ полѣхъ на землю припадаху, яко сами дающеся въ руцѣ Егда же прислѣ поспѣ, и въ нѣдѣни не видаху ни птицы, ни лосей . . . Черемиса же и Мордва вся потребная приношаху, хлѣбъ и медъ и говяды, ова дарованіемъ, иная же продашаху, и мосты дѣлаху.“ Одвакожъ Курбскій жалуется на худую пищу, и говоритъ: „того диг“ (по соединеніи съ Иоанномъ) „хлѣба сухаго наадохомся со многию сладостию и благодареніемъ.“

(283) „Встрѣпили съ Свіяги отъ Воеводъ . . . и сказали, что К. Пешрѣ Ив. Шуйской, да Данило Романовичъ ходили на достальныхъ Горнихъ людей И къ Воеводамъ Государь послалъ, велѣлъ имъ собя встрѣпити за два дии отъ Свіяжска города вверхъ Свіяги . . . И перешель Сурѣ; и шуть пришли къ Государю сирава Воеводы его, К. Ив. Мещиславской съ товарищи; и Государь велѣлъ передовому полку передъ своимъ полкомъ за Ершоуломъ поити; а правой рукѣ ялправѣ у собя, а большому полку назади своего полку, а за нимъ спорожскому; а лѣвой рукѣ у собя налѣвъ 16 Спанѣ на Яклѣ, 17 на Чивлы; и шуть встрѣпили многіе Горніе люди, и били челомъ 18 Спанѣ на Карлѣ, 19 на Булѣ, 20 на Веѣ. По праздницѣ же Преображенія приде изъ Нижняго Новагорода Протопопъ съ освященною водою къ Царю.“ Тутъ разсказывается чудо, бывшее въ Нижнемъ.

(284) См. *Курбскаго*. Во второмъ полку былъ и онецъ Алексія Адашева. Окольныйй Федоръ Григорьевичъ Адашевъ.

(285) Курбскій пишетъ: „А Малазии и любимыхъ трунковъ Писскихъ не вспоминай. Черемисскій же хлѣбъ сладостниѣ какачей обрѣтется: за неже подвизахомся за ошечество.“ — 21 Спанѣ былъ на Ипиковѣ полѣ,

(286) См. *Курбскаго*.

(287) „Авг. 16 велѣлъ Государь возписиса за рѣку противъ Свіяжскаго города, а спанилися на лузѣхъ Ершоуломъ и передовому полку, правой рукѣ и больш. полку. Авг. 18 приде Государь въ Соборную дѣрковъ . . .

и благословляеши оны Пропоицы, и поиде за Волгу; а спорожевому „полку и лъвой рукѣ велѣлъ возитися выше себя.“

(288) Только въ одночѣ Морозовскомѣ Лѣтописецѣ Графа Толстаго написать я сѣ число Иоаннова войска. Тамъ сказано: „И приказалъ Государь „Бояромъ своимъ, Князю Пешру Ивановичу Шуйскому, да К. Михайлу „Ивановичу Воропынскому, со всеми Розрядными Дьяки сочесни свое „воинство, и сочшоша во всѣхъ полкахъ, конныхъ и пѣшихъ, спорожевому „десять тысячъ.“

(289) *Тарасы*, подобно шурамъ, насыпались землею, и служили защитною въ осадѣ городоу. — „И шутъ Государь диевалъ; и поиде на Казань рѣку Авг. 20.“

(290) См. *Курбскаго*. — К. Щербашовъ несправедливо пишетъ, что снѣжны Казанскія были *каменныя*. Въ лѣтописяхъ сказано: „срубленъ блше „весь градъ изъ дубоваго древа; снѣжны зѣло широки; въ городни же межъ „снѣжъ набивано иломъ и каменіемъ многимъ“ (въ *Царствем. Кн.*: „землею „и хрящемъ“).

(291) „Князь Усониовъ сынъ, а съ нимъ 7 Казакоевъ.“

(292) См. *Курбскаго*. Всѣ косыми буквами начертанныя слова взяты изъ него, или изъ лѣтописей.

(293) „Япанчу Князя, да Чапкунова племянника, Шунакъ - Мурзу, да „Арскаго Князя Ивуна послали на засѣку.“

(294) *Турѣ*, а не *тура*: коробъ, насыщаемый землею.

(295) „Близъ Упучевы мизгиши“ (мечети) . . . Авг. 23 поиде Государь „къ городу съ Терень-Узeka . . . за большимъ полкомъ; и за собою велѣлъ иппи паряду“ (или сзади, ш. е. артилеріи) „и спорожевому „полку и лъвой рукѣ.“

(296) См. *Курбскаго*.

(297) См. тамъ же. Курбскій шакъ описываетъ положеніе города: „Ле- „жишь въ великой крѣпости; съ Восноку оныъ него идешь Казань рѣка, „а съ Западу Булакъ рѣчка, зѣло шивовата и непроходима, подъ самое „мѣсто (городъ) шечеть и впадаетъ подъ угольную веку (башню) въ Ка- „зань рѣку; а шечеть изъ езера Кабана, которое езеро кончится аки пол- „вершы оныъ мѣста. Какъ переправилъ шуу нудную рѣчку, тогда „между езероу и мѣстоу лежишь съ Арскаго поля гора прикрая (вы- „сокая) я ко восхожденію нудная; а оныъ шое рѣки около мѣста ровъ зѣ- „ло глубокой, аже до езера реченнаго Поганова, еже лежить подлѣ самую „Казань рѣку; а оныъ Казани рѣки гора шакъ высока, иже окомъ возрѣши „прикро, на ней же градъ стоить и поланы Царскіе и мечети зѣло вы- „сокіе мурованные, идѣ же ихъ умершие Цари клались, числомъ, памяни- „ми-сь, пять ихъ.“

(298) Въ *Царствем. Кн.* 267: „и велѣлъ Государь изъ полку изъ своего „дѣлнемъ Боярскимъ пособиши Спрѣльцомъ.“ См. Курбскаго.

(299) Въ *Царствем. Кн.* 270: „въ Среду въ вечеръ бысть бура велія“ и проч. — Государь ежедневно молился въ храмѣ Св. Сергія.

(300) „И повелѣ Государь большую крѣпость“ (укрѣпленія) „дѣлати „противъ Царевыхъ ворошъ и Арскихъ, и Аналяковыхъ, и Тюменскихъ.“

(301) „А из своего полку посылаетъ Головы на конехъ выборные съ „Дѣльми Волярскими . . . а съ ними Волярскихъ людей, всякому Сыну Воляр- „скому по ступу человекъ; а велѣлъ имъ быти у К. Михайла пѣшныи . . . „К. Михайло велѣлъ ишши къ городу Спрѣльцамъ Головамъ, Ивану Че- „ремисниову, Григорью Жолобову, Фед. Дурасову, Дьяку Ржевскому съ „ихъ Спрѣльцами; да Атаманамъ съ Козаками, да Головамъ съ Волярскими „людми, и шуры кашнипи; а самъ съ Дѣльми Волярскими поиде пѣшь за ними.“

(302) Здѣсь разсказываются чудесныя видѣнія Апостоловъ, Св. Нико- „лая, Данила Переславскаго, и проч. — Слово *бойницы* употребилъ я въ „смыслъ *батерей*, какъ оно употреблялось иногда въ старинныхъ книгахъ; „обыкновенно же называли шакъ ошверсия въ городской стѣнѣ или на „валу, чрезъ кои дѣйствовали пушки.

(303) „И посылаетъ Государь Околыничяго Шавра Вас. Морозова къ „шурамъ, и Околыничяго Ив. Мих. Воронцова вѣсна спотрѣти, гдѣ споя- „ли болшему полку, и вылазилъ изъ Крымскихъ воротъ Карамышъ „Улянъ — шѣ же ворона быша ему приказаны — хопяще добыти лав- „ка;“ и проч.

(304) „И поспавляющаго на спорожѣ Трешьяка Лошакова убиша.“

(305) Онъ былъ Воеводою Князя Владиміра Андреевича.

(306) Тушь былъ взявъ въ плѣнь Мурза, сынъ Князя Шаболоня.

(307) „И поспавша шуры онъ большихъ шуръ, чю К. Михайло ста- „вилъ по Казань рѣку противъ Кабацкихъ воротъ, да Эбойливыхъ, да „Крымскихъ, да Елбугиныхъ . . . и гдѣ нельзя шуромъ быти, и Государь „повелѣлъ Дьяку своему, Ив. Выродкову, прошесть шуръ нѣшь спавиши.“

(308) Курбскій: „Великихъ и среднихъ, а и меньшия по полпоры саже- „ни, окромѣ полковыхъ около Царскихъ шатровъ.“ Въ нѣкоторыхъ лѣ- „пописяхъ именуется здѣсь главныя пушки: *Конца, Ушстая, Змѣй Север- „стной, Змѣй Лепугая.*

(309) См. Курбскаго.

(310) 340 человекъ. — „И присла К. Александръ ко Государю Божіа „щедрыи возвѣстивъ Голову Царскаго полку, и К. Ив. Ив. Кашина.“ См. Курбскаго.

(311) См. Курбскаго. Въ другихъ лѣпописяхъ сказано, что Государь ве- „дѣлъ побить плѣнниковъ.

(312) То же сказали Государю и пани плѣнники, которые нашли спо- „собъ уйти къ намъ изъ Казани.

(313) „Государь же повелѣъ спорожеваго полку Воеводушъ, К. Вас. Се- „меновичу и Семену Вас. испоручити пушъ ихъ къ водѣ; они же много „покушашася, но не возмогша: ивердо бы землю пушъ ихъ къ водѣ ут- „вержень . . . и Государь послалъ Алексѣя Адашева, да съ нимъ Размыс- „ла, и велѣлъ ему на шо дѣло учениковъ опрадити . . . И Воляршъ К. „Василей гласы Ташарскіе услышавъ, чю съ водою уже чрезъ нихъ хо- „дяти, и повѣстивъ Государю.“

(314) „Многое же воинство — крешпоносныя хоругви, Богомъ подвижае- „мы, яко облакомъ носима — скоро уснрещишельно на градныя стѣны и

„въ самый градъ скакажу, и яко львы рыкающе, свирьмо Ташарь убиваху
„и живыхъ плѣняху.“

(315) См. Курбскаго.

(316) „И пошлѣ другою спороною Воеводы къ Казани . . . Война ихъ
„была на 160 верстѣ, поперекъ, а въ длину и по Каму.“ См. Курбскаго.

(317) См. Курбскаго.

(318) Не большой родъ пушекъ: см. Курбскаго.

(319) См. *Исторію о Казанск. Царствѣ* неизвѣстнаго сочинителя, стр.
204. и Лызлова I, 145. Но Болгарская земля никогда не принадлежала Россіи.

(320) См. Курбскаго и *Царствен. Кн.* 290-292.

(321) „Да въ то же время Зейнешъ Князь со всѣми Ногаи и со многи-
„ми Казанцы выльзѣли изъ Збойливыхъ воротъ на шуры передоваго пол-
„ку Яркоула; но шѣ шуры не близъ города. Воеводы же припустиша
„ихъ близко, и удариша на нихъ Спрѣльцы изъ пищадей, и Воеводы, напа-
„доша, и гнаша ихъ.“

(322) См. Курбскаго.

(323) Въ *Царствен. Кн.*: „въ башни утвердишася, и на стѣнахъ градъ
„скихъ, и у Арскихъ воротъ . . . и сидѣше на градѣ два дни и двѣ нощи,
„ожидаѣя приступу.“

(324) „На Галицкой дорогѣ за Казанію рѣкою велѣлъ бысть К. Ив. Ро-
„мановскому близъ Векболды, да Князь Володимирову Андреевичу Вое-
„водѣ, Ив. Угримову Заболотцкому; да за Казанію же рѣкою Головъ съ
„Дворяны Царскаго Полку Мих. Ив. Воронцову; а вверьхъ по Казани у
„Стараго Городища Головъ Мих. Цевр. Головину.“

(325) Они же назывались и *Воярскими Людми*, и были ниже *Дѣтей*
Боярскихъ. Въ *Казан. Исторіи* сказано, что при каждомъ конномъ полку
было 1000 Спрѣльцовъ съ пищалями, и 700 или 800 Козаковъ, съ луками
и рогашинами; что полки Боярскихъ людей состоѣли изъ пяти тысячъ.
А Лызловъ, ссылаясь на Бошера, пишетъ, что Государь для пѣшихъ ве-
лѣлъ сдѣлать щиты на кадкахъ и колесахъ изъ досокъ.

(326) „И нача вооружашися, *тѣмъ* на себя класпѣ“ (такъ называлась
часть лата, которою закрывалось туловище) . . . „и ближнимъ своимъ
„говорить: *звонѣ, звонѣ-де слышѣ, какъ бы Симонова монастыря звонѣ*—
„и вняшѣ, яко быти благодати Вожіей.“

(327) См. *Царствен. Кн.* 300-302, *Исторію Казанскую* 213, и Лызл. I,
163. Слѣдуемъ въ главныхъ обстоятельствевахъ *Царствен. Кн.* или Москов-
скому Лѣтописцу, сеголь вѣрному, что и Курбскій на него ссылается. На
примѣръ, въ *Исторіи Казанск.* несправедливо написано, что Государь еще
передъ взорваніемъ подкоповъ выѣзжалъ къ войску и спонзъ съ своимъ
полкомъ на горѣ проинъ Арскихъ воротъ. Тамъ же расказывается, что
въ сіе время прѣхалъ къ Иоанну Монаху Троицкой Обители, Адрианъ Ан-
геловъ, и Священники: „и принесоша Царю нѣкое пламенное оружіе,
„крестъ запечашлѣвъ, а въ немъ мощи и образъ видѣнія Св. Сергія, какъ
„видѣ Богоматерь, и просфиру, и поду Святую; и опъ Игумена благо-
„словеніе; такожде и Дмитріевскій Игумень принесъ къ Государю крестъ
„Килিকেевскій.“

(328) Въ *Исторіи Казан*: „Подкопъ бѣ въ дву мѣстѣхъ: одинъ подъ спѣвну оупъ Поганова озера на углу подъ спѣрльницу, на десной спранѣ „Арскихъ воротъ, идѣ же нѣкъ Спасскія порога, крамъ въ нѣкъ Св. Ки- „пріана и Успіаніи; а другой подкопъ на углу подъ спѣрльницею же, оупъ „Булака спѣрльбище, по лѣвую сторону: то бѣхъ Ногайскія ворота, „нынѣ же зарушены.“ Тамъ же сказано, что Государь передъ взорваніемъ „подкопъ велѣлъ ошвезти наши пушки далѣ оупъ сего мѣсяца.

(329) Въ *Царств. Ки.*: „И со пріиде нѣкій ближній Царевъ, глагола „ему: Государь! время тебѣ ѡхати, яко убо бѣоущимъ швоимъ съ невѣр- „ными, а многіе полки тебѣ ожданѣхъ. Царь же ошвѣща: аще до конца „дѣнія дождемъ, да свершенную милоснѣ оупъ Хрислія получить. И се „вторая нѣсть пріиде изъ града: великое времѣ Царю ѡхати, да укрь- „паться воини.“

(330) Тамъ же: „И пріѣхаль Самодержецъ въ полкъ свой, и по всемъ „спранѣмъ посылаешъ, ушвержаешъ воини . . . и въ шой часъ оупъ всехъ „спранѣ яко же на крыльхъ на спѣвны градскіе велепѣли.“ См. *Курбскаго*. „Оупъ пишешъ, что братъ его первый взощалъ на спѣвну.

(331) Изъ полку Курбскаго легло въ городъ 98 воиновъ, самыхъ луч- „шихъ. Сѣча продолжалась часовъ пящъ.

(332) „Самаго Царя, хопица и не хопица, за броды копя взявъ, „близъ хоругви поставиша“ (Вельможи).

(333) См. *Курбскаго*. По *Казан. Исторіи* воини Рос. хопѣли убившъ „Едигера, не зная его; но Татары закричали: *не убивайте: се Царь!*

(334) Оупъ пишешъ: „хопѣша пробѣгшия прямо пропавъ моего спану „на шпанцы тѣми дирами, идѣ же шестъ дѣль (пушекъ) великихъ спощло; „и абіе по нихъ ударено изъ всехъ пѣхъ дѣль, и воадвогонашъ ошпуду, „и пойдоща внизъ аки 3 перестрѣла лучныхъ, и начаша легчипися . . . „Мы же добыша себѣ коней оупъ своихъ спановъ изъ-за рѣки, и заспу- „ниши имъ пупъ, и обрѣноща ихъ ещѣ не прешедшихъ рѣку, и собраща- „ся насъ около двухъ сотъ коней Перебрѣдши рѣку, ошолчипся, „и уже на шепивахъ спрѣлы имущѣ, и начаша мало оупъ берегу подвига- „пися, учиня чело не малое; а за ними всемъ идущимъ вкупѣ зѣло густно „и долго, аки два спрѣлїя не малыя лучныхъ по примѣшъ Мы „же, ошпусия ихъ мало что оупъ берегу, удариша на нихъ Молосъ, „да не возмнѣтъ ми кино безумно самъ себя хвалаще; правду глаголю, и „духа храбросши, оупъ Бога данной ми, не таю. Къ тому же и копя зѣ- „ло быспра и добра вѣхъ, и всехъ перѣе вразиохъ во весь полкъ Бу- „сурманскій, и паваную шю, иже сѣкущѣся при разѣ въ нѣхъ конь мой „ошверся, и въ чепверный зѣло рашенъ повалися въ среднѣ ихъ со мною; „и уже оупъ великихъ ранъ не паваную шще. Ошпусъ же пошомъ, аки „по малѣ годинѣ, видѣхъ аки надъ вершнвоцомъ, плачущихъ двѣма слугамъ „моимъ надо мною и двѣма воиношъ Царевншъ. Азъ же видѣхъ себя обна- „женна лежаща, многими ранами учащенна, а живошъ цѣль: понеже въ „шнѣ збруйка бѣла праощеческая зѣло крѣпкая Послѣди же уш- „дашъ, иже тѣ всѣ благородныя, ихъ же уже собралосъ аки съ пріисна, „яже обѣщались ушпрѣмѣшъ вкупѣ со мною, же сразивоя возвранишася

„шаки сзади онаго Вусурманскаго полку, и сѣди начаша наѣзжаючи и клещуще ихъ . . . Помощь, глаголюще, прислѣвъ мой братъ, и въ самое чело быстро, всѣми уздами распуспя коня, вразился въ нихъ, такъ храбро, иже върѣ не подобно, яко всѣхъ свидѣльствовати, аки два красть, шрѣхавъ посреди ихъ, свѣжуще ихъ и обращающе конемъ посреди ихъ.“
 „Егда же въ третій разъ вразился въ нихъ, поможе ему нѣкій благородный воинъ. Всѣхъ же со града зрящихъ и дивлящихся, и похворые еще, не вѣдали о Царевѣ опданіи, шяще Царя Казанска между ихъ вѣздяща, и такъ его уранили, иже по пяши спрѣлъ въ ногиъ ему было, крошѣ иныхъ ранъ . . . Егда же уже шопъ конь подъ нимъ ураненъ, другою коня обрѣлъ у единаго Дворянина, гонивъ паки съ другими войны полкъ Вусурманскій . . . Имѣхъ шаковаго брата, и храбра и добра нрава, и зѣло разумна, иже во всемъ войскѣ не обрѣтающеса храбрѣйшій и лучшій, — аще бы обрѣлся кно и шаковый же! Паче же мнѣ превозлюбленъ, и во истину имѣлъ бы за него душу положиши и живошопъ, шопишь здравіе его ошкупашки: пошеже умре на другою лѣпо оль шѣхъ шопишь рапъ.“ Сіе рѣдкоо мужество Курбскаго засвидѣльствовано и другими Лѣнописцами (см. *Царствен. Кн. 307, и Архив. Лѣт.*).

(335) „Царь же послалъ къ Вежболдѣ Волярина, К. Сем. Микулинскаго, да Оружничаго Льва Андр. Салыкова, и за Казань Волярина К. Мих. Васильевича Глинскаго, да Волярина, Двороваго Воеводу, Ив. Вас. Шереметева; и шашъ за Казанью были Голова Царск. полку Мих. Вороной, да Княжъ Владимеровъ Андреевича Воевода Ив. Угрюмовъ. Боаре побилъ, поганыхъ ошъ рѣки Казани и до лѣса, и въ лѣсѣ мертвыи лежаша.“

(336) Для нѣкоторыхъ чипателей замѣшимъ, чпо сѣга овзначаетъ битву или сраженіе, а не убіеніе людей уже безоружныхъ.

(337) Въ *Царствен. Кн.*: „а рашныхъ за ихъ измѣны повелѣ Царь избиратиъ всѣхъ.“

(338) См. *Царствен. Кн., Архив. Лѣт., Казан. Исторію и Лѣтложа*. Церковь была посвящена Спасу. Узнавъ о совершенномъ взятіи Казани, Государь послалъ шуда шурица своего, Данила Романовича.

(339) См. *Казан. Исторію 242*. Въ нѣкоторыхъ лѣнописяхъ сказано, чпо Едигеръ тогда же шребовалъ крещенія.

(340) Въ *Царствен. Кн.*: „Государь ему (Шагъ-Алею) ошвѣща: Царь „Господине! шобѣ, брату нашему, вѣдомо, много есми къ нимъ посылалъ, чшобы похотѣли покою; а шобѣ жеспокосить ихъ вѣдома,“ и проч.

(341) См. *Царствен. Кн. 312 и Лѣтлов. 183*. „Видѣвъ поганыхъ избіенныхъ, восплакася погубелли ихъ и рече: аще и нечестивии, обаче Богомъ шовтворенніи человекцы.“

(342) „Видѣша Живош. крестъ и Царя благочестиваго въ запусшѣной мерзости Казанской. Шреже на шомъ дворѣ нечестивые Царіе водворялись, и кровь Хриштивская прольвалася,“ и проч.

(343) См. *Исторію Казанск. 246, Царствен. Кн. 313 и Лѣтлов. 183*.

(344) „Собрашася къ Царскому штану военачальницы и все воинстве шобягрени суще кровьюи нечестивыхъ; ошн же паче крестѣшлато камешъ швѣдшуща авры на себѣ имуще. Государь же шемедъ къ нимъ весельемъ

„образомъ, любощь и милосердъ вожжеву жрѣлвдѣ, ж свѣдѣльщъ гласомъ
рече во услышаніи всѣмъ могущимъ слышати:

„О мужескиивеніи мои воини, Болдѣре и Боеводы, и вси прочіи спирадѣ-
щеліи знаменіиши имена ради Божія и за свое отечество и за насъ!
„Никпо же поликую показа въ иныишихъ временѣхъ храбрость и по-
„бѣду, яко же вы, любимиі мною! . . . Викторѣе еше Македонане, и на-
„сѣдѣвашелі еше храбрости прародителѣи вашнхъ, показавшихъ пре-
„сѣшлую побѣду съ В. К. Димитриемъ за Донушъ надъ Манаемъ! За ко-
„торое ваше преславное мужескио достойни есте не пощю отъ мене
„благодаренія, но и отъ Божія десницы возданія. Смертнную чашу испив-
„щія причестися имуть первымъ Святнымъ Мученикомъ, ихъ же и вы
„должни еси поминати вѣчно, и предавъ написати имена ихъ въ Собор-
„ной Аноси. Церквѣи въ вѣчное поминовеніе; крови же своя испочившихъ,
„живыхъ же сущихъ, шакжде и всѣхъ насъ храбрствовавшихъ общаеи-
„ся пожаловани по достоинству вашему спокранно,“ и проч. Сѣа рѣчь
находитсѣ въ *Казан. Лѣт.* и въ *Лызловѣ, I, 184-186.*

(345) См. *Царстван. Кн. 314.*

(346) „И посла Государь по всѣмъ Улуеомъ жаловальныи грамоты . . .
„и прислали люди Арскіе биши челомъ Казаковъ Шемал, да Кубина . . .
„и Царь послалъ къ нимъ Сына Боярскаго Ник. Казарина, да Камай
„Мурау. А съ Луговой Спороны шакже Черемиса прѣѣхали биши че-
„ломъ . . . Того жъ мѣсяца прѣѣхаль Н. Казариноеъ, да Камай Мурза, а
„съ ними многіе Арскіе люди . . . и Царь ихъ пожаловаль, дѣсѣи на нихъ
„велѣлъ имати прямые, какъ было при Магмедъ-Аминѣ Царѣ . . . Тогожъ
„дани Луговые люди изъ Никъ къ Государю прѣѣхали . . . и приказаль Бо-
„ярину своему, К. Александру Борисовичу (Горбашоу), ихъ къ шерши
„привести.“

(347) „И освятя градъ во имя Святныя Троицы и Богоматери и велѣ,
„кихъ Чудотворцевъ.“

(348) См. сей *Исторіи Т. III, стр. 202.*

(349) См. сей *Исторіи Т. VI, стр. 320.*

(350) „Окш. 6 свидѣльщъ Государь церковь Благовѣщеніе, и спящаль Ан-
„дрей Пропопощъ, да съ Свѣтлѣи Рожесивенскій Пропопощъ Аванасій съ
„Игумены и Священники.“

(351) См. *Курбскаго.*

(352) Даниломъ и Шикиною Романовичами.

(353) Курбскій пишетъ: „А кони наши всѣ послалъ на юю дорогомъ
„доброю, ео же самъ шель къ Казани, но возлѣ Волгу, зѣло прешуднѣ-
„ли спешали, по великимъ горамъ, и того ради погубиль у всего помн-
„снѣва кони; у кого было 100 або 200 коней, едва два або три вышли.“

(354) См. *Царстван. Кн. 318.*

(355) „И шупщъ вспрѣѣшилъ его отъ Царицы Боярнинъ К. Фед. Андр.
„Вулгаковъ, отъ Князь Юрія Околыничей его Володимеръ Вас. Морозовъ,
„да отъ Митрополиша Боярнинъ Иванъ Кузминъ, да Елизаръ Соболевъ.“

(356) Въ *Морозов. Лѣт.*: „И отъ великіи радосни образъ лица его велѣ

„ми цвѣтшае; пошу же Василью Юрьевичу жалуетъ изъ-подъ себя ино-
ходца коня и все платье съ себе, и до послѣдня сратицы.“

(357) См. выше, примѣч. 246, г. 1549, 1550 и 1551.

(358) „Изъ Володимера похваля Государь въ Суздаль къ Покрову Пре-
дислвья, и тамъ молебная соверша, похваля на Юрьевъ къ Живоначаль-
ной Троицѣ къ Св. Сергію, и встрѣшша его за градомъ бывшій Митро-
политъ *Иосафѣ* и Игуменъ съ бранією съ крестны . . . Игумену и бра-
тѣи великіе слова съ челобитнѣемъ говоришь за ихъ пруды и молишвы.“
Неизвѣстно, когда *Иосафѣ*, сперженный Шуйскими, возвратился изъ Ки-
риллова монастыря въ Троицкій, гдѣ онъ былъ прежде Игуменомъ.

(359) Гдѣ нынѣ деревня Распокино.

(360) См. выше, стр. 136.

(361) Въ *Казан. Исторіи* несправедливо сказано, что Митрополитъ
встрѣшилъ Иоанна въ Кншаѣ, на Сирѣлецкой улицѣ: См. *Царствен.*
Кн. 321.

(362) См. *Царствен. Кн. 321-328.*

(363) Въ *Казан. Исторіи* 256: „блгсть же радость великая о таковой
добѣдѣ не токмо во единомъ Рускомъ Царствѣ, но и во всѣхъ дальнихъ
странахъ; во иноуѣрныхъ же странахъ бысть плачь и уныніе и спрaxe.“

(364) См. *Царствен. Кн. 330.*

(365) Нынѣ сіа церковь именуешя *Василіемъ Блаженнымъ*: см. ниже,
примѣч. 587, г. 1554 и 1555.

(366) *Царствен. Кн. 337.*

(367) Восприемникомъ Ушемши-Гирея былъ Савва, Крупицкій Епи-
скопъ, Гев. 8.

(368) *Царствен. Кн. 334, и Никон. Лѣт. 208.* Симеонъ женился Нолбря
б. См. описаніе его свадьбы въ *Др. Рос. Вѣдѣн. XIII, 57.* Замѣтимъ слѣ-
дующее: „И какъ шоль ошошелъ, и Княгиню его (Симеонову) Царь и
Вел. Князь взявъ за руку и пришелъ къ дверямъ столовья избы, а Царь
(Симеонъ) спалъ за порогомъ; а Царь и Вел. Князь молвилъ: *Царь Си-
меонъ! Божій вельїемъ, а натиѣмъ жалованьемъ велѣлъ тебѣ Богъ*
женитися: и ты свою жену держи по Христіанскому закону . . . и даль-
шему Княгиню; а велѣлъ ему итти съ нею до саней не раснуцаясь . . .
„И Царь Симеонъ (въ спальнѣ), вставъ, кушалъ, до кушавъ опять легъ . . .
„И какъ (на другой день) изъ мыльни вышелъ, да пошелъ съ Княгинією въ
подкѣльи, да сѣли на постели, да кушавъ, послалъ Дружекъ съ кашею
къ Царю . . . А Царь и В. Князь послалъ къ Ц. Симеоу Воарина Мо-
розова, а велѣлъ Княгиню его вскрыши, а Симеоу сказалъ Государю жа-
лованье, городъ Рузу въ вотчину со всѣмъ . . . И билъ (Симеонъ) челою
Государю, чинобы у него шого дни хлѣба ѣлъ, и Государь его жаловалъ,
подавалъ вина . . . и Царицѣ Вел. Княгинѣ билъ челою, и Царица велѣла
ему сѣсти, да велѣла снавити овощи . . . А шоль былъ въ столовой
же избѣ, и Симеонова Княгиня туша жъ была . . . А Ц. Симеонъ пе-
редъ Царемъ шювалъ.“ (Тулѣ обѣдали братья Государевъ, Юрій съ женою,
свахи, Воарыши *Сѣмья*, Дружки, и Вельможи приглашенные на свадь-
бу) . . . „А послѣ шюла Царь Симеонъ билъ челою Государю, чинобы

„Государь пожаловалъ былъ весель.“ (Симеонъ дарилъ Царя, Царицу и другихъ бархашами *Бурскими, алтабасами* и апласами *Венецианскими*, кашками, золотышки, соболями.) . . . „А Ц. Симеонъ пошелъ ко Царю и къ Царицѣ съ оловеники бить челомъ, подчивани . . . и Царь Ц. Симеона звалъ дѣть . . . А за свиломъ былъ (Симеонъ) челомъ Царю, чшобы Государь давяпре ъль хлѣба у него.“

(369) См. Архив. *Псков. Лѣт., Новгород. Лѣт.* Малинов. л. 62, и *Царствей. Кн. 330, 331.*

(370) „Дек. въ 21 писали Воеводы изъ Василя города, что на Волгѣ побиты гонцы и госини и Воярскіе люди съ запасы . . . И К. Пешрь Шуйскій опнуслил Бориса Мв. Салныкова“ (прозваніемъ *Воровока*, выхмалемаго *Курбскимъ*), „и Борисъ ирѣжалъ на Царя, да иныхъ повѣшалъ, да иныхъ въ *Свѣяжскѣ*, а живопы испномъ . . . Дек. въ 26 прислалъ изъ *Казани* К. А. Горбатой *Никхму Казаринова*, что которые *Казанцы* „дошѣли лихо чинить, *Тугаевы дѣти* съ товарищи, и Воеводы посылали *Камаю Мурзу*, да *Ник. Казаринова*, и ихъ побили, а другихъ въ *Казани* „перевѣшали . . . И посылали на *Арскую* и *Пюберезжскую* сторону *Ясакъ* брать, и собрали . . . *Марша* 10 прислали изъ *Казани*, что *Луговое* „вые измѣнили, *Ясакъ* не дали, и *Ясанниковъ* побили и прошли на *Арское*, и спали у *Засѣки*; и Воеводы посылали на нихъ *Вас. Елазарова*, и *Казаки* съ *Спрѣльцами* порознилися разными дорогами, и *Арскіе* и *Луговые* убили полчешверна сна *Спрѣльцовъ*, да полняпа сна *Казакъ*, „и пославили городъ на *Мешѣ* . . . и приходили на *Горнюю* сторону *Зей-Зей* да *Сарый богатырь*, и К. Пешрь Шуйскій опнуцалъ на нихъ изъ *Свѣяжска* Воеводу *Вор. Ив. Салныкова*, а съ нимъ *Дѣшею Воярскихъ*, да *Горнихъ* людей всѣхъ, и *Бориса* жива взяли, да 36 *Сыновъ Воярскихъ* убили, да *Воярскихъ* людей 30 человекъ, да 170 *Горнихъ*, да живыхъ взяли „900.“ См. *Царствей. Кн. 331-336*, и *Курбскаго*, который пишеть, что *машедники* не хотѣли отдасть *Салныкова* на выкупъ и черезъ два года умершвили его.

(371) См. выше стр. 187.

(372) См. *Курбскаго*. Онъ приписываетъ сію робость внушенію нѣкоторыхъ *Монаховъ*.

(373) Въ *Вольномъ Лѣтописцѣ*, хранящемся въ *Лаврѣ Александро-Невской*, Но 1: „въ Среду 3 недѣли поста, *Марта 11*, разболѣся Царь.“ Въ *Царствей. Кн. 336*: „Грѣхъ ради нашихъ посѣти Богъ немощю нашего Царя и сбысться на насъ *Евангельское слово: поразиста пастыря, разыдутся овцы*,” и проч. Тутъ же сказано, что Государь, побжавъ къ *Троицѣ*, велѣлъ *Воярамъ* *промышлять* о *Казанскомъ дѣлѣ* и *равнорядимъ* помѣщика; но что они занимались только *последнимъ дѣломъ*, не думая о первомъ. См. еще *Архив.* и *Никол. Лѣт.*

(374) Въ *Царствей. Кн. 338*: „всегда бо бже у Государя сіе готово.“ Тутъ описаны всѣ подробности *Юанчиковой болѣзни*.

(375) См. *Курбскаго*.

(376) „Да которые *Дворяне* не были у Государя въ *Дѣлѣ*, *Алексѣй Адашевъ* да *Игнатей Вещняковъ*, и тѣхъ Государь привель къ цѣлованію

„вечеру же.“ Видно, что Захарьины-Юрьевы, какъ ближайшіе къ Царю люди, окружая больнаго, старались удалить Адашева отъ Государя.

(377) „Государю сказывалъ Бояринъ Иванъ Пешроичъ Федоровъ, что говорили съ нимъ Бояре К. Пешрь Щеняшевъ, К. Яв. Провской, К. Синеонъ Ростовской: гдѣ-де нами владыиъ Захарьинъ . . . Сказывалъ „Окольничей Левъ Андр. Салтыковъ, что говорилъ ему, вѣдучи на площади, К. Дмитрией Яв. Нымогъ: какъ-де служилииъ малому шмо спараго?“ и проч.

(378) Въ *Царствень. Ки. 342*: „Выстъ у Благовѣщенія, иже на сълехъ „(то дворца), ивкій Священникъ Селивестрь, родомъ Новгородецъ: бысть „же у Государя въ великомъ жалованіи и совѣтъ въ духовномъ и въ думномъ, и бысть яко все мога, и вся его послушаху . . . указываше бо и „Митрополиту . . . и приказнымъ людямъ и Воеводамъ . . . и спроса „рещи, всякія дѣла Святииельскія и Царскія праваше, и никто же не „смыше рещи, ни сотворили не по его велѣнію . . . Точію многи и „образа и сѣдалища не шѣлше Святииельскаго и Царскаго . . . чшлшъ „добръ всѣмъ и владыше всѣмъ съ своими совѣтниками.“ Тутъ несправедливо сказано, что Князь Владиміръ Андреевичъ былъ его заступленіемъ выпущенъ съ манерно изъ-подъ спражи: тогда еще властвовалъ Князь Иванъ Бѣльскій, а Государь находился во владенческѣхъ. См. о Сильбеспрѣ выше, стр. 99.

(379) „А за нимъ (Ворождинымъ) бѣ К. Дмитрей Палецкого сесира, а „Васильева сестра родная была за Хованскимъ, а Хованскаго дочь Кшижа „Владимірога мать.“

(380) См. *Собраніе Государствъ. Грамотѣ, стр. 460*. Сія цѣловальная запись подписана 12 Марта 1553. Боязьвъ Іоаннова именуемая въ лѣтописяхъ *огневою*. — Въ лѣтописи Александрю-Невской (см. выше, примѣч. 373) сказано: „бысть большь его шакка зѣло, мало и людей знааше.“ Далѣе: „Да почали“ (послѣ К. Ворождинскаго) „и инше Бояре говорити, „чтобы К. Володимеръ Андр. цѣловалъ креснь, а не учнешъ цѣловати, и „ему опшудова“ (изъ дворца) „не выйни — и цѣловалъ по неволѣ . . . „Посылалъ Государь К. Дм. Фед. Палецкого, да Дьяка своего Ивана Михайлова ко Князю“ (манери К. Владиміра Андр.) „чтобы велѣла къ той „грамотѣ печать привѣсити, и ходили къ ней шрожды, и много рѣчей „бранныхъ говорила. И опшодѣ бысть вражда, а въ Боярѣхъ смуща, а „Царшву во всемъ скудость.“

(381) Здѣсь должны мы замѣтить важную ошибку К. Щербатова: ссылаясь на *Царствень. Книгу*, онъ пишетъ, что Іоаннъ по выздоровленіи своемъ велѣлъ Дьяку Захарову изслѣдовать, по чьему наущенію Бояре не хотѣли присягать *Царевичу Димитрію: казнилъ* Дворецкаго К. Ивана Ивановича Кубенскаго, Федора и Василія Воронцовыхъ, и К. Дмитрія Курляшева, а Боярика Ивана Пешроича Федорова сослалъ на Вѣлоозеро.“ Кубенскаго и Воронцовыхъ казнили еще въ 1546 году (о чемъ мы писали во вѣдочной главѣ Іоаннова Царствованія); тогда же сослали и Федорова; а К. Дмитрій Курляшевъ черезъ нѣль лѣтъ по выздоровленіи Государя воеводствовалъ въ Литвию, и умеръ въ 1562 году. Самъ К. Щербатовъ

писалъ въ 1346 году о казни первыхъ, но забылъ! Ся ошибка проваститъ за оныя, что писаны въ *Царствехъ Кн.* перемѣнены, и въкопные вдвойнѣ: см. стр. 124 и 346, также стр. 141 и 347. Слова же Щербатова: „Сопропикленіе въ иребуемой присягѣ Царевичу Димитрію,“ прибавлены ивъ на угадъ; въ *Царствехъ Кн.* сказано только: „прովѣданіи, по чьему науку бысть сіе сопротившю,“ но есмь, оказанное въ 1346 году Новгородскими войнами: въ слѣдствіе чего Кубевскому и Воронцову отрубили головы.

(382) Федоръ Григорьевичъ Адашевъ пожалованъ въ Бояре въ 1553 году.

(383) Самъ Іоаннъ въ посланіи своемъ къ Курбскому пишетъ: „Они же“ (*Сильвестръ и Адашевъ*) „хотѣша тогда воцарини Князя Владимира, младенца же нашего подобно Ироду погубити.“ Курбскій въ отвѣтъ Царю говоритъ, что это ложь; что они знали неспособность К. Владимира быть Царемъ.

(384) Въ томъ же письмѣ: „на нашу Царицу Анастасію понависть зълую воздвигше“ (*Адашевъ и Сильвестръ*). Въ другомъ мѣстѣ: „егда (*Анастасія*) сопротивъ зла вашего бысть.“

(385) Тамъ же: „Пону же Селивестру и Алексію не престающе намъ мученіе горчайше творити“ (по выздоровленіи Царя).

(386) Въ Хронографѣ Гр. Толстого, л. 429: „Неповинный (*Максимъ*) въ заоченіи бысть во Твери въ лѣна, а преже въ Іосифовъ монастырь въ шемнищѣ, и шу Св. Параклипу Каковъ написа углемъ по сгнвнамъ; благовословеніемъ же Макарія Минероловца нача къ церкви ходити и Святыхъ Таинъ Причащаніиса, и написа невольданіе свое, отичая себя отъ всѣхъ плевель ерешическихъ — и посѣди Вел. Княземъ Иваномъ Васильевичемъ, а ужденіемъ Троицкаго Сергіева монастыря Игумена Артемія, изведенъ бысть изъ Твери и новельно ему жити въ Троицк. монастырь, и преселился въ лѣно 7034“ (1556). См. о Максимѣ Т. VII, стр. 173.

(387) См. Курбскаго.

(388) Курбскій: „не дозѣлаючи монастыря Кириллова, еще Шексною плывучи, съиъ ему умре.“ Въ *Никон. Лѣт.* год: „поѣхалъ Царь съ братомъ К. Юріемъ Вас. на Пѣснону къ Николь, да шудъ сѣлъ въ судыи на Яхромѣ рѣкъ, да Яхровою на Дубну, да былъ у Препитые въ Медвѣдѣхъ пустыни; да Дубною на Волгу, да былъ въ Колыани въ монастырѣшу Макарія Чудотворца, да отшолъ на Угличъ и у Покрова въ монастырь; а отшолъ на усныи Шексны на Рыбную, да Шексною вверхъ къ Кириллу Чудотворцу; да въ Кирилловѣ молебная совершила, учредивъ братію; да ѣздилъ въ Герасимовъ монастырь и по пустынямъ; а Царица были въ Кирилловѣ; и отшолъ Царь поиде Шексною внизъ, да въ Волгоу внизъ на Романовъ въ Ярославль и въ Ростовъ, и былъ у Чудотворецъ, да въ Переславль къ Троицѣ, и прѣхалъ къ Москвѣ мѣс. Іюня. Того же мѣсяца не спало Царевича Димитрия, назидъ ѣдучи къ Москвѣ, и положили его въ Архангелѣ, въ ногахъ у С. К. Василья Ивановича.“

(389) Вассіанъ, родомъ изъ Дворянъ, прозваніемъ Тенорке или Тенорковъ, былъ Епископомъ отъ 1623 до 1642 года.

(390) Въ 1556 году.

(391) Царевичъ Іоаннь родился 28 Марша 1554, и былъ крещенъ 15 Апрелья въ Чудовъ монастырь у мощей Св. Алексія. Митрополитъ Макарій призывалъ его отъ купѣли . . . „а священная дѣля Андрей Промощень „Благовѣщенскій.“

(392) *Собраніе Госуд. Грамотъ* стр. 465. Тамъ сказано: „А жити ми „на Москвѣ въ своемъ дворѣ; а держати ми у себя своихъ людей всякихъ „спо восьмъ человекъ, а болѣ не держати; а опричь ми шого служилыхъ „людей своихъ всѣхъ держати въ своей оличнѣ . . . А безъ Водря ми „сына швоего никонораго дѣла не дѣлаши, которые Бояре въ швоей, Го- „сударя моего, душевной грамотѣ писаны, и не сказавъ ми сыну швоему „и его матери никакого дѣла не вершини; какъ ми прикажеть сынъ швой „и мать его, по шому ми всякіе дѣла вершини . . . А по грѣхомъ мать „моя учинеть мя наводити на которое лихо сына швоего, Царевича Ива- „на, и на мать его лихо, или иной которой иной сынъ на Государствѣ „будеть: и мнѣ матери своей въ шомъ ни въ чемъ не слушаши, а сказа- „ти ми тѣ е рѣчи сыну швоему и матери его . . . А возметь Богъ и „сына швоего, Царевича Ивана, а иныхъ дѣтей швоихъ, Государя нашего, „не ошпанеть же ся: и *мнѣ твоей*, Государя своего, *приказъ весь испра- „вити твоей Царицѣ, В. Княгинѣ Анастасіи, и швоему братцу, К. Юрью „Васильевичю, по твоей душевной грамотѣ, какъ еси или написалъ.*“ Іоан- „ново завѣщаніе упранилось; но ясно, что К. Владимиръ, по смерти Іоан- „новыхъ сыновей, долженствовалъ бытъ Царемъ, клятвенно обизывавъ въ такомъ случаѣ ошдаты Анастасіи и К. Юрью назначенные имъ въ Го- „сударевой духовной удѣлы. — Сія цѣловальная записъ подписана Митро- „политомъ Макаріемъ въ Маѣ 1554 года.

(393) „Въ Іюль (1554) побѣжалъ въ Литву К. Никита Сем. сынъ Лоба- „новъ-Ростовской, и поймалъ его Дѣти Водрскіе . . . и сказалъ на Во- „дрина К. Семена Ростовского . . . и К. Семень сказалъ, что хотѣлъ бѣ- „жать отъ убожества и малоумства, пожеже скудоша у него была ра- „зума, и въ пустошѣ извѣдающе Царское жалованье и своя домашняя . . . „И человекъ его Семекъ сказалъ, что отъ съ Послы Литов. ссылаеса чело- „вѣкомъ своимъ Вакшемъ, и самъ съ ними дводжы видѣлся и правдою „увѣрлся, и думу Царя Посломъ приказывалъ, и за швомъ Послы вѣчнаго „миру не дѣлали . . . и Вакшея къ Королю послалъ. И К. Семень и самъ „сказалъ, что все по отъ малоумства говорилъ; а съ пяти ѣхашъ хотѣли „такіе же малоумцы, Ростов. Князи Лобановы и Цринковы . . . И „послали его на Вѣлоозеро въ шорну, а людей его Царь велѣлъ рас- „пустить.“

(394) См. въ *Никон. Лѣт.* годъ 1553, стр. 204, и Щербатовскій Лѣто- „писецъ въ шомъ же году (*Исторія Рос. К. Щербатова, V, 466*). О поста- „вленіи Рязан. Еп. Кассіана нѣтъ въ лѣтописяхъ. Въ нѣкоторыхъ Ката- „логахъ показано, что отъ ошлученъ въ 1554 году. — Вѣроятно, что о „сей же ереси упоминаеть К. Курбскій въ житіи благочестиваго Інокъ „Теодорита, сказывая, что многіе невинные пострадали тогда отъ клеветы: на примѣръ, бывшій Троицкій Игумень Артемій и Монахъ Савва „Шажъ, обнесеные заимъ наѣвникомъ, Спарцемъ Невмариемъ; также ж

свѣтъ блаженный Свѣдѣтель Соловецкій, призванный быть свидѣтелемъ съ Иоасафомъ Влобаевымъ: ихъ подозревали въ согласіи съ ерениками. Курбскій пишетъ, что Царь, Митрополитъ и *лѣвые* Епископы не исполнили своего долга: не просвѣтили раскольниковъ, а только наказали започеніемъ. Лыблицецъ напропчивъ того хвалитъ ревность благоразуміе, умѣренность Собора. — Сія раскольники въ особенностіи возставали противъ книги Иосифа Волоцкаго о Новгородской ереси.

(395) Весною въ 1553 г. — „И Данило сподѣль по Камѣ и по Волгѣ и побивалъ на перевозѣхъ Казанскихъ и Ногайскихъ людей, и живыхъ въ Казань прислалъ 240.“ К. Микулинскій съ поваряцами выступилъ изъ Нижняго 6 Дек. Въ Архив. Лѣт.: „Февр. прѣѣхалъ отъ Воеводъ Назарей „Глѣбѣевъ, что съ ними ходили Воеводы изъ Свѣяжска города . . . и прѣѣшли изъ Казани Арскою дорогою на высокую гору въ засѣки, и послали воеваши Головы по Чувашицкой дорогѣ и Ногайской, и по Камѣ и по Мещѣ, и во многія мѣста; и сами идучи на Арской и къ Нурмѣ и на Уржумѣ . . . А война ихъ была по Каму, а отъ Волги за Ошипѣ и за Уржумѣ и на Илешѣ отъ Казани вверхъ полтриста верстѣ, а отъ Волги къ Вяркѣ поперегъ 200 верстѣ . . . а не была война вверхъ по Волгѣ до Кокшагамъ и по Рупкамъ; и пришли къ Воеводамъ Усеинъ Сеинъ да Таокмѣнъ Шихзада, и за всю Арскую спорону и Побережную добились челомъ,“ и проч. Микулинскій возвратился къ Государю въ исходѣ Марша. См. также Курбскаго.

(396) „Авг. (1554) писали Воеводы изъ Казани, К. М. В. Глинской съ поваряци, что посылали на Луговыхъ измѣнниковъ Князей Казанскихъ, Кебеняка да Кулая Мурзу, и всѣхъ Арскихъ и Побережныхъ людей съ Нагорною, а съ ними Н. Кульшона, и Казанцы солгали, не пошли, и слоужася съ измѣнники, да пѣхъ Арскихъ людей черныхъ, которые Государю прямы были, побили, и къ городу Казани приходили почали на сънокось . . . Апр. 13 (1555) прислалъ К. И. О. Мстиславской Дмитрея Плещеева, что Воеводы пришли въ волость Вошлу, а Ив. Пепровня опущали въ Ешдугу и въ Рупки . . . и приходили пѣшая Черемиса на лѣсу на спорожевой полкъ К. Вас. Токмакова, и отъ побилъ ихъ; а отъ большихъ Воеводъ война была въ волостяхъ въ Шуморшѣ, да въ Хозяковѣ, да во Шли, да въ Мазарѣхъ въ обонжѣ, да въ дву волостехъ во Оршахъ, да въ Выпшѣ, да въ Кушкули, въ Сорокъ Куншахъ, да въ Василуковѣ Белякѣ, да Мамичъ-Вердѣевой волости, да Килѣеву волость да Кикину, да въ Кухтунялокшахъ, да волость Сызаль, да въ Манинѣ, да Монахѣ, да Кемерчи, да Удылазы . . . да были въ войнѣ двѣ недѣли, да вышли на Волгу, и къ Казани ходили и назадъ шли Волгою же къ Государю . . . Марша і писать К. М. Глинской, что Луговые приходили на Арскую спорону, и Арскіе отъ нихъ отбили, оспроги подѣлавъ, и съ ними были Стрѣльцы Цара . . . а Луговые воевали села Татарскіе . . . „Приславъ изъ Свѣяжскаго К. Мих. Ворогынской, посылавъ Горнихъ на Луговую спорону 700 человекъ на рѣкахъ (лыжахъ), и побили людей изъ жовошину . . . М. Окп. приславъ К. Глинской Данила Адашева, что посылали на измѣнниковъ, на Кобѣдула съ поваряци, Князей Казань

„скихъ Енялей Чагасова, да Енялей Мошатова, да Соижково Сярълецкова
„Овоинку Боршенева, да И. Мохнева съ Жилыцы и съ новокрещены . . .
„и побили, и привели Кебенека Князъ, Курараалая К., Кулая Мурзъ, да
„Ниначебака Мурзъ, и многихъ . . . и вѣдѣли ихъ всѣхъ побить. И Ар-
„ские и Побережные переимали многихъ Ташаръ и рѣзали; и побили ихъ
„июю осенью 1560 именныхъ людей, Князей, Мурзъ, да Сопныхъ Князей,
„да лучшихъ Казаковъ. И Государь послалъ съ лодышми къ Воеводамъ и
„лѣтѣмъ Ташарамъ, которые право служатъ . . . А Луговые Сопники,
„Мамичъ Бердей съ товарищи, въ городъ не пошли, и на Волгѣ прихо-
„дящъ на суды . . . И Государь послалъ рать, К. И. Мясиславскаго, да
„Боярина Дняля Романовича, да Мх. Яков. Морозова, да К. Вас. Сица-
„го, да И. В. Меньшого Шереметева,“ и проч . . . „Марта 1 (1566) пи-
„сало изъ Казани Бояринъ К. Пешъръ Ив. Шуйской, что Арскіе и Поче-
„режные измѣнили и Спрѣльцовъ побили . . . а Мамичъ Бердей взялъ къ
„себѣ Царевича изъ Нагай, а съ нимъ человекъ со сто Нагай . . . Тогожъ
„мѣсяца Горніе люди, Алтыныя Сопники съ товарищи, привозилъ къ Госу-
„дарю Мамичъ Бердея, что приходилъ ихъ воевати, а съ нимъ 2000 чело-
„вѣкъ, и къ осирогу ихъ присиуналъ . . . и они съ нимъ сговорили, что
„нимъ шакже измѣнили, да вали его пини къ себѣ, а съ нимъ человекъ
„200, да всѣхъ побили . . . М. Апр. писалъ Намѣстникъ К. П. Шуйскій,
„опиуцалъ онъ Боярина Петра Вас. Морозова, да съ нимъ Дѣшея Бояр.
„и Казаковъ, и Спрѣльцовъ, и новокрещеновъ, и Ташаръ на Побереж-
„ныхъ людей и на Чалымской городокъ, и Пешъръ городъ сжегъ и побилъ
„многихъ . . . И мѣсяца Мая ходилъ Пешъръ же на Арское и на Мешѣ
„вспрѣшилъ Петра Девлякъ Мурзъ съ Арскими людьми . . . и Девлякъ
„любилъ и жива поймали . . . и Арскіе мѣста завоевали . . . и съ Пе-
„шрѣмъ ходилъ безъ мѣсяцъ Воевода Фед. Ив. Вушурлинъ . . . Мѣсяца
„Іюня Пешъръ же ходилъ изъ Казани, да съ нимъ Фед. Игн. Салтыковъ да
„Дѣши Бояр. изъ Казани и Свѣдскаго, обои и перемирные и спарые, и
„годогалыцкии, и Ташарове, и новокрещенные, и Казаки, и Спрѣльцы за
„Арское, за Ошишь и за Уржумъ, и не доходили до Бяпки за 50 вершъ,
„и полонъ имали, женки и робяпа, а мужиковъ всѣхъ побивали. А Боя-
„рина К. Пешъръ Иванов. оплуцалъ языковъ добывании, и воевали Ар-
„скую сторону и Побережную до конца въ нужѣ чинили, и достальные
„всѣ пришли въ Казань и били челомъ за свои вни . . . Апр. (1567)
„писалъ изъ Казани К. П. И. Шуйской: велѣлъ Арскимъ и Побережнымъ
„Ташаромъ поставити на Камѣ въ Лаишовъ городъ, и въ немъ успроилъ
„новокрещенныхъ да Спрѣльцовъ, а у нихъ Головъ Дѣшея Бояр. для На-
„гайскихъ людей приходу; а новокрещенныхъ велѣлъ иушь пашню пахати,
„и у Казани и по пустымъ селамъ, и Рускимъ людямъ. Тогожъ мѣсяца
„писалъ изъ Свѣдскаго Ив. Петр. Федорова, что приходили на Горную
„Луговые люди, Ахметекъ богатырь, и Иванъ посыладе на нихъ Дѣшея
„Бояр. съ К. Іосифомъ Ковровымъ, и Горникъ, и Спрѣльцовъ, и своихъ
„людей, и побилъ, и Ахметекъ жива взяли. Изъ Чебоксаръ писали, что
„приходили Луговые на Арскіе мѣста и на Горную, и вездѣ ихъ побилъ,
„и изъ Казани, и изъ Свѣти, и изъ Чебоксаръ посылаюшь ежедень на Лу-

„гоую военачини . . . Мѣсяца Мая писалъ Ив. Шешровичъ, что Дуговые прислали бини челомъ о своихъ винахъ . . . и Государь послалъ Спирячегго своего, Сем. Снеп. Ярцова . . . и всё правду дали . . . А изъ Казани писалъ К. П. Ив., что Енеблякъ съ шоварищи добили челомъ, а Банкирицы и ясакъ монлачили. А изъ Чебоксарь писалъ К. Шешръ Сем., что Мамичъ-Бердеевы дѣшни, Ика Сошндкой, и всё доспальшые били челомъ и правду дали . . . И С. Ярцовъ къ Государю прѣхалъ, и сказывалъ, что всюю землю люди правду дали . . . и къ Государю прѣхали сопо всей земли Сошные Князи, Казимиръ да Какадьянъ Тимуръ съ шоварищи,“ и проч.

(397) Еще Иоаннъ III посылалъ золотые храбрымъ воинамъ: см. Т. VI въ описаніи 1469 года. Сія медали были иногда золотыя иностранцыя деньги, иногда же нарочно для того бытыя въ Москвѣ, и назывались Московками. И видѣлъ ихъ нѣсколько, и разной величины, въ Кабинетѣ Г. А. И. Мусина-Пушкина. Военодамъ давались большія, съ изображеніемъ лица Государева.

(398) См. Курбскаго.

(399) Въ Никон. Лѣт. 231: „А сперва Минпрополишь и всё Владыки и монашцыри пособивуюшь Казанскому Владыкѣ деньгами и хлѣбомъ,“ Гурій, избранный по жеребью Февр. 3, и поставленный въ присутствіи всего Двора, Липовскихъ и Волошскихъ Пословъ, отправился въ Казань 26 Мая съ образами, съ Архимандрицами и Игуменами. Царь и Минпрополишь проводили его за Флоронскія ворота, Бояре и Духовенство до Симонова, а Епископъ Крушицкій до судовъ.

(400) Никон. Лѣт. 286.

(401) Т. I, стран. 43.

(402) Т. IV, стр. 69.

(403) См. выше, въ описаніи 1552 года.

(404) Никон. Лѣт. 209.

(405) Тамъ же: „Владимиръ, раздѣляя области на часты дѣннемъ своимъ, плу Аспороханъ (тогда именовался Тмушороканъ) далъ сыну своему Мстиславу.“

(406) См. тамъ же и Дѣла Ногайскія, Но 4, л. 86. Въ Окп. 1553 прѣхали Ногайскіе Послы въ Москву, гдѣ Алексѣй Адашевъ уговорился съ ними, чтобы Исмаиль дѣйствовалъ прошивъ Аспрахани въ одно время съ нашими войскомъ, и свергнуулъ брата своего, Юсуфа, который держалъ Иоанновыхъ гонцевъ въ оковахъ. — Дербышиъ находился въ Россіи еще съ Окп. 1551 и владѣлъ Звенигородомъ.

(407) См. Курбскаго и Никон. Лѣт. 210.

(408) „Угонилъ Ашаманъ Федка Павловъ ушкуль съ дѣвками Царевыми, да и набашы Царевы . . . И Восводы пошли въ Чаганъ да въ Казань (нынѣ Бузанской прошокъ) на море, а въ Баллы (нынѣ Балдинской прошокъ) послалъ Головы, да въ Иванчюкъ . . . и языки сказывали, что Царь пошелъ въ Мочакъ . . . и пришли на Бѣло озеро . . . и сказали, что Царю бѣжати въ Тюмень . . . и Восводы выгребли на море . . . и Головы дѣлали Богатыя Князя, и сказывалъ, что Царицы идушь въ Базылькѣ

„Мочахъ, и пришли шуда Атаманъ Федка съ поварищи, и Царицъ поймали, большую Тэфкель Келмагметову Мурзину дочь, другую Крымшадкалову Царску дочь Канадузу, да Цареву Емгурчеву дочь Ерпугану, да Цареву жъ Емгурчеву меньшицу Ельякши Биримину, и взята родила сына Ярышты, да Царевичу жену Анболатову Мергивану, да Царевичеву дочь Байбиче Царевну; а людей многихъ побили; а Князи и Мурзы и всё люди Аспрах. пошли Узкимъ Мочакомъ къ Карабулаку, и пѣхъ Воеводы дошли Юля въ 7, и побили . . . и Аспраханскіе люди пошли на поле, конные и пѣшия, и Воеводы дошли ихъ у Вѣлого озера, и спущи многихъ побили, и полону Руского много отполочили; и Аспрах. люди учили бишь челомъ: прѣхалъ Кара Иклемъ Князь, и учаль биши челомъ . . . и Ишимъ К., и Алей и иные . . . и поѣхали въ судѣхъ съ Воеводами . . . и Емгуванъ Азей пришолъ, а съ нимъ Молны и Азеи, и правду учинили . . . И спояли Воеводы въ Аспорохани 4 недѣли и пошли Юля 29.“ См. *Никон. Лѣт.* 217 — 223, и *Архив. Лѣт.* л. 231 и слѣд. *Тюмень*, о коемъ здѣсь упоминается, не есть Сибирскій: такъ назывался городъ около Терека во снѣ-осьмидесяти верснахъ отъ Дербента (см. *Большой Чертежъ* стр. 242).

(409) „К. Юрій Шемякинъ прислалъ съ *сеучемъ* (съ вѣстію) К. Вас. Барбашина; а Государь былъ въ своемъ селѣ Коломенскомъ, праздникъ шпоряще рожденію своему: тамо бо по вся лѣта праздноваше;“ и проч. — Дербышъ прислалъ тогда двухъ Князей съ изъявленіемъ благодарности Государю.

(410) Царицы прѣхали въ Москву 18 Окт. Ихъ встрѣчали за посадомъ Казначей, и кушанье присылали имъ изъ дворца.

(411) См. Дѣла Ногайскія No 4, л. 253.

(412) 13 Апр. 1555 Дербышъ извѣспилъ Государя о приходѣ изгнанника Ямгурчя къ Аспрахани, а въ Маѣ уже началъ сноситься съ Ханомъ Крымскимъ. Тургеневъ долженъ былъ выѣхать опшуда, но встрѣпивъ на Волгѣ Козаковъ и Спрѣльцовъ съ Головою Григорьемъ Кавшыревымъ, возвратился къ Дербышу. „Мѣсяца Авг. прислалъ изъ Аспорохани Г. Кавшыревъ, а сказываешъ: Дербышъ и всё люди изъ города выбѣжали, по штому, солгали имъ, что Царь и В. К. велѣлъ ихъ побити; а Крымской къ нимъ прислалъ прехъ Царевичевъ съ пушками. И Григорій съ Дербышемъ сослался . . . и Дербышъ и вся земля пришла въ Аспорокань . . . Мая 20 оппустилъ Государь въ Аспорокань Посла Л. Мансурова съ своимъ жалованьемъ, да оппустилъ къ Дербышу Царицы, да пословъ его . . . Пришли (въ Нолб. 1555) Г. Кавшыревъ, да Посоль Тургеневъ, да Дербышевъ, а сказывали, что Дербышъ не прамитъ, а опъ Измания выбитыхъ Мурзъ перевезъ къ себѣ и укрьился съ ними, что ему съ Юсуфовыми дѣвками сноятъ за-одинъ . . . Оппустилъ Государь (въ Мартѣ 1556) въ Аспорокань Черемисинова . . . да Влпчаны въ судѣхъ . . . Писали изъ Аспорохани Головы (въ Севн.), Черемисиновъ съ поварищи, что они пришли, а городъ пуснъ, и ушвердивъ его пошли за Дербышемъ къ морю, и нашли суды всё Аспороханскіе, и поѣкли, и пожгли . . . и сошли Царя опъ берега верснъ съ 20, ночью, и побили. И на утро собирае

Дербышъ, съ Мурзакъ Ногайск. и Крым., и билися съ ними идучи до Волги весь день, и опошли Головы здорово. А прежде ихъ приходилъ на Царя Лануиь Атаманъ (Донской), и поймалъ многіе Улусы: пошому Астороханцы выбѣжали изъ города. Черемисиновъ съ Царемъ ссылается, и правду Дербышъ и вся земля дали . . . и Андр. Тишкова выбѣжали на жонки, дали 15 жонокъ Астпорох. полону . . . и укрѣпилися во градѣ, и по Волгѣ Казаковъ и Спирѣльцовъ распавили, и ошцали волю у Нагай и рыбакия ловли и перевозы у Аспороханцевъ. Того жъ мѣсяца 23 писалъ Черемисиновъ, что Дербышъ въ городъ къ нимъ не поѣхалъ, избѣжалъ, а отшодяль его ошъ Государя Атаманъ Дуванъ, Крым. Воевода, да, копорой къ нему съ весны прислалъ и съ пушками, и Юсуфовы дѣти . . . Мѣс. Дек. писалъ Ив. Черемисиновъ и М. Кулудаевъ, что Юнузь Мурза, да Адалей, Юсуфовы дѣти, Исмаилу Князю добили челомъ . . . и пришли на Дербыша, да его прогнали, а пушки поймали и прислали въ городъ къ Ивану, и Дербышъ побѣжалъ въ Азовъ, а отшодъ къ Меки; а черныя люди Аспороханцы приходяль и бьющъ челомъ Государю . . . а иныхъ многихъ розвели Нагаи. . . . Шисали изъ Аспороханъ (въ Маѣ 1557), что кочевали и зимовали Ногаи подъ Аспороханью и шорговали во всю зиму полюбовно; а изю многихъ земель присылали, изъ Шевкала, изъ Шамакеи, изъ Дербени, изъ Юргенча, о брашснвъ и любви, и на веснѣ хощащъ со многими шорги быши въ Аспороханъ . . . а люди Аспороханскіе, Чалымъ Уланъ въ головажъ, и Молды, и Ходжи, и Шихи, и Шихзады, и Князи и Мурзы, и Казаки, и вся чернь правду дали Государю; и Иванъ и Михайло раздавали имъ острова и ланиши по спаривъ, и асаки планишь по спаривъ, какъ прежнимъ Царемъ платили, а Князи ошъ себя прислали, чтобы ихъ Государь въ Крымъ въ Нагаи не выдалъ и въ холопствъ у себя учинилъ.“ См. *Никол. Лѣт.* 224-287.

(413) На примѣръ, въ грамотѣ Царя къ Іоанну, Королю Шведскому (Лѣта Шведск. № 3, л. 6 на об.): „Царспльв нашихъ Россійскаго 26, Казанскаго 20, Аспороханскаго 18.“

(414) См. Т. V, стр. 299.

(415) „Ив. Черем. писалъ (въ Юлѣ 1557), что пришли гости изъ Шамакеи, Дербени, Шевкала (въ Дагестанѣ), Тюмени, Юргенча (Хивы), Сарайчика, со всякими шовары . . . Да пришли изъ Аспороханъ къ послы ошъ Крымшевкала и ото всей земли Шавкалскіе, да ошъ Тюменскаго Князя съ поминки биши челомъ, чтобы Государь велѣлъ имъ быши въ своемъ имени и въ холопствъ у себя учинилъ . . . и что ся Государю оу нихъ полюбивъ, ино то все присланы станушь ежегодъ Пришли въ Москву послы (въ Окт. 1558) изъ Юргенча ошъ Царя Хаджима, посоль Тенишь Азей съ шоварици, съ поминки и съ великимъ челобитишь, о любви, чтобы Государь велѣлъ дорогу гостемъ дати и его бы брегъ Пришли послы изъ Бухаръ изъ Шамархани ошъ Царя Бухарскаго и Шамарханскаго (Самаркандскаго), Азамай Азей да Шихъ, съ любовновышь челобитишь: просятъ дороги гостемъ. Пришли послы изъ Тюмени ошъ К. Тюменскаго, чтобы Государь держалъ его въ еясемъ иде-

ни — и ошь Шавкала, чюобы Государь оберешил имъ ошь своиъ холодъ,
ней, ошь Черкасскихъ Князей Писаль изъ Аспрахани Ив. Вырод-
козь (въ Дек. 1559), чюо Тюменской Мурза Мамай, Агишевъ сынъ, прѣв-
халъ биши челомя, чюобы Государь далъ ему рапъ на дялю его, Тюмен-
сково Князя, и училил бы его на Тюмени; а ошь холопъ Государевъ . . .
да изъ Шелкалаѣ (Шавкала) ко Государю приказывають, чюобы прислалъ
рапъ на Крымцелкала, а имъ далъ много, а они всею землею холопи Го-
сударевы.“ См. *Никон. Лѣт.* 289, и *Архив. Лѣт.* л. 327, на об. и 344.

(416) „Прѣвхали къ Государю (въ Нояб. 1552) Черкаскіе Князи Маушукъ
да К. Иванъ Ензбозуковъ, да Ташашукъ, чюобы Государь вступилса въ
нихъ, а ихъ съ землями взялъ къ себѣ въ холопи, и ошь Крымского обо-
ронилъ . . . Прѣвхали изъ Черкасъ Князи (въ Авг. 1555) Сибокъ да брашь
его Арцынгукъ, *Жжанскіе* (*Жаженскіе*) Черкаскіе Государи, да Тута-
рыкъ К. Елбулесевъ, да съ Сибокъ сынъ его Кудадскъ, а людей съ ни-
ми 150, да Государевъ Посоль пришель, Андрей Щепиновъ, и били че-
ломъ, чюобы Государь далъ имъ помочь на Турского города и Азовъ и
на Крымского, а они холопи его; а Андрей сказалъ, чюо дали правду
всею землею И Сибокъ билъ челомя, чюобы крестини сына его . . .
да Туташикъ К. о себѣ билъ челомя и въ крещеніи Туцарику имя
„К. Иванъ Прѣвхали (въ Юнь 1557) Князи Черкаскіе служилъ Го-
сударю, Маашукъ К., да Себокъ Да Ташаръ Мурза: служилъ у
Крымского, ему шуриъ Мѣсяца Юля прислалъ И. Черемисиновъ
Васку Вражскаго съ Черкаскимъ Мурзою съ Калычемъ, ошь Кабаршын-
скихъ Князей и Черкасскихъ, ошь Темерюка, да ошь Тазрюна К., чюобы
Государь велѣлъ имъ собѣ служилни, а на Шавкала бы помочь учинилъ
Аспороханскимъ Воеводамъ Иверской Князь и вся земля Иверская
Государю съ нимъ же бьютъ челомя Прѣвхали (въ Окт. 1558) изъ
Черкасъ изъ Кабарды большого Князя дѣши Темерюковы, Булгерукъ, да
„Салшанукъ Мурза,“ и проч. См. *Архив. Лѣт.* л. 327, 344 и *Никон.* 197,
246, 288, 289.

(417) Въ XIII вѣкѣ Рубруквисъ находилъ памъ многихъ Хрисціанъ ж-
жду Аланами. Въ 1552 г. прѣвхалъ въ Москву К. Черкасскій Иванъ, вѣ-
роятно Хрисціанинъ (см. выше, примѣч. 416).

(418) См. Дѣла Ногайск. Но 4, л. 313 и слѣд. Въ Февр. 1555 Исмаиль
прислалъ въ Москву своихъ пословъ и Россійскихъ, бывшихъ въ неволѣ
у Юсуфа, съ извѣстіемъ, чюо сей мѣлешный Князь имъ убитъ (см. *Ни-
кон. Лѣт.* 230).

(419) Дѣла Ног. Но 4, л. 326 и 356.

(420) См. Абульгази и Карпина, также сей *Исторіи Т. IV.*

(421) Въ грамотѣ къ Англ. Королю Эдуарду VI: Commander of all Sibe-
ria (см. Hakluyt's Navigations, II, 255).

(422) См. *Никон. Лѣт.* г. 1555, стр. 228.

(423) *Архив. Лѣт.* г. 1556, л. 278 и 328.

(424) Hakluyt's Navigations II, 232-236. Имя Англійскія: Hugh Willough-
by, Chamcefler, Chamcefor, Chancelour.

Въ *Двинск. Лѣтописецѣ*, стр. 126: „Въ лѣто 7063 но зная приде въспѣ къ Царю ошь заморскія Корелы: наши-де мы на Мурманскомъ морѣ два корабля, сповнивъ на якоряхъ въ спановищахъ, а люди на нихъ всѣ мерилы, а поваровъ на нихъ много . . . И Государь указалъ Намѣстнику, К. Сем. Из. Микулинскому, съ Двины послати въ лодыяхъ къ ливнѣмъ кораблямъ, и переписалъ поварь, велѣлъ привезти на Холмогоры. К. же Сем. послалъ выборнаго Голову Феофана Макарова, да Мих. Кошница, да Анфиловъ Посельскаго, да Емельяна Елшкова; они же въ корабляхъ поварь переписавъ взяли, и пушки и пищади и снасть корабельную привезли на Холмогоры. Князь же Сем. весь бысть залечашалъ до Государева указу.“

(425) Сии люди были рыбаки: они хотѣли пошчасъ уплыти въ лодкѣ, но Ченселеръ догналъ ихъ (см. Накл., стр. 246).

Въ *Двинск. Лѣт.* стр. 125: „Авг. къ 24 (1553) пришелъ корабль съ моря на устье Двины, и обослався, прѣхали на Колмогоры въ малыхъ судыяхъ ошь Англинскаго Короля Эдварша Посоль Рыцериъ, а съ нимъ гости. а сказался, что идетъ къ Вед. Государю . . . и Приказники Колмогорскіе, выборные Головы Филиппъ Родионовъ, Феофанъ Макаровъ и земскіе судьи о приходѣ шого Посла писали къ Царю, и велѣли корабль на зимовье ввесити въ Уискую губу, лѣта 7063 Октя. Посоль же и гости опущены къ Москвѣ съ Колмогоръ Ноябра 23.“

(426) Накл. Navig. стр. 231, 249.

(427) Тамъ же, стр. 230. Сіе письмо издано на Англійскомъ и Латинскомъ языкѣ.

(428) Англичане пишутъ, что слуги во время обѣда три раза переменяли одежду, и что сей обѣдъ продолжался до ночи (зимю): см. тамъ же, стр. 230.

(429) Тамъ же, стр. 235. Письмо Государеву было писано по-Русски съ Голландскимъ (Dutch: не съ Нѣмецкимъ ли?) переводомъ, въ Февр. 1554. Въ *Двинск. Лѣт.* 126: „Марта въ 15 Царь опущилъ Посла и гостей съ Москвы; они же, прѣхавъ, жили у корабля до весны и отошли въ свою землю.“

(430) George Killingworth, Graie, по старинному правописанію. Ниже упоминается о Капитанѣ Ваттough. Въ нашихъ лѣтописяхъ: „Мѣсяца Октя. (1556) пришли ошь Карлосова сына Агл. Филиппа Короля и его Королевы Маріи Посланники Рыцериъ (Ричардъ Ченселеръ) да Юрья (George Killingworth) съ грамотами, одна по-Фряски (Итальянски), другая по-Польски, а претья по-Гречески, а во всѣхъ писано одно дѣло . . . съ великою любовною похвалою, нарицаѣя Государя Царя въ благочестіи „всиль“ (Emperor of all Russia). Въ *Двинск. Лѣт.*: „Іюля 23 пришелъ корабль изъ Агл. земли, а на немъ Посоль съ гостями, и на Холмогорахъ суды наймовали, и поварь изъвъ къ Вологдѣ, пошли. Пришли Агл. 4 корабля, а Вологодскіе суды съ Русскими повары ходили къ кораблямъ къ Корельское устье.“

(431) Накл. Navig. стр. 265.

(432) Тамъ же, стр. 263: The 11 day of Sept. we came to Vologda, and here we laide all our wares up, and sold tvery litē; but one marchant would have given us 12 robies for a broad cloth . . . and 4 altines for a pound of sugar. Далѣ сказано, что рубль естъ гинея, алмынь шиллинга.

(433) *Никонъ Лѣт.* 264. Они поѣхали изъ Москвы въ Юнѣ, а отплыли съ Двины 23 Юля. Государь велѣлъ опндашь Англичанамъ все найденное на корабляхъ несчащнаго Виллоби. съ Непѣю поѣхали въ Лондонъ изъ гостей Фофанъ Макаровъ и Михайло Григорьевъ. Здѣсь Двинскій Альмошницъ называесть Англію Нѣмецкою землею.

(434) *Наклуй II*, 287 и 288: The Lord Bishop of Elie and Sir William Peter, chief Secretary to theiz Highnesse, who after divers secret talks, reported to their Highnesse their proceedings, the gravitie, wisdom and stately behaviour of the said Ambaassdour, in such sort as was much to their Majesties contentations.

(435) Въ *Архив. Лѣт.* г. 1557, Сенш.: „Да Король прислалъ доспѣхъ „своей полной, да скорлашы и опласы . . . и Царя и В. К. госпелъ „лупшъ чиснѣ учинили и дворъ имѣ въ большомъ своемъ городѣ въ „*Лунсколѣ* (Лондонѣ) дали и безо всякихъ пошлнѣ торговати велѣ „ли; да опущушили съ Непѣю маслеровъ многихъ, Докпуровъ, и „дѣлашу и серебру искашелей и дѣлашелей, и икыхъ.“ Тутъ Шонландія названа *Шетцкилѣ* Королевствею.— Нецѣя подалъ Маріи и Филиншѣ списокъ Юаняновыиъ дарамъ, которые были росхищены Шонландцами: 1) 6 паръ богатыхъ соболей; 2) 20 цѣлыхъ соболей съ зубами, ушами и кошнями; 3) чепыре живыхъ съ цѣпями и ошейниками; 4) шестъ большихъ шкуръ (не мѣховъ ли?) которыя носилъ самъ Царь за ихъ рѣдкость; 5) бѣлой кречеть съ серебрянымъ барабаномъ и съ вызолоченною сѣпкою. Марія и Филиншъ послали къ Юанну: 1) два куска парчи; 2) половинку алаго сукна, фиолетоваго, голубаго; 3) два панцира и шлемъ, покрытый алымъ бархатомъ и съ вызолоченными гвоздями; 4) льва и львицу. — Съ Неуѣю было въ Лондонѣ девять Россіянъ, названыхъ опчасти спранными именами въ Гаклуйтѣ (II, 287-290).

(436) As a testimonie and witness of their good hearts, zeale and tendernesse towards him and his country.

(437) *Накл II*, 324. Въ *Двинск. Лѣт.* 127: „Пришли (въ 1555 г.) Годацкскія и Врѣбанскія земли корабли, а на нихъ шорговые иноземцы, и съ „Рускими людьми шорговали на Корельскомъ устьѣ по 95 годъ.“

(438) Въ 1553 г. Ханъ присылалъ гоица, обѣщаясь доставить шерпную грамоту, и пребуя, чтобъ Юаннъ оппустилъ къ нему назадъ пословъ его, задержанныхъ въ Москвѣ. Юня 29 Царь оппустилъ ихъ и послалъ къ Хану Дворянина Фед. Дм. Загряжскаго. Юля 6 услышавъ, что Крымцы идушъ на Россію: Государь съ Царемъ Симеономъ, Шигъ-Алеемъ, съ Князьями Черкесскими и съ Царевичемъ Кайбулою выѣхалъ въ Коломну. пославъ К. Владиміра Андр. съ К. Микулинскимъ въ Серпуховъ, а Царя Дербыша съ К. Мстинславскимъ въ Калугу. Воевода Мценскій, К. Петръ Горенскій, побивъ опрядъ Крымцевъ, узналъ опъ плѣнниковъ, что Двѣлешъ-Гирей ходилъ на Черкесовъ, а въ Россію уже не будетъ. 13 Окт

пріѣхалъ въ Москву Ханскій Посолъ Шагмансырь Улакъ съ Шершюне Грамошою. Въ Апр. 1554 Ханъ черезъ гонца требовалъ даровъ. Іоаннъ предлагалъ ему размыслился Послани и въ Мартѣ 1555 уведомиль его о завоеваніи Аспрахаши. Въ Мѣѣ Девлетъ-Гирей писалъ къ Царю, что опусупишь Загражскаго вѣвскія съ новыми послами своими, но обманулъ (см. *Никон. Лѣт.* 202-240).

(439) См. Курбскаго.

(440) Іоаннъ въ 1556 г. писалъ къ Исмаилу, Ногайскому К.: „мыль намъ дорога Крымская вѣдома, и Вогъ дасишь, хощишь съ Крымскими свое дѣло дѣлати; того для еси и съ Липовскими помирился.“ Онъ велѣлъ сказать Исмаилу, что Россія можетъ послать до четырёхъ сотъ тысячъ конновъ на Хана.

(441) См. выше, стр. 139.

(442) Въ Мартѣ 1553 г. пріѣхалъ въ Москву отъ Султана купецъ Муснафа Челибей съ богатыми дарами, барханами, апласами, коврами шелковыми, для Царя и дѣшей его (см. *Никон. Лѣт.* 300).

(443) „И пошли изъ Вѣлева на Троицынъ день Муравскою дорогою, и „пришли вверхъ Мжаи и Коломока, и ту пріѣхалъ къ нимъ спорожъ „онъ Святыхъ горъ . . . и воронились и пошли подъ сакму (на слѣдъ) . . . „И Царь того же дни опусупилъ Воеводу, а самъ пошелъ на претій . . . „и на Снолцѣ пришла вѣсь къ нему отъ Ив. Шереметева, что, плучи „за Ханомъ, посылала на его кошь Головы . . . и кошь взяли . . . и Вое- „воды пошли за Царемъ его сакмою и вспрѣшлись со Царемъ . . . и по- „сылали назадъ по Головы и по Дѣши Воарскіе, чтобы въ нимъ спѣшили, „и прискакали не многіе . . . и Царь Крымскій (на другой день) съ сво- „имъ полкомъ пришелъ, да Воеводу разгромилъ, а самъ къ Тулѣ идетъ . . . „И Царь и В. К. пришелъ на Тулу въ Суботу на солнечномъ восходѣ, и „пусть пріѣхали Воаринъ Ив. Вас. Шереметевъ, да Околышчей Левъ Андр. „Самыиковъ . . . Дмит. Плещеевъ и Бактелеръ Зузивъ пріѣхали того же „дни . . . На помъ боу убили — и взяли Дѣшей Воарскихъ 300, да Спрѣль- „цель 34.“ и проч. См. *Никон. Лѣт.* 242.

(444) См. Курбск. Онъ жалуется на излишнюю довѣренность Іоанноу къ Дьякамъ, говори, что сіа люди никогда прежде не бывали въ пачкой чести.

(445) См. тамъ же.

(446) Черезъ 5 недѣль: см. *Никон. Лѣт.* 244.

(447) См. Далина *Gesch. des R. Schw.* III, 344, 351, 360. Марія отвѣчала, что она не запретитъ своимъ подданнымъ выгодной для нихъ торговли, но возмещать вѣрнъ, чтобы они не доставляли воинскихъ снарядовъ Россіанамъ.

(448) См. сей *Исторія* Т. IV, г. 1349-1350.

(449) Въ *Никон. Лѣт.* 247: „и Ивѣцы (Шведы) почали сама жечь (въ „1555 г.) и Дѣшей Воарскихъ убиваютъ, и гоней у себя задержали, и „Сына Болр. на коль горломъ посадили . . . И К. Дн. Шленцкой, обо- „славя съ Царемъ, послалъ свое ваяни Ив. Вибикова . . . и Ивѣцы его „побили.“ Далинъ пишеть, что у Вибикова было 30,000 конновъ; что онъ, видя малочисленность непріятеля, въ насмѣлку имѣлъ задореве ихъ Пѣл-

жовоца, Іонса Мансола. Себѣ же Историкъ пишетъ, что Россіаке а Геня. 1555 спырѣншовали въ окрестностяхъ Выборга и попокули въ Рафлаадскомъ озерѣ; что самъ К. Палецкій ходилъ въ Фриаландію, и проч.

(450) См. Дѣла Шведск. № 1, л. 1-56.

(451) Кузницъ говорилъ о *Мурманской* (Горвемской) землѣ и *Варлазѣ*: Шведы не понимали его, какъ пишетъ Далманъ, не зная сихъ названій.

(452) См. Далманъ, стр. 254, и Дѣла Швед. № 1, л. 47. Въ *Никон. Лѣтн.*: „Пришелъ (въ Сенн.) Яковъ Вага отъ Выборга на конехъ и пѣше, и въ „бусѣхъ съ моря Незою съ парадомъ Вышли у шихъ бусу, а на ней „150 человекъ да 4 пушки а Семень Шереметевъ (Новгород. Дворецкій) приходилъ на пѣхъ, которые воевали за Незою . . . И какъ пощали Нвѣцы отъ Орѣшка, К. Андр. Нотманъ, да Шенръ Песировъ (защитники Орѣшка) и С. Шереметевъ были на при волки, а люди не сошлись, „и Нвѣцы учали стрѣляти, и передовой полкъ дрогнулъ, а не убили „муть Нвѣцы никово: мерившихъ отъ стрѣль и отъ пикалей на обѣ стороны было человекъ по пяти и по шши.“ А Далманъ пишетъ, что Шведы побили множество Россіаки.

(453) „Февр. 7 прѣхалъ отъ Воеводъ Шемяка К. Димит. Гагаринъ, а отъ „Царевича Уразлы Мурза . . . Какъ Воеводы приняли за рубежъ въ Смоленно и въ Лебезье, и послали къ городу къ Киновени (Кинодети, Килену) . . . И приняли (Шведы близъ Выборга) на Ярноульской полкъ, „К. Викиту Приинкова Россіоскаго, да Фед. Пушкина, и Федора съ кони сбили и ранили, и К. Микшшу и нанушили передовыиъ полковъ Сем. да Никита Шереметевы и побили Нвѣцевъ и гонили по гору; „да шущъ прѣвъдъ пѣсепъ, и ранили Ник. Шереметева; и послѣшала къ „днѣ Царевичъ Кайбула а правой руки Воевода Ив. Шереметевъ „меньшой обшоль около а К. Андр. Нотманъ не былъ на бою: ногу испортилъ еще на рубежѣ и велѣли К. Григ. Пушняину по „Выбору изъ наряда бити . . . и изъ города вылазити не дали и „послали въ Лаврецкой погоспъ верстѣ за спю за Выборъ, и стрѣшили „ся Нвѣцы изъ Стекольна отъ Короля, и пѣхъ побили и къ городку Дошаному (Дащану) послали,“ и проч. См. *Архив. Лѣтн.* л. 261, и *Никон.* 254. Далманъ пишетъ, что Русскіе бѣжали отъ Выборга, испуганные возами сѣна, которое Шведы везли въ крѣпость!

(44) Дѣла Ног. № 4, л. 315.

(455) Дѣла Швед. № 1, л. 3 и слѣд.

(456) Тамъ же, л. 18 и 34: „Къ рукѣ ево и Бѣши не звалъ много дѣл, „что прѣхалъ въ первые послѣ войны, и еще не вѣдомо, что въ грамотѣ „такъ писано И того дня“ (уже по прошеши грамоты) „гонецъ „Кнушь у Царя и В. К. Эль.“

(457) Тамъ же, л. 49: „Самому будешь тебѣ не вѣдомо, и ты купцовъ „своихъ испрося увѣдай: Новгородцкіе пригородни Псковъ и Устюгъ и „Двинскую землю чаю знаютъ: сколькоиъ многиимъ одиимъ изъ пѣхъ большеиъ Стекольны?“

(458) Тамъ же, л. 60: „кубскъ золотечъ, съ подрамникомъ Посланиной, а „да веру въ покрывнцѣ часы.“

(459) Тамъ же, л. 97: „К. Осдоръ былъ Давровичъ, и по Ибреима Царя „Казанскаго внука; а К. Михайло Кисло и К. Борисъ Горбашой, и по „Суздальскіе Князя отъ корени Государей Рускихъ — К. Юрьи Мих. Бул- „гаковъ, и по Королю Липовскому Брань въ четвертомъ колѣнѣ — а „дѣнь К. Мих. Вас. Глинской, и по было не давно, К. Мих. Львовича „Глинского въ Нѣмешникхъ земляхъ знали иномѣ; а Селекѣй Давид. Шле- „щевъ, и по наѣнныя Государскіе Воюе родоу за прищань и бо- „дѣе А про Государя нашего въ расудъ намъ скажемъ, а не къ „укорь, конорого отъ роду, и какъ жившинею торговалъ и къ Свейскую „землю прищель: но не давно сл. дѣлало, и вѣсть вѣдомо.“ Гуснавъ, въ 1519 г. ушедши изъ Данія, вѣхалъ съ Саксонскими промышленниками, копо- рые торговали водами: см. Далина III, 8.

(460) Въ *Ижм. Лѣт.* 231: „Государь налѣвъ Ноугородскимъ Намѣстни- „комъ перемирье уиверанни . . . и отпустилъ Пословъ съ Москвы въ „Новгородъ Мариа, и Намѣстники Ноугород. Сизскаго Короля къ цѣло- „ванію пришли, и грамоты уивердали печаньемъ; а отъ себя къ Королю „послали Ив. Шаранова Замыцкаго.“

(461) Дѣла *Швед.* л. 59.

(462) Далинъ 382.

(463) Тамъ же.

(464) Дѣла Польск. No 4, 644-651, Окт. 1556.

(465) Въ Дек. 1552 прѣвѣжалъ въ Москву гонецъ съ письмами отъ Ли- повскихъ Вельможъ къ нашимъ Воюрамъ и Митрополиту, чтобы они уго- ворили Царя быти другомъ Липѣ. Митроп. отвѣчалъ словесно, что го- сударствениыя дѣла до него не касаются; а Воюре писали къ нимъ, что сношенія между Липвою и Россією пресѣклись отъ несогласія Августова именованъ Іоанна Царень; что мы никогда не шлемъ Пословъ въ чужія земли для переговоровъ о мирѣ, но что другіе Государи обыкновен- но присылають къ намъ для того спокъ. Въ Июль 1553 г. явился въ Мос- ковѣ Августовъ Посланникъ, Андрей Опаниславъ, съ извѣщеніемъ, что за нимъ будунтъ Волкине Мослы. Опаниславъ не обѣдалъ во дворцѣ; у него не взяли и даровъ: ибо онъ въ разговорѣхъ не хотѣлъ называтъ Іоанна Царень. 22 Авг. прѣехали въ Москву Воюеда Полоцкій С. Довойна и Маршалокъ Володимъ. Споръ о пиктулѣ оишь воспреняишповалъ миру, и Государь, отпустилъ ихъ, сказала: „Намъ ся виднѣтъ, что пришли елине две дѣла для, но для расуду.“ Они уѣхали. Іоаннъ, безпокоясь погдѣ о славѣиныхъ Казанскаго вилека, согласно съ общимъ мнѣніемъ Думы велѣлъ имъ вѣрочинитъ и заключилъ перемирие съ Липвою на 2 года. Бол- ривъ Вас. Мих. Юрьевъ вѣдиль къ Августу съ договорными грамотами. Король хотѣлъ дань прислагу только на своей; но Юрьевъ заставилъ его сложитъ обѣ вѣнѣтъ, что есмь, Липовскую съ нашею, и произнеси клян- ву въ вѣрномъ исполненіи договора. Переписка о пиктулѣ продолжалась до Мариа 1556 года, когда Вилебскій Воюеда, К. Снек. Андр. Збараж- скій, и Маршалокъ Шенковичъ заключили въ Москвѣ новое перемирие на шесть лѣтъ. Они спросили у Воюрь: „если Государи ваши издавна име- лись Царями, по для чего же оицѣ и дѣдъ Іоаншовъ не требовали

„онъ насъ сего пинудилъ?“ Для того (сказали Болре), что они не вѣнчались на Царство. Государя Польскіе также назывались единственно Великими Князьями до Ягайла; но послѣ его Королевскаго вѣнчанія приняли титулъ Королей. — Болринъ Ив. Мих. Воронцовъ отвѣтъ къ Августу договорную грамоту. См. Дѣла Польск. № 4, 216-661.

(466) Въ Сент. 1655 пріѣхали изъ Крыма въ Москву гонецъ Ханскій и нашъ оны Забрѣжскаго, Ташаринъ Ваймера, который сказалъ Государю, что Делавинъ-Ирей въ Синѣхъ съ Шереметевымъ лишился знашійшихъ Князей и Муравъ см. Ник. Лѣт. 260.

(467) Въ Маршѣ 1656 Атаманъ Мих. Грошевъ ходилъ изъ Рыльска въ синѣи и схватилъ многихъ Крымцевъ, облившихъ ему о нашествіи Хана ины на Россію. Тогда Дьякъ Ржевскій былъ высланъ изъ Путивля на рѣку Исель, поспироваъ суда и съ Козаками опсправился къ Дибирю порогами; а другіе Козаки спояли на берегахъ Дона (см. Никон. Лѣт. 262, 264.).

(468) „Царь и В. К., пріѣхавъ оны Троицы, пошелъ въ Серпуховъ „предъ заговѣншемъ Петровымъ, а съ нимъ К. Владиміръ Андреевичъ, Царь „Симеонъ, да Болре; а сельъ у соби были въ Серпуховѣ Царевичу Кайбуль, а съ нимъ все Князи и Муравъ Городецкіе, а спояни въ Горусѣ, „да передовому полку, да правой рукѣ, а большому уснъ Порошвы, а „лѣвой на Сецкинѣ перевозѣ, а спорожелому уснъ Лонасны . . . и по- „сладъ Овольничаго Ник. Вас. Шереметева зацлини мѣсна за Шавороною . . . „И сказали Хану, что Царь и В. К. ждешъ его . . . и пошелъ былъ на „Черкасы, и на Мисюсъ прислали за нимъ изъ Крыму, что видѣли многихъ „Рускихъ на Дибирѣ къ Исламъ-Кирменю . . . и воронился, и многіе лю- „ди у него померли повѣтріемъ.“ См. Архив. Лѣт. и Никон. 266.

(469) „Ходили подъ Исламъ-Кирменъ и Восланъ-Кирменъ: люди уберег- „лись, а животины опсонили . . . и у Очакова опспрогъ взяли . . . и за „нимъ ходили Санчаки Очаковской и Тясинской, и Дьякъ на шихъ учинилъ „въ тростнику у Дибира подсаду и побилъ изъ пицалей . . . и подъ „Исламъ-Кирменъ пришелъ Калга, а съ нимъ весь Крымъ . . . и бился съ „нимъ изъ пицалей 6 дней, да отогналъ ночью сплада конные, да на „оспировъ къ себѣ перевезъ, и по Задибирю по Липовской споронѣ „вверхъ пошелъ и расцелся съ Царевичемъ Дьякъ, даль Богъ, здорово.“ См. Архив. Лѣт. и Никон. 266 и 267.

(470) Въ Сент. 1657 К. Вишневецкій прислалъ въ Москву Атамана Есковича съ предложеніемъ своихъ услугъ Царю и съ вѣщаніемъ, что оны укрѣпился близъ Крымскихъ кочевницъ (см. Никон. Лѣт. 272, 274, 276. 284.).

(471) См. тамъ же, спр. 276. Вишневецкій взялъ Исламъ-Кирменъ, а Черкасы Темрюкъ и Тамакъ въ Окп. 1656. Ханъ напалъ на перваго весною въ 1657 году.

(472) Курбскій. Слѣдующее вѣлио изъ него же. Въ лѣтовисяхъ сказано, что Ханъ въ 1677 г. захватилъ девашъ Улусовъ Ногайскихъ, и что они ушли оны него ояшь къ Исмаилу (см. Ник. Лѣт. 292).

(473) Въ *Никон. Лѣт.* 276: „Пришель (въ Дек. 1556) изъ Нагай Ц. Тах-памышь . . . а была много лѣтъ въ Крымѣ . . . и выбѣжалъ къ Исмаилу К., и Исмаиль отпустилъ его служити Царю.“

(474) Вишневецкій въ Окпн. 1557 писалъ къ Государю о своемъ испу-щенъ въ Клязьмѣ, а въ Цояб. прѣзжалъ въ Москву (см. *Никон. Лѣт.* 293).

(475) Въ *Никон. Лѣт.* 296: „Пѣть Крыма Посоль Фед. Загряжской“ (въ Генв. 1558) „пришель, а сказывалъ, что Царь правду учинилъ, и сына „своего на Короля Ливонскаго отпустилъ,“ и проч. — Государь отпустилъ тогда стараго Жакскаго посла, а новаго у себя задержалъ.

(476) См. Дѣла Польск. № 4, 661-692. Въ *Архив. Лѣт.* 297 на об.: „Воевалъ Царевичъ Крымской (въ 1558 г.) Ливонскую землю, Волянъ, Подлинце, Подолов, а была въ землѣ 4 вѣды, и взялъ полоу больши 40 тысячъ; а всерѣшъ ему и посылки за нимъ не было.“ Курбскій пакъ говоришь о Королѣ и Мавкѣ: „Его Королевское Величество не къ пону“ (не къ зацѣпѣ земли) „обращалосъ умоу, но паче въ различныя плясанія и въ преиспещренныя машкары; пакожъ и Власнели земли полъ драгоцѣнными колати горшакъ и чрево навислающе, и яко бы во ушлыи дельны дражайшия различныя вина безвѣрно лиюще и съ Печеньги купно высоко скачущѣ и воздухъ бѣюще, и прегораѣ другъ друга пѣяннѣ восхваляюще . . . „Егда же возлягушь на одрѣхъ своихъ между шолсными перинами, тогда едва ко полудню проснавшисъ со связанными головами едва живы съ по-хмѣля.“

(477) Въ *Никон. Лѣт.* 295: „Отпущенъ въ Черкасы“ (Мурза Кабардинскій Канкльчъ) „на Казань да на Аспроханъ судномъ, изъ Черкасъ имъ мѣшши рашью мимо Азона . . . А велѣлъ ему (Вишневецкому) Госу-дарь суды подѣлати и съ запасы ишти на Днѣпръ“ (въ Генв. 1558). См. Курбскаго.

(478) См. Дѣла Польск. № 4, стр. 661-718. Къ Королю посланъ былъ Романъ Вас. Олферевъ, а отъ него съ благодарностію прѣзжалъ Виленскій Коюній Воляковъ, Августинъ освобождилъ тогда К. Мих. Юр. Оболенскаго, К. Ив. Фед. Шелещальскаго и прехъ иныхъ пѣвниковъ.

(479) См. между прочихъ Кенигсберг. бумагами, № 638, письмо (Филиппа фонъ-деръ-Врюггена, Ливонскаго Посла, къ Римскому Императору въ 1661 году, гдѣ сказано: *des Moscobiters Gewalt und Macht ist sehr gros und dernessen erschrecklich, das auch alle angrenzende Konige und Grosfürsten Christ-lichs Namens ihre Häupter gegen ime nidderslagen und den Frieden diemutig von ime bitten müssen. Und der Moscobiter hat fur und fur mit ganzem Ernst und Vleis darnach getracht, wie er Leifflandt gemeiner Christenheit und dem heiligem Reich Teutsher Nation abziehen und unter seinen grausamen Gewalt und Unglauben bringen mochte, der Hoffnung, wo er Leifflandt erobert und dar-durch der Ostsehe mechtig wurde, die andern nagelegenen austossenden Lande, als Littawen, Polen, Preussen und Schweden, desto schleiniger auch unter sein Gehorsam zu bringen . . . Der itzige Moscobiter ist ein junger Man und des-wegen zum Kriege und Pluetevergiessen desto hitziger . . . Und hangt dieser Beschwerung weiter an das unter dem Schein der Handwerker-Leute, Kriegs-und*

Dienstvolcks, allerley verdampfte Secten und Rotten, alls Sacramentirer, Widdertheuffer und dergleichen, die nirgent sicher zu hausen wissen, sich dahin in grosser Anzahl wurden begeben, daselbst der Moscoviter wüste Religion gar verwuesten und gemeiner Christenheit pluetige Tragedien, wie derselben Art und Gebrauch ist, anrichten.

(480) *Никон. Лѣт.* 216, Аршнѣ Лief. Chr. 217, и между моими Кенигсберг. бумагами No 698 донесеніе Ливон. Пословъ Магистру. Сии Послы были оиъ Магистра и Архиеп. Рижскаго, I. фон-Бокгорсия, Отпо Гропгузень, Бенедикшиъ Ферстенау и переводчикъ Мельхиоръ Гропгузень, а оиъ Епископа Дерптскаго Вольмеръ Браггельиъ, Дитрихъ Кавернъ и Властиусъ Векке.

(481) Аршнѣ 194.

(482) См. Кельха Lief. Hist. 189 и Кенигсберг. бумаги No 697. Въ Аршнѣ Лѣт. г. 1666, л. 277: „Оки. 2 прѣхалъ къ Государю изъ Нѣмецъ голецъ Гриша Фляминъ бити челомъ о салѣ и о воску, чпобъ имъ пансыри „пропущаши; а Государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ сало и воскъ пропущаши; и Государь велѣлъ Посломъ ихъ быти.“

(483) Сей ушникъ назывался Георгъ Гольцшувъ: См. Аршнѣ 229, Кельха 216, и Архив. *Нескоб. Лѣт.* г. 1664.

(484) По сказанію Аршнѣ: „Береги и корми сого пеленка, чпобъ оны „выростъ и разжирѣлъ.“

(486) Также образцы: „и всея Сибирскіе земли и сѣверныя страны „повеличили, и Государя Ливонскіе земли и иныихъ.“ Сей пишулъ уже находился въ шесемъ Іоанна къ Эдуарду VI оиъ Февр. 1654: Lord and Great Duke of Novograd, of Carnigo, Resau, Polockou, Kostoie, Jaraslaveley, Bealozera, Liefland, Ondotia (см. Наклуд II, 266).

(486) Въ *Никон. Лѣт.* 282: „Прислалъ Маистръ Валентина, да Мельжера, да писаря Гануса,“ и проч.

(487) См. Тамъ же, стр. 283 и 288. Шастуновъ съ товарищами повѣхалъ въ Апр., а въ Іюль городъ былъ уже гоцновъ: „синавилъ его Шестръ „Петровъ, да Иванъ Виродковъ.“

(488) См. Кельха, стр. 190, 200.

(489) См. Аршнѣ, стр. 194, 195.

(490) Въ *Никон. Лѣт.* г. 1556, стр. 259, и Архив. *Лѣт.* л. 267: „По се время Болре и Князя и Дѣши Болрскіе судѣли по кормленіямъ для расправы людемъ и себѣ для покою . . . и какъ сѣдуни съ кормленій, и мужики многими иски ошыскываюиъ, и много въ поиъ кровопролитіи и „оскверненія душамъ содѣяна . . . и многіе Намѣстники и Волостели „и старцаго своего спижанія избыица живицовъ и вопцииъ . . . И повелѣ „Государь во градѣхъ и волостехъ рощинити Синаросны и Сопикіе, и „Няпидесятицкіе и Десяицкіе, и спраниымъ и грознымъ запреценіемъ заповѣдъ положити, чпобъ ихъ разсуждани промежъ разбой и шашбы и „всякіе дѣла, оишюдь бы никошорая вражда не именовалась, шакже ни „мзда, ни лживое послушесико; а кого лиха найдуиъ, шакovýchъ велѣлъ „казнемъ предавати; а на грады и на волости положити оброки по ихъ „промысламъ и по землямъ“ (см. ниже, примѣч. 587, г. 1557) . . . Болръ

„же и всѣхъ воиновъ успромяхъ кормленіемъ праведнымъ, уроки, ему же
„достояхъ по ошечесиву и по дородешу, а городовыхъ въ четиерной
„годъ, а иныхъ въ шреній годъ денежнымъ жалованьемъ. Пономъ же и сія
„размоири, которые Велькожи и всякіе воши многими землями завлада-
„ли и службою оскудна, не прошитъ Государова жалованья и своихъ
„вошчинъ служба ихъ, Государъ же имъ ровненіе иворяше въ помѣстныхъ
„землѣхъ . . . а съ пошчинъ и съ помѣстныхъ уложенную службу
„учини же, со сна четиерней угожіе землѣмъ человекъ на конѣ и въ до-
„спѣсѣ въ пономъ, а въ дальній походъ ошѣдну конѣ; и кно послужитъ,
„и Государъ ихъ жалуетъ своимъ жалованьемъ, и на уложеные люди де-
„нежное; а кно землю держитъ, а службы съ нее не служитъ, и на шѣхъ
„на самихъ имаши деньги за люди; а кно даетъ въ службу люди лишніе
„передъ землею, и шѣмъ большое жалованье самимъ, а людемъ предъ уло-
„женными въ пошренья давали деньгами“ (сладсивенно въ два раза съ
половиною).

Еще до Казанскаго похода, въ Октя. 1550 года, Царь издалъ слѣдующій
указъ о раздачѣ земель сановникамъ и Дѣшамъ Волярскимъ:

„Приговорилъ Государъ съ Воляры учинити въ Московскомъ уѣздѣ . . .
„ошѣ Москвы верстѣ за 60 и за 70 помѣщиковъ, Дѣшей Волярскихъ, луч-
„шихъ слугъ, писемъу человекъ; а которыхъ Воляры и Околыничихъ бы-
„ли гошовымъ къ посылкѣ, а пошчинъ и вошчинъ въ Москов. уѣздѣ у
„нихъ не будутъ, и имъ дати помѣстие въ Москов. уѣздѣ по дѣшамъ че-
„тиерней, а Дѣшамъ Волярскимъ въ парасѣ снѣмѣ по 100 жъ четиерней,
„а въ другой снѣмѣ Дѣшамъ Волярскимъ по ошѣ по пятидесяти четиер-
„пей, а въ шреней по ошѣ; а сѣва жъ имъ дашитъ по снѣмъу жъ
„копешъ, на сколько кому дано четиерныхъ пашинъ, окрѣчь крестьянска-
„го сѣва; а крестьяномъ дати на вышъ по 30 конемъ; а который изъ
„шого снѣу вырешитъ, а сынъ его не пригодится къ шой службѣ, и въ
„шо мѣсто прибраши иного; а за которыхъ Воляры и за Дѣшамъ Воляр-
„скими вошчинъ въ Москов. уѣздѣ или въ иномъ городѣ близко Москвы
„верстѣ за 60 или за 60, и шѣмъ помѣстия не давали.“ Слѣдующъ спи-
сокъ Воляръ, сановниковъ и Дѣшей Волярскихъ, коимъ дати тогда земли.
См. Въ *Указателѣ Рос. Законовъ* Т. I, стр. 106-117.

(491) Въ *Никон. Лѣт.* 266: „И по сему множеству воиства учини-
„тася.“

(492) Въ Архив. *Пеков. Лѣт.* г. 1531: „А у В. К. и Царя было въ со-
„браніи тогда 300 тысячъ въ Спирѣцѣ.“

(493) Уже при ошѣ его, В. К. Василія, брали съ городовъ *Пищальни-
ковъ*, которые были по же, чпо Спирѣльцы: См. Т. VII, примѣч. 78. Въ
Двинск. Лѣт. сказано, что въ 1656 г. взято было на Двинѣ 600 уѣ-
дныхъ людей въ городовые Спирѣльцы, а въ 1658 съ двухъ дворовъ крестьян-
скихъ по человекъ въ Московскіе Спирѣльцы.

(494) Въ *Никон. Лѣт.* 260: „и пошѣи инкорные во ушъ его Царской
„не видешъ, токмо Законъ Христовъ и рашные дѣла.“ Въ Гаклуйшѣ II,
стр. 320: Hee settles all his delight upon two things, first to serve God, and
the second, howe to subdue and conquere his enemies.

(495) Кельхъ, Арниш и проч.

(496) См. Арниша 226.

(497) „Въ больношю полку Шигъ-Алей, да Болре К. Мих. Вас. Глинъ, да Дан. Романовичъ, да Черкаскіе Князи Сибокъ съ брашьєю; а въ „передов. Царевичъ Тахшамышъ, да Болре Из. Вас. Шереметевъ большой, да Алексѣй Дан. Васмановъ, да Черкаскіе Князи Иванъ Маашикъ съ „брашьєю, да Дан. Адашевъ, а съ нимъ Казакскіе люди и съ Свияга, и изъ „Чебоксаръ, и Черемиса, и новокрещеныя; а въ правой рукѣ Царевичъ „Кайбула . . . и Городецкіе люди, Сеишъ и Князи и Муразы“, и проч.

(498) Въ *Никол. Лѣт.* 294: „М. Дек. пришли олт. Маистра Клаусъ „да Томасъ, да Мелькеръ, а олт. Вискупа Юрьев. Елершъ, да Христофоръ, „да Власъ Бека“ (Арниш и Кельхъ именууютъ полько Элерда, Крузе и Клауса (Франке) . . . „и добила челомъ, что даши полнидесяти тысячъ ефимковъ, а Московская 18 тысячъ рублевъ.“

(499) См. Кельха, стр. 223. Впрочемъ съ Послами обходились весьма учтиво. Тогда родился у Царя сынъ Теодоръ: имъ дозволили быти свидѣтелями его крещенія, а не прѣстѣлками, какъ еказано въ *Подробной Лѣтописи*, которой сочинитель бралъ свои извѣстія изъ Бреденбаха или Главъни, и въ которой есть нѣкоторыя; на примѣръ, сказано, что Иоанновымъ войскомъ въ Ливоніи предводительствоваль *Сиссгалердъ* (Шигъ-Алей), славный морской разбойникъ (стр. 10: см. Арниша 229 въ примѣчаніи).

(500) См. тамъ же.

(501) По нашимъ лѣтописямъ: „Новова городка, Керекени, Алыспя, „Курслова, Ваба городка.“ Я называю всѣ мѣста по Арнишу (*Table des Städte*, стр. 338).

(502) Въ *Никол. Лѣт.* 297: „Пришли на Еривоуль . . . Послалъ Воаринъ Из. Вас. Шереметевъ Дѣтей Воаркиныхъ, да К. Вас. Сем. Серебредой, да Из. Меньшой Шереметевъ . . . и многіе Черкасы . . . и побивали Нѣмецъ по самой городъ, а къ Воеводамъ привели 64 человекъ.“

(503) Одинъ городокъ названъ въ Лѣтописи: *Аскимудъ*. Это не Уксиль: ибо Русскіе не подходили никакъ близко къ Ригѣ: развѣ Atzell? Они всего на все потеряли тогда 33 человекъ.

(504) См. Арниша 230. Въ *Архив. Псков. Лѣт.*: „А иное спороянцки воевали „по всему рубежу, охочіе . . . а зима была гола, безъ снѣгу, и ходы „конемъ былъ нужно грудовашо; а ходили полчешыра недѣли.“

(505) Въ *Архив. Псков. Лѣт.*: „И пошъ К. Михайло, съ людьми своими „ѣдучи, дорогою сильно грабилъ своихъ, и на рубежи люди его деревни „Псковскіе земли грабили и живонъ сѣкли, да и дворы жгли. И Царь „и В. К. про то на него опадился, и велѣлъ обыскати, кого грабили доро„гою, и на немъ доправити.“

(506) См. Кельха 223, и Арниша 230. Современникъ благоразумный, Нейштетъ, хваливъ Шигъ-Алея.

(507) Сіе перемѣрие было означено въ *оласной грамотѣ*, данной Государемъ для свободнаго проѣзда Магиспровыхъ Пословъ въ Москву. См. въ моихъ Кенигсберг. бумагахъ донесеніе Ливон. Пословъ No 699.

(508) См. Курбскаго.

(309) Въ *Никон. Лѣт.* 300-305: „Писали съ Ивань-города Воеводы . . . „что Нѣмцы спрѣлають изъ наряду, а они не смѣють безъ Царева вѣдома . . . и К. Григорей Темкинъ съ поварищи воевали городъ Влехъ, „Резицу, Лужу и Чясавия четьыре дни . . . и прислали 26 Нѣмчиновъ „въ досѣвѣхъ . . . И Государь послалъ на Ивань-городъ Дьака Шеспака Воронина, а велѣлъ изъ всего наряду спрѣлажи въ Ругодивъ . . . а „по нивѣмъ по всѣмъ украинамъ воевати не велѣлъ . . . и въ Великую „Субботу выѣхали Ругодовскіе Посадники и били челомъ . . . а за „Князца (Фодина) не спояшъ: вороваль о своей головѣ . . . и послали къ Государю, а въ Ивань-городъ посадили въ закладъ у Воеводъ полатишкы своихъ лучшихъ, Ивана Вѣлого, да Ашпири Черяново . . . И „Царь послалъ на Ивань-городъ Воярина Алексѣя Дан. Васманова, да Воеводу Дан. Фед. Адашева . . . - И Маія въ 1 Икимъ и Захаръ“ (*Нарвскіе Депутаты*) „въ Москву прѣехали,“ и проч.

(310) Тамъ же, стр. 305: „Пришли съ Ругодива Ратманъ Ромашко самъ, „ляпшъ, о пошъ, де-мы не послаовали, что намъ отъ Маистра отешашъ. . . „и Давидо ихъ не отпустилъ.“

(311) Тамъ же: „Воеводы отпустили“ (Головъ Спрѣлецкихъ) „зарѣку, „чтобы спорожей споншани не даши и отвесишъ къ себѣ за рѣку . . . и „лучали возишца ниже Ругодива 5 верстъ; а Нѣмцы весь нарядъ въ Ругодивъ отпустили, а сами пришли къ перевозу, а всего осталоса на ихъ „спорошъ человекъ со сто, а Нѣмцевъ съ тысячу, и конныхъ и пѣшихъ. . . „они били ихъ, и голили подъ самой Ругодивъ, а взяли у нихъ 33 человекъ . . . и языки сказывали, что Ругодивцы Царю измѣнили, Икимъ да „Захара (къ нему) отпустили, а къ Маистру послали, чтобы ихъ не выдалъ . . . и прислалъ Князца, а съ нимъ съ пищальми 700 человекъ, да „съ нарядомъ люди; и Ругодивцы промежъ собою крестъ цѣловали, что „имъ Царю не здашца.“

(312) Курбскій: „они же врапа вымающе отъ домовъ своихъ, и по- „двѣща,“ Въ *Никон. Лѣт.* 305: „Воеводы къ нимъ послали, на чемъ били „челомъ, чтобы на томъ словѣ и спояли, и Нѣмцы отказали.“ См. Архива 232.

(313) См. Курбск. Въ *Никон. Лѣт.* 307: „Увидѣли на великомъ пламени „образъ Пречистыя лежишъ лицомъ на огонь, и ничѣмъ наврежешъ; а въ „другомъ мѣстѣ нашли Николинъ образъ . . . и огонь почалъ шипѣть.“ Съ сими иконами Архiep. Новгородскій 4 Авг. прислалъ въ Москву Юрѣв. Архимандрита и Софійскаго Протопопа: Царь и Минероловни въспрѣмили ихъ у Пятницы Ржевской и отнесли въ Успенскій Соборъ, гдѣ пѣли молебны. См. *Архив. Лѣт.* 315.

(314) Въ *Архив. Лѣт.*: „Пришли (въ Маѣ) отъ Маистра Послы: Ве- „додоръ Ферштибетрехъ, братъ Маистровъ, да Клаусъ, да Символь (Грос- „манъ), да Мелхеръ, а Бискуповы Архимандритъ Юрѣвской Вѣлва“ (Вольфгангъ Цаберь) „да Ганусъ Иванъ, да Власъ Века; и Клаусъ и Архимандр- „на дорогѣ померли.“ См. и *Никон. Лѣт.* 309. Ливонскіе Историки несправедливо пишутъ, что сіи Послы привозили съ собою деньги, и что Царь уже не хотѣлъ взять оныхъ. См. слѣдующее примѣчаніе.

(516) См. между прочим Кенигсберг. Бумагами ошесть Царя Послать Ливонскимъ, и донесеніе ихъ No 698 и 699, гдѣ сказано: Dass wir sie nun solten begnadigen, unsern Zorn von ihnen abwenden und den Derptischen Zins nicht von ihnen nehmen, derhalben, dass das Stifft Derpt gar ist verheret und verstorben, und in vielen Jahren bey Menschengedencken nicht kan erholet werden, und unser Kriegsvolk haben in dem Kriege mehr genommen, als der Zins gewesen ist. Далѣе Царь изъясняетъ свое неудовольствіе, что Магистръ и Епископъ Дерптскій не хотѣли прислать къ нему такихъ значныхъ чиновниковъ, какихъ присылалъ въ Москву Король Шведскій. Hierauf durch die Gesanten semplichen eingeworfen, dass mein gnediger Herr Meister seinen eigenen Blutsfreundt (братъ) und der Bischoff seinen eldisten Prelaten, so in Got verstorben, neben inen andern abgefertigt. Далѣе говорятъ Адашевъ и Дьякъ Михайловъ: So die Herr (Магистръ и Епископъ) des Grosfursten Zorn stillen und seine Macht von den Landen zu Lifflandt abwenden wolten, solthen sie thun, als die Keisers von der Cassan und Asterkan, einer von Kriesten (Христианинъ) und auch der Keiser Segalei (Шигъ-Алей) selbst, mechtige Herr, gelhan hetten, und vor dem Grosfursten komen mit dem Zins aus dem ganzen Lande zu Lifflandt, ihrer Key. Grosmajest. das Haupt schlagen (человѣ ударить) und feiner thun, was ihre Key. Grosm. von ihnen wurde begeren.

(516) См. Архива 233.

(517) Въ Архив. Лѣт. л. 309 — 311: „нарядъ изъ судовъ выняли“ (у Сыренска или Вейшлоса) . . . „черные люди изъ всего Сыренскаго уѣзда, Лапыши и Ванъ и Чюхи правду дали . . . Прислали къ Государю изъ Ругодыва Бояринъ и Намѣстникъ Олексій Дяк. Басмановъ да Воевода „И. А. Вушурлинь, что Адежскаго города люди добила челомъ.“ По Лапышски Адежемъ назывался городокъ Neuermühlen; но онъ былъ въ 11 верстахъ отъ Риги (см. Архива 344): здѣсь говорился о другомъ мѣстѣ, къ сторонѣ Везенберга.

(518) Архив. Лѣт. л. 311 на об. Тутъ былъ и Данило Адашевъ.

(519) См. тамъ же. л. 312 — Архива 234, и Курбскаго.

(520) См. Кельха, стр. 228.

(521) См. Курбскаго и Архива 233.

(522) Въ Архив. Лѣт. 312 — 314: „Прибѣжали къ Воеводамъ два Лапыши, а сказали, что Маистеръ и Вискунь отъ Керенеша побѣжали, и Воеводы оишустили Воеводу же А. И. Шенна, да Дан. О. Адашева къ Керенешу . . . и пошли за ними же . . . и Андрей и Данило Керенешъ взяли, и поше же ночи пошли за Маистровъ . . . и Маистеръ пошелъ налѣво, а Вискунь къ Юрьеву, и Воеводы Вискуна сошли на ушрѣ, за полцретьяцать верстъ отъ Юрьева . . . и гоняли по самой посадѣ . . . взяли 27 Нѣмчиновъ, Посадниковъ Юрьевскихъ и Вискуна лучшихъ людей, и шедеги съ досѣпки и съ зельемъ . . . и пошли назадъ къ Керенешу . . . и сошлись съ Большими Воеводами . . . и дошли Маистра . . . и Нѣмцы побѣжали, и Ершоулы за ними гоняли верстѣ 16 . . . а люди отъ Маистра разбѣжались,“ и проч. См. Архива 234.

(523) См. Аршиа и Кельха. Кёшлеръ принялъ тогда единственно имя Кюадьютора или Помощника Магистерскаго, а Магистромъ былъ названъ въ слѣдующемъ году.

(524) См. Аршиа 237.

(525) Въ *Архив. Лѣт.* 314: „Тогожъ мѣсяца (Юля) прислалъ Маиспиръ „Ливонской Едирнѣ (Гонгардъ) человека своего, Индрика, съ письмъ, что „старога Маиспира Виглива (Вильгельма) синули, и его Маиспиромъ учинили, и Государь бы его пожаловалъ, ранъ свою унялъ,“ и проч.

(526) См. *Архив. Лѣт.* 313, и Аршиа 236. Въ *Архив. Псков. Лѣт.*: „Кесперъ на Омовжъ (Эмбажъ) взяли Козаки.“

(527) См. Курбскаго.

(528) См. Аршиа, 236.

(529) См. Аршиа 237.

(530) См. выше же.

(531) У Аршиа: Ein Woywode mit der Friedensfahne rüte voran.

(532) Сверхъ того нѣсколько бочекъ вина, шива, рыбы, овса.

(533) Съ извѣстіемъ о ваяннѣ Дерпта пріѣхалъ въ Москву сынъ К. Вавилы Серебрянаго, Борисъ. Въ *Архив. Лѣт.* 314: „Изъ наряду 6 дней по „городу били и спѣву разбили, и въ городѣ многихъ людей изъ наряду „побили, и вылазки многіе были, и на вылазкѣ Нѣвцевъ вездѣ побивали . . . „и Бискупъ въ монастырь живши въ Мучого (Фалькензу) отпустили . . . „и живощъ Бискуповъ, и коихъ людей остался, поймали на Государя.“ Очевидецъ, Дерптинскій знатный Баронъ Крузе, пишетъ, что добыча Россіи была не весьма важна, но великодушнѣ Шуйскаго (см. Аршиа 237). Несогласіе между жителями Дерптинскими Латинской и Лютеранской Вѣри способствовало намъ, какъ увѣряющъ, овладѣвшъ симъ городомъ. — Курбскій сказываетъ, что Царь далъ Епископу большое помѣстье въ Россіи.

(534) Между моими Кенигсберг. бумагами находятся отношенія Вояръ къ Маиспиру, къ Пранинельсину Ревеля, Мариенгаузена и другихъ городов, съ иребованіемъ, чинобы они изъавили покорность Царю.

(535) См. Кельха 234.

(536) Въ *Архив. Лѣт.* 315-316: „Пошли изъ Сыренска къ Ракобору (Везенбергу), и сказали заспау Нѣмецкую изъ Лауса, и они побили . . . „и у Пайдуса (Падиса) посадь пожгли . . . Посылали воевать Кескихъ „(Велденскихъ) мѣстъ, и приходили на нихъ Нѣвцы, Индрикъ да Кашпаръ, „со многими людьми, и К. Никиша (Кропоткинъ) ихъ (начальниковъ) поималъ и къ Воеводамъ привелъ . . . Да посылали къ Говью (Аделю), да „къ Голубину (Шваненбургу) . . . и всѣхъ городовъ Нѣмецкихъ взяли „въ 66 году (1558) дватцать съ волосстыми, и во всѣхъ городѣхъ церкви „Хреспіянскіе воздвигнули . . . Идучи (Воеводы) изъ Юрьева по Го- „судареву наказу, посылали къ Голбину, а спомни шупъ Архіепискупле- „вы люди въ заспавъ, и Борисъ Кольцовъ со всѣми людьми укрылся, а къ „городу послалъ Богдана Ржаникова съ немногими, и Нѣвцы утали Богда- „на гоинши и мчалѣ полкомъ до Бориса, и онъ напустилъ и побилъ, и взял „ли 34 лучикихъ. Нѣвцы . . . Оглуцали кодъ Говью . . . и взяли,“ и проч.

(537) По извѣстію Нейшпелла, современника: см. Гадсбуца Livl. Jahrb. г. 1658, стр. 545.

(538) Кавалерскій называється въ нашихъ лѣтописяхъ Книскель и Пшине-вель, а Бернополь Полчель: см. Архив. Лѣт. л. 326.

(539) См. Архив. Псков. Лѣт. г. 7067.

(540) Въ Архив. Лѣт. л. 326-328: „Государь велѣлъ иши къ Ринголу „(Рингену) изъ Ракобора К. М. Рынину . . . изю Пскова Черкасск. Кня-„земь . . . а съ Вышегорода Ѡ. Шереметеву, а съ Красново Ѡ. Третья-„кову, а изъ Юрьева К. Щепину . . . а съ Москвы послалъ Воеводу Во-„риса Колычова . . . и приходящъ на кормовщиковъ и побивающъ, а изы-„ки сказывающъ, что Магистръ приспущающъ къ Ринголу ежедень . . . „и Воеводы къ нему приходящъ къ спаномъ, и онъ бьещъ изъ пушекъ . . . „а на встрѣчу вейдещъ . . . а сказывающъ, что Юрьевскіе Раиманы и „Посадники съ Магистромъ ссылающца, а велящъ ему быть къ Юрьеву, „а въ Юрьевѣ люди не многіе Послалъ Магистръ кормовъ для и за-„стапу послалъ брата своего, Яганъ Кенлеръ, и Воеводы застапу побив-„ли и брата Магистрова взяли, да Оружничево, да Окольниковево, да Ко-„нюшево и многіхъ Князьковъ и Мызниковъ, всего 106 человекъ; а по „всѣхъ посылаяхъ 260 человекъ, а убили тысячи съ при,“ и проч. См. еще Курбскаго и Архив. Псков. Лѣт., гдѣ сказано, что Магистръ потерялъ на приспущахъ до двухъ тысячъ воиновъ.

(541) Въ Архив. Псков. Лѣт. сказано, что Россіянь было 2000. Тутъ Нѣмцы взяли въ плѣнь одного раненаго чиновника Московскаго, которой сказалъ (Фелькерзану по-Латини: Rogo Dominationem tuam, intercedat pro me apud Dominum suum, Magnum Livoniae Magistrum, ut me in civitatem ad medicos mittat, quia graviter et letaliter sum vulneratus (ш. е.: „молю тебя быть и моихъ ходатаемъ предъ В. Магистромъ, чтобы онъ послалъ меня къ го-„роду къ Медикамъ: ибо я тяжело раненъ“); но сей чиновникъ тогдаже умеръ (см. Архива 243).

(542) Архивъ пишетъ, что Кенлеръ велѣлъ изрубить 400 Россіянь въ замкѣ; а по сказанію Курбскаго, онъ ушорилъ ихъ голодомъ и холодомъ.

(543) См. Архив. Псков. Лѣт.

(544) 130,000, по сказанію Ливонскихъ Ишнориковъ, которые число нашихъ всегда умножаютъ, а своихъ уменьшаютъ: см. Архив. Лѣт. л. 329.

(545) Въ Архив. Лѣт. л. 335: „Шли къ Альсину (Маріенбургу) и Гол-„бину и къ Чесвину (Чесмину или Кирсену), и онъ Чесвина пришли „Нѣмцы . . . и Воеводъ ихъ Гедерда и Гауса побили, а третьево Яна „Туза взяли, Печалишка Арцыбискупова, и лучшихъ 34 человекъ; да ош-„пуды пошли къ Ровному, да мимо Кесъ А городковъ взяли Шк-„линь, Рекомъ, Шиболда, Зербинъ, Скулянь, Ерль, Радогожъ, Нишоуръ, Суи-„деель, Малопольскъ, Новой городъ, и покинули Нѣмцы 11 городовъ,“ и проч. См. Архива 245, и Архив. Псков. Лѣт.

(546) Въ Архив. Лѣт. л. 332 на об.: „Ходили Казаки своею охотою за „Воеводами 500 человекъ . . . и пришли къ Смелнину и на посадъ Нѣ-„мецъ побили . . . и городъ взяли, а живыхъ Нѣмецъ 20, да 200 Лапышей.“

(547) См. выше, стр. 256.

(548) См. Дѣла Польск. № 5, стр. 1-113. Отъ Короля прѣѣхали въ Москву Воевода Подляискій Тишковичъ и Андрей Хоружевъ, въ Маршѣ и въ Ноябрь 1559. Царь въ Юнѣ посылалъ къ Августу Дворянина Пивова прѣбывашъ удовольстворенія въ обидахъ, сдѣланныхъ нашими купцамъ въ Литвѣ, и подписался *Государемъ Ливонскіе земли града Юрьева*. — Адашевъ, имевшъ Царя говоря съ Тишковичемъ, сказалъ ему: „Шчо приѣхали въ перезирѣ? На всякой годъ Король въ Крымъ посылаетъ дань на дары и закупываетъ на православіе; и Крымцы дары емлютъ, а Державу Королевскую еждѣвшъ воюють . . . и тѣхъ кровей Крестыянскихъ, цюль чинавъ рудъ Богъ възвучить? . . . А Государь нашъ какъ возрасту ювсего дошелъ и сѣлъ на свой конь, какъ вѣкъ Вусурманскимъ Государемъ прошивень спалъ,“ и проч. См. *Архив. Дѣл.* л. 334.

(549) Дѣла Швед. № 1, л. 189 на об.: „Хопимъ послати къ Ливонцамъ, ли повелимъ у нихъ выслушати, хопятъ ли они нинѣча въ ноги наши, ли учинили, какъ имъ достойно есть.“ Въ Апр. 1559 прѣѣхалъ отъ Гуспава въ Москву гонецъ Машгѣй, въ Окт. Посланикъ Мацсоць, а въ Юлѣ 1560 Посланикъ Ларсонъ (см. тамъ же, л. 151-202).

(550) См. сей *Исторіи Т. III*, г. 1223.

(551) См. Архива 242 и слѣд.

(552) См. Дѣла Датскія, № 1. Послы прѣѣхали въ Москву 19 Марша 1559: Клаусъ Урне или Унгое, Войдиславъ Вобиссеръ, Пешръ Вмьде и Геронимъ Теннеръ (Tschenerg или Tenner), Секретарь и Докморъ Правъ.

(553) См. тамъ же. Въ сей грамотѣ сказано: „Мы для Фредерика Короля васъ пожаловали: дили вышъ *никое престоліе* на 6 вѣсницъ отъ Маія 1.“

(554) См. выше. Въ *Архив. Дѣл.* 307: „Прислалъ К. Дн. Ив. Вишневецкой (въ Маѣ 1558), что приходилъ къ Перекопи . . . а споялъ, ли почевалъ за 10 версть, и пошелъ къ Дибру на Тованской перевозъ, ниже Иславъ-Кирмени подпринцавшъ вершень и споялъ 3 дни . . . Царь Крымскій со вѣсьми людьми былъ въ осадѣ, и пришелъ на Хоршицкій островъ даль Богъ здорово; шущъ дождался Дьяка Ржевскаго съ суды и испрѣшилъ Дьяка выше пороговъ, и съ кони и съ запасы оставилъ выше пороговъ на Монаспырскомъ острову, а Дѣшей Воирскій, которые попомоидисъ, опгущилъ къ Государю, а у себя осичевалъ не многихъ . . . и пошелъ дѣловати въ Иславъ-Кирмень и приходили на Улусы за Перекопъ и подъ Козелець . . . и Государь послалъ къ нему и къ Дьяку съ золотыми,“ и проч.

(555) Въ *Архив. Дѣл.* 315: „Писали изъ Свѣязского города, приходили Крымцы (въ Юлѣ 1558) . . . и Горніе люди, Кочакъ К. съ поварашу, побили ихъ; а Крымцовъ было 300 человекъ . . . Приходили Крымцы на рыболовы на Волгъ, и Ив. Клушнъ съ Вяпчанъ побилъ ихъ; а было ихъ 100 человекъ, а ушло шестъ.“

(556) Курбскій пишетъ, что сія вѣсть дана была Хану изъ Москвы отъ Ташаръ.

(557) Въ *Архив. Дѣл.* 227: „Отъ Исмаила К. дѣши опсущилимъ и съ Улусы, и многіе Мураы, и пошли въ Крымъ служилк.“

(558) Въ *Архив. Лѣт.* 330-332: „Пришли (Крышцы) на Мечю, за два днища до Украйны, и шупь поймали рыболововъ 5 человекъ, и рыболовы ска- „зали . . . и шель за нимъ“ (Ворошынскій за Царевичемъ) „до Аскала „(Оскола) и къ Донцу . . . а на сакмъ его много тысячъ мершвыхъ ло- „шадей и верблюдовъ,“ и проч.

(559) *Архив. Лѣт.* 332 и 336 на об. Вишневецкій и Данило Адашевъ поѣхали изъ Москвы въ Фев. 1559. Первый въ Апрѣль прислалъ къ Го- сударю 14 языковъ Крымскихъ, извѣстивъ его, что онъ разбилъ на Ида- рѣ близъ Азова 250 Ташаръ, шедшихъ къ Казани, и что Михайло Черка- шенивъ испребилъ еще другой отрядъ Ханскій.

(560) См. Курбскаго.

(561) Въ *Архив. Лѣт.* 337 на об.: „И какъ пришли подъ Очаковъ, и „шупь взяли корабль, и Турчанъ и Ташаръ побили, а иныхъ поймали съ „вожи, и пришли на Чуолу островъ на море, и шупь на протокахъ вз- „ли другой корабль . . . и пришли на Крымскіе Улусы, на Ярлашь о- „стровъ, и шупь многіе верблюжьи стада поймали . . . и пришли на „сидячихъ людей, на Кременчикъ, да на Коршалы, да на Когольникъ, опъ „Перекони за 15 верстъ, и послали передъ собою К. Фед. Хворостина . . . „и повоевали, и отошли на Озибекъ островъ,“ и проч. Тамъ же л. 348 на об.: „Коли Дашмо съ моря приходилъ на Улусы, тогда уишь спрахъ „былъ великой отъ Царева и В. К. приходу . . . и всею землею ко Царю „(Хану) приходили, чтобы со Царемъ и В. К. помирить, а отъ Дивпра „Улусомъ нужа великая.“ Выше, л. 338 на об.: „пошли вверхъ Дивпромъ „. . . и даль Богъ и перевозы и пороги прошли . . . и шупь прибѣжалъ къ „Данилу отъ Царя (Хана) О. Ершовской, а служилъ въ Крыму, а ска- „заль, что Царь ходилъ за Даниломъ Св. недѣлю . . . и возъяриса хо- „чешъ иишь на Монастырской островъ приходити . . .“ и Данило послалъ „про Царя провѣдати Нечая, и наѣхаль Царевы станы за 15 верстъ, а Царь „на сѣкъ пошелъ прочь.“ — Вѣсть о шопъ получена Государевъ въ Июль.

(562) Тамъ же: „Русская сабля въ нечестивыхъ шѣхъ жилищехъ кровію „очервлена не бывала и по се время, ниже трубѣ прежь сего гласици, „православно воинство созывающе.“

(563) Съ Марша 1559 Царь началъ-было готовиться къ большому по- ходу на Крымъ со всеми знатнѣйшими Воеводами, оспавляя Главою Мо- сквы брата, К. Юрія (см. Розрид. Кн., г. 1559).

(564) Въ *Архив. Лѣт.* 339-346: „Царь Крымскій Нагайскихъ Мурзъ по- „билъ въ Крыму, а Юсуфовы дѣти убѣжали въ Нагаи . . . Прислалъ „съ Дону Носпельничей Игнашей Вещняковъ, что шли въ Крымъ Наг. „Мурзы, Араслановы браться . . . и Игнашей исшелъ ихъ на уснѣь „Дивпра и поймалъ . . . Писаль (въ Дек. 1559) Ив. Выродковъ изъ „Аспражани, что Исмаиль ошпустилъ сына своего на Крымъ, и „Иванъ съ нимъ ошпустилъ дву Мурзъ Нагайскихъ, а съ ними Ас- „пражанскихъ людей . . . Того же мѣс. пришли съ Дивпра Ашаманы „Черкаскіе, Гаврило Сльпешцкой, да Сем. Высоцкой, а оставливалъ ихъ „на полѣ Дан. Адашевъ, и привели Мурзъ Нагайскихъ Кипчашского Улу- „су . . . а съезывающъ, приходили Ашаманы послѣ Дашмо въ осень мноѣ

„дажды на Крым. Улусы и на шопъ Кичичатской Улусъ, и взяли жень и
 „дѣшей, и Мурзы къ нимъ прѣехали сами на Государево има, и увѣрся
 „съ ними, шѣ Ашаманы и Казаки Черкаскіе пришли все на Крым. Улу-
 „сы . . . и бой былъ имъ съ Крымцы великой, и побили . . . и пой-
 „мали многие Улусы, и 7 Мурзь убили . . . а Царю Крымскому рознь
 „великая съ Нагаи, и голодѣ аз Крымцѣ великой.“ Слѣдующія извѣстія
 выписываю изъ Синодальнаго Лѣтоисчисла No 270, въ листѣ, и съ такими
 же раскрашенными изображеніями, какъ въ Царственной Книгѣ; онъ и-
 „детъ далѣе всѣхъ извѣстныхъ мнѣ лѣтоисчисель времени Іоаннова: и буду
 называть его *Продолженіемъ Царственной Книги*. Л. 478: „Прислалъ изъ
 „Ашиорохани Иванъ Выродковъ (въ Марцѣ 1560), что ходили Мырзы къ
 „Крыму востали и востали добръ Царевы снада, и Шириискіихъ Князей
 „всѣхъ Улусы повоевали . . . и Исмаиль къ Государю прислалъ бшпи
 „челомъ, чшобы ему на Крымъ изъ Ашиорохани помочь была . . . и
 „Государь отпустилъ Пословъ своихъ къ Исмаилю, и приказалъ, что на
 „Донъ Козаковъ пошлеть, а онъ бы промышлялъ надъ Крымомъ . . . При-
 „слали Мырзы (въ Апр.) съ Дону, чшобы Государь велѣлъ имъ кочепашъ
 „промеждъ Дону и Волги, и на Крымъ бы имъ помочь учинилъ; а Исмаи-
 „лю они добила челомъ; а ходили, сказывающъ, послѣ Исмаилева сына . . .
 „и пришли къ Перекопи, и въ шѣхъ мѣстѣхъ Улусовъ не было: были за
 „Перекопью, а иные, Крымскіе и Нагайскіе, забишы за Дѣбрь на Лино-
 „скую сторону; и ходили за Дѣбрь, и нашли Улусы Нагайскіе и при-
 „спали все къ Торшаръ-Мурзь съ шоварищи, и Крымскіе Улусы повое-
 „вали, и подѣ Бѣлгородъ и подѣ Очаковъ и по рѣкамъ, по Вугу и по Ин-
 „гуломъ . . . и шели назадъ мимо Перекопъ, и вылазка не была: сидѣли
 „онъ нихъ Крымцы въ осадѣ во всю зиму, и Казаки Государевы съ Дону
 „съ шичалыми были съ ними же, и пришли на Донъ. Опустилъ Царь
 „(въ Маѣ) на Донъ Чягри-Бераѣя Мырзу, Кепчака Нагайскаго, а съ нимъ
 „Данила Чюлкова, а съ шимъ Козаковъ многихъ, а велѣлъ имъ быши съ
 „Мырзами за-одинъ . . . и ослободилъ имъ во все свои города вѣдши
 „торговати.“

Не смотря на то, Крымцы еще дѣлали набѣги на Россію. Въ *Архив.*
Лѣт. 337: „Приходили къ Пронску“ (лѣтошъ въ 1669 г.) Крымскіе люди,
 „и Василий Вушурлинь ихъ побилъ, взялъ языковъ 16 и прислалъ къ Го-
 „сударю.“ Въ *Розрядн. Книгѣ*: „Были на Коломнѣ (въ 1559 г.) Воеводы Ив.
 „Петр. Федоровъ, да Вас. Андр. Вушурлинь, да К. Вас. Мих. Троеку-
 „ровъ; и приходили Царевичи, и Воеводы послали Головъ . . . и Царе-
 „вичей побили, и многие языки поймали, и за послугу къ нимъ былъ при-
 „сланъ съ золотыми К. Петръ Холмской.“ Въ другихъ *Розрядахъ* имено-
 ванъ, вмѣсто Холмскаго, Левъ Андр. Салышковъ. — Другой набѣгъ былъ
 на Тульскія мѣста. Въ *Архив. Лѣт.* 342 на об.: „Прѣехали (въ Ноябрьрѣ
 „1559) къ Государю въ Можаяскъ два Татарина Крымскіе, а сказывали,
 „чшю приходъ изъ Крыму Диви Мурза Нагайской, да съ нимъ Мурзы Ши-
 „риискіе, на Украйну войною, а съ ними Зооо человекъ. Того же мѣсяца
 „писалъ съ Тулы Воевода, К. Фед. Ив. Ташевъ, чшю приходилъ Диви Мур-
 „за и воевалъ Ростовскую волость безавѣсно, и К. Федоръ на нихъ при-

„ходилъ и языки поймалъ, а за ними не ходилъ, что люди къ нему вскорѣ не собрались.“

(565) См. *Архив. Лѣт.* л. 348. Гонецъ отъ Хана прїѣзжалъ въ Генв. 1660.

(566) Въ *Архив. Лѣт.* 340 и 349: „Прїѣхалъ съ Дону“ (въ Сенн. 1659) К. Дм. Ив. Вишневецкой, а съ нимъ Чюракъ Мурза Черкасской, и билъ челомъ ото всѣхъ Черкасы, чтибъ ихъ Государь пожаловалъ, дабы бы имъ Воеводу своего въ Черкасы, и велѣлъ бы ихъ крестити всѣхъ. . . . Опустушили Царь (въ Февр. 1660) въ Черкасы Воеводу своего, К. Д. Вишневецкаго, а съ нимъ Князей Черкасскихъ, К. Ивана Вашикля, да К. Василья Сибока съ браншею, и Поповъ Хреспыанскихъ, а велѣлъ ихъ крестити по ихъ обѣщанью и по челобитью По челобитью Кабардинскихъ Князей и по неправдамъ Шавкаловыхъ опустушилъ (Царь) Воеводу Ив. Семен. Черемиснинова съ поварници на Шевкаль и на Тюменъ, и съ Ивановомъ опустушилъ Попы Хреспыанскіе крестити Кабардинскихъ Черкасы.“

Поссевинъ, бывшій въ Москвѣ въ 1582 г., называется Черкесъ Христианами Греческой Вѣры (*Moscovia Antonii Possevini, стр. 9*):

(567) См. выше, прим. 479.

(568) См. Дѣла Польск. No 5, 113 — 141.

(569) Архивъ 248 и Гадебушь 552, г. 1559.

(570) См. Т. VII, стр. 68.

(571) Архивъ 248.

(572) Въ *Архив. Лѣт.* 341 — 343: „Писалъ изъ Юрьева Воевода К. Андрей Ивановичъ Ростовской, что Маистръ пришолъ (въ Окп.) въ Юрьевской уѣздъ Сангапцкую мызу, и Царь послалъ Волярина А. Д. Басманова во Псковъ къ Волярину К. Юрью Ив. Темкину, а велѣлъ опустушити изъ Пскова Воеводу Зах. Плещеева, а съ Краснова и съ Вышегорода Замытню Сабурова, да Ал. Скрябина, и велѣлъ имъ приходиши на заготовщиковъ и провѣдывати до-полна, коиъ обычаемъ Маистръ изменилъ Прислали (въ Ноябрь) къ Государю въ Можаскъ Воеводы Зах. Плещеевъ съ поварници, что они не въ одномъ мѣсцѣ побивали Нѣмецк. людей, а языки сказываютъ, что пришолъ Треградцкой Князецъ Мошкалко, а съ нимъ люди Заморскіе, а Маистра и Арцѣбискупа дожидатца имъ въ пѣхъ мызахъ А иши Маистру къ Юрьеву и стояни вся зима, и не взяли Юрьева прочъ нейши и Маистръ спалъ воевати по селитѣ Юрьевскихъ людей Государь велѣлъ иши К. Ю. Темкину и А. Басманову изъ Пскова къ Юрьеву . . . и Стрѣльцовъ многихъ послать въ Юрьевъ Писалъ Зах. Плещеевъ, что приходили на нихъ Нѣмцы, Треградцкой Князецъ, да ихъ спопнали, и Воеводу А. Скрябина убили, да Дѣшей Волярскихъ 20 человекъ, да 30 Волярскихъ людей.“ Въ *Архив. Пскова. Лѣт.*: „Маистръ приходилъ на нашихъ дважды искрадомъ, побивалъ людей, а инья, помышая кони и всякой запасъ, на лѣсъ убѣгли.“ Тогда Государь высылалъ изъ Москвы Большихъ Воеводъ противъ Маистра. Далѣе въ *Архив. Лѣт.*: „Писали Воеводы, К. Ю. Темкинъ, да А. Басмановъ, что они пришли въ Изборскъ, въ Юрьевской уѣздъ, а Захаря съ поварници не успѣлъ съ ними сойтися, и пришолъ Маистръ и Арцѣ-

„бискупъ со многими людьми и убили 70 Сыновъ Боларскихъ, да 1000 Боларскихъ людей, а кошь взяли. Стояли Воеводы оплошно; подъѣзчиковъ и сторожей у нихъ не было; сошли ихъ Нѣмцы всѣхъ на спанѣхъ.“ Сраженіе было при Рунѣ, а Магистровъ спанѣ въ Нюнгенѣ.

(573) См. Арша. Въ *Архив. Лѣт.*: „Пашаль (въ Дек.) К. Андр. Ив. Россіовской, что Маистеръ оиъ Юрьева пошолъ . . . Изъ города вылазили Дѣши Боларскіе конные и Спрѣльцы, и убили у Маистра человѣкъ со сто, а Спрѣльцовъ убили съ 30, да дву Сопниковъ, а Дѣши и люди Боларскіе не многіе ранены.“ Въ *Архив. Псков. Лѣт.* сія вылазка названа не весьма удачною.

(574) См. Руссова и Гадебуша 554, г. 1559. Въ *Архив. Лѣт.*: „К. Андрей изъ Юрьева посылалъ А. Чюлкова съ товарищи за Маистромъ, и они Нѣм. людей побили на Омовѣ . . . да послѣ посылалъ Головъ, К. Д. Кропонкина, да Г. Кавырева, и они дошли послѣднихъ людей Маистровыхъ, да побили, а живыхъ взяли 37 . . . Еще посылалъ Головъ К. Гльба Оболенскаго да Тим. Теперина, и они дошли послѣднихъ людей . . . взяли 24 человѣкъ, и тѣ всѣ сказывали, что Маистеръ пошолъ къ Лаюсу; и К. Андрей послалъ Голову Анд. Кошкарова въ Лаюсъ, а съ нимъ его Спрѣльцы 100. А въ Лаюсъ были Головы К. Ан. Бабичевъ, да А. Солюдовъ, и съ ними 100 Сыновъ Боларскихъ, да 200 Спрѣльцовъ.“ Кошкарровъ принималъ шашъ главное начальство. Далѣе: „М. Генъ прѣхалъ ко Царю А. Кошкарровъ . . . Приходилъ Маистеръ съ великимъ снарядомъ . . . и разбилъ городу 15 сажень . . . и присупалъ по два дня тѣмъ мѣспомъ разбитымъ и къ инымъ . . . Побили у Маистра многихъ людей и поймали въ городъ, и досѣхи, и всякое ратное орудіе многое, и изъ города изъ наряду разбили у Маистра 2 пушки . . . И Андрея Государь за его прямую службу пожаловалъ великимъ жалованьемъ.“ Кендлеръ оставилъ пятьдесятъ пушки въ Феллинѣ. См. Арша.

(575) Дѣла Польск. № 5, стр. 113 — 141. Володковичъ прѣхалъ въ Москву 22 Генъ. 1560. Бояре показали ему Ливонскую договорную грамоту о дани: онъ съ удивленіемъ сказалъ, что это ни ему, ни Царямъ Королевскимъ не было извѣстно.

(576) См. шашъ же, стр. 141 — 183. Съ опившомъ Государевымъ послали къ Королю Никиту Суцова. Онъ выѣхалъ изъ Москвы 11 Июля, а 15 прѣхалъ отъ Августа Дворянинъ Спандіславовичъ съ грамотою отъ 15 Іюня, въ коей онъ жалуется на взятіе въ плѣнъ стараго Маистра Фирстенберга; но Россіане взяли Феллинъ и Фирспенберга уже въ концѣ Августа.

(577) Въ *Продолж. Царствен. Кн.* (см. выше примѣч. 564): „Того же мѣс. (Февр.) прѣхалъ гонецъ отъ Цысоря Римскаго, и наивышшаго Короля Фердинандуса, Ериношь, съ грамотою . . . И Царь и В. К. гонца Цысарена оппустилъ почтивъ, а къ Цысарю съ нимъ грамоты послалъ, объявляя свое Государство, что ему Богъ далъ, и похочеть Цысарь быши въ любви и въ братствѣ . . . и онъ бы прислалъ своихъ Великихъ Пословъ отъ Совѣтниковъ своихъ, и шедгы о всѣхъ дѣльмъ договоръ лучиняшъ.“ Грамота Фердинандова, отъ 19 Окт. 1558, находящаяся въ Ва-

никамскихъ выпискахъ Аббата Альбертрайда. Объясняя связь Ордена съ Имперією и необходимость вступиться за Ливонію, разоряемую нашими войсками, Фердинандъ убѣждаетъ Іоанна (Serenitatem Vestram benevole hortamur et requirimus) прекратить неприязельскія дѣйствія, возвратить завоеванныя имъ мѣста (et quidquid locorum, terrarum, et subditorum illis ademit, integre restituat), кончить ссору дружескими разборками, и проч.

(578) Въ *Продолж. Цар. Кн.* л. 472: „Посылалъ изъ Юрьева Бояринъ К. Ан. Ив. Кафшыревъ (Росновскій) Вас. Розладина и иныхъ Головъ къ Тар. васу (къ Генв. или Февр.) а тамъ былъ спарой Манспиръ Великъ . . . „и воевалъ (Розладинъ) 3 дни . . . Посылалъ К. Анд. же К. Глѣба Обо. денского Вильянскихъ мѣстъ воеваши, и К. Глѣбъ воевалъ за 10 верствъ „отъ Вильяна; а какъ пошелъ прочь, и Нѣмцы его угонили и билися . . . „и у Нѣмцевъ многихъ убили.“ Главные Воеводы прислали къ Государю въ Февр. Князей Варбашина и Шевырева съ вѣстію о завоеваніи Маріенбургя. Іоаннъ послалъ къ нимъ медали съ К. Паледкымъ. См. тамъ же, л. 473—476, и Курбскаго.

(579) См. выше, и Арипа 250.

(580) См. Архив. Псков. Лѣт.

(581) См. Курбскаго.

(582) См. Арипа 263 и Курбскаго.

(583) См. Курбск. Онъ пишетъ, что къ нему присоединилось тогда 2000 околниковъ.

(584) Въ *Архив. Лѣт.*: „Февр. 26 (въ 1556 г.) родился Царю и В. К. „дщерь, Царевна Евдокія . . . Крестилъ ее у Чюда Архиспр. Михаила, а „принялъ отъ купѣли Макарій Митрополитъ. — Маіа 11 (1557) родился „сынъ Царю, Феодоръ, на четвертомъ часу дни и крещенъ въ обители „Чюда, у Чюдошворца Алексія; а принялъ его отъ купѣли Митроп. Ма. „карій. — Преставился (въ Іюнѣ 1558) дщи Царя Евдокія, и того же дни „ее схоронили въ монастырѣ у Вознесенья.“

(585) Анастасія замедола въ первый разъ въ Ноябрь 1559, когда Іоаннъ былъ съ нею въ Можайскѣ. Въ *Продолж. Цар. Кн.* л. 454 „на об: „Государь хошѣлъ ѣхать вскорѣ къ Москвѣ, да не возможно было ни вер. „хотѣ, ни въ санехъ: безпуша была кромѣ обычая на много время; а се „грѣхъ ради нашихъ Царица ведомола.“

(586) Тамъ же, л. 486: „17 Іюля на сеюмъ часу дни загорѣлося на Арба. „тѣ у Рязь Положенія Князя Федоровской дворъ *Пожарьского*“ — (здѣсь, „кажется, въ первый разъ упоминается о Князьяхъ *Пожарскихъ*) — „и по. „горѣ много множество храмовъ и дворовъ отъ [Успенского врага подлѣ „шолое лѣсно до дровяного двора и берегъ весь до Клементія Св. въ Чер. „поровѣ и по Семичинское сельцѣ по Пречистую на Могилицяхъ, и Арбашъ „весь и за Арбашъ по Новинской монастырь; а Царица и В. К. Анастас. „сія въ то время бысть больна, и Царь и В. К. Великую Княг. оппровла. „дилъ во свое село Коломенское съ великою нужею, зане же больная ее „бысть велика зло; и прѣехалъ на пожарь, и великъ подвигъ учинилъ со „К. Владимир. Андреев. и съ Бояры о унщии пожара . . . а у Лесничя

„Св. на Успенскомъ врагу спавъ встрѣчу огню . . . и тако въ той
 „ночи доспавъ посаду сохранена бысть. Июля въ 19 на 5 часу дни загорѣ-
 „лося на Большомъ посадѣ въ Ромодановской слободѣ, и погорѣ дворовъ
 „съ 20. Того же дни на осьмомъ часу загорѣся за Неглинною по Демон-
 „ровской улицѣ . . . и погорѣ много иноместами, и едва Царь съ дворомъ
 „своими угасише огнь. . . .“

„Авг. въ 7, въ пятый часъ дни, преснившись Царица и В. Княгиня Ана-
 „спасія . . . Та бысть первая Царица Руская Московского Государя
 „спаса.“ и проч.

(587) Тамъ же, л. 490: „Всѣ нищія и убогїи со всего града приидоша на
 „погребеніе не для милостыни,“ и проч.

Дополнительная выписка изъ лѣтописей еяго времени:

Въ 1553 г. основанъ городъ въ Меицерѣ, въ Шацкихъ воронкахъ, на рѣ-
 къ Шатѣ, К. Дм. Сем. Шестуновымъ. — Въ 1554, 11 Марта, поспавъ съ
 на Крупицу Владыка, Новоспасскій Архим. Нифонъ, а на Рязань Гурій,
 Игуменъ Троицкій. На полѣ, проишъ Тулы, сдѣланъ городъ Дедаловъ К.
 Дм. Жижемскимъ. 23 Мая Новгородцы присягали Царю. Июня 22 въ Но-
 вѣг. заложилъ церковь надъ гробомъ блаженнаго Николы Кочанова. Въ
 Септ. ѣздилъ Царь къ Троицѣ. „Повелѣ Государь воздвигнути церковь
 „Покровъ съ придѣлы надо рвомъ у града близъ Цароловскихъ воронъ; а
 „прежъ сего на тѣхъ мѣстѣхъ бывали церкви; и Септ. 30, въ Недѣлю,
 „Макарій Минир. Вечерню пѣлъ въ новоосвященномъ храмѣ (я бѣшу
 „Государь и братъ его, К. Юрий Вас.), и Омн. г. свѣща туу церковь. . .
 „Окп. 7 священа церковь Николы Господняго Макара Минирополюшняго.
 „Окп. 8 выѣхалъ Государь въ село свое Черкизово, и въ Клинскіе
 „лѣса, и на Волокъ, и въ Можескъ, и въ Княжскіе Володимірово се-
 „ло Городень, и К. Владиміръ Анар. его встрѣшилъ, и Государь жало-
 „валъ его, хлѣба ѣлъ и пировалъ; а опшолъ въ свое село Денисьево и въ
 „Крылатцкое, и тамъ велѣлъ церковь свѣцати. Окп. 20 съ 1 часу но-
 „чи до 5 было (въ Новѣг.) на небеси знамя: огнь ходилъ аки молонья, и
 „жгло небо; а ходило полосами, и бѣлыми и красными, и расходилось и
 „сшибалось вмѣстѣ аки люди. Желѣ Государь (въ Новѣбрѣ) К. Из. Дм.
 „Бѣльскаго: далъ за него сестричну свою, Царевичеву Петрову вилуку,
 „дщеря К. Вас. Васильев. Шуйскаго; а выдавалъ ее съ своего Днора. При-
 „идоша (въ Дек.) Старши отъ горы Аевскїи изъ Хиландаря монастыря
 „ря Сербскаго, и били челомъ, чинобы ихъ Государь взялъ во Царьское
 „свое имя; а мы выкушаемъ вѣру Крестыанскую у Салтановъ, а соль не
 „имѣемъ, но сами дѣлаемъ винограды и землю копаемъ; и Государь ихъ
 „взялъ во свое имя, и спроеніе церковное посылаетъ. Генв. 1 (1555) давали
 „Дьяки по монастыремъ (въ Новѣг.) Ташаръ, которые сѣдѣли въ шир-
 „мѣхъ и захопѣли преснишеся; а которые не захопѣли, ино ихъ мена-
 „ли въ воду . . . Того жъ мѣсяца пришли Послы отъ Волоцкаго Во-
 „евода Александра, Степанъ Перкалабъ Романовской, да Микула Парко-
 „лабъ Сорокичъ, били челомъ, чинобы Государь помогъ, чѣмъ окупившиса
 „отъ Турскаго, и Государь Пословъ опшусшилъ по прежнимъ обыча-
 „емъ . . . По всѣмъ монастыремъ Новгородскимъ собирали деняги на Вла-

„дыку Казанского, да и книги пѣчи. Да бысть сѣмь отурчаное дорогахъ,
 „гривенка за алтынъ, а блюдечко по гривнѣ Новгородская; и мосты мо-
 „стили по всѣмъ дорогамъ Великого Князя; да оваловыхъ людей и Пско-
 „вичъ свели въ Казань го семей; да и бугага дорога была, листъ полде-
 „ти нищей Стормо (въ Новгѣ.) 15 улицъ, а дворовъ 1600
 „Спирникъ Святогорского монастыря вѣдали по всѣмъ монастыремъ, про-
 „шадя милосершии, а съ ними Сытъ Боярской Московской; а Царь и В.
 „К. прислалъ по монастыремъ милосершию и кормь. — Марша 17 поспа-
 „вляеи въ Смоленскъ Владыка, Кириловской Игумень Симеонъ, а Гурей
 „оставилъ Епископство за неощью и спиде въ монастырь Апр.
 „28 женилъ Царь и В. К. брата своего, К. Владим. Андреев., взявъ за пе-
 „го дщерь Князь Романову Одоевского, Евдокию Пришли Священ-
 „ники съ Вяпки биши челомъ Государю, что на Вяпкѣ образъ Николы
 „Великорѣцкаго чудеса пиворитъ, да оны многа лѣтъ не подѣльванъ, и
 „Государь велѣлъ итъ съ образомъ въ судѣхъ быти, и шоль образъ Вяп-
 „кою и Кемюю, да Волгою и Окою, а съ Коломны Москвою, и приесеиъ
 „бысть Юня 29, и Государь велѣлъ брату своему, К. Юрью Вас., встрѣ-
 „дипши у Николы на Угрѣшѣ у судна на рѣкѣ Москвѣ, а на Симашевѣ
 „встрѣвилъ самъ Царь, а Владыки у Нузкого мосту, а Мишрополиитъ у
 „Фроловскихъ воруцъ, и поставиша въ Соборной церкви, и много исцѣ-
 „ления быша по всѣхъ дни. И обновляя образъ самъ Мишрополиитъ (6ѣ бо
 „Яковлеву писанью наученъ), а съ нимъ Андрей Пронопогъ Благовѣщен-
 „ской и много образовъ съ него пишуще мѣрою и подобиемъ; и
 „Государь велѣлъ заложитъ церковь каменну Покровъ о девяти верхахъ,
 „которой былъ преже древянъ, о Казанскомъ взяиъ у Фроловскихъ во-
 „роцъ надъ ровомъ придѣлъ той же церкви Живонач. Троицы Николу Чу-
 „дотворца Вяпцкаво; а прежь того за два года заложена едина Троица,
 „и Государь велѣлъ прибавитъ къ той же церкви Покровъ Богоматери
 „и придѣлы, и поставиши церковь древяну Св. Николы Вяпцково, и съ
 „него образа шайкой же написани въ новый храмъ Покрова, и свяща ю Ми-
 „шрополиитъ Юля въ 29; и чудотворнымъ образомъ пацѣленія многа бы-
 „ла. — М. Марша (1556) явилася звѣзда копейнымъ образомъ съ пеплаго
 „лѣшра межъ Полудни и Запада, и дико и шонцю жолдаше къ Востоку,
 „и не много постунаше къ Сѣверу весь Маршь. Тогоже лѣна Госпожи-
 „ла дни заговѣнья бысть знаменіе (во Псколѣ) того мѣста, гдѣ звѣзда
 „была на небеси, явися яко змій образомъ безъ главы сполно, сплани не
 „малече оны земля на небеси, и зривитъ людямъ, ино яко лоботъ хвоста
 „сбиратъ, и бысть яко бочка, и спиде изъ земли огнень, и бысть яко дымъ
 „но земли, и подя ю, а сполше съ часъ. Авг. 3 опшудитъ изъ Москвы
 „образъ Николы на Вянку, украситъ аланомъ и жемчюгомъ; и Царь и
 „Царица проводили до Пречистые до Ивъ, и тушь обѣданю слушали; а
 „К. Юрь Васильевъ продолжалъ образъ до Респюкина, и опшуденъ образъ
 „два Устюгъ. Васильгородъ переспамени на гору. Поставленъ верхъ у
 „Троицы Сергія. Септ. 1 выѣхалъ Царь съ Царицею и съ сыномъ, и брашь
 „его К. Юрь Вас. ко Троицѣ, и опшуду въ Переславль къ Никитѣ Чу-
 „дотворцу, и повелѣ Игумену общину содѣлаши, и велѣи монастырь со-

градъше, и прѣехали къ Москвѣ 29. Пришелъ отъ Патриарха Діонісія изъ Царяграда Митрополитъ Іоасафъ Кизишской, а привезъ къ Государю молвици Георгія Мученика, да Пантелеѣмона, да Варнавы Агоспода, и Патриархъ былъ тѣлесъ для души с милостыней, и уложилъ соборѣ моливши Бога о Царѣ, и Ноябра священа церковь Ивана Лѣспвичника, да придалъ Евдокію у Чюда Михаила Арханг. на заднихъ воровѣхъ спроенья Царского; а была шумъ самъ Царь и Царица. 1 Дек. поставленъ городъ въ Галичъ Изъ Выродковичъ. — Ошпущенъ (въ Генв. 1557) Митропол. Греческой, а съ шимъ Государь послалъ къ Патриарху собoley на 2000 золотныхъ; а въ Хиландарь монастырь многую милостыню, да кашонешазму шину, на ней образъ І. Х. и Богоматери, шакже утварь съ женчюгомъ и шкошны; и пѣлъ тогда Государь железенъ въ Пречистой. и Митрополитъ Греческой облачался по-Гречески и Священники Сербскіе; и Митропол. Макарій обшдно служилъ съ Руск. Соборы; и къ Митрополитишу послалъ Царь съ грамотою Ивашка Волохова, а въ Св. Гору бывшего Архиманд. Елфимѣза монастыря, Феодорина. Почаша писцы (см. Архив. *Летош. Дѣл.*) писании городъ Псковъ и пригороды, и земли шѣриши, и обшрови велики на обшочныя воды и пожни и на мельницы наложища. Бысть гладъ по всей землѣ, а больше въ Заволожѣ: во время жатвы дожди были велики, а за Волгою морозъ клѣбъ побилъ, и люди помроша; а зима штуденъ, и шѣги паче шѣры. Окш. 28 Игуменъ Спасской Марколъ Хушынскаго монастыря, оставя Игуменство, жилъ въ Анпоновѣ монастырѣ, да совершилъ житіе Никитѣ, Епископу Новгородскому, и Капунъ, да похвалъ къ Москвѣ. — Пришли за милостынею (въ 1558 г.) отъ Патриарха Іоакима изъ Александрии шварцы съ грамотою, а писалъ Патриархъ похвалая Государя: „ . . . Слѣдуешъ многошчиво письмо и ошвѣтъ Царя. „Апр. въ 30 обрѣшоша мощи Епископа Св. Никиты цѣлы . . . и послаша къ Москвѣ. — Юня въ 24 похвалъ къ Москвѣ (изъ Новгорода) Архидіаконъ Генадѣй, а ѣхали ему ко Царюграду и во Іерусалимъ, и во Св. Гору и во Египетъ по монастыремъ съ милостынею Царскою, и обшчаша во странахъ шѣхъ писати ему. Юля 26 Архим. Юрьевской повезъ въ Москву шапку Іоанна Златоустаго Лисья монастыря, да ризы Никиты Чудотворца, Еписк. Новог. Въ Февр. (1559) родился сынъ у К. Юрья Васильев. Московского, Углицкого и Колужского, К. Василей Юрьев; а крещении былъ Государь и К. Влад. Андреевичъ. Въ Сент. пошолъ Государь въ монастырь къ Троицѣ и по селомъ. Окш. 1 священъ предѣлы въ новомъ городѣ у Фролов. воротъ, что спавлены о Казан. вѣлшии и Астраханскош, Живои. Троица, да Входъ во Іерусалимъ, да Никола Великошрѣцкой, Кипрелъ и Успина, Варламъ Хушынскій, Александръ Свирскій, Григорей Еписк. Арменскій, — Александръ, Иванъ и Павелъ, новые Патриархи Цареградскіе, а были шумъ Царь, Царица и Царевичи . . . а большая церковь средняя, Покровъ, тогда не совершена. Ходилъ (въ Окш.) Государь въ Можаскъ къ Николѣ молнитися и со Царицею и со Царевичи, и въ иные монастыри и въ села *прохладитися*. — Фев. 20 (1560) шрещивался К. Василей Юрьевичъ, Князь Юрьевъ сынъ Васильевича,

„году безъ дву недѣль, и о семь Государю скорбь бысть на мала. Тое же
„ночи родилася К. Володимеру Андреев. дщерь Евдокія снъ его Кнѣз.
„Евдокія, и Царь, а съ нимъ сынъ его, Царевичъ Иванъ, да Царь
„Александръ Казанской и многіе Болре на завирее того у К. Володими-
„ра Андр. на его радость были и овоца кушали.“

КОНЕЦЪ ПРИМЕЧАНИЙ VIII Тома.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ ВЪ VIII ТОМѢ.

<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>	<i>Стран.</i>	<i>Стр.</i>
Кальгою	Калгою	20	31
ему	ему (Исламу)	26	32
шревожишь	шревожишь	27	5
опасной	опасной	37	16
госпо спво	господство	45	4
проспешвиёмъ	происпешвиёмъ	67	22
Шихъ - Алей	Шигъ - Алей	130	14
виновниковъ	виновниковъ	153	12
Казанцевъ	Казанцевъ,	188	2
небо	Небо	189	18
бооо	1500	225	16
пеьедовый	передовый	241	19
несоглашался	не соглашался	247	3
но	, но	8
Оспавъ	Оспавъ	23
удариль	, удариль	251	11
Лишву	Лишву	257	2
лич о	лично	274	21
маяшности	маешности	285	11
Ливоніи	Ливонію	289	5
ко Тарваспу	къ Тарваспу	304	4
въпрѣ;	въпрѣ,	307	21
Оглавленія	Оглавленіе	313	30
Примѣчаніе	Примѣчанія	31
предѣлы	придѣлы	322	39
анры	раны	362	46
до да	364	34
tvery lble	very little	376	2
theiz	their	11
росхищены	рѣсхищены	22
жохпями	когпями	24
Плещеень	Плещеевъ	392	38
Сшенанъ	Сшенанъ	395	42

РОДОСЛОВНЫЯ

ВЛАДѢТЕЛЬНЫХЪ КНЯЗЕЙ
РОССІЙСКИХЪ.

Здѣсь представлены не все, но только важнѣйшія имена, для удобнаго обозрѣнія Княжескихъ поколѣній. Оспавляю другому сочинителю полныя росписи, коихъ матеріалы находятся въ сей Исторіи, или въ ея примѣчаніяхъ. Означаю или годъ смерти Князей (+), или мѣсть, въ которомъ объ нихъ упоминается. — *Первая* роспись идетъ отъ XI вѣка до конца XII, также и *вторая*; *третья* отъ XI до половины XIII; *четвертая* отъ XII до XIII; *пятая* отъ XII до XV; *шестая* отъ XII до XIV; *седьмая* отъ XI до XIII; *осьмая* отъ XI до XV; *девятая* отъ половины XII до XVII вѣка.

РОСПИСЬ I.

ЯРОСЛАВЪ ВЕЛИКІЙ!

Нлья.	Владиміръ.	Изяславъ.	Святославъ.	Всеволодъ	Вячеславъ	Игорь	Елисавета	Анна	Анастасія
№ 1020.	№ 1052.	См. No II.	См. No III.	(женашъ на Греческой Царевнѣ). См. No IV.	(женашъ на Ольгѣ, Графинѣ Шпадской).	(женашъ на Куни- гундѣ, Гра- финѣ Ор- ламинд- ской).	(за Гараль- домъ, Коро- лемъ Нор- вежскимъ).	(за Генри- комъ I, Коро- лемъ Венгерскимъ (Француз- скимъ)).	(за Анри- комъ I, Коро- лемъ Венгерскимъ (Француз- скимъ)).
Роспиславъ.									
№ 1065.									

Гюркъ.	Володаръ.	Василько.
№ 1094.		

Борисъ.	N. N.	Давидъ.
№ 1079.		

Роспиславъ.	Владимірко.	Дочь за	Ивань.	Григорій.
1126.	№ 1153.	сыномъ		
		Импера-		
		триора		

Мстиславъ.	Всеволодко
1099.	(зашъ Монола- ховъ).
	1127.

Юаннь	Ярославъ.	Грече-
Владникъ.	№ 1188.	скаго,
1144.		Алексіа.

Борисъ.	Мстиславъ.	Гльбъ.
1151.	1167.	1167.

Роспиславъ.	Владиміръ	Олегиъ,	Дочь за Ко-
	(женашъ на	сынъ на-	ролемъ Вен-
	Болеславеъ,	ложниц-	герскимъ,
	дочери Свѣ-	цы.	Стефаномъ
	тослава Все-		III. 1167.
	володовича		
	Черниговска-		
	го).		
	1193.		

Сынъ, же-
нашъ на Ос-
ларѣ, дочери
Романа Га-
лицкаго.

Р о с п и с ь II.

ИЗЯСЛАВЪ, СЫНЪ ЯРОСЛАВА ВЕЛИКАГО.

Мстиславъ.

Святополкъ-Михаилъ.

Евпраксія
(за сыномъ Болеслава II).

Ярополкъ.

Роспиславъ.
1093.

Мстиславъ
(опъ налож-
ницы).
1099.

Брячиславъ.
* 1127.

Ярославъ,
или
Ярославецъ.
* 1125.

Изяславъ.
* 1127.

Сбыслава
(за Болесла-
вомъ Криво-
ушымъ, Ко-
ролемъ Поль-
скимъ).
1102.

Передслава
(за сыномъ
Коломана,
Короля Вен-
герскаго).
1104.

Ярославъ.
* 1102.

Вячеславъ.
* 1105.

Ю р і й
(женапъ на
дочери Все-
володка,
внукъ Мв-
номаховой).
1144.

Вячеславъ.
1127.

Ярополкъ.
1190.

Иванъ.
1166.

Святополкъ.
на
1168.

Глѣбъ.
1185.

Ярославъ.
1185.

Мальфрида
(за Всеволо-
домъ, сыномъ
Ярослава
Изяславича,
внука Мсти-
слава Велика-
го).

Анна,
супруга
Рюрикава.

Р о с п и с ь ы.

С В Я Т О С Л А В Ъ, С Ы Н Ъ Я Р О С Л А В А В Е Л И К А Г О.

Глѣбъ. † 1078.		Давидъ.		Ярославъ. См. No. VIII.		Олегъ-Михаилъ.		Борисъ.		Романъ.			
Изяславъ. † 1161. Дочь (за Глѣбомъ Георгіевичемъ, внукомъ Мономаха). 1154.	Святоша. 1099-1106. Дочь (за Всеволодомъ Мстиславичемъ, внукомъ Мономаха).	Владиміръ (ж. на дочери Всеволодка, внука Мономаховой). † 1151. Святославъ (зять Боголюбскаго). † 1166.	Росниславъ. † 1120.	Святославъ (ж. на дочери Василька Полоцкаго). † 1194.	Росниславъ 1147. Росниславъ (ж. на Всеславѣ, дочери Всеволода Великаго). 1187.	Ярославъ. † 1200. Ярополкъ. 1197-1214.	Всеволодъ. † 1146. Святошмакъ. † 1162.	Дочь (за Владиславомъ Герцогомъ Польскимъ). 1142.	Звениславъ (за Болеславомъ, брапомъ Владислава, Герцога Польскаго). 1142.	Изяславъ † 1154. Спи-славъ. 1142.	Романъ. † 1166. Олегъ (зять Ростислава Мстиславича Смоленскаго (жен. на Агапіи). † 204. Святославъ-Борисъ. 1185.	Игорь. † 1147. Всеволодъ. † 1196. Игорь-Георгій. † 1202. Владиміръ. † 1201. Владиміръ (зять Хана Кончака). † 1212. Изяславъ. лодь. 1228.	Владиміръ. † 1201. Олегъ-Павель. 1176. Олегъ-Курскій. 1228.
Глѣбъ 1185-1205 Евфимія Мстиславъ (за Царевичемъ Греческимъ Алексіемъ, сыномъ Исакія). 1194.	Владиміръ (зять Михаила Суздальскаго). 1176-1182. Дочь (за Кирь-Михиломъ Рязанскимъ).	Олегъ 1176-1210. Давидъ. 1190. Борисъ. 1166.	Всеволодъ Чермный (ж. на Маріи, дочери Казимира, К. Польскаго). † 1215.	Дочь (за Романомъ Глѣбичемъ Рязанскимъ).	Св. Михаилъ Черниговскій. † 1246.	Юрій Торускій.	Марія (за Василькомъ Росповскимъ).						
Росниславъ (зять Бѣлы, Короля Венгерскаго).	Григорій Брянскій.	Мстиславъ Карачевскій.	Симеонъ Глуховскій.	Юрій Торускій.	Марія (за Василькомъ Росповскимъ).	Всеволодъ. Андрей. 1261.	Константинъ.						
Бѣда.	Михаилъ. Агриппина (за Лешкомъ Чернымъ, Герцогомъ Польскимъ).												

Р о с п и с ь IV.

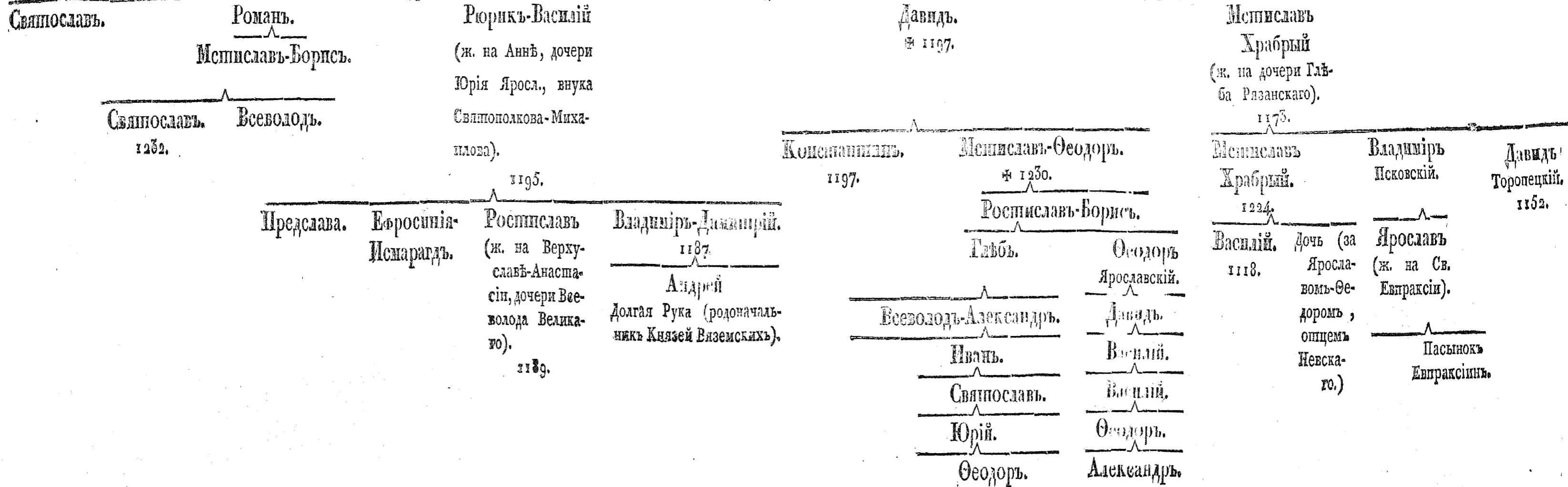
В С Е В О Л О Д Ъ, С Ы Н Ъ Я Р О С Л А В А В Е Л И К А Г О.

Янка. † 1113.	Евпраксія (за Императоромъ Генрикомъ IV?). † 1109.	Елисавета. † 1108.	Владиміръ Мономахъ. (Первая его супруга Гита, дочь Англ. Короля Гаральда.) † 1125.	Роспиславъ.							
Мстиславъ Великій. (Первая его супруга Христина, дочь Шведск. Короля Инга Стенкильсона.) † 1132.	Изяславъ. † 1096.	Романъ (ж. на дочери Всеоударя). † 1111.	Ярополкъ. † 1139.	Вячеславъ. † 1154. Михалко. † 1129.	Свѣнославъ. † 1114.	Андрей. † 1141. Владиміръ. 1166.	Ярополкъ. 1157.	Георгій Долгорукій. † 1157. См. № IX.	Евфимія (за Венгерскимъ К. Коломаномъ). Борисъ (ж. на родственницѣ Мануила, Императ. Греческ.). 1139. Коломанъ. (Правитель Киликіи). 1139.	Дочь (за Всеволодомъ Давидовичемъ, внукомъ Игоря, правнукомъ Ярослава Великаго).	Марія (за Леономъ Греческ. Царевичемъ). Василько. 1136.
Всеволодъ-Гаврилъ (ж. на дочери Святоши). † 1138.	Изяславъ. † 1154.	Роспиславъ. † 1168. См. № V.	Святополкъ (ж. на Княжнѣ Моравской). 1144.	Владиміръ. † 1173. Ярославъ (свонокъ Всеволода Великаго). 1181.	Дочь (за Норвежск. Королемъ Сигурдомъ, а послѣ за Дашскимъ, Эрикомъ).	Дочь (за Брячиславомъ Борисовичемъ, внукомъ Всеслава Молоцкаго).	Дочь (за Канушомъ Св., Королемъ Ободритскимъ).	Дочь (за Ярославомъ, сыномъ Святополка II Михаила).	Евфросинія (за Королемъ Венгерскимъ Гейзою). 1149.	Дочь (за Греческимъ Царевичемъ Алексіемъ, сыномъ Императора Иоанна).	Дочь (за Всеволодомъ Оговичемъ). 1140.
Иоаннъ. † 1128.	Владиміръ. 1136.	Верхуслава (за Княземъ Польскимъ).	Мстиславъ. См. № VI.	Ярославъ. † 1190.	Изяславъ-Михаилъ. 1190.	Роспиславъ. † 1198.	Ярополкъ (ж. на дочери Святослава Ольговича). Василько. 1144.	Дочь (за Рогволодомъ Борисовичемъ Полоцкимъ). 1144.			
	Мстиславъ Нѣмый. 1184.	Иванъ. 1227.	Всеволодъ (ж. на Мальфридѣ, дочери Юрія Ярославича Туровскаго).	Изяславъ. † 1196.	Ярославъ. 1229.	Владиміръ. † 1224.					

Р о с п и с ь в.

Р О Д Ъ К Н Я З Е Й С М О Л Е Н С К И Х Ъ.

РОСТИСЛАВЪ-МИХАИЛЬ МСТИСЛАВИЧЪ, ВНУКЪ МОНОМАХОВЪ.

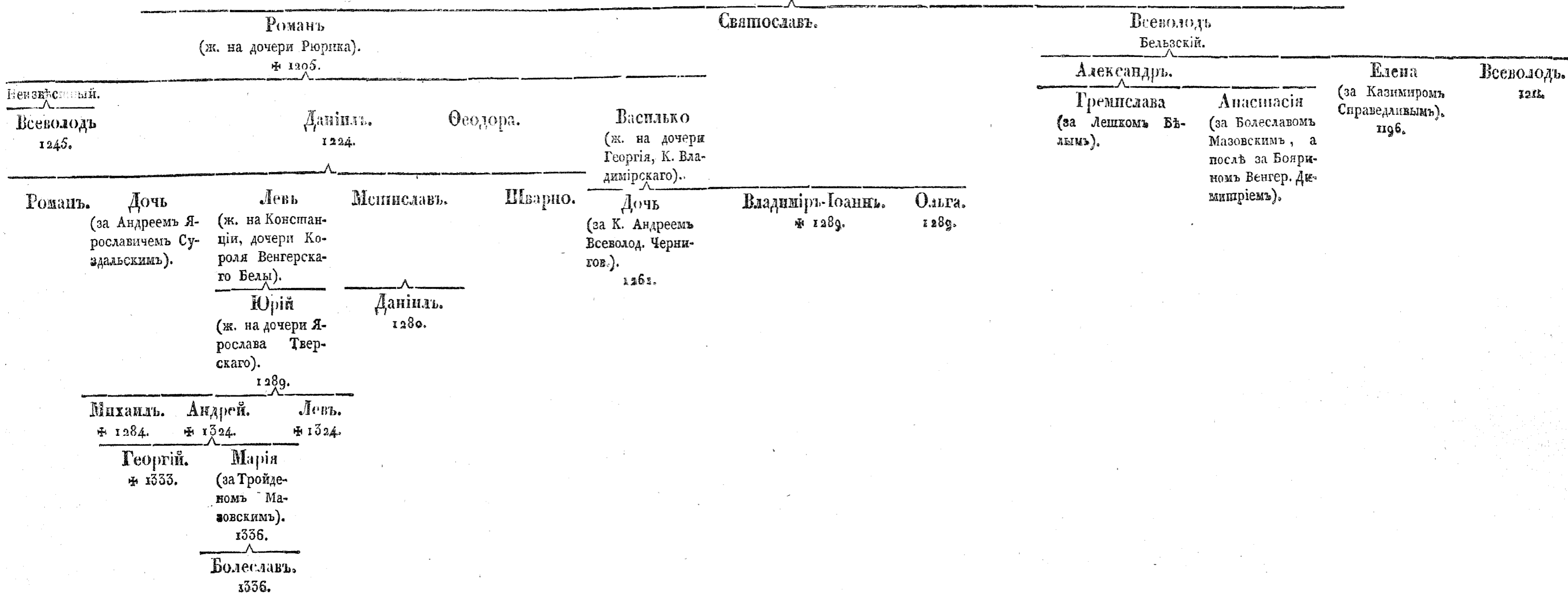

Р О С П И С Ъ VI.

Р О Д Ъ К Н Я З Е Й Г А Л И Ц К И Х Ъ.

МСТИСЛАВЪ ИЗЯСЛАВИЧЪ, ВПУКЪ МОНОМАХОВЪ, ЗЯТЬ БОЛЕСЛАВА КРИВОУСТАГО, К. ПОЛЬСКАГО.

✠ 1170.

Р о с п и с ь VII

Р О Д ь К Н Я З Е Й П О Л О Ц К И Х ь.

ИЗЯСЛАВЪ СЫНЪ СВ. ВЛАДИМИРА ОТЪ РОГНЪДЫ.

Брячиславъ.

1021.

Всеславъ.

1067.

Рогволодь.

Романъ.

Борисъ.

Глѣбъ.

Давидъ.

Роспиславъ.

Свянославъ-Григорій.

Дочь

Василько. Иоаннь.

Брячиславъ
(зять Мсти-
слава Великаго).

Рогволодь
(зять Изя-
слава II).

Всеволодь.
1158.

Володарь.
1163.
Василько.

Роспиславъ.
Глѣбъ.
1158.

Вячеславъ. Давидъ. Евфросинія. Гордслава.

(за сыномъ
Императо-
ра Греческ.
Алексія).
1104.

1129.

1144.

Глѣбъ.
1181.

Всеславъ
(ж. на сест-
рѣ Мстисла-
ва Мстислав.
Храбраго).
1106.

Володша.
Николай. Андрей.
1181.
Изяславъ. Всеславъ.
1181. 1181.

Брячиславъ
Василько
(зять Давида
Смоленскаго).
1195.

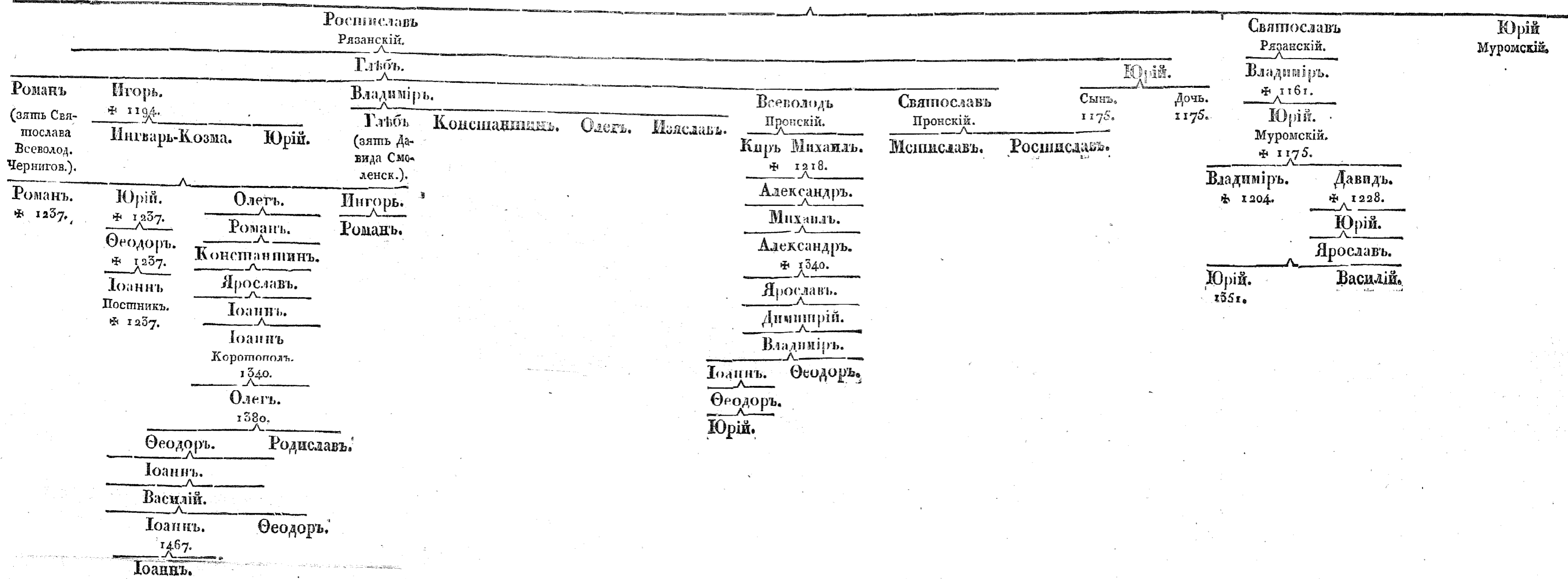
Дочь
(за сыномъ Все-
волода II Олѣ-
говича).
1144.

Дочь
(за Всеволо-
домъ Вели-
кимъ).
1209.

РОСПИСЬ VIII.

РОДЪ КНЯЗЕЙ РЯЗАНСКИХЪ, МУРОМСКИХЪ и ПРОНСКИХЪ.
ЯРОСЛАВЪ СВЯТОСЛАВИЧЪ, ВНУКЪ ЯРОСЛАВА ВЕЛИКАГО.

1127.

Р о с ш и с ь к ъ .

РОДЪ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ ВЛАДИМИРСКИХЪ И МОСКОВСКИХЪ.

ГЕОРГІЙ ДОЛГОРУКІЙ, СЫНЪ МОНОМАХОВЪ.

1157.

Роспиславъ.	Андрей Боголюбскій.	Іоаннь.	Борись.	Глѣбъ.	Мстиславъ.	Василько.	Ярославъ. # 1166.	Михаиль. Дочь.	Свяпославъ.	Всеволодъ Белій, прозвані- емъ Большое Глѣ- бо.
Ярополкъ. Свяпославъ.	Мстиславъ. Романъ.	Владиміръ.	Изяславъ. # 1165.	Мстиславъ. Василь. 1171.	Георгій (ж. на Тамари, Царицѣ Грузин- ской).					
Константинъ. (Отъ него Ростов- скіе Князья).	Борись.	Юрій.	Ярославъ- Феодоръ.	Глѣбъ. # 1189.	Владиміръ.	Свяпославъ. Димитрій.			Іоаннь. (Отъ него Стародубскіе Князья).	
Феодоръ.	Александръ Невскій.	Андрей. (Отъ него Суз- дальскіе Кня- зья).	Константинъ Галицкій.	Авдасій.	Даниль.	Михаиль.	Ярославъ. (Отъ него Твер- скіе Князья).	Василь Костромскій.		
Василь. Димитрій.	Андрей.	Даниль. Московскій.								
Юрій.	Александръ.	Борись.	Іоаннь I Калика.	Авдасій.						
Симеонъ Гордый.	Іоаннь II.	Андрей. Владиміръ Храбрый.								
Даниль.	Василь.	Юрій.	Андрей.	Петръ.	Іоаннь.	Константинъ.				
Іоаннь.	Василь Темный.	Анна (за Греческ. Царе- вичемъ Іоанномъ, сыномъ Мануила). 1414.								
Юрій.	Іоаннь III Белій.	Юрій.	Андрей.	Борись.	Андрей.					
Іоаннь.	Василь.	Юрій.	Димитрій.	Симеонъ.	Андрей.					
Димитрій.	Іоаннь IV Грозный.	Юрій.								
Димитрій.	Іоаннь.	Феодоръ Царь.	Св. Димитрій.							